



НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**ВОПРОСЫ
ЖУРНАЛИСТИКИ,
ПЕДАГОГИКИ,
ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

SCIENTIFIC JOURNAL

**ISSUES
IN JOURNALISM,
EDUCATION,
LINGUISTICS**

16+

2022. Том 41, № 3

ВОПРОСЫ ЖУРНАЛИСТИКИ, ПЕДАГОГИКИ, ЯЗЫКОЗНАНИЯ

2022. Том 41, № 3

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки».

Основан в 1995 г. Журнал включен в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (10.01.00 – литературоведение, 10.02.00 – языкознание, 13.00.00 – педагогические науки). Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ).

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ», Издательский дом «БелГУ». Адрес редакции, издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Прохорова О.Н., доктор филологических наук, профессор, директор института межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Ведущий редактор

Ерошенкова Е.И., кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Заместители главного редактора:

Короченко А.П., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики института общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Ирхин В.Н., доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и методики физической культуры педагогического института НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Багана Ж., доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации института межкультурной коммуникации и международных

Ответственный секретарь

Тарасова С.И., кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Члены редколлегии:

Александрова О.В., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, (г. Москва, Россия)

Асташова Н.А., профессор, доктор педагогических наук, заведующий кафедрой художественного воспитания Брянского государственного университета им. И.Г. Петровского (г. Брянск, Россия) отношений НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Белозерцев Е.П., доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры общей и социальной педагогики Воронежского государственного педагогического университета (г. Воронеж, Россия)

Дускаева Л.Р., профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой медиалингвистики Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, руководитель комиссии медиалингвистики при Международном комитете славистики (г. Санкт-Петербург, Россия)

Ермаков С.С., доктор педагогических наук, профессор кафедры физического воспитания Харьковской государственной академии дизайна и искусств (г. Харьков, Украина)

Жиро К., доктор философии, профессор Барселонского Автономного университета, директор Департамента средств массовой информации, коммуникации и культуры (г. Барселона, Испания)

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ», (г. Белгород, Россия)

Людвиг Х., доктор философии, профессор института педагогики Вестфальского университета им. Вильгельма (г. Мюнстер, Германия)

Нагорный И.А., доктор филологических наук, профессор института иностранных языков Цзилиньского университета, профессор (г. Чанчунь, Китай)

Перси У., доктор филологии, профессор Университета Бергамо (г. Бергамо, Италия)

Подымова Л.С., профессор, доктор педагогических наук, заведующий кафедрой психологии образования Московского педагогического государственного университета (г. Москва, Россия)

Полонский А.В., профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой журналистики НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Порхомовский В.Я., профессор, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, (г. Москва, Россия)

Пстыга А., профессор, доктор филологии, заведующий кафедрой русского языка и переводоведения Гданьского университета (г. Гданьск, Польша)

Риё Ж., доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка и литературы Университета София Антиполис, (г. Ницца, Франция)

Стоянова Е.В., профессор, доктор филологии, заведующий кафедрой русского языка Шуменского университета им. Епископа Константина Преславского, (г. Шумен, Болгария)

ISSN 2712-7451

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-77958 от 19.02.2020.

Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Ю.В. Ивахненко. Редактура, компьютерная верстка и оригинал-макет О.Г. Томсюк. Гарнитуры Times New Roman, Arial, Itrast. Уч.-изд. л. 21,2. Дата выхода 30.09.2022. Оригинал-макет подготовлен отделом объединенной редакции научных журналов НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

- 419 **Аргылов Н.А., Попиль В.А.**
Национальные рейтинги как индикаторы конкурентоспособности сетевых коммуникационных агентств
Дальневосточного федерального округа
- 432 **Гаврилов В.В.**
Виды контроля в формировании целостной медиаличности студента-журналиста в российских вузах
- 443 **Киричѐк П.Н.**
Социальные риски либеральной модели информационного рынка в России
- 454 **Латышева Ж.В.**
Социально-институциональные детерминанты журналистики
- 463 **Онуприенко К.А.**
Семиотические аспекты новых медиаформатов

ПЕДАГОГИКА

- 473 **Данилова Л.Н.**
Педагогическое образование в Сингапуре: компетентностно-ценностный подход
- 485 **Данько Ю.В.**
Организация педагогической команды «Школа под ключ» в форме продуктовой магистратуры непрерывного педагогического образования
- 496 **Ирхина И.В., Кравец А.О.**
Анализ современных моделей дополнительного профессионального образования научно-педагогических кадров в университетах
- 509 **Провоторова Н.В.**
Модель формирования профессиональной готовности будущих специалистов сферы государственного и муниципального управления к инновационной деятельности
- 521 **Скляр М.С.**
Обеспечение контекстного характера обучения как организационно-педагогическое условие формирования профессиональной культуры специалистов в области спорта
- 532 **Шаховалова Е.Г., Шаховалов Н.Н., Кутькина О.П.**
Цифровая грамотность преподавателей вузов творческой направленности: проблемы, перспективы

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- 543 **Гладко М.А.**
Модели взаимодействия автора и адресата в коммуникативном пространстве развлекательного телевидения
- 554 **Казютина Е.С., Озерова Е.Г., Покручина М.Ю.**
Этнокультурные константы в художественных текстах Б.Л. Васильева и В.Н. Крупина
- 562 **Ковальцова Е.В., Майданский М.А.**
Влияние апартеида на англоязычный дискурс в Южной Африке
- 569 **Коренецкая И.Н.**
Метафорические модели концептуальной диады «свой – чужой» в разных типах дискурса (на материале английского языка)
- 578 **Позднякова Е.Ю.**
Исконная и заимствованная лексика в наименованиях коммерческих объектов городского пространства
- 590 **Польщикова О.Н.**
Становление и формирование терминологии компьютерной лингвистики
- 608 **Ромашина О.Ю., Трендевска С.**
Дифференциальные характеристики и семантические признаки англоязычных заимствованных терминов из области косметологии в русском и македонском языках

ISSUES IN JOURNALISM, EDUCATION, LINGUISTICS 2022. Volume 41, No. 3

Until 2020, the journal was published with the name "Belgorod State University Scientific bulletin. Humanities series".

Founded in 1995

The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (10.01.00 – literary criticism, 10.02.00 – linguistics, 13.00.00 – pedagogical sciences). The journal is introduced in Russian Science Citation Index (РИНЦ).

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University».

Publisher: Belgorod National Research University «BelSU» Publishing House.

Address of editorial office, publisher: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Chief Editor

Prokhorova, O.N., Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Intercultural Communication and International Relations (Belgorod, Russia)

Commissioning editor

Eroshenkova, E.I., Associated Professor of the Department of Pedagogy, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Deputies of chief editor:

Prohorova, O.N., Director of Institute of Intercultural Communication and International Relations, Doctor of Philological Sciences, Professor, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Korochensky, A.P., Doctor of Philological Sciences, Professor, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Irkhin, V.N., Professor of Department of Pedagogy, Doctor of Pedagogical Sciences, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Baghana, J., Professor of the Department of Romance and Germanic Philology and Intercultural Communication of the Institute of Intercultural Communication and International Relations, Doctor of Philology, Professor of National University "BelSU" (Belgorod, Russia)

Executive secretary

Tarasova, S.I., Associated Professor of the Department of Pedagogy, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Members of Editorial Board:

Aleksandrova, O.V., Head of the Department of English linguistics of the philological faculty of Lomonosov Moscow state University, doctor of philological Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Astashova, N.A., Head of the Department of Art Education of the Bryansk State University named after I.G. Petrovsky, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Bryansk, Russia)

Belozertsev, E.P., Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of General and Social Pedagogy, Voronezh State Pedagogical University, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Voronezh, Russia)

Duskaeva, L.R., Professor, doctor of Philology, head of the Department of media linguistics of the Higher school of journalism and mass communications of Saint Petersburg state University (Saint Petersburg, Russia), head of the Commission of media linguistics under the International Committee of Slavistics

Ermakov, S.S., Professor of the Department of Physical Education of Kharkov State Academy of Design and Arts, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Kharkov, Ukraine)

Giro, X., Ph. D., Professor of the Barcelona Autonomous University, Director of the Department of Media, Communication and Culture (Barcelona, Spain)

Isaev, I.F., Head of Department of Pedagogics Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Ludwig, H., professor of The University of Münster, doctor of philosophy (Muenster, Germany)

Nagorny, I.A., professor of the Institute of Foreign Languages of Jilin University, Doctor of Philology, Professor (Changchun, China)

Persi U., Doctor of Philology, Professor University of Bergamo (Bergamo, Italy)

Podymova, L.S., Head of the Department of Psychology of Education, Moscow State Pedagogical University, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Polonskiy, A.V., Head of the Department of Journalism of Belgorod National Research University, Doctor of Philology, Professor (Belgorod, Russia)

Porkhomovsky, V.Y., Chief Researcher of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russia)

Pstyga, A., Professor, doctor of Philology, head of the Department of Russian language and translation studies at the University of Gdansk (Gdansk, Poland)

Rieu, J., Professor of the Department of French Language and Literature, University of Sofia Antipolis, Professor, Doctor of Philology (Nice, France)

Stoyanova, E.V., Head of the Department of Russian Language of Shumen University, named after bishop Konstantin Preslavsky, Doctor of Philology, Professor (Shumen, Bulgaria)

ISSN 2712-7451

The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage. Certificate of registration of mass media ЭЛ № ФС 77-77958 от 19.02.2020. Publication frequency: 4 /year

Commissioning Editor YU.V. Ivakhnenko. Editing, computer imposition O.G. Tomusyak. Page layout by P.V. Goleusov. Typefaces Times New Roman, Arial, Impact. Publisher's signature 21,2. Date of publishing 30.09.2022. The layout was pre-pared by the Department of the joint editorial Board of scientific journals of NRU "BelSU". Address: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

CONTENTS

JOURNALISM AND PUBLIC RELATIONS

- 419 **Argylov N.A., Popil V.A.**
National Ratings as Indicators of Network Communication Agencies Competitiveness in Russian Far East
- 432 **Gavrilov V.V.**
Types of Control in the Formation of a Holistic Media Personality of a Student-Journalist in Russian Universities
- 443 **Kirichyok P.N.**
Social Risks of the Liberal Model of the Information Market in Russia
- 454 **Latysheva J.V.**
Socio-institutional Determinants of Journalism
- 463 **Onuprienko K.A.**
Semiotic Aspects of New Media Formats

PEDAGOGICS

- 473 **Daniilova L.N.**
Teacher Training in Singapore: Competence and Value-Based Approach
- 485 **Danko Yu.V.**
Organization of the Pedagogical Team "School on a Turnkey Basis" in the form of a Product Master's Program of Continuous Pedagogical Education
- 496 **Irkhina I.V., Kravets A.O.**
Analysis of Modern Models of Additional Professional Education of Scientific and Pedagogical Personnel at Universities
- 509 **Provotorova N.V.**
The Model of Formation of Professional Readiness of Future Specialists of the Sphere of State and Municipal Administration for Innovation Activity
- 521 **Sklyar M.S.**
Contextual Nature of Education as an Organizational and Pedagogical Condition for Professional Culture Formation of Specialists in the Field of Sports
- 532 **Shakhovalova E.G., Shakhovalov N.N., Kutkina O.P.**
Digital Literacy of University Teachers of Creative Orientation: Problems, Prospects

LINGUISTICS

- 543 **Gladko M.A.**
Interaction Models of Author and Addressee in Entertainment TV Discourse
- 554 **Kazyutina E.S., Ozerova E.G., Pokruchina M.Yu.**
Ethnocultural Constants in Literary Texts B.L. Vasiliev and V.N. Krupin
- 562 **Kovaltsova E.V., Maidansky M.A.**
The Impact of Apartheid on English Discourse in South Africa
- 569 **Korenetskaya I.N.**
Metaphorical Models of the Conceptual Opposition "Us – They" in Different Types of Discourse (By the Material of the English Language)
- 578 **Pozdnyakova E.U.**
Native and Borrowed Vocabulary in the Proper Names of Commercial Objects of the City Space
- 590 **Polshchykova O.N.**
Formation of Computational Linguistics Terminology
- 608 **Romashina O.Y., Trendevska S.**
Differential Characteristics and Semantic Features of English Borrowed Terms from the Field of Cosmetology in Russian and Macedonian Language



ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ JOURNALISM AND PUBLIC RELATIONS

УДК 659

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-3-419-431

Национальные рейтинги как индикаторы конкурентоспособности сетевых коммуникационных агентств Дальневосточного федерального округа

Аргылов Н.А., Попиль В.А.

Дальневосточный федеральный университет,
Россия, 690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10
E-mail: nik-argylov@yandex.ru

Аннотация. В последние 15 лет в мире рейтинги стали информационными посредниками во всех сферах общества. Современные исследования рейтингаов посвящены территориям, банкам, университетам и т. д., в то время как изучению рейтингов коммуникационных агентств уделяется недостаточно внимания. Авторами сформулирована гипотеза: у коммуникационных компаний, осуществляющих свою деятельность на Дальнем Востоке РФ и имеющих филиалы в разных городах ДФО или за его пределами, существует больше возможностей занять высокие позиции в национальных рейтингах, чем у моно-агентств с представительством в одном городе. Для проверки гипотезы проведен анализ коммуникационных агентств, осуществляющих свою деятельность на территории Дальневосточного федерального округа России. Гипотеза отчасти подтвердилась: сетевое агентство, занимающее первые места по доходам, информационной открытости и принимающее активное участие в тендерах и госзакупках, по данным СПАРК-Интерфакс, получило самые высокие среди дальневосточных коммуникационных организаций баллы в сводном рейтинге РРАР-2021. Также выявлены агентства, имеющие возможность занять верхние позиции в рейтингах. Представленные методы и инструменты могут быть применены в процессе анализа и оценки коммуникационных агентств любого региона Российской Федерации или за пределами России.

Ключевые слова: коммуникационное агентство, национальные рейтинги, конкурентоспособность, Дальневосточный федеральный округ

Благодарности: статья подготовлена в рамках гранта Президента РФ МК-5795.2021.2

Для цитирования: Аргылов Н.А., Попиль В.А. 2022. Национальные рейтинги как индикаторы конкурентоспособности сетевых коммуникационных агентств Дальневосточного федерального округа. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41(3): 419–431. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-3-419-431

National Ratings as Indicators of Network Communication Agencies Competitiveness in Russian Far East

Nikita A. Argylov, Vasilina A. Popil

Far Eastern Federal University
10 Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok 690922, Russia
E-mail: nik-argylov@yandex.ru

Abstract. In the world and in Russia ratings have become information intermediaries in all spheres of society in the last fifteen years. Modern Russian and foreign studies are devoted to the ratings of



territories, banks, universities, etc., while attention, which is paid to the study of the ratings of communication agencies, is not enough. The authors formulated the research hypothesis: communication companies, operating in the Far East of Russian Federation and having branches in different cities of the Far Eastern Federal District or beyond, have more opportunities to take high positions in national ratings than "mono-agencies" with a representative office in one city. To test the hypothesis, an analysis of communication agencies operating in the Far Eastern Federal District of Russia was carried out: their organizational structure and the presence of branches in different cities were considered, on the basis of which the author's classification was proposed, and their position in the current Russian ratings was analyzed, followed by comparison with the data SPARK-Interfax systems. The formulated hypothesis was partly confirmed: the network agency, which occupies the first places in terms of income, information openness and takes an active part in tenders and public procurement, according to SPARK-Interfax, received the highest scores among the Far Eastern communication organizations in the PPAP-2021 consolidated rating, also identified agencies that have the opportunity to take top positions in the ratings. The presented methods and tools can be applied in the process of analysis and evaluation of communication agencies in any region of the Russian Federation or outside of Russia.

Keywords: communication agency, national rankings, competitiveness, Russian Far East

Acknowledgments: the article was prepared within the framework of the President of the Russian Federation grant MK-5795.2021.2

For citation: Argylov N.A., Popil V.A. 2022. National Ratings as Indicators of Network Communication Agencies Competitiveness in Russian Far East. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 41(3): 419–431 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-3-419-431

Введение

По данным рейтингов различных образовательных, коммерческих и некоммерческих организаций, а также средств массовой информации, осуществляющих свою деятельность на территории Российской Федерации, одними из наиболее востребованных в нашей стране в последние 10 лет являются профессии коммуникационной сферы. Возрастающая конкуренция среди организаций, предлагающих товары и предоставляющих услуги населению, приводит к повышению внимания к специалистам по информационному продвижению: маркетологам, менеджерам по продажам, PR-менеджерам, SMM-специалистам, специалистам по внутренним коммуникациям и т.д. В свою очередь с каждым годом расширяющийся рынок рекламных и PR-услуг ставит потенциального заказчика перед выбором: продолжить сотрудничество с уже проверенным агентством, если данная компания – не первая для заказчика; довериться номинальному лидеру рынка; постараться сэкономить, заказав продвижение недостаточно опытному агентству, или принять во внимание другие показатели.

Успех любой современной компании основан на коммерческой стратегии и управлении, ориентированном на клиента, его потребности и ожидания [Dakkak, Irhirane, 2022]. Практики сферы рекламы и связей с общественностью предлагают следующие основные критерии выбора коммуникационного агентства (в представленном списке критерии расположены в свободном порядке, а не в порядке уменьшения или увеличения значимости для клиента):

- 1) организационная структура агентства, в том числе тип взаимодействия сотрудников: оперативный, доверительный, изменчивый или стратегический (Ahola et al., 2021), и наличие филиалов в разных городах;
- 2) положение в рейтингах (внимание уделяется международным и национальным);
- 3) сертификаты и награды (потенциальный заказчик обращает внимание на рейтинг мероприятия);
- 4) кейсы агентства (проведенные ранее рекламные и PR-кампании, размещенные на сайтах в разделе «портфолио», желательно для организаций из той же отрасли);

- 5) отношение с площадками для размещения рекламы;
- 6) отзывы заказчиков о работе сотрудников агентства;
- 7) быстрый отклик на первый запрос потенциального заказчика и быстрое реагирование на вопросы и просьбы в ходе кампании;
- 8) уровень профессионализма команды, в том числе подготовленность к первой встрече с потенциальным заказчиком;
- 9) информация о владельце или директоре агентства, а также уровень его профессионализма и обаяния.

При этом зачастую при подсчете баллов для указания положения агентства в рейтинге (пункт 2) экспертным сообществом учитываются все или почти все остальные пункты.

Одним из критериев выбора коммуникационного (рекламного и/или PR) агентства потенциальным заказчиком является наличие филиалов такой организации. Представленность компании в разных точках планеты, в одной стране или по крайней мере в одном регионе демонстрирует клиенту управленческие навыки и амбициозность директора этой организации, а также ее конкурентоспособность и востребованность услуг на различных рынках, что дает заказчику некие гарантии успешной работы с компанией. Вместе с тем наличие сети офисов рекламной или PR-организации – не всегда основной критерий для выбора заказчиком рекламопроизводителя. Важным пунктом, который нередко называют директором компаний – клиентов коммуникационных агентств, является позиция, занимаемая таким агентством в рейтингах.

В последнее время в мире и в России в частности рейтинги стали информационными посредниками во всех сферах общества. Рейтинг влияет на выбор, является стимулятором и ограничителем в принятии управленческих решений, так как определяет меру риска и степень вероятности дефолта объекта [Казанцева, 2018]. Сейчас рейтинговую оценку могут получить страны [Ворона, 2018], регионы [Козырь, 2019; Сидоров и др., 2019], города [Аксенова и др., 2021], университеты [Тростянская, Полихина, 2018], банки [Чеклаукова, 2021] и любые другие коммерческие и некоммерческие организации. Ряд рейтингов существует и в рекламном бизнесе. Расчетом рейтингов СМИ и коммуникационных агентств занимаются специализированные исследовательские компании: D&AD, WARC, TNS (MediaScore), Эспар-аналитик, AC Nielsen, Gfk Russia, IposComcom, Ромир, АКАР и др. [Катернюк, 2019].

Теме рейтингов в рекламной сфере, в отличие от рейтингов стран, регионов, городов, университетов и банков, уделяется недостаточно внимания в научной среде: авторы исследований рассматривают ее преимущественно в целях формирования базы коммуникационных агентств для дальнейшего применения частнонаучных методов [Муронец, Серов, 2020] либо для описания конкретной компании [Ткаченко, Перкова, 2020]. В первую очередь тема рейтингов связана с бизнес-практиками: так, на сайте компании WARC миссия организации звучит как «помощь в планировании, создании и продвижении более эффективных маркетинговых решений». В то же время некоторые современные исследователи, как отечественные, так и зарубежные, ставят под сомнение объективность расчета оценок некоторыми рейтинговыми агентствами, «льстящими могущественным компаниям», «демонстрирующими стадное поведение и дающими схожие между собой рейтинги» [Basu, Sun, 2022].

Нами была сформулирована следующая гипотеза исследования: у коммуникационных компаний, осуществляющих свою деятельность на Дальнем Востоке РФ и имеющих филиалы в разных городах ДФО или за его пределами, существует больше возможностей занять высокие позиции в национальных рейтингах, чем у «моно-агентств» с представительством в одном городе.

Объекты и методы исследования

Объектами данного исследования являются коммуникационные агентства, реализующие свою деятельность на территории Дальневосточного федерального округа Российской Федерации, и национальные рейтинги: РРАР, АКАР, Adindex, Tagline, Wsjournal, Ruward, Медиалогия.

Основу исследования составил системный подход [Истон, 2000, Алмонд, 1992, Парсонс, 2002], с позиций которого мы рассматриваем взаимосвязь и взаимозависимость элементов (филиалов) сетевых коммуникационных агентств, ситуационный подход [Drucker, 1946, Vroom, 1973, Porter, 1968], который позволил нам проанализировать влияние конкретных обстоятельств на положение компаний в национальных рейтингах, и теория конкурентоспособности как свойство объекта, характеризующееся степенью реального или потенциального удовлетворения им конкретной потребности по сравнению с аналогичными объектами, представленными на данном рынке [Фатхутдинов, 2000].

В исследовании, исходя из перечисленных выше подходов и теорий, на которые мы опираемся, применялись следующие методы: анализ, индукция, классификация и сравнительный метод (метод сопоставления).

Классификация сетевых коммуникационных агентств Дальневосточного федерального округа РФ

Важным вопросом, с которым столкнулись авторы исследования, стало определение понятия «коммуникационное агентство» и его ключевых характеристик, поскольку как в научном сообществе, так и в профессиональной среде данный термин еще не получил устоявшейся дефиниции в России. Отчасти это связано со все еще формирующейся отечественной сферой медиаисследований и с разным позиционированием компаний на рынке. Тем не менее, основываясь на зарубежном опыте, согласно которому «коммуникационное агентство предлагает компаниям полный спектр услуг по рекламе, брендингу, маркетингу и связям с общественностью» [Communications Agency] российские эксперты-практики сходятся в том, что основными функциями коммуникационного агентства является предоставление комплекса услуг по рекламному и PR-продвижению, и занятие стратегическим планированием всех будущих коммуникаций заказчика [Сузьмина, 2020]. Вместе с тем рабочее определение, данное такому агентству М.А. Буряк, отчасти расходится с представлениями практиков: «Это любая организация, оказывающая определенные коммуникационные услуги (рекламное агентство, PR-агентство, брендинговое агентство, интернет-агентство и т.д.)» [Буряк, 2015], то есть речь идет не о комплексе, а хотя бы об одном направлении информационного продвижения. В данном исследовании мы принимаем точку зрения М.А. Буряк и рассматриваем понятие «коммуникационное агентство» достаточно широко.

В июле – августе 2021 года нами был составлен перечень рекламных и PR-организаций, осуществляющих свою деятельность в одиннадцати субъектах Дальневосточного федерального округа РФ – Амурской области, Еврейской автономной области, Забайкальском крае, Камчатском крае, Магаданской области, Приморском крае, Республике Бурятия, Республике Саха (Якутия), Сахалинской области, Хабаровском крае и Чукотском автономном округе. По данным справочника «2ГИС», в этих субъектах федерации услуги по информационному продвижению предлагают 982 компании. В список входят следующие категории коммуникационных субъектов: агентства полного цикла, специализированные компании, типографии, оказывающие рекламные услуги, а также индивидуальные предприниматели, чаще всего специализирующиеся на дизайне или онлайн-продвижении. Далее нами были выявлены сетевые агентства, под которыми мы понимаем компании, входящие в международную или национальную коммуникационную сеть и имеющие филиалы в нескольких (от двух) городах России. В нашем исследовании ни од-

но из рекламных и/или PR-организации не является представителем международного холдинга, поэтому мы сосредоточили внимание на национальных агентствах с филиалами.

Следующим этапом нашего исследования стало изучение позиций рекламных и/или PR-компаний ДФО РФ в актуальных (за 2019–2021 гг.) рейтингах: РРАР, АКАР, Adindex, Tagline, Wsjournal, Ruward и Медиалогия. Далее мы изучили информацию о представленных в перечисленных рейтингах дальневосточных коммуникационных агентствах, основываясь на данных системы СПАРК международной информационной группы «Интерфакс».

На основе проведенных обзоров и сопоставлений их результатов мы сделали выводы, которые позволяют проверить выдвинутую нами гипотезу.

Среди субъектов федерации ДФО наиболее «рекламонасыщенным» является рынок Приморского края: здесь свои услуги предлагают 295 рекламных и/или PR-компаний. При этом около 86 % организаций осуществляют свою деятельность в крупных городах края: во Владивостоке – 230 агентств (78 % всего приморского коммуникационного рынка), 28 компаний в Уссурийске, 23 – в Находке, 13 – в Артеме. В каждом случае нами посчитаны агентства, имеющие филиалы в разных городах края, поэтому сумма организаций в четырех городах почти равняется сумме всех приморских рекламных и/или PR-компаний.

Второе место по количеству организаций, предоставляющих услуги по информационному продвижению, занимает Республика Бурятия. На территории республики расположены 144 компании коммуникационной сферы, большая часть которых (142 организации) – в Улан-Удэ. Исследователи из Улан-Удэ отмечают, что рекламный рынок Бурятии, на котором работают как республиканские, так и российские компании, можно назвать устоявшимся, тем не менее существуют препятствия для продвижения местных организаций на рынке [Шабькова, Хазагарова, 2019]. Далее следуют Республика Саха (Якутия) с 124 агентствами, Амурская область, где функционируют 104 компании изученной нами сферы, Хабаровский край – 100 агентств, Сахалинская область – 72 компании, Забайкальский край – 70 организаций, Камчатский край – 55, в Магаданской области и Еврейском автономном округе по 12 агентств. Замыкает список Чукотский автономный округ, на территории которого услуги предлагает только два рекламных агентства.

Из 982 рекламных и/или PR-организаций в одиннадцати дальневосточных субъектах Федерации 10 коммуникационных агентств являются сетевыми. Изначально под сетевым коммуникационным агентством понималась преимущественно международная компания, разместившая свои филиалы на отечественном рынке вместе с брендами клиентов (Young&Rubicam, Ogilvy&Mather, DMB&B и др.). В этом случае сетевому агентству противопоставлялось локальное – действующие на рынке одной страны.

Сетевые организации коммуникационной сферы Дальнего Востока России можно разделить на четыре группы по охвату (географическому признаку): от наиболее широкого к узкому.

Группа 1 – это коммуникационные агентства, реализующие свою деятельность в нескольких регионах России, включая дальневосточные субъекты федерации.

Группа 2 представлена в нашем исследовании только одной компанией. Данную группу мы условно обозначили как «организации Дальнего Востока России, предлагающие услуги в других регионах нашей страны». Маркетинговое digital-агентство DVIGA реализует свою деятельность во Владивостоке (Приморский край), Елизово (Камчатский край), а также в Санкт-Петербурге. Примечательно то, что на сайте компании адрес Петербургского офиса агентства не указан, из чего мы делаем вывод, что в северной столице России сотрудники DVIGA работают удаленно.

Группа 3 – коммуникационные агентства с филиалами в нескольких субъектах ДФО. Эта группа включила три коммуникационные компании с офисами в двух дальневосточных субъектах: «ДВ Регион» с головным офисом во Владивостоке (Приморский край)



и двумя филиалами в Хабаровском крае (в Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре), «Радио Маркет» с офисами во Владивостоке и Хабаровске и агентство полного цикла Helios, осуществляющее деятельность во Владивостоке и Петропавловске-Камчатском.

Группа 4 – это компании с офисами в городах одного субъекта федерации на Дальнем Востоке России. Данная группа оказалась наиболее многочисленной – в нее вошло четыре агентства: приморские организации Clicks с офисами во Владивостоке и Уссурийске, «РПК Resulting» – во Владивостоке и Артеме, Inside 360 – во Владивостоке, Артеме, Находке и Уссурийске, а также амурская компания «Планета-Медиа», предлагающая услуги в городах Благовещенске, Белогорске и Свободном.

В рамках текущего исследования нас интересуют группы 2–4: всероссийские агентства из первой группы, центральный офис которых расположен за пределами ДФО, не являются объектами нашего изучения, даже несмотря на то, что из 20 российских городов «25 кадр» работает в 7 дальневосточных. Отметим, что из восьми рассмотренных нами сетевых агентств деятельность преимущественно в сфере digital осуществляют только три организации: DVIGA, Clicks и Inside 360, что отражают результаты исследований зарубежных ученых [Lesscher, Lobschat, Verhoef, 2021], демонстрирующие эффективность воздействия «кросс-канальных» коммуникаций (оффлайн и онлайн) на потребителя. Современное развитие компьютерных технологий не исключает эффекта коммуникационной синергии, достигнуть которой помогают сотрудники рекламных агентств полного цикла.

Коммуникационные агентства ДФО в национальных рейтингах 2019–2021 годов

Для определения позиций рекламных и/или PR-компаний ДФО РФ нами были рассмотрены шесть актуальных рейтингов: РРАР, АКАР, Adindex, Tagline, Wsjournal, Ruward и Медиалогия. Большинство представленных компаний в каждом из рейтингов – московские и петербургские, при этом некоторые рейтинги представляют ранжирования агентств отдельно по каждому из этих двух городов (например, «ТОП-100 агентств Москвы» или «Лучшие агентства Петербурга»). Тем не менее довольно высокие баллы получают коммуникационные организации из Екатеринбурга, Новосибирска, Томска, Кирова, Ульяновска и т.д.

Критерии оценки рекламных и/или PR-организаций различными компаниями примерно одинаковые: опыт работы на рынке, количество реализованных проектов, количество офисов в разных городах России, количество сотрудников в штате, частота упоминаний в СМИ (цитируемость), количество наград/призов, количество основных услуг (степень размытия специализации), участие в ассоциациях/союзах, наличие собственного производства, наличие собственных площадок/технологий, имидж и уровень возможностей (портфолио), инновации в деятельности, уровень топ-менеджмента, личность руководителя, качество человеческого капитала и т.д.

Рейтинг рекламных агентств России (РРАР) в 2021 году представлен более чем 1 700 международными и российскими компаниями. Помимо списка из 100 лучших рекламных агентств России, рейтинг предлагает результаты оценивания по 39 тематическим рубрикам: «BTL-агентства», «брендинг», «веб-дизайн» и т.д. Для участия в оценивании организации необходимо подать заявку с основными данными, которые перепроверяются экспертным сообществом.

В список топ-100 РРАР-2021 года не вошло ни одно коммуникационное агентство Дальнего Востока России: последнее место здесь занимает московская компания Advance Group с 981 баллом. Вместе с тем 28 дальневосточных организаций, подавших заявки, также получили высокую, уверенную или динамичную оценку позиции компании на рынке. Мы сформировали собственный рейтинг таких компаний (табл. 1).

Таблица 1
Table 1Оценки коммуникационных агентств ДФО в РРАР-2021
Estimates of communication agencies of the Far Eastern Federal District in RRAP-2021

Позиция в рейтинге	Название рекламного агентства	Город	Баллы в общем рейтинге	Позиция компании на рынке
1	ДВ Регион	Владивосток	792	высокая
2	Прайм Тайм	Хабаровск	733	высокая
3	КРС	Владивосток	601	уверенная
4	Eddison		585	уверенная
5	Авеню		579	уверенная
6	ПРОдвижение		560	уверенная
7	LAB Company		555	уверенная
8	Pacific Media		502	уверенная
9	FF Print		451	уверенная
10	BTL Group	Хабаровск	435	уверенная
11	Lucky Decision	Владивосток	425	уверенная
12	FAZA		420	уверенная
13	Мегаполис видео		412	уверенная
14	Просто	Петропавловск-Камчатский	410	уверенная
15	Aiger	Владивосток	400	динамичная
16	27 Регион	Хабаровск	395	динамичная
17	САХАР		395	динамичная
18	Точно!	Владивосток	395	динамичная
19	DVIGA		386	динамичная
20	Моторр	Хабаровск	384	динамичная
21	INK	Владивосток	380	динамичная
22	SMART Media Industry		375	динамичная
23	Method		368	динамичная
24	СОБА		316	динамичная
25	Guzenko Branding		315	динамичная
26	LAVA		315	динамичная
27	SpacePromo		290	динамичная
28	The ONE	Хабаровск	215	динамичная

Из 28 подавших заявки агентств большая часть (21 организация) осуществляет деятельность во Владивостоке, 5 – в Хабаровске, одно – в Петропавловске-Камчатском. Воз-



вращаясь к нашей гипотезе, отметим, что из 28 компаний только две являются сетевыми: «ДВ Регион» и DVIGA. При этом если высокая позиция компании «ДВ Регион» в данном рейтинге подтверждает нашу гипотезу, то агентство DVIGA получило «динамичную» оценку, являющуюся с одной стороны показателем развивающейся, а с другой – не вполне стабильной организации, сотрудничество с которой связано с определенными рисками.

В тематических рубриках РРАР в 2021 году некоторые дальневосточные коммуникационные компании занимают более высокие позиции. Так, например, владивостокская организация «ПРОдвижение» заняла 9 место в топ-20 агентств в рубрике «Реклама на транспорте». Компания «КРС», также из Владивостока, – 14 место в топ-20 агентств в рубрике «сувенирная продукция», хабаровская компания «Прайм Тайм» оказалась на 20-ом месте в рубрике «реклама на радио». Примечательно, что все эти агентства имеют по одному офису в городе. Что касается сетевых организаций «ДВ Регион» и DVIGA, то ни в одной из тематических рубрик РРАР-2021 они не вошли в список 20 лучших компаний.

В рейтингах Ассоциации коммуникационных агентств России (АКАР) по итогам 2020 года – в таких номинациях, как «национальный рейтинг креативности», «брендинг», «маркетинговые услуги», «рейтинг эффективности медийных агентств», «рейтинг эффективности коммуникационных агентств» и т.д. – компании с Дальнего Востока РФ практически не представлены. Исключением является организация DVIGA, получившая 8 баллов и оказавшаяся на 55 месте номинации Digital вместе с еще 42 агентствами.

Что касается еще четырех рассмотренных нами актуальных рейтингов (2019–2021 гг.), то, несмотря на объемный перечень номинаций в каждом, ни в одном списке дальневосточных коммуникационных организаций нет. При этом в рейтингах Adindex, Tagline, Wsjournal, Ruward и «Медialogия» оценки получили не только московские и петербургские агентства, но и компании из Красноярска, Краснодара, Ижевска, Тюмени и других городов.

Сетевые коммуникационные агентства Дальневосточного федерального округа в оценках системы СПАРК-Интерфакс

Продукт СПАРК группы «Интерфакс» – это система сервисов, помогающих бизнесу снижать риски, эффективно работать с контрагентами, решать задачи по обеспечению экономической безопасности бизнеса. Данные об интересующих нас коммуникационных компаниях Дальнего Востока РФ, предоставленные этой системой, так же, как и позиции агентств в национальных рейтингах, являются индикаторами конкурентоспособности организаций на рынке. Так, например, занимаемые места по выручке в стране и регионе дают представление об активности коммуникационного агентства, о признании целевой аудиторией качества его продукции и последующей реализации; высокая оценка информационной открытости является показателем своевременного предоставления общедоступной и достоверной информации целевой аудитории о деятельности организации; участие в тендерах и госзакупках – индикатором доверия со стороны государственных организаций.

Анализ дальневосточных сетевых коммуникационных агентств 2-й, 3-й и 4-й групп нашей классификации был проведен по перечисленным выше показателям системы СПАРК (табл. 2).

Из восьми сетевых дальневосточных коммуникационных агентств в системе СПАРК нами было найдено пять: не были обнаружены данные о компании Clicks «РПК Resulting» и Inside 360. По критерию «место по выручке в России» агентства расположились в следующем порядке: «Планета-Медиа», Helios, «ДВ Регион», DVIGA и «Радио Маркет». Аналогичные позиции агентства занимают по выручке в отрасли и в Приморском крае, компания «Планета-Медиа» конкурентов в Амурской области в данном списке не имеет. Что касается информационной открытости, то, по оценке СПАРК-Интерфакс, высшие баллы (4,5 из 5) получили «Планета-Медиа» и «ДВ Регион».

Таблица 2
Table 2Сетевые коммуникационные агентства ДФО в оценках СПАРК
Network communication agencies of the Far Eastern Federal District in SPARK assessments

Название агентства	Место по выручке в России	Место по выручке в регионе	Место по выручке в отрасли «Консалтинг и научно-техническая деятельность»	Оценка информационной открытости	Количество госзакупок
DVIGA	715 155	10844 (Приморский край)	41 394	4	2
ДВ Регион	470 767	7102 (Приморский край)	24 158	4,5	24
Радио Маркет	1 219 222	18553 (Приморский край)	96 315	3	0
Helios	369 209	5553 (Приморский край)	18 110	3	6
Планета-Медиа	368 804	1381 (Амурская область)	18 084	4,5	5

Таким образом, в данном перечне «Планета-Медиа» становится абсолютным лидером, занимая первые места среди пяти агентств по выручке и оценке информационной открытости. Второе место делят Helios и «ДВ Регион»: высокие места по выручке в Helios соседствуют с низкой оценкой информационной открытости, а «ДВ Регион» выигрывает за счет высокой информационной открытости и количества госзакупок. DVIGA в данном случае не является лидером, что подтверждает «динамичную» оценку РРАР-2021, завершает данный перечень «Радио Маркет» с низкими показателями выручки, информационной открытости и отсутствием госзакупок.

Заключение

Определив четыре группы сетевых коммуникационных агентств, реализующих свою деятельность в Дальневосточном федеральном округе, и сконцентрировав свое внимание на второй, третьей и четвертой группах, мы изучили позиции этих организаций в актуальных национальных рейтингах. В рамках данного исследования нами было рассмотрено шесть рейтингов. При этом одни организации производят как комплексную, так и категориальную оценку рекламных, маркетинговых и PR-компаний (РРАР, Adindex), другие – исключительно комплексную (Wsjournal), третьи – исключительно категориальную (АКАР, Tagline, Ruward, Медиалогия).

По итогам нашего исследования оказалось, что наиболее насыщенным дальневосточными коммуникационными организациями оказался рейтинг РРАР-2021. Несмотря на то, что ни одно агентство из ДФО не попало в топ-100, 28 компаний были оценены, из них – две сетевые: «ДВ Регион» и DVIGA и 26 агентств с офисом в одном городе. В тематических рубриках этого же рейтинга сетевые организации не вошли в топ-20, но три моноагентства заняли позиции в трех разных номинациях. Вместе с тем организация «DVIGA»,



единственный представитель Дальнего Востока в рейтинге АКАР по итогам 2020 года, получила довольно высокую оценку. Еще в пяти рассмотренных нами актуальных рейтингах дальневосточные коммуникационные организации не представлены.

Что касается лидеров нашего рейтинга сетевых коммуникационных агентств ДФО «Планеты-Медиа» и компании Helios, по данным системы СПАРК, эти организации не получили оценок ни в одном из рассмотренных нами рейтингов.

Слабая представленность или полное отсутствие в рейтингах коммуникационных компаний Дальневосточного федерального округа РФ могут быть объяснены, с нашей точки зрения, следующими факторами:

– во-первых, для участия практически во всех рейтингах директору агентства необходимо подать заявку с кратким описанием сильных сторон своей компании, а также осуществить взнос. На заявку не всегда хватает времени, на взнос – мотивации;

– во-вторых, после принятия заявки вся информация о компании тщательно проверяется, и экспертная комиссия присуждает баллы. Далеко не на каждом веб-сайте рейтинга детально прописана система проставления оценки каждой организации по каждому показателю. Следовательно, «плюсы» агентства, которыми гордится директор и коллектив, могут быть оценены экспертами несоответственно ожиданиям;

– в-третьих, оценка всех компаний производится в сравнении; агентства Москвы и Санкт-Петербурга опытнее, крупнее и активнее, в том числе в конкурсах, которые также оцениваются экспертами. Зачастую эти компании являются филиалами международных сетевых коммуникационных организаций, с которыми априори сложно конкурировать.

Сформулированная нами в начале исследования гипотеза отчасти подтвердилась: сетевое агентство «ДВ Регион», занимающее первые места по доходам, информационной открытости и принимающее активное участие в тендерах и госзакупках, по данным СПАРК-Интерфакс, получило самые высокие среди дальневосточных коммуникационных организаций баллы в сводном рейтинге РРАР-2021, а компания DVIGA была оценена в двух рассмотренных нами рейтингах. Вместе с тем сетевое амурское агентство «Планета-Медиа», приморская организация Helios и некоторые моно-агентства («Прайм Тайм», «КРС» и «ПРОдвижение») также имеют возможность занять верхние позиции в рейтингах.

Подводя итоги вышесказанному, необходимо отметить, что исследование, проведенное нами, рассматривает лишь один из аспектов выявления критериев, по которым происходит оценка коммуникационных агентств потенциальными клиентами, и может быть продолжено. На наш взгляд, для более глубокого раскрытия рассмотренной в работе проблематики было бы интересно применить метод экспертного интервью и изучить мнения руководителей коммуникационных агентств об участии в рейтинговом оценивании.

Ценность данного исследования состоит в том, что представленные методы и инструменты могут быть применены в процессе анализа и оценки коммуникационных агентств любого региона Российской Федерации или за пределами России.

Список источников

- Арзуманян А. 2010-2022. Сетевые и локальные рекламные агентства на российском рынке. Школа рекламиста. URL: <https://www.advertiser-school.ru/advertising-theory/network-and-local-advertising-agencies.html> (дата обращения: 17.01.2022)
- Карта городов России. 2022. 2GIS. URL: <https://2gis.ru/> (дата обращения: 16.03.2022)
- Контакты. Сайт агентства DVIGA. URL: <https://dviga.marketing/contacts> (дата обращения: 16.03.2022).
- Критерии выбора рекламного агентства. 2015. Рекламное агентство «МНЕС», 25 марта 2015. URL: <https://mness.net/kriterii-vybora-reklamnogo-agentstva/> (дата обращения: 25.02.2022).
- Лучшие профессии 2020-2021 ТОП-12. 1996-2022. Официальный сайт Академии управления и производства. URL: <https://amp1996.ru/obrazovanie/luchshie-professii-2020-2021> (дата обращения: 24.02.2022)

- Назван топ-20 самых востребованных вакансий. 2021. Российская Газета, 26 января 2021. URL: <https://rg.ru/2021/01/26/nazvan-top-20-samyh-vostrebovannyh-vakansij.html> (дата обращения: 24.02.2022)
- Рейтинг креативности АКАР 2020, Digital. 2004-2022. Ассоциация Коммуникационных Агентств России. URL: <https://www.akarussia.ru/node/9530> (дата обращения: 21.12.2021)
- РРАР: Рейтинг рекламных агентств России. 2022. AllAdvertising — Весь рекламный рынок России. URL: <https://www.alladvertising.ru/info/trar.html> (дата обращения: 21.12.2021).
- Сайт компании WARC. 2022. URL: <https://www.warc.com/Welcome> (дата обращения: 21.12.2021).
- Спарк. 1991-2022. Информационная группа Интерфакс. URL: <http://group.interfax.ru/rbr.asp?rbr=34> (дата обращения: 21.12.2021).
- Шишов М. 2020. Как выбрать идеальное рекламное digital-агентство и не прогадать. Marilyn, 23 июля 2020. URL: <https://mymarilyn.ru/blog/marketing/kak-vybrat-idealnoe-reklamnoe-digital-agentstvo-i-ne-progadat/> (дата обращения: 25.02.2022).
- Communications Agency. BrandMentions Wiki. URL: https://brandmentions.com/wiki/Communications_Agency (дата обращения: 14.09.2022).

Список литературы

- Аксенова Е.И., Камынина Н.Н., Хараз А.Д. 2021. Мировые рейтинги городов и Москва в мировых рейтингах. *Московская медицина*, 1(41): 6–22.
- Алмонд Г.А., Верба С. 1992. Гражданская культура и стабильность демократии. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/1992-4-Almond_Verba.pdf
- Буряк М.А. 2015. Сегмент коммуникационных агентств в медиасфере современной России. Дис. ... канд. филол. Наук. Санкт-Петербург, 284 с.
- Ворона А.А. 2018. Современные тенденции рейтинга doing business и позиция России в этом рейтинге. *Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии*, 4 (68): 51–55.
- Истон Д. 2000. Категории системного анализа политики. В кн.: *Политология: Хрестоматия*. Сост.: проф. М.А. Василик, доц. М.С. Вершинин. М.: Гардарики. URL: <http://grachev62.narod.ru/hrest/chapt27.htm#s>.
- Казанцева Т.Ф. 2018. Обзор рынка услуг рейтинговых агентств. *Вестник современных исследований*, 12.17 (27): 169–177.
- Катернюк А.В. 2019. Применение рейтинговых оценок в рекламной отрасли. *Вестник Томского государственного университета. Экономика*, 45: 267–281. DOI: 10.17223/19988648/45/18
- Козырь Н.С. 2019. Регион в национальной экономике: подходы к составлению рейтингов. *Региональная экономика: теория и практика*, 17 (3 (462)): 418–434. DOI: 10.24891/re.17.3.418
- Муронец О.В., Серов И.В. 2020. Деятельность российских коммуникационных агентств в условиях пандемии Covid-2019. *Медиаскоп*, 4. URL: <http://www.mediascope.ru/2677> (дата обращения: 13.09.2022). DOI: 10.30547/mediascope.4.2020.9
- Парсонс Т. 2002. О социальных системах. Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Блановского. М., Академический Проект, 832 с.
- Сидоров А.А., Лазарева Н.В., Фирулина И.И. 2019. Глобальный, региональный и местный экологический рейтинг. *Безопасность жизнедеятельности*, 1(217): 39–44.
- Сузьмина Н.С. 2020. Направления работы современного коммуникационного агентства. *Медиасреда*, 17: 95-100. DOI: 10.24411/2070-0717-2020-10121
- Ткаченко Т.В., Перкова Е.П. 2020. Совершенствование процесса привлечения клиентов в рекламную компанию (на примере деятельности рекламного агентства полного цикла ООО «ТБВА»). *Транспортное дело России*, 2: 125–129.
- Тростянская И.Б., Полихина Н.А. 2018. Продвижение российских университетов в ведущих мировых рейтингах: необходимые условия и пороговые значения для рассмотрения в рейтингах. *СОТИС – социальные технологии, исследования*, 4 (90): 7–27.
- Фатхутдинов Р.А. 2000. Конкурентоспособность: экономика, стратегия, управление. М., Инфра-М, 312 с.
- Чеклаукова Е.Л. 2021. Рейтинг или рэнкинг: на что ориентироваться в России при выборе банка? *Современные технологии и научно-технический прогресс*, 8: 351-352.



- Шабькова, Н.Э., Хазагарова В.Э. 2019. Пути повышения прибыли на рынке рекламы Республики Бурятия: Экономика и управление: современные вызовы, тенденции и перспективы развития. Материалы XXIII Международной научно-практической конференции: 435-441.
- Ahola T., Stahle M., Martinsuo M. 2021. Agency relationships of project-based firms. *International Journal of Project Management*, 39 (7): 713-725. DOI: 10.1016/j.ijproman.2021.06.005
- Basu K., Sun H. 2022. The power and influence of rating agencies with insights into their misuse. *Economic Modelling*, 109. Available at: <http://kaushikbasu.org/wp-content/uploads/2022/01/Basu-Sun-final.pdf> (accessed: 13.09.2022). DOI: 10.1016/j.econmod.2022.105763
- Dakkak B., Irhirane E.H. 2022. Proposal of a Method to Calculate an Indicator for Measuring the Customer Satisfaction Level. *Industrial Marketing Management*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=4038249> (accessed: 14.09.2022). DOI: 10.2139/ssrn.4038249
- Drucker P. F. 1946. *Concept of the corporation*. - New York: John Day. 297.
- Lesscher L., Lobschat L., Verhoef P.C. 2021. Do offline and online go hand in hand? Cross-channel and synergy effects of direct mailing and display advertising. *International Journal of Research in Marketing*, 38 (3): 678-697.
- Porter L. W., Lawler E. E. 1968. *Managerial attitudes and performances*. Homewood, Ill.: Irwin. 209.
- Vroom V.H. 1973. A New Look of Managerial Decision-Making. *Organizational Dynamics*, N 1: 66–80

References

- Aksenova E.I., Kamynina N.N., Kharaz A.D. 2021. International Cities Rankings & Moscow City in International Rankings. *Moscow Medicine*, 1 (41): 6–19 (in Russian).
- Almond G.A., Verba S. 1992. Civil culture and stability of democracy. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/1992-4-Almond_Verba.pdf. (in Russian).
- Buryak M.A. 2015. Segment kommunikatsionnykh agentstv v mediasfere sovremennoy Rossii [Segment of communication agencies in the media sphere of modern Russia]. Dis. ... cand. philol. Sciences. Sankt-Peterburg, 284 p.
- Vorona A.A. 2018. Recent trends of the score in "doing business" and Russia's position in IT. *Scientific letters of Russian customs academy St.-Petersburg branch named after Vladimir Bobkov*, 4 (68): 51–55 (in Russian).
- Easton D. 2000. Categories of Policy Analysis System. *Political Science: a reader*. Ed.: prof. M.A. Wasylyk, doc. M.S. Vershinin. M., Gardariki. URL: <http://grachev62.narod.ru/hrest/chapt27.htm#s> (in Russian).
- Kazantseva T.F. 2018. Obzor rynka uslug reytingovykh agentstv [Review of the market of services of rating agencies]. *Vestnik sovremennykh issledovaniy*, 12.17 (27): 169–177.
- Katernyuk A.V. 2019. Application of ratings in the advertising industry. *Tomsk state university journal of economics*, 45: 267–281 (in Russian). DOI: 10.17223/19988648/45/18
- Kozyr' N.S. 2019. A region in the national economy: some approaches to the ranking. *Regional Economics: Theory and Practice*, 17 (3 (462)): 418–434 (in Russian). DOI: 10.24891/re.17.3.418
- Muronets O.V., Serov I.V. 2020. Activities of Russian communicative agencies in the context of the Covid-19 pandemic. *Mediascope*, 4. Available at: <http://www.mediascope.ru/2677> (accessed: 13.09.2022). DOI: 10.30547/mediascope.4.2020.9
- Parsons T., 2002. About social systems. Ed. by V.F. Chesnokova and S.A. Blanovschi. M: Academic Project. (in Russian). 832 p.
- Sidorov A.A., Lazareva N.V., Firulina I.I. 2019. Global, regional and local environmental rating, *Life Safety*, 1 (217): 39–44 (in Russian).
- Suz'mina N.S. 2020. Napravleniya raboty sovremennogo kommunikatsionnogo agentstva [Directions of work of a modern communication agency]. *Mediasreda*, 17: 95–100. DOI: 10.24411/2070-0717-2020-10121
- Tkachenko T.V., Perkova E.P. 2020. Improving the process of attracting customers to an advertising company (on the example of the activities of the full-cycle advertising agency TBVA LLC). *Transport business in Russia*, 2: 125–129 (in Russian).
- Trostyanskaya I.B., Polikhina N.A. 2018. Prodvizhenie rossiyskikh universitetov v vedushchikh mirovykh reytingakh: neobkhodimye usloviya i porogovye znacheniya dlya rassmotreniya v reytingakh [Promotion of Russian Universities in the World's Leading Rankings: Necessary

- Conditions and Thresholds for Consideration in Rankings]. *SOTIS - sotsial'nye tekhnologii, issledovaniya*, 4 (90): 7–27.
- Fatkhutdinov R.A. 2000. *Konkurentosposobnost': ekonomika, strategiya, upravlenie [Competitiveness: Economics, Strategy, and Management]*. M., Publ. Infra-M, 312 p.
- Cheklaukova E.L. 2021. Rating or ranking: what to focus on in Russia when choosing a bank? [Reyting ili renking: na chto orientirovat'sya v Rossii pri vybore banka?] *Sovremennye tekhnologii i nauchno-tekhnicheskii progress*, 8: 351–352.
- Shabykova, N.E., Khazagarova V.E. 2019. Ways to increase profits in the advertising market of the Republic of Buryatia: Economics and management: modern challenges, trends and development prospects. *Proceedings of the XXIII International Scientific and Practical Conference*: 435–441.
- Ahola T., Stahle M., Martinsuo M. 2021. Agency relationships of project-based firms. *International Journal of Project Management*, 39 (7): 713–725. DOI: 10.1016/j.ijproman.2021.06.005
- Basu K., Sun H. 2022. The power and influence of rating agencies with insights into their misuse. *Economic Modelling*, 109. Available at: <http://kaushikbasu.org/wp-content/uploads/2022/01/Basu-Sun-final.pdf> (accessed: 13.09.2022). DOI: 10.1016/j.econmod.2022.105763
- Dakkak B., Irhirane E.H. 2022. Proposal of a Method to Calculate an Indicator for Measuring the Customer Satisfaction Level. *Industrial Marketing Management*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=4038249> (accessed: 14.09.2022). DOI: 10.2139/ssrn.4038249
- Drucker P.F. 1946. *Concept of the corporation*. - New York: John Day, 297.
- Lesscher L., Lobschat L., Verhoef P.C. 2021. Do offline and online go hand in hand? Cross-channel and synergy effects of direct mailing and display advertising. *International Journal of Research in Marketing*, 38 (3): 678–697.
- Porter L.W., Lawler E. E. 1968. *Managerial attitudes and performances*. - Homewood, Ill.: Irwin. 209.
- Vroom V.H. 1973. *A New Look of Managerial Decision-Making*. *Organizational Dynamics*. N 1: 66–80

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 06.07.2022

Received July 06, 2022

Поступила после рецензирования 15.08.2022

Revised August 15, 2022

Принята к публикации 10.09.2022

Accepted September 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Аргылов Никита Антонович, кандидат политических наук, директор Департамента коммуникаций и медиа Школы искусств и гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

Nikita A. Argylov, PhD in Political Science, Director of the Department of Communications and Media, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Попиль Василина Андреевна, кандидат политических наук, старший преподаватель Департамента коммуникаций и медиа Школы искусств и гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

Vasilina A. Popil, Candidate of Political Sciences, Senior Lecturer, Department of Communications and Media, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia



УДК 070

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-3-432-442

Виды контроля в формировании целостной медиаличности студента-журналиста в российских вузах

Гаврилов В.В.

Сургутский государственный педагогический университет,
Россия, 628417, г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, д. 10/2
E-mail: victorg12@mail.ru

Аннотация. В условиях цифровизации журналистики сформированность общепрофессиональных компетенций студентов-журналистов приобретает особую значимость. В новых реалиях использование традиционных видов контроля не может быть в достаточной степени эффективным и показательным. Несмотря на значительное количество публикаций, фиксирующих глобальные изменения в медиапространстве, практически отсутствуют работы, посвященные проблеме контроля формирования компетенций журналиста. В связи с этим цель исследования – определить и охарактеризовать виды профессионально ориентированных форм контроля, позволяющих педагогу провести оценку сформированности необходимых компетенций студентов-журналистов. В работе использовались методы теоретико-методологического анализа и дискурсивной рефлексии. Вводится в научный оборот и понятие «целостная медиаличность», предложена эффективная система контроля сформированности профессиональных компетенций, приведены примеры использования различных видов контроля на практике. Представленный в работе анализ говорит об эффективности обозначенных видов контроля и вносит определенный вклад в развитие теории и практики формирования целостной медиаличности студента-журналиста в вузе.

Ключевые слова: целостная медиаличность, профессиональные компетенции, коммуникативная компетентность, профессионально ориентированные формы контроля, инновационное образование

Для цитирования: Гаврилов В.В. 2022. Виды контроля в формировании целостной медиаличности студента-журналиста в российских вузах. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41(3): 432–442. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-3-432-442

Types of Control in the Formation of a Holistic Media Personality of a Student-Journalist in Russian Universities

Victor V. Gavrilov

Surgut State Pedagogical University
10/2 50 let VLKSM St, Surgut 628417, Russia
E-mail: victorg12@mail.ru

Abstract. In the conditions of digitalization of journalism, the problem of the formation of general professional competencies of journalism students is of particular importance. In the new realities, the use of traditional types of control cannot be sufficiently effective and indicative. Despite a significant number of publications documenting global changes in the media space, there are practically no works devoted to the forms and types of the problem of controlling the formation of a journalist's competencies. who should be able to resist the threats of digitalization, use digital tools effectively in their professional activities. In this regard, the purpose of the study is to identify and characterize the types of professionally oriented forms of control that allow the teacher to assess the formation of the necessary competencies of journalism students. The methods of theoretical and methodological analysis and discursive reflection were used in the work. The concept of "holistic media personality" is also introduced into scientific circulation, an effective system of monitoring the formation of professional competencies is proposed,

examples of the use of various types of control in practice are given. The analysis presented in the paper speaks about the effectiveness of the designated types of control and makes a certain contribution to the development of the theory and practice of the formation of an integral media personality of a student-journalist at a university.

Keywords: holistic media personality, professional competencies, communicative competence, professionally oriented forms of control, innovative education

For citation: Gavrilov V.V. 2022. Types of Control in the Formation of a Holistic Media Personality of a Student-Journalist in Russian Universities. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 41(3): 432–442 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-3-432-442

Введение

В настоящее время к будущим журналистам, выпускникам вузов, на рынке труда предъявляются обновленные требования, которые определяются прежде всего теми радикальными изменениями, которые произошли в самой журналистике в связи с цифровизацией медиaprостранства. В одном из своих исследований авторы А.В. Колесниченко, А.В. Вырковский, М.Ю. Галкина, А.Ю. Образцова и С.А. Вартанов представляют перечень трансформаций, которые произошли в современной как зарубежной, так и российской журналистике, дают их подробную характеристику [Колесниченко и др., 2017, с. 66]:

1. Объединение коллективов традиционной редакции и сайта в единую команду.
2. Использование искусственного интеллекта, автоматизированных систем, Google Docs и др. для сбора, классификации и анализа информации.
3. Увеличение скорости получения информации: открытые базы данных, реестры, соцсети, возможность получения комментариев в режиме онлайн.
4. Конвергенция жанров (кроссплатформенность, мобилизация), трансформация структуры медиатекстов (мультимедийность, интерактивность, визуализация и т.д.).
5. Возможность работать удаленно.
6. Возможность быстрого получения обратной связи (лайки, репосты, комментарии) и материальное стимулирование в случае, если текст окажется популярным и востребованным читателями.

С учетом изложенного работодателями предъявляются к начинающим журналистам особые требования, согласно которым они должны «владеть навыками работы с базами данных и приложениями для обработки информации, уметь искать в соцсетях и проверять информацию, уметь создавать инфографику, уметь быстро готовить материалы для разных платформ (печатное издание, сайт, соцсеть, мобильное приложение)» [Колесниченко и др., 2017, с. 66]. Большое значение уделяется умению журналиста сделать анализ, творчески переработать уже известную информацию, представить авторское видение проблемы. Творческая составляющая профессии журналиста выходит на первый план еще и потому, что в настоящее время возрастает конкуренция между профессиональными журналистами и журналистами «гражданскими» (блогерами, ютуберами, фрилансерами).

Безусловно, и подходы к подготовке будущих журналистов в вузах должны измениться. Так, А. Тимофеевский в одной из статей пишет: «Все студенты факультета журналистики МГУ считают место своего обучения «престижным», а получаемое образование «хорошим общегуманитарным». И гордо резюмируют: «Фактически это филологическое, лингвистическое образование, оно действительно великолепное». При этом честно жалуются на недостаток профпредметов, относящихся собственно к журналистскому ремеслу: от четырех до пяти процентов учебной программы»¹. А. Тимофеевский отмечает разрыв

¹ Тимофеевский А. 2013. Факультет ненужных вещей. 4 ЕГЭ, 9 октября 2013. URL: <https://4ege.ru/vuz/4373-fakultet-nenuzhnyh-veschey.html> (дата обращения: 7.07.2022).



между вузовским образованием и нынешними социальными реалиями. Иначе говоря, журналистское образование должно стать более профессионально- и практикоориентированным, больше соответствовать социальному запросу и требованиям времени.

Нельзя не согласиться с мнением И.И. Головановой, которая считает, что «обществу требуется специалист новой формации, активный, творчески мыслящий, готовый к самостоятельному поиску научной информации и применению научных знаний на практике» [Сибгатуллин, Голованова, 2018, с. 218]. Мы убеждены, что профессионально успешным выпускник вуза, будущий журналист станет лишь в том случае, если у него будут в достаточной степени сформированы все необходимые профессиональные компетенции (с учетом ФГОС и реалий нового времени), если вуз будет готовить разностороннего специалиста, целостную медиаличность, способную адаптироваться в новых условиях цифровизации современной журналистики, работы в региональном издании. К сожалению, в настоящее время вузовская методика отстает от быстроменяющихся социальных условий, имеется дефицит научных исследований в области контроля уровня сформированности необходимых компетенций студентов-журналистов в цифровую эпоху. При этом совершенно очевидно, что использование традиционных видов контроля (главным образом, тестирования, письменных самостоятельных и контрольных работ) не может быть в достаточной степени эффективным и показательным, во-первых, потому что оценивают частные аспекты ЗУН, во-вторых, в силу творческого характера журналистской профессии. Реалии нового времени, изменения в медиaprостранстве заставляют педагогов пересмотреть сложившуюся ситуацию.

Цель статьи – определить и охарактеризовать виды профессионально ориентированных форм контроля, позволяющих педагогу провести оценку сформированности необходимых компетенций студентов-журналистов (бакалавриат).

В работе использовались следующие методы: метод теоретико-методологического анализа и метод дискурсивной рефлексии, основанный на построении теоретических положений и формулировке рекомендаций на основе имеющегося практического опыта.

Общепрофессиональные компетенции студентов-журналистов

В пункте 3.3. ФГОС определяются обязательные для программы бакалавриата общепрофессиональные компетенции будущих журналистов (см. таблицу) [Об утверждении... 2021]. На основе обозначенных в стандарте общепрофессиональных компетенций мы разработали определение понятия «целостная медиаличность» – это *личность, обладающая рядом необходимых и сформированных в достаточной степени характеристик, благодаря которым она способна адекватно оценивать современное состояние медиaprостранства, эффективно использовать информационные технологии и средства коммуникации с целью успешной самоидентификации, социальной адаптации и профессиональной реализации*. К таким характеристикам относятся следующие: *стремление к профессиональной самореализации, способность к рефлексии, знание медиарынка, умение работать с информацией (получение, анализ и прогнозирование, переработка), умение работать с цифровыми технологиями в условиях конвергентной редакции, высокая речевая культура, четкая гражданская позиция, творческие способности, постоянное самообразование и саморазвитие, умение работать с аудиторией (обратная связь, анализ общественного мнения)*.

Именно на указанные характеристики, по нашему мнению, необходимо прежде всего обращать внимание педагогам при составлении учебных программ по дисциплинам профессиональной направленности для студентов-журналистов. В этой связи важнейшая роль отводится выбору видов и методов контроля сформированности компетенций (которые конкретизируются в обозначенных характеристиках медиаличности).

Общепрофессиональные компетенции обучающихся
по направлению 42.03.02 Журналистика
General professional competences of students in the direction 42.03.02 Journalism

Наименование категории (группы) общепрофессиональных компетенций	Код и наименование общепрофессиональной компетенции выпускника
Продукт профессиональной деятельности	ОПК-1. Способен создавать востребованные обществом и индустрией медиатексты и (или) медиапродукты, и (или) коммуникационные продукты в соответствии с нормами русского и иностранного языков, особенностями иных знаковых систем
Общество и государство	ОПК-2. Способен учитывать тенденции развития общественных и государственных институтов для их разностороннего освещения в создаваемых медиатекстах и (или) медиапродуктах, и(или) коммуникационных продуктах
Культура	ОПК-3. Способен использовать многообразие достижений отечественной и мировой культуры в процессе создания медиатекстов и (или) медиапродуктов, и (или) коммуникационных продуктов
Аудитория	ОПК-4. Способен отвечать на запросы и потребности общества и аудитории в профессиональной деятельности
Медиакоммуникационная система	ОПК-5. Способен учитывать в профессиональной деятельности тенденции развития медиакоммуникационных систем региона, страны и мира, исходя из политических и экономических механизмов их функционирования, правовых и этических норм регулирования
Технологии	ОПК-6. Способен понимать принципы работы современных информационных технологий и использовать их для решения задач профессиональной деятельности
Эффекты	ОПК-7. Способен учитывать эффекты и последствия своей профессиональной деятельности, следуя принципам социальной ответственности

Как правило, методисты, говоря об использовании профессионально ориентированных видов контроля, называют следующие основные принципы их применения: научность, интегративность, самостоятельность, интерактивность, независимость оценки [Дорожкин и др., 2014; Дмитриева, 2019]. Виды и формы контроля должны быть практико-ориентированными, учитывать сложившуюся на медиарынке ситуацию, представлять собой сценарии, моделирующие возможные профессиональные ситуации и возможные пути решения профессиональных задач. Преимущества профессионально ориентированных форм контроля отмечены в работах многих методистов. Так, авторы И.Г. Минервин, С.В. Абрамова, Е.Н. Бояров, А.С. Ломов утверждают, что при таком подходе у обучающихся развивается внутренняя мотивация к обучению, они ощущают себя субъектами образования, «...так как появляется возможность свободного выбора способов решения обсуждаемой проблемы...» [Минервин и др., 2014, с. 75].

Мы исходим из того, что контрольно-оценочные мероприятия в рамках дисциплин профессиональной направленности должны обеспечить высокую результативность с учетом реальных познавательных особенностей обучающихся, их творческих возможностей.

Основные виды контроля в рамках вузовского обучения студентов-журналистов

1. *Онлайн-конференция.*

В условиях цифровизации СМИ и достаточно активного использования форм дистанционного обучения и контроля нам представляется актуальным использование платформ для организации видеоконференций («Яндекс.Телемост», Zoom, Skype, Google Meet, What's App, Video Union Server и многих других). В рамках различных занятий профессиональной направленности, проведенных в форме текущего или итогового контроля, работа в образовательном чате (текущий контроль), формат онлайн-конференции (итоговый контроль) доказали свою эффективность.

Так, эффективность занятия по теме «Анализ журналистского текста: лингвистический аспект» связан прежде всего с серьезной предварительной подготовкой как педагога, так и самих обучающихся. Студенты работали с научными статьями и монографиями по теме, фиксировали в конспектах основные положения изученных материалов, каждым из них был подготовлен словарь основных понятий, что позволило на самом занятии не тратить время на формулировку дефиниций и работать непосредственно с журналистскими текстами.

В данном случае мы несколько адаптировали интерактивный метод «однорангового обучения» (Peer instruction), разработанный преподавателем Гарварда Э. Мазуром в начале 90-х годов XX века. Контрольные вопросы обучающиеся получили заранее, чтобы иметь возможность применить свои знания на практике, получить комментарии преподавателя по результатам выполненной работы.

Работа в чате имеет ряд преимуществ в формировании профессиональных (в том числе и коммуникативной) компетенций:

«1) обучающиеся, выступая перед аудиторией, но при этом не видя ее, ощущают психологический комфорт;

2) у участников нет возможности использовать материалы сети в готовом виде, поскольку уточненные вопросы от преподавателя звучат в режиме реального времени, что требует незамедлительного ответа;

3) студенты приобретают умение лаконично, но при этом предельно точно доносить свою мысль до аудитории (длительность голосовых сообщений в чате определена регламентом (не более 1 минуты), что дает возможность преподавателю комментировать каждое высказывание с точки зрения его структуры <...>;

4) обязательным является включение в свой ответ специальной лексики, определяющей речевую культуру будущего специалиста в той или иной предметной области;

5) в процессе подготовки к занятию, во время работы с контрольно-измерительными материалами, студенты узнают новые специальные слова и выражения, работают с хорошо известными, вспоминая особенности их произношения, специфику использования в устной и письменной речи» [Сафонова и др., 2021, с.138].

Занятие по итоговому контролю по дисциплине «Профессиональные творческие студии» на тему «Современный журналист в условиях цифровизации» для студентов четвертого курса в 2020–2021 гг. было также проведено дистанционно, в формате онлайн-конференции на платформе Zoom.

Цели итогового контроля:

1) определить основные преимущества и угрозы цифровизации в медиапространстве;

2) выработать стратегии успешной профессиональной реализации в новых условиях.

На подготовительном этапе обучающиеся должны были создать ментальную карту «Цифровизация: преимущества и угрозы», для чего могли использовать такой онлайн-инструмент для майндмэппинга, как MindMeister. Студентам также были даны рекомендации по заполнению интеллект-карты, а также перечень общепрофессиональных компе-

тенций по направлению 42.03.02 Журналистика и характеристик целостной медиальности, на которые они должны были ориентироваться в процессе работы.

Во время конференции, используя функцию «демонстрация экрана», обучающиеся должны были представить результаты своей деятельности.

Эффективность данного вида контроля определяется прежде всего тем, что студент имеет возможность, изучив необходимую учебную информацию, систематизировать полученные сведения и сформировать собственное мнение по указанной проблеме, а затем высказать его, аргументированно и осознанно.

II. Деловая (ролевая) игра (прием на работу, конференция, брифинг и др.).

Деловая игра, не только как упражнение по закреплению определенных профессиональных навыков, но и как форма контроля, прекрасно зарекомендовала себя при работе со студентами-журналистами. Мы считаем использование деловых игр наиболее эффективным в рамках дисциплин профессиональной направленности на 1 и 2 курсе. Деловая игра позволяет активизировать мышление студентов, повысить их мотивацию, самостоятельность при решении поставленных задач, развивает творческие способности, часто присутствует соревновательный аспект. Учебный процесс эмоционально насыщен, ориентирован на будущую профессиональную деятельность. Педагог контролирует и ход проведения игры, и ее результаты, что позволяет двигаться вместе со студентами к культурно-сообразной норме как идеальному результату учебной деятельности.

А.М. Смолкин [1991] выделяет следующие аспекты при подготовке деловой игры:

1. Выбор темы, диагностика исходной ситуации. Профессиональная ориентация учебного материала.

2. Формирование целей и задач с учетом темы и исходной ситуации.

3. Определение структуры с учетом целей и задач, темы, состава участников.

4. Диагностика игровых качеств участников.

5. Диагностика условий, при которых будет проходить игра.

К этому можно добавить разработку критериев оценки деятельности обучающихся и формулирование предполагаемого результата, к которому они должны прийти.

Деловая игра позволяет студенту «решить» те или иные кейсы, найти индивидуальные стратегии поведения, используя как свой опыт, так и опыт товарищей.

У студентов-журналистов деловая игра проводилась в нескольких разновидностях.

1. *Пресс-конференция (1 курс, дисциплина «Работа пресс-служб и информационных агентств»)*. Основной задачей было оценить умение студентов официально взаимодействовать на пресс-конференции, охарактеризовать основные приемы такого взаимодействия, исправить допущенные ошибки.

Обучающиеся разделились на 3 группы: «Журналисты», «Спикеры», «Эксперты».

Журналисты должны были заранее подготовить по 1 вопросу по теме «Состояние современных СМИ: конвергенция, цифровизация, коммерциализация». Спикеры отвечали на заданные вопросы, высказывали свое мнение. Эксперты оценивали деятельность как первых, так и вторых.

Основные критерии оценки деятельности студентов:

1) понимание исследуемого вопроса;

2) степень подготовки (использование пресуппозиционного материала);

3) аргументация собственного мнения (владение фактами, цифрами, ссылка на авторитеты);

4) умение взаимодействовать с аудиторией (соблюдение правил, норм, дисциплины, регламента).

Для того чтобы каждый студент мог себя попробовать в каждой из ролей, было проведено 3 круга деловой игры.

Затем под руководством педагога происходила рефлексия, анализ допущенных ошибок, выставлялись баллы по итогам работы.

2. *Деловая игра «Полет гениев» (1 курс, дисциплина «Основы журналистской деятельности».* Игра включает элементы пресс-конференции, однако позволяет «замерить» уровень сформированности и других компетенций. По сюжету на Земле происходит катастрофа, 6 лучших людей планеты, «гениев», отправляются на далекую планету с целью привезти на Землю источник неиссякаемой энергии. От успеха миссии зависит судьба человечества. В полете по разным причинам экипаж пять раз должен решить, кто из команды является слабым звеном, таким образом, до чужой планеты долетает лишь 1 игрок. Выясняется, что источник энергии принадлежит высокоразвитой цивилизации. Гостю нужно убедить аборигенов в том, что земляне достойны спасения и значительной жертвы со стороны инопланетян. Как видим, в рамках данной деловой игры проверяются такие умения, как взаимодействие с аудиторией, воздействие на нее, умение доказывать свою позицию, привлекая аргументы различных типов, отвечать на вопросы аудитории.

III. Подготовка журналистского текста на заданную тему.

Данный вид контроля состоит в написании и публикации журналистских текстов в разных жанрах на заданную педагогом тему. Полагаем, нет смысла в рамках статьи перечислять все критерии, по которым оценивается журналистский текст, его эффективность. Этой темой занимались многие авторы (Лазутина Г.В., Ким М.Н., Горина Е.В. и другие). В своем исследовании мы опираемся на классификацию, предложенную Е. Газизовым [2010]. Отметим только, что в качестве зачетной работы (в рамках дисциплин «Жанры журналистики», «Основы редакторского дела») принимались опубликованные материалы, оценивалось также использование информационных технологий, знание потребностей общества, политической ситуации. Учитывая региональный статус Сургутского государственного педагогического университета, мы делали акцент на подготовку будущими специалистами не только качественных журналистских текстов, но и текстов обратной связи в рамках концептуального пространства жителей Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Это требование, в свою очередь, заставляет нас к общепринятым критериям оценки журналистского текста и заданиям практического характера добавить следующие: анализ концептосферы журналистского текста; анализ сходства и различий в языковой картине мира автора и читателей; соблюдение этических норм; анализ языковых средств воздействия на реципиентов; общая оценка эффективности воздействия журналистского текста на локальную аудиторию.

IV. Кейс-метод.

Обучающимся (индивидуально или в группах) предлагаются небольшие по объему тексты (хотя это могут быть и видео-, фото-, аудио-, мультимедийные материалы), в которых описываются ситуации, максимально приближенные к реальным (работа в редакции). Здесь следует отметить высокую эвристическую составляющую данного вида контроля, поскольку студентам нужно, по сути, решить учебную задачу, а также отметить мотивационную составляющую (кейс имеет экспозицию, завязку, кульминацию, развязку – нарратив, безусловно, повышает интерес обучающихся к работе, помогает сделать проверку знаний занимательной и в то же время практикоориентированной). Самое главное – кейс содержит некий проблемный вопрос, на который, как правило, нет однозначного ответа. Оцениваются аналитические способности студентов, их умение работать с информацией (включая пресуппозиционный материал), умение моделировать решения, просчитывать эффект и риски от их воплощения, умение соотносить различные точки зрения, а также – способности к самоанализу, самоконтролю и самооценке.

В качестве примера можно привести следующий кейс, связанный с этической составляющей журналистской профессии: «Вы одновременно занимаете должность главы PR-агентства и редактора бизнес-издания ABIREG. Ваше региональное информационно-аналитическое "Агентство Бизнес Информации" занимается информированием населения

о деятельности бизнес-предприятий в качестве делового средства массовой информации. В то же время вы оказываете услуги внешней службы по связям с общественностью для различных организаций. Ваше начальство предложило платные PR-услуги российской компании "ЭФКО", занимающейся масложировой промышленностью, на что получило отказ в сотрудничестве. На планёрке вам как редактору СМИ дали задание, в рамках которого вы должны организовать серию негативных статей (около 22) о компании "ЭФКО" без разглашения источников. Вы понимаете, что тем самым может снизиться доверие потребителей к данной организации. Руководство ссылается на то, что, пресс-служба предприятия зачастую отказывает в комментариях вашему деловому изданию, что может указывать не на непрозрачность деятельности "ЭФКО".

Вопросы для рефлексии.

1. Приемлемо ли совмещение журналистской деятельности (редактор СМИ) и PR-деятельности (глава PR-агентства)? Не является ли это нарушением профессиональной этики журналиста?

2. Может ли деловое издание допустить зависимость своей деятельности (информирование граждан) от бизнес-отношений или отказ от них с какой-либо компанией, ведь подобные отношения / их отсутствие могут влиять на беспристрастность и достоверность информации?

3. Должен ли журналист/редактор СМИ выполнять задание руководства, если оно угрожает объективности информации о компании-субъекте, которая является носителем "общественного интереса" для аудитории?» [Каликанова, 2018].

V. Портфолио методистами рассматривается не только как форма фиксирования, но и как способ оценки документально подтвержденных достижений индивидуальных успехов обучающегося.

Для студентов-журналистов (особенно старших курсов) составленное по четко обозначенным педагогом правилам портфолио, включающее творческие и научные работы (публикации), дипломы, грамоты, свидетельства о прохождении КПК и т.п., будет не только демонстрацией его профессионального роста и уровня социокультурной идентификации, но и весомым аргументом при прохождении по конкурсу на должность сотрудника редакции. Портфолио может и должно стать одним из элементов при оценке уровня сформированности профессиональных компетенций по профильным дисциплинам. Для выпускников на факультете было бы уместно организовать выставку портфолио, объявить конкурс на лучшее из них.

Полагаем, что при оценке уровня сформированности общепрофессиональных компетенций педагог не должен бояться отходить от традиции индивидуального контроля. В этой связи, на наш взгляд, являются актуальными и в достаточной степени эффективными те виды контроля, когда обучающиеся делятся на группы с целью решения конкретной учебной задачи. Здесь роль преподавателя состоит в том, чтобы оценить вклад каждого студента в общий учебный результат. Хотя следует признать, что такие виды контроля лучше использовать на промежуточных этапах изучения курса.

VI. Развивающая кооперация.

Исследователь В.И. Баймурзина выделяет следующие ее характеристики:

- «...группа, которая сохраняет свой состав во время решения проблемы;
- временная совместная деятельность: краткосрочная <...>, долгосрочная <...>;
- единое содержание совместной деятельности (разработка целей, задач, форм, содержания <...>; определение средств и условий осуществления <...> процесса);
- мотив участников кооперации, выражающийся в <...> потребности самообразовываться, развиваться в личностном плане» [Баймурзина, 2013, с. 1281].

Здесь важно отметить, что группа работает в течение всего цикла и представляет совместный продукт (учебный результат) на оценку педагога.

VII. «Джигсоу» (автор Эллиот Аронсон, 1971 г.).

Включает вышеобозначенные элементы (работа в группе, изучение информации по обозначенному в задании вопросу, проведение исследования (теоретическая часть и сбор эмпирических данных), представление результатов в учебной группе. Отличие «Джигсоу» от «Развивающей кооперации» нам видится в большей научной направленности работы студентов. Обучающиеся учатся друг у друга, проводя совместный эксперимент в рамках научного исследования под контролем педагога.

VIII. Проект как вид контроля уровня сформированности компетенций.

Данный вид учебной деятельности мы считаем для студентов-журналистов наиболее эффективным. Он предполагает высокую степень самостоятельности обучающихся, решение проблемы в рамках учебного курса. О необходимости внедрения собственно проектного метода в практику журналистского образования в последнее время пишут достаточно много (Л.В. Иванова, А.В. Куприянова, М.А. Мясникова, И.А. Фатеева, Ю.М. Ершов, В.В. Тулупов и др.)

Так, исследователь Ю.М. Ершов говорит о необходимости создания медиапарка, на базе которого журналисты могли бы проводить исследования, реализовывать различные проекты, апробировать идеи и представлять полученные результаты: «Специалисты по медиа и дизайну, допустим, полноценно могут участвовать в IT-проектах, художники в проектировании сложных систем коммуникаций, знания возникают на стыках и соединениях наук» [Ершов, 2016, с. 16]. В.В. Тулупов говорит о медиапроекте уже как о форме контроля: «Подготовка творческих проектов (выпуск учебной газеты, проектная зачетная работа, итоговая аттестационная работа) – это уход от традиционных форм контроля и оценки, актуализация полученных знаний, комплексное решение профессиональных задач» [Тулупов, 2016, с. 11].

Данный вид контроля мы не имели возможности использовать так широко, как предлагает Ю.М. Ершов (то есть на базе медиапарка), однако в рамках дисциплины «Анализ журналистского текста» студенты четвертого курса в 2021–22 уч. года были поделены на несколько групп и готовили медиапроекты для отчета. Темы студенты выбирали самостоятельно. При этом обучающимися должны учитываться актуальность и социальная направленность проектов. Проекты на темы «Трэвел-блог «Путешествуем по России», «Сургутский звук»; «Лонгрид как современный журналистский формат» и «Доктор, у меня это» были успешно завершены в срок и представлены на итоговом учебном занятии (материалы размещены на сайте СурГПУ и в корпоративной газете «Ступени СурГПУ»).

Заключение

Подводя итоги, отметим, что уход от традиционных видов контроля (и прежде всего тестирования) при подготовке будущих журналистов в вузе назрел давно. При этом использование вышеперечисленных видов контроля (их список, безусловно, может быть расширен) позволит оценить не только уровень ЗУН, но и сформированность общепрофессиональных компетенций, а также уровень развития личности, прежде всего самоидентификации. Успешность выполнения заданий творческого и эвристического характера будет говорить о целостности медиаличности будущего специалиста, его готовности к успешной социальной адаптации и профессиональной реализации на производстве.

Список источников

- Тимофеевский А. 2013. Факультет ненужных вещей. 4 ЕГЭ, 9 октября 2013. URL: <https://4ege.ru/vuz/4373-fakultet-nenuzhnyh-veschey.html> (дата обращения: 7.07.2022).
Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования - бакалавриат по направлению подготовки 42.03.02 Журналистика. 2021. Приказ Министерства образования и науки РФ от 08.06.2017 N 524 (ред. от 08.02.2021).

URL: <https://base.garant.ru/71709010/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/#friends> (дата обращения: 01.08.2022).

Смолкин А.М. 1991. Методы активного обучения. М., Высшая школа, 176 с.

Список литературы

- Бабанова И.А. 2012. Деловые игры в учебном процессе. Научные исследования в образовании, 7: 19–24.
- Баймурзина В.И. 2013. Взаимосвязь технологии развивающейся кооперации и общей этнопедагогики. Вестник Башкирского университета, 18(4): 1279–1282.
- Газизов Е. 2010. Контрольное задание по курсу «Теория и практика журналистского творчества». Методика анализа журналистского текста. Refdb.ru, 19 марта 2010. URL: <https://refdb.ru/look/2542882.html> (дата обращения: 21.06.2022).
- Дмитриева Н.К. 2019. Реализация принципов междисциплинарного подхода в процессе обучения профессионально-ориентированному иностранному языку. Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика, 25(2): 168–172. DOI: 10.34216/2073-1426-2019-25-2-168-172
- Дорожкин Е.М., Колясникова Л.В., Щербина Е.Ю. 2014. Специфика контроля компетентностных результатов профессионального обучения. Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Серия: Педагогика и психология, 4: 43–51.
- Ершов Ю.М. 2016. Модели журналистского образования в цифровую эпоху. Журналистский ежегодник, 5: 13–16.
- Каликанова А.С. 2018. Разработка образовательных кейсов по профессиональной этике журналиста (на примере конфликта общественного интереса и редакционной политики средств массовой информации). Выпуск. квалификац. работа на соискание академической степени «магистр». Тюмень, 92 с. URL: https://library.utmn.ru/dl/VKR_Tyumen/VKR_2018/ISGN/KalikanovaAS_VKR.pdf (дата обращения 1.08.2022).
- Колесниченко А.В., Вырковский А.В., Галкина М.Ю., Образцова А.Ю., Вартанов С.А. 2017. Трансформация журналистской работы под влиянием новых технологий: поиск информации, жанры медиатекстов, редакционная культура. Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика, 5: 51–71.
- Минервин И.Г., Абрамова С.В., Бояров Е.Н., Ломов А.С. 2014. Практико-ориентированная модель подготовки современного специалиста. Южно-Сахалинск, Изд-во СахГУ, 152 с.
- Сафонова Н.Н., Кашкарева А.П., Авдеева Е.А., Гаврилов В.В. 2021. Профессионально ориентированные формы контроля в коммуникативной подготовке студентов вуза. Вестник Сургутского государственного педагогического университета, 4(73): 135–145. DOI: 10.26105/SSPU.2021.73.4.015
- Сибгатуллин И.Р., Голованова И.И. 2018. Роль интерактивного обучения в формировании универсальных компетенций у студентов бакалавров. В кн.: III Андреевские чтения: современные концепции и технологии творческого саморазвития личности. Сборник статей участников Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, 27–28 марта 2018, Казань. Под ред. Ю.В. Андреевой, Е.В. Асафовой, В.П. Зелеевой, Э.Г. Галимовой. Казань, Центр инновационных технологий: 217–222.
- Тулупов В.В. 2016. О вузовском журналистском образовании. Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры, 22 (3 (153)): 7–13.

References

- Babanova I.A. 2012. Delovye igry v uchebnoy protsesse [Business games in the educational process]. Nauchnye issledovaniya v obrazovanii, 7: 19–24.
- Baymurzina V.I. 2013. Connection between the technology of developing cooperation and general ethnopedagogics. Vestnik Bashkirskogo universiteta, 18(4): 1279–1282 (in Russia).
- Gazizov E. 2010. Kontrol'noe zadanie po kursu «Teoriya i praktika zhurnalistskogo tvorchestva». Metodika analiza zhurnalistskogo teksta [Control task for the course "Theory and practice of journalistic creativity." Methods of analysis of journalistic text]. Refdb.ru, 19 March 2010. Available at: <https://refdb.ru/look/2542882.html> (accessed: June 21, 2022).



- Dmitrieva N.K. 2019. Interdisciplinary approach principles' implementation in the process of teaching professionally-oriented foreign language. Vestnik Kostroma state university. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics, 25(2): 168–172 (in Russia). DOI: 10.34216/2073-1426-2019-25-2-168-172
- Dorozhkin E.M., Kolyasnikova L.V., Shcherbina E.Yu. 2014. The peculiarities of control of competence results in professional education. Vestnik of Sholokhov Moscow State University for the Humanities: Pedagogy and Psychology Series, 4: 43–51 (in Russia).
- Ershov Yu.M. 2016. Models of journalism education in the digital era. Journalist Yearbook, 5: 13–16 (in Russia).
- Kalikanova A.S. 2018. Razrabotka obrazovatel'nykh keysov po professional'noy etike zhurnalista (na primere konflikta obshchestvennogo interesa i redaktsionnoy politiki sredstv massovoy informatsii) [Development of educational cases on the professional ethics of a journalist (on the example of a conflict of public interest and editorial policy of the media)]. Release. qualification work for the academic degree "master". Tyumen', 92 p. Available at: https://library.utmn.ru/dl/VKR_Tyumen/VKR_2018/ISGN/KalikanovaAS_VKR.pdf (accessed: August 1, 2022).
- Kolesnichenko A.V., Vyrkovskiy A.V., Galkina M.Yu., Obraztsova A.Yu., Vartanov S.A. 2017. Transformation of journalistic work in response to new technologies: information search, genres of media texts, editorial culture. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika, 4: 51–71 (in Russian).
- Minervin I.G., Abramova S.V., Boyarov E.N., Lomov A.S. 2014. Praktiko-orientirovannaya model' podgotovki sovremennogo spetsialista [Practice-oriented model of modern specialist training]. Yuzhno-Sakhalinsk, Publ. Izd-vo SakhGU, 152 p.
- Safonova N.N., Kashkareva A.P. Avdeeva E.A., Gavrilov V.V. 2021. Professionally oriented forms of control in the communicativetraining of university students. The Surgut State Pedagogical University Bulletin, 4(73): 135–145 (in Russian). DOI: 10.26105/SSPU.2021.73.4.015
- Sibgatullin I.R., Golovanova I.I. 2018. Rol' interaktivnogo obucheniya v formirovanii universal'nykh kompetentsiy u studentov bakalavrov [The role of interactive learning in the formation of universal competencies in undergraduate students]. In: III Andreevskie chteniya: sovremennye kontseptsii i tekhnologii tvorcheskogo samorazvitiya lichnosti [III Andreevsky readings: modern concepts and technologies of creative self-development of the individual]. Collection of articles by participants of the All-Russia. scientific-practical. conf. with international participation, March 27–28, 2018, Kazan. Eds. Yu.V. Andreeva, E.V. Asafova, V.P. Zeleeva, E.G. Galimova. Kazan', Publ. Tsentr innovatsionnykh tekhnologiy: 217–222.
- Tulupov V.V. 2016. On higher journalism education. Izvestia Ural Federal University Journal Series 1 Issues in Education, Science and Culture, 22(3(153)): 7–13 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 11.07.2022

Поступила после рецензирования 15.08.2022

Принята к публикации 10.09.2022

Received July 11, 2022

Revised August 15, 2022

Accepted September 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гаврилов Виктор Викторович, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры филологического образования и журналистики, Сургутский государственный педагогический университет, г. Сургут, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Victor V. Gavrilov, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Assistant Professor of the Department of the Philological Education and Journalism, Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia



УДК 070.1

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-3-443-453

Социальные риски либеральной модели информационного рынка в России

Киричѐк П.Н.

Московский гуманитарный университет,
Россия, 111395, г. Москва, ул. Юности, 5
E-mail: kpn54@yandex.ru

Аннотация. В теоретическом и практическом поле современного медиадискурса возникает настоятельная необходимость произвести всестороннюю экспертизу происшедших в отечественной прессе трансформаций за тридцать лет её пребывания на информационном рынке. Процесс этот в науке о журналистике идёт постоянно, но в нём наличествуют две существенные лакуны: во-первых, крайне редко речь заходит об утратах отечественной прессы в связи с переходом в стихийный рынок, и, наоборот, гораздо чаще в комплементарном духе говорится о её обретениях; во-вторых, в повестке дня медийных исследований в качестве объекта лишь в малой степени присутствует контент прессы (первичное начало), который сейчас по частотности заметно уступает её формату (вторичному началу). В данном исследовании преодолевается этот двойственный гносеологический диспаритет.

Ключевые слова: информационный рынок, либеральная модель, социальный риск, журналистика, пресса, контент, формат, медиакритика, прогресс, регресс

Для цитирования: Киричѐк П.Н. 2022. Социальные риски либеральной модели информационного рынка в России. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41(3): 443–453. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-3-443-453

Social Risks of the Liberal Model of the Information Market in Russia

Peter N. Kirichyok

Moscow Humanitarian University 5 Youth St, Moscow 111395, Russia
E-mail: kpn54@yandex.ru

Abstract. In the theoretical and practical field of modern media discourse, there is an urgent need to make a comprehensive examination of the transformations that have taken place in the domestic press over the thirty years of its presence in the information market. This process in the science of journalism is ongoing, but there are two significant gaps in it: firstly, it is extremely rare to talk about the loss of the domestic press in connection with the transition to a spontaneous market, and, on the contrary, much more often in a complimentary spirit, it is said about its gains; secondly, the content of the press (primary beginning) is only to a small extent present on the agenda of media research as an object, which is now noticeably inferior in frequency to its format (secondary beginning). This article overcomes this dual epistemological disparity.

Keywords: information market, liberal model, social risk, journalism, press, content, format, media criticism, progress, regression

For citation: Kirichyok P.N. 2022. Social Risks of the Liberal Model of the Information Market in Russia. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41(3): 443–453 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-3-443-453

Введение

Противоречивое впечатление с парадигмального уровня производит на специалиста буквально всё, идеологическое и технологическое, что наблюдается в настоящее время в информационной сфере жизнедеятельности общества: тренды и тенденции, установки и интенции, дискурсы и ракурсы, ресурсы и реверсы, кейсы и рецессии, нарративы и блогинги, контент и форматы, платформы и мессенджеры, блоги и интерфейсы, означающие новые реперные точки общего медийного процесса. В такой многослойной ситуации духовно-практического характера весьма сложным выглядит назревший в теории прессы научно-исследовательский замысел: привести эту разбросанную по всему полифоническому – печатному, аудиальному, визуальному, сетевому – пространству содержательно-формальную и структурно-функциональную чересполосицу к общему гипотетическому знаменателю, связанному с причинно-следственными свойствами быстро мутирующего в XXI веке информационного рынка.

Динамика пореформенного состояния отечественной журналистики с её спонтанными взлётами и падениями позволяет констатировать очевидное: социальный феномен с брендом «информационный рынок», считавшийся тридцать лет назад абсолютным показателем общественного прогресса (по крайней мере, в медийной сфере), перестаёт быть чем-то вроде «священной коровы», недоступной для всяческих сомнений в её сакральности, необходимости и полезности. В теоретическом (среди учёных) и прикладном (среди журналистов) дискурсах по поводу информационного рынка звучат теперь разные оценочные голоса – от привычной апологетики с перечнем «плюсов» до прямой антагонистики с подсчётом «минусов». Первый тип голосов обычно исходит от поклонников стремительно прогрессирующей технологии (формата) прессы, а второй тип голосов неизменно проистекает от поборников медленно регрессирующей её идеологии (контента).

Чья точка зрения со временем возьмёт верх? – вопрос остаётся открытым для истории. Но то, что сейчас как в теории, так и на практике журналистики за «деревьями» процветающей технологии прессы большинство специалистов не видят «леса» увядающей её идеологии, является фактом нашей медийной биографии. И фактом тревожным, в чьих причинах и следствиях нужно основательно разобраться с помощью методов именной науки о журналистике под названием «медиалогия» и внести необходимые корректировки в модусы информационной политики со стороны органов власти, творческих коллективов, профессиональных ассоциаций. Речь здесь идёт – ни много ни мало – о здоровом или «нитратном» качестве получаемой большинством населения страны духовной пищи в виде массовой информации, от регулярного потребления которой прямо зависит уровень сознания и поведения людей в связи с решением капитальной проблемы формирования в России гражданского общества.

Теоретическое обоснование

Любое социально значимое явление требует аксиологического мониторинга в периметре именного прогресса или регресса. Прошедшая испытание стихийным рынком российская журналистика не является исключением из этого правила. При определении качественного уровня и парадигмы развития российской журналистики в условиях глобализации мира и модернизации страны учитывается прямая и косвенная зависимость информационно-вещательной деятельности от общего состояния духовной сферы социального воспроизводства, для чего используется системный метод. С его помощью выявляется сложившийся в стране параллелизм кризиса гуманитарных профилей бытия – культуры, науки, образования, воспитания – и кризиса журналистики, что обусловливается неадекватностью рыночного модуса существования и функционирования для производящих «идеи» структур общества. В системном виде характеризуется процесс установления в границах рыночных отношений генерального тренда развития отечественной прессы под флагом либерального

экономикоцентризма, некритически заимствованного из американско-европейского опыта работы печатных, электронных, сетевых средств массовой информации.

Произошедшие в последние тридцать лет изменения в журналистике, связанные с трансформациями её контента и формата, информации и коммуникации, семантики и стилистики, авторской и корпоративной линии поведения рассматриваются в рамках структурно-функционального метода. С его помощью выявляются типичные для сегодняшней прессы регрессивные моменты содержательно-формальной эволюции журналистских произведений, обусловленные неблагоприятными для креативного процесса их создания экономическими и политическими обстоятельствами общественного жизнеустройства на рыночных основаниях. Зафиксированные в ходе медиакритического анализа проблемно-тематические и семантико-стилистические «потери» отечественной журналистики, случившиеся под давлением стихийных рыночных механизмов, сопровождаются доказательными иллюстрациями из газетных публикаций.

Затянувшийся на три десятка лет кризис российской журналистики объясняется тотальным отступлением её структур и служителей от миссии (предназначения) прессы, соответствующей менталитету Русского суперэтноса в евразийском измерении, что выясняется с помощью сравнительно-исторического метода. Он позволяет совместить в одной научно-исследовательской плоскости несколько периодов в истории отечественной журналистики и увязать наибольшие её успехи с приверженностью к нерыночным условиям существования и функционирования. Увы, сделанный журналистами в начале 1990-х гг. выбор в пользу чужеродного (американско-европейского) миссионерского модуса публичного слова, кадра, звука приводит в конечном счёте к резкому снижению социально-креативного и нравственно-психологического потенциала отечественной прессы и к утрате Россией прежнего статуса духовного полюса мира.

Либеральная квазиреформа системы социального воспроизводства

Когда в начале 1990 годов пришедшая к власти элита стала реформировать российское (ещё под советским брендом) общество по западным либеральным лекалам, то в качестве главного инструмента преобразования она решительно использовала комплекс рыночных механизмов, включённых в режиме шоковой терапии. Тогда крутым реформаторам (а-ля Гайдар-Чубайс-Бурбулис) вожделенный рынок как первейший двигатель прогресса с его «статором» – сакральной частной собственностью и «ротором» – волшебной палочкой стихийной регуляции (саморегуляции) общественной жизни казался безусловной панацеей от всех привычным бед и узких мест, возникавших в модусе отечественного бытия, который заметно стагнировал в застойный период.

Расчислившие под себя сферу государственного управления новые «верхи» России с помощью возникших в кремлёвских апартаментах американских советников внедрили с позиции силы стихийный рынок как тотальный определитель общественного бытия и массового сознания во всех без разбора сегментах системы социального воспроизводства, хотя на этот счёт были серьёзные предостережения от авторитетных специалистов – например, от лауреата Нобелевской премии по экономике Дж. Стиглица: «Я рассматриваю рыночный механизм как мощный инструмент создания благ, ещё не достигший потолка своих возможностей, но в процессе своего развития обрекший часть человечества на отставание и фактически даже ухудшивший положение некоторой его части» [Стиглиц, 2005, с. 334]. Иного не дано: у стихийного, или слепого, рынка лишь две заботы – прибыль производителя и желудок потребителя, и ничего больше он признавать не хочет, тем более каких-то гуманистических сантиментов.

Помимо этого, об одном, самом важном, сверхрешительные квазиреформаторы не подумали: оказывается, по своей сущности рынок, но только регулируемый государством, может приносить пользу обществу, причём его большинству, а не меньшинству, лишь в

пределах отраслей экономики, торговли и обслуживания населения, иными словами: при производстве «вещей» и оказании услуг в рамках отношений «сделай – купи – продай». А духовной сфере общества – науке, культуре, искусству, религии, образованию, воспитанию, иными словами: при производстве «идей» и формировании всесторонне развитой личности, рынок наносит непоправимый вред, связанный с неизбежным ухудшением «погоды человека» (термин из американской социологии), о чём предупреждал К. Маркс:

«Капиталистическое производство враждебно известным отраслям духовного производства, например, искусству и поэзии» [Маркс, 1962, с. 280].

В самом деле, в недрах капиталистического жизнеустройства постоянно воспроизводятся ценностные фундаментальные основания, заложенные в природе общественного строя с частнособственническим модусом бытия и адекватным типом потребительского сознания, вполне способные опустить духовную сферу – науку, культуру, искусство, образование, воспитание – из точки апогея в точку перигея. На примере постсоветской России всему миру даётся назидательный урок: как только в периметре духовной сферы социального воспроизводства запускаются механизмы либерального фундаментализма с его рыночным чистоганом в качестве стихийно действующего регулятивного элемента, так она сразу начинает загнивать на корню. И тем самым как бы подтверждает невольно выбранное нашей страной понижающее её рейтинг местонахождение в стане «догоняющей» золотой миллиард человечества цивилизации.

Если говорить в деталях, то под давлением рыночных механизмов в стране происходят существенные трансформации негативного свойства, которые воочию свидетельствуют о постепенной утрате Россией прежнего статуса духовного полюса мира: художественная литература вырождается в бульварную беллетристику с искусными ворами и ночными бабочками, кинематограф снижается до уровня криминальных сериалов с честными и продажными «ментами», театр уходит в постановку произведений классики с сексуальным душком, образование превращается в натаскивание молодёжи на единый госэкзамен и вузовский диплом, наука переходит в самовыживание с помощью коммерции, спорт мутирует в добычу побед любой ценой (за счёт допинга). И везде правят бал деньги, деньги, деньги, которые никогда, особенно не праведные, полученные эксплуататорским путём, не представляли абсолютной ценности для евразийского менталитета.

Для такой уникальной страны с её историко-культурной «великостью», какой является Россия в лоне евразийской цивилизации, отступление от примата духовного начала в повседневной жизни фактически оборачивается значительным по масштабам и последствиям всеобщим – политическим, экономическим, культурным – реверсом. А первотолчком к его появлению и инерционному продолжению с неизменной утратой прежних достижений является рискованный во всех смыслах отказ нынешней элиты и массы от реформирования страны с учётом национального менталитета, требующего жить своим, а не заёмным у англосаксов умом, на что указывает В.И. Толстых: «Ведь что такое Россия? Это и земля, пространство, может быть, самое необычное, разнообразное и разноликое на всём земном шаре; и государство, которое не всегда справедливо и благодарно относится к тем, кто ему служит, а не прислуживает; и великая культура, на редкость точно и глубоко выразившая дух породившего её народа-нации, и многое-многое другое, что входит в богатое словосочетание Русский Мир» [Толстых, 2009, с. 170].

Если прибавить к извечному поиску россиянами ментальной идентичности, характерной для их труда, быта, досуга, невиданную в мире по масштабам территорию (от холодных льдов до горячих песков), невиданную в природе разность земель (от дремучих лесов до топких болот), невиданную в климате полярность летне-зимних температур (от плюс пятидесяти до минус пятидесяти), то можно уяснить на всю, как говорят в народе, оставшуюся жизнь: в России всяческие попытки радикального реформирования по «чужим» для народного архетипа либеральным калькам изначально несут в себе огромный риск цивилизационного отката. Оказывается, целая нация вполне может из реального со-

циализма (с утратой крупных его достижений) перескочить в олигархический феодализм (с «обретением» ещё больших потерь), или иначе: сделать многомерный шаг по исторической спирали развития не вверх, а вниз.

В итоге резонно встаёт коренной вопрос, давно заданный А.И. Герценом: «Почему же русский народ, самобытно развившийся, при совершенно других условиях, чем западные государства, с иными началами в быте, должен пережить европейские зады?» [Герцен, 1958, с. 535]. Увы, наступив второй раз в своей истории на капиталистические грабли, сегодняшняя Россия с её политическими структурами и социальными институтами либерального свойства занялась в рамках понижающего вектора социализации граждан конвейерной возгонкой новой «массы» с её ценностным ядром в лице человека-обывателя, падкого на сенсации, неуравновешенного, подверженного метаниям и житейским соблазнам, для которого питательной почвой представляется насаждаемый во всех нишах общества рыночный экономикоцентризм в его назойливых вещественно-меркантильных про- явлениях.

Негативный опыт реформации постсоветского бытия, причём не только российский, но и остальной «снговский», наглядно демонстрирует, что одномерный «рыночный» человек как объект, субъект и продукт социального воспроизводства на информационно-коммуникационном этапе развития общества становится анахронизмом. По прогнозу А.С. Панарина, «общая цивилизационная перспектива указывает нам на постэкономического человека – личность, в системе приоритетов которой на первое место выходят ценности культуры, духа, творческой самореализации, качества жизни. Симптомы присутствия постэкономического человека в России ощущались уже давно и, возможно, значительно сильнее, чем на Западе» [Панарин, 1996, с. 421]. Отсюда вывод: ближайшее будущее в XXI веке будет принадлежать универсально образованной и воспитанной личности, которая как нельзя больше соответствует социально-нравственным реалиям постиндустриального общества.

Журналистика в плену экономикоцентризма

Журналистика не осталась в стороне от общего регресса духовной сферы России, хотя и обладала до либеральных реформ одним из лучших в мире публицистических контентов, что открыто признавали многие зарубежные мэтры пера, камеры, микрофона. Отказ от своей (евразийской) философии журнализма случился спонтанным образом, без тщательной калькуляции «плюсов» и «минусов», сложившейся к рубежу 90-х годов отечественной медийной системы и её информационно-коммуникационной специфики в социокультурном измерении. Он был не оправданным ни в транспективе, ни, тем более, в перспективе развития – как заметил А. Моль, «благодаря общественной собственности на такие важнейшие средства массовой коммуникации, как газеты, радио, телевидение, в демократическом обществе практическое применение учения о динамике культуры может оказаться более осуществимым, чем в капиталистическом, где обуреваемые жаждой наживы частные фирмы, монополизировавшие поставку элементов культуры, прибегают, как правило, к политике самого близкого прицела, стремясь дать публике то, что ей приходится больше всего по вкусу в данный момент, в ущерб динамике культуры, создающей новое» [Моль, 2008, с. 26].

Изначально заданная высоконравственная атмосфера в прессе советского образца с её благородными целями – «улучшения жизни и свершения добра» – вербально-визуальными средствами три с лишним десятка лет в системно-непрерывном варианте также отравлялась профитным ядом коммерции. Это инфицирование явилось неизбежным следствием внутренне присущего капитализму гена экономикоцентризма, диктующего свои правила не только политике, но и культуре. В современных условиях даже «специализированные периодические издания в сфере культуры осуществляют свою деятельность



в условиях рыночной конкуренции и должны соблюдать общепринятые правила и форматы ведения коммерческой деятельности» [Зинин, Полонский, 2020, с. 53]. Конечно, это данность, которую журналистам нужно учитывать, но за ней в таком случае следует неизбежность: материальное начало в деятельности прессы бесцеремонно вытесняет на задворки духовное начало даже в пределах его постоянного местообитования, где по русской исторической традиции полагается сеять разумное, доброе, вечное с неприложимой к ним гешефтной меркой.

На пользу сегодняшней отечественной прессе эта повседневная погоня за рублём – не столько за длинным, чтобы процветать, сколько за коротким, чтобы выживать – разумеется, не идёт: в условиях постоянной нужды рабочий горизонт журналиста сужается до материального мирка с куском хлеба насущного, который нужно заполучить любой ценой, а все высокие материи, типа «правда, истина, добро, честь, справедливость» становятся для него квазинравственной обузой. А тут ещё коварный рынок с его сложными хитросплетениями индивидуальных и групповых интересов часто испытывает служителя прессы огромным искушением – легко получаемыми деньгами в случае отступления в своей работе от этических принципов: «Какие сумасшедшие суммы предлагают за то, чтобы ты написала нужную заказчику статью! Если встать на этот путь, можно решить все свои проблемы. И квартиру купить, и машину» [Калинина, 2009, с. 44]. Понятно, что многие журналисты не выдерживают такого испытания на моральную стойкость и начинают по выгодным заказам заниматься, к примеру, вербальным, визуальным, сетевым киллерством.

Естественно, вслед за производителем массовой информации экономикоцентрического характера негативную эволюцию претерпевает её потребитель, ведь заряженные одномерным контентом медиатексты не учитывают многозначную сущность человека, выраженную в трёх его ипостасях, а именно: в биогенезе, социогенезе и психогенезе. Насаждаемый либеральной властью и прессой «здесь и сейчас» рыночный экономикоцентризм неизбежно редуцирует (упрощает) основные формы бытия и сознания социума ползучей, подавляющей всё остальное, меркантильностью интересов и запросов людей. Эта устоявшаяся тенденция последовательно низводит уровень публичного дискурса с духовной дихотомии типа «хорошо или плохо» на материальную диспозицию типа «выгодно или невыгодно», причём первая установка продолжает среди особо преуспевающей сегодня небольшой группы журналистов, получающих баснословные гонорары, высмеиваться как «совковый» рудимент отринутого в начале 1990-х годов и почившего в бозе социалистического жизнеустройства.

По всем канонам «общества потребления» ставший генеральным тренд экономикоцентрического развития духовной отрасли социального воспроизводства имеет полюсом притяжения биогенез в человеке и повсюду выставляет на передний план материальные начала его повседневной жизни. В результате все духовные основы жизнедеятельности общества и государства – культурная, образовательная, воспитательная – приобретают ярко выраженный материально-практический флюс. Эта управленческая одномерность делает общественное устройство уязвимым перед недовольством масс людей, которые недополучают востребуемого объёма духовных ценностей и благ. Тот же маркер носит информационно-коммуникационная сфера российского общества, которая по своей социально-практической природе обладает внушительной, формирующей бытие и сознание граждан, силой: «Действия общества, поступки людей во многом определяются тем объёмом и качеством информации, которую они получают. Голодный информационный паёк часто приводит к ложным и нелепым представлениям о мире, а это ведёт к ложным поступкам, к ложному поведению» [Засурский, 2007, с. 12].

Относительно объёма поставляемой обществу публичной информации претензий к сегодняшней журналистике быть не может – тут наличествует даже её переизбыток, чем-то напоминающей ситуацию с демьяновой ухой из крыловской басни. Иное дело – каче-

ство этой информации, предлагаемой к массовому употреблению, чей низкий по содержанию и интенции уровень порождает явно выраженный социальный мегапарадокс, когда на общий профицит всевозможной информации накладывается частный дефицит конструктивной (полезной) её разновидности: это как в торговой лавке, забитой различными товарами, глаза у покупателя разбегаются от наличия всякой всячины, а приобрести для пользы дела практически нечего. В самом деле, экстенсивное насыщение информационной среды ни к чему не пригодным медийным пустоцветом в настоящее время приобретает вселенский размах, на что обращает внимание А.А. Зиновьев: «Планета захламлена информацией не меньше, чем отходами индустрии, нанёсшими непоправимый ущерб природной среде. Информация стала самым дешёвым продуктом жизнедеятельности общества. От этого хлама нет спасения, как от мусора» [Зиновьев, 2005, с. 295].

Признаки регресса контента прессы

В самом деле, непредвзятому медиаспециалисту трудно не замечать значительных, причём лежащих на поверхности и прямо бросающихся в глаза, интеллектуально-эмоциональных потерь от перехода журналистики в рыночный алгоритм. Однако в научном дискурсе большинство экспертов от медиалогии предпочитают постоянно говорить о великом прогрессе в области формата прессы, движимой технико-технологическим фактором развития, в основном с помощью сетевой массовой коммуникации, осуществляемой в интернет-пространстве. А о явном регрессе контента прессы – молчок. Ну как можно не замечать того, для чего стали использовать долго лелеемый в мечтах отечественной прессы принцип свободы слова и наконец-то «завоёванный» в конце 80-х – начале 90-х годов?! Неужели для того чтобы сегодня в условиях рынка самим журналистам в поиске тем и сюжетов «обливаться» жизненными помоями и окатывать производной от них дурно пахнущей информацией своих читателей, слушателей, зрителей, пользователей, типа: «В каких только процессах не участвовала Анастасия Волочкова, и вот теперь Настю застукали под ёлочкой. Писающей. Мало того, ещё сфотографировали и распространили фото в Интернете. Теперь хотят запретить ей справлять малую нужду на своём участке через суд, ибо кому-то за его пределами это видно. Соседи подали иск к Волочковой, чтобы запретить ей писать на своём участке и оголять участки тела»¹.

Первый регрессивный признак контента прессы, попавшей в рыночные условия существования, выражается в явном снижении планки его интеллекта, или «смыслофактического» и образно-стилистического ресурса. В предлагаемом для аудитории содержании сегодняшней прессы на передний план, как правило, выходит хроникальный ряд, который едва ли не полностью подавляет собой аналитический и художественно-публицистический аналог. Этот тренд, не требующий от журналистов особых публицистических изысков, подтверждается быстро изменяющимся ранжиром в жанровой системе прессы: простые виды – заметки, отчёты, репортажи, интервью – прибывают числом в геометрической прогрессии, а сложные виды – статьи, корреспонденции, письма и (особенно) очерки, фельетоны, памфлеты – наоборот, исчезают из постоянного ассортимента медийного производства и регулярного аудиторного потребления. Процесс вытеснения из контента рыночной прессы развёрнутых элементов интеллектуальной аналитики и художественной публицистики усугубляется быстро растущим примитивом даже в заголовках публикуемых материалов в одном и том же номере газеты, от которых отдаёт не профессиональным творчеством, а натужным ремеслом канцелярского уровня: «В Саранске наградили медицинских сестёр», «Благоустроенных территорий должно быть больше!», «В Мордовию поступила первая партия новой вакцины Кови-Вак», «Артём Здунов взял на

¹ Волочкову привлекли в суд по нужде. Балерина против и обещает на своём участке пуститься во все тяжкие. 2022 // Московский комсомолец, № 60(560), 6–12 апреля.

контроль обращения активистов ОНФ», «Праздничным линейкам быть!», «МордовАгро-Маш» представил образцы новой техники», «Жителям дома № 24 по улице М. Расковой построили долгожданную дорогу», «Мы должны уважительно относиться к каждому пациенту!», «В Саранске начал работу хаб СБЕР ЕАПТЕКИ», «Активисты ОНФ провели экологическую акцию «Сохраним природу вместе»¹.

По определению, такие сдвиги в жанрово оформленных интенциях прессы и качестве её продукции изо дня в день отучают производителей подобной информации от профессиональной необходимости работать на самом высоком креативном уровне, а её потребителей – от естественной для гомосапиенс привычки размышлять над происходящим в окружающей действительности, что формирует у людей дисперсное миропредставление и клиповое сознание с неустойчивым поведением. И чем дальше, тем больше укрепляется в повседневной жизни фактическая отстранённость «массы» от участия наряду с «элитой» во влияющем на судьбы страны управленческом дискурсе. Последний, в трактовке С.А. Шилиной, «представляет собой процесс выстраиваемой в диалоговом режиме двухсторонней коммуникации. Механизмы управленческого дискурса предполагают взаимодействие государства, гражданского общества, бизнеса и других общественных и политических структур, в частности, с целью достижения взаимопонимания. Они создают необходимые условия для социальной инновации и расширения области общественной жизнедеятельности» [Шилина, 2011, с. 5].

Второй регрессивный признак контента сегодняшней прессы выражается в интенсивном насаждении культа рыночного экономикоцентризма, никоим образом не отвечающего полифонической природе человека и универсальному вектору социокультурной динамики людской цивилизации. В этом случае в общественной жизни под давлением медиасистемы постоянно воспроизводится ситуация перепотребления людьми материального начала и недопотребления ими духовного аналога как единственно «правильного» образа жизни и способа человеческого существования. Да и в принципе, по мнению В.К. Егорова, «нельзя всё сводить к экономике; экономика определяет многое, но не всё; экономика активно участвует в создании облика, сущности государства, но не она одна; труд, конечно, первооснова жизни человека, но это не значит, что экономика есть единственная первооснова жизнедеятельности общества, государства и т.д. Не всё в мире объяснимо с экономических высот и глубин» [Егоров, 2006, с. 529].

В результате постоянного, входящего в норму, публичного превознесения «вещей» и зеркального ему уничтожения «идей» наносится большой урон процессу гармоничного развития страны и её граждан. Неслучайно многие учёные – не только гуманитарии, но и естественники – убедительной аргументацией ниспровергают как безусловную общечеловеческую ценность повседневную жизнь человека в устоявшемся на Западе «обществе потребления», где царствуют в умах постоянно жаждущих материального комфорта обывателей вселенский жор, «потрясный» дом, крутая машина, модные шмотки. Но для народа с евразийским менталитетом, каким является Русский суперэтнос (термин Л.Н. Гумилёва), это путь в никуда – тут шкала основных (бытийно-сознательных) ценностей располагается в иной системе витальных координат, которую, конечно, можно временно поколебать идущей сверху попыткой «переделать» россиян в англосаксов, но рано или поздно она всё равно возьмёт реванш, в том числе в медийном пространстве.

Если по генеральному нравственному императиву человек считается мерой всех вещей, значит, и сами вещи должны быть «очеловеченными» в унисон с его личностью, стремящейся идентифицироваться и самореализоваться в границах постоянно прибывающих в XXI веке объёмов социально значимой информации и когнитивных знаний. Следовательно, сейчас стране нужен универсальный, в противовес навязанной сверху ли-

¹ Ефремов А. 2021. В Саранске наградили медицинских сестёр (и др.) // Известия Мордовии, 21 мая.

берально-экономической одномерности, целеполагающий концепт общего развития. В евразийской версии это социокультуроцентризм: в отличие от своего экономикоцентрического аналога он не редуцирует, а наоборот, диверсифицирует (усложняет) основные формы бытия и сознания социума путём непрерывно воспроизводимого разнообразия материальных и духовных интересов и запросов, а также способов их удовлетворения. При этом в повседневной жизни страны и её граждан исчезает пресловутый материально-практический флюс, так как материальное и духовное начала сводятся в единое гармонизированное целое, что позволяет поддерживать на оптимальном уровне социальное самочувствие людей.

Выводы

Итак, по авторскому убеждению, отечественной прессе предстоит в ближайшее время заняться очищением исконной для неё евразийской кармы от идеологических и технологических наслоений стихийного рынка, куда она вместе со всем обществом слепо устремилась тридцать лет назад без четкого представления о будущем соотношении возможных для неё приобретений и потерь. Сейчас ситуация с прессой стала ясной, как картина маслом: минусов оказалось значительно больше, чем плюсов, и главное – российская журналистика, чьё социальное, этическое, эстетическое своеобразие раньше признавалось во всём мире, сегодня утратила именные черты: патриотическую историчность, масштабную эпичность, глубокую проблемность, деловую конструктивность, изящную лиричность, тонкую психологичность, которые отвечали всем критериям истинной (общественно значимой) культуры публичного творчества. По словам В.А. Сидорова, «парадигма публицистики стала выглядеть понятием прошлого. Командные высоты заняла парадигма информирования аудитории, прежде всего новостями» [Сидоров, 2010, с. 197].

Для того, чтобы полностью разобраться в причинах и следствиях случившегося в ходе либеральных реформ социально-креативного реверса, сделавшего отечественные средства массовой информации чужеродным для нашего менталитета слепком с американско-европейской прессы, и в дальнейшем преодолеть в теории и на практике это невзрачное квазирыночное подобие, необходимо включить на полную мощность механизм самосознания журналистики под названием «медиакритика». Последняя является, в дефиниции А.П. Короченского, «областью современной журналистики, осуществляющей критическое познание и оценку социально значимых, актуальных аспектов информационного производства в средствах массовой информации. Познавая и оценивая медиатексты, журналистская критика средств массовой информации оказывает влияние на восприятие медийного содержания его потребителями» [Короченский, 2003, с. 7].

В сложившейся сегодня ситуации в стране и зарубежье пересмотр рыночного статус-кво в российской журналистике не представляется движением против течения. Наоборот, он будет укладываться в общий вектор происходящего сейчас в Русском мире в отношениях с Западным миром. Псевдоисторический этап «вхождения в западную цивилизацию», провозглашённый три десятилетия назад либеральной элитой нашей страны, окончился, как в шахматах, цугцвангом. Изюм всех сил стремились в Европейский Союз – теперь из него ушли, хлопнув дверью. С достойной лучшего применением настойчивостью входили во Всемирную торговую организацию – сегодня настало время её покинуть за невыгодой дальнейшего пребывания. Долго выстраивали со странами «Большой семёрки» экономические связи – в ответ получили жёсткие санкции. И пришлось в надежде на свои силы в авральном порядке налаживать процесс материально-технического импортозамещения. Ну, а разве не требует того же процесса симметричной переналадки духовная отрасль системы социального воспроизводства, куда входит массово-информационная сфера, выстроенная сейчас на вненациональной парадигме рыночного экономикоцентризма, вредоносного для евразийского менталитета?!

По народной традиции при выходе из тупика начинать надо с самого себя, при этом следует «остановиться, оглянуться», как назвал лучшее, пожалуй, художественное произ-



ведение о журналистах его автор Л.А. Жуховицкий, герой которого – преуспевающий публицист жертвует достигнутым положением и будущей карьерой за сделанный им в рамках профессии безнравственный поступок. Если зреть в корень (по Козьме Пруткову), то в первую очередь нужно постепенно переходить на совсем иное, чем рыночное, понимание миссии современной журналистики, отличное в том числе от парадигмы новостного информирования массовой аудитории. Автор данной статьи предлагает служителям прессы – теоретикам и практикам – определять миссию журналистики как «гуманизацию (культурацию) всех сфер общественной жизни путём системно-целевого информирования граждан, оптимизированного позитивными элементами управления, образования, воспитания. В обр-разном переложении «миссия (предназначение) журналистики – это всемерная аккумуляция в обществе добра и аннигиляция зла средствами публицистики» [Киричѡк, 2019, с. 43].

В новой трактовке миссии журналистики, исходящей из прогрессивного для российского общества тренда социокультуроцентризма, фактически нет по сути ничего нового, кроме вербального оформления: лежащей в её основе высоконравственной (образовательно-воспитательной) парадигме чѡтко следовали лучшие российские мастера пера, камеры, микрофона в XIX и XX (за вычетом 90-х гг.) веках. Безо всякого преувеличения эти одарѡнные большим талантом люди были пророками в своём Отечестве, так как в любых, даже самых неблагоприятных лично для них ситуациях публично выступали поборниками добра и противниками зла. И никакие протестантские соображения материальной выгоды или карьерного роста не могли их поколебать в этой позиции, даже угроза потерять личную свободу, оказавшись на сибирской каторге, за тюремной решѡткой или в больничной психушке.

На тогдашних лидеров отечественной прессы равнялось большинство служителей журналистской профессии – для них совместное исполнение её высокой добродетельной миссии не было абстрактной борьбой за всеобщее благоденствие. По словам В.А. Аграновского, «в обязанности журналиста, кроме прочего, входит делание конкретного добра... в зависимости от способности творить добрые дела мы либо состоимся как журналисты, либо не состоимся» [Аграновский, 1988, с. 429]. И этот деятельный гуманизм, совершаемый духовно-практическими средствами в адекватности с менталитетом Русского суперэтнуса, требует повторного нравственно-профессионального укоренения в сознании и поведении представителей отечественной журналистики. Во имя спасения национально-го её своеобразия и обеспечения духовного прогресса страны, чему сейчас препятствует стихийный рынок с его пресловутым эконоцентризмом.

Список источников

- Аграновский В.А. 1988. Вторая древнейшая. (Заметки о журналистике). В кн.: Аграновский В.А. Кто ищет. Повести. Очерки. Заметки. М., Сов. Писатель: 359-543.
- Герцен А.И. 1958. Концы и начала. В кн.: Герцен А.И. Статьи. 1853-1863. Т. 7. Сочинения. В 9 т. М., Гослитиздат: 461–535.
- Зиновьев А.А. 2005. Распутье. М., Элефант, 320 с.
- Калинина Ю. 2009. Нам выпало десятилетие свободы. В кн.: О политической журналистике. Сост. Л.Л. Реснянская. М., МедиаМир.
- Маркс К. 1962. Теории о производительном и непроизводительном труде. В кн.: Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 26. Ч. М., Государственное издательство политической литературы: 133–258.

Список литературы

- Егоров В.К. 2006. Философия русской культуры. М., Изд-во РАГС, 552 с.
- Засурский Я.Н. 2007. Испытание свободой. Российская журналистика: 1990–2007. М., Изд-во Моск. ун-та, 560 с.
- Зинин Р.В., Полонский А.В. 2020. Специализированные периодические издания в сфере культуры как канал рекламной коммуникации. Белгород, ООО «ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 130 с.
- Киричѡк П.Н. 2019. Новое в трактовке журналистики и её миссии. В кн.: Журналістыка- 2019: стан, проблеми і перспективи. Матѡрыялы 21-й Міжнар. навук.-практ. канф., 14–15 ліст.

- 2019, Минск. Пад рэд. В. М. Самусевіч. Мінск, БДУ: 40–43.
- Короченский А.П. 2003. Медиакритика в теории и практике журналистики. Автореф. дис. ... док. филол. наук. СПб., 44 с.
- Моль А.С. 2008. Социодинамика культуры. Пер. с фр., ред. Б.В. Бирюкова, Р.Х. Зарипова, С.Н. Плотникова. М., Изд-во ЛКИ, 418 с. (Moles A.A. 1967. Sociodynamique de la culture. Mouton, Published by De Gruyter Mouton, 343 p.)
- Панарин А.С. 1996. Философия политики. М., Новая школа, 424 с.
- Сидоров В.А. 2010. Политическая культура журналиста. СПб., ИД «Петрополис», 240 с.
- Стиглиц Дж. 2005. Ревущие девяностые. Семена развала. Пер. с англ. Г.Г. Пирогова. М., Современная экономика и право, 424 с. (Stiglitz J.E. 2003. The Roaring Nineties: Seeds of Destruction. Allen Lane/Penguin; London, 389 p.)
- Толстых В.И. 2009. Российский выбор: В контексте реальной истории. М., Рос. полит. энцикл., 173 с.
- Шилина С.А. 2011. Управленческий дискурс как технология коммуникативного взаимодействия государства и общества. Вестник Поволжской академии государственной службы, 4 (29): 4–10.

References

- Egorov V.K. 2006. *Filosofiya russkoy kul'tury* [Philosophy of Russian Culture]. M., Publ. Izd-vo RAGS, 552 p.
- Zasurskiy Ya.N. 2007. *Iskushenie svobodoy. Rossiyskaya zhurnalistika: 1990–2007* [The Temptation of Freedom. Russian journalism: 1990–2007]. M., Publ. Izd-vo Mosk. un-ta, 560 p.
- Zinin R.V., Polonskiy A.V. 2020. *Spetsializirovannye periodicheskie izdaniya v sfere kul'tury kak kanal reklamnoy kommunikatsii* [Specialized periodicals in the field of culture as an advertising communication channel]. Belgorod, Publ. ООО «IPTs «POLITERRA», 130 p.
- Kirichek P.N. 2019. New in the interpretation of journalism and its mission. In: *Journalism-2019: camp, problems and prospects. Materials of the 21st International Science.-practical conf.*, 14–15 November. 2019, Minsk. Ed. V.M. Samusevich. Minsk, Publ. BDU: 40–43 (in Russian).
- Korochenskiy A.P. 2003. *Mediakritika v teorii i praktike zhurnalistiki* [Media criticism in the theory and practice of journalism]. Abstract. dis. ... doc. philol. Sciences. SPb., 44 p.
- Mol' A.S. 2008. *Sotsiodinamika kul'tury* [The Sociodynamics of Culture]. Per. s fr., eds. B.V. Biryukov, R.Kh. Zaripov, S.N. Plotnikov. M., Publ. Izd-vo LKI, 418 p. (Moles A.A. 1967. Sociodynamique de la culture [Sociodynamics of culture]. Mouton, Published by De Gruyter Mouton, 343 p.)
- Panarin A.S. 1996. *Filosofiya politiki* [Philosophy of politics]. M., Publ. Novaya shkola, 424 p.
- Sidorov V.A. 2010. *Politicheskaya kul'tura zhurnalista* [Political culture of a journalist]. SPb., Publ. ID «Petropolis», 240 p.
- Stiglits Dzh. 2005. *Revushchie devyanostye. Semena razvala* [The Roaring Nineties. Seeds of collapse]. Per. from Engl. G.G. Pirogov. M., Publ. Sovremennaya ekonomika i pravo, 424 p. (Stiglitz J.E. 2003. The Roaring Nineties: Seeds of Destruction. Allen Lane/Penguin; London, 389 p.)
- Tolstykh V.I. 2009. *Rossiyskiy vybor: V kontekste real'noy istorii* [Russian Choice: In the Context of Real History]. M., Publ. Ros. polit. entsikl., 173 p.
- Shilina S.A. 2011. Management discourse as a technology of communicative interaction between the state and society. *Bulletin of the volga region academy for civil service*, 4 (29): 4 – 10 (in Russia).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 05.06.2022

Поступила после рецензирования 12.08.2022

Принята к публикации 10.09.2022

Received June 6, 2022

Revised August 12, 2022

Accepted September 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Киричэк Пётр Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики факультета рекламы, журналистики, психологии и искусства Московского гуманитарного университета, г. Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Petr N. Kirichek, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Journalism, Faculty of Advertising, Journalism, Psychology and Art, Moscow University for the Humanities, Moscow, Russia



УДК 316.74

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-3-454-462

Социально-институциональные детерминанты журналистики

Латышева Ж.В.

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,
Россия, 600000, г. Владимир, ул. Горького, 87
E-mail: joan_lat@mail.ru

Аннотация. Журналистика сегодня претерпевает серьезные изменения, по причине чего необходим пересмотр ее основополагающих концепций и подходов. Цель статьи – исследовать институциональные аспекты журналистики. Методология исследования основана на наиболее авторитетных и признанных социально-антропологических теориях общества и собственно журналистских теориях. Вносится новый вклад в существующие научные знания относительно понимания журналистики в целом, а также ее функций и задач с точки зрения социально-антропологического подхода, который, несмотря на существующие публикации по заявленной теме, не нашел пока в них активного применения. В ходе исследования обнаружено, что рассмотрение журналистики как социального института выступает необходимым основанием изучения ее социально-творческой природы. Указанный ракурс рассмотрения раскрывает созидательные для человечества смыслы журналистики, которая предстает одним из путей трансцендирования человека, интериоризации и интернализации социокультурных кодов, социализации и самоидентификации личности. Отсюда важнейшими институциональными функциями журналистики показывают себя социоформирующая и культуроформирующая. Создание обновленной классификации данных функций, а также их детальная экспликация выступают перспективой настоящего исследования.

Ключевые слова: журналистика, социальные институты, творчество, трансцендирование, социоформирующая и культуроформирующая функции журналистики

Для цитирования: Латышева Ж.В. 2022. Социально-институциональные детерминанты журналистики. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41(3): 454–462. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-3-454-462

Socio-Institutional Determinants of Journalism

Jeanne V. Latysheva

N.G. Stoletovs Vladimir State University
87 Gorky Avenue, Vladimir 600000, Russia
E-mail: joan_lat@mail.ru

Abstract. In such a rapidly and fundamentally changing world, journalism is also undergoing permanent changes. Because of this, there is a need to revise its fundamental concepts and approaches. This article aims to explore the institutional aspects of journalism with the involvement of terminological, functional, social analysis of this phenomenon. The research methodology is based on the most authoritative and recognized socio-anthropological theories of society and journalistic theories of journalism proper. An attempt is being made to make a new additional contribution to the existing scientific knowledge regarding the understanding of journalism in general, as well as its functions and tasks from the point of view of the socio-anthropological approach, which, despite existing publications on the stated topic, has not yet found active application in them. It is found that the consideration of journalism as a social institution is a necessary basis for studying the social and creative nature of journalism. The specified perspective of consideration reveals its basic, creative for humanity, its meanings and meanings. Journalism appears to be an important and effective way of transcending a person from his biological

origin to a cultural one, interiorization and internalization of socio-cultural codes, socialization and self-identification of a person. Hence, the most important institutional functions of journalism are socio-forming and culture-forming. A detailed classification and explication of these functions requires further detailed study. Journalism, in other words, appears as one of the types of higher – creative – activity, the calling of which is the improvement and harmonization of human life in society.

Keywords: journalism, social institutions, creativity, transcending, social and culture-forming functions of journalism

For citation: Latysheva J.V. 2022. Socio-Institutional Determinants of Journalism. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41(3): 454–462 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-3-454-462

Введение

Сегодня теоретики журналистики приходят к выводу о том, что необходимо переосмысление парадигмальных оснований журналистики или, по крайней мере, модернизация ее концепций. Позволит это сделать, на наш взгляд, анализ последней в качестве социального института. Как социальный институт журналистика обнаруживает себя включенной в сложную систему социальных взаимосвязей, а предмет журналистики начинает рассматриваться в контексте важнейших естественнонаучных, социально-философских, социологических, политологических и других теорий современного общества. Тем самым приобретает широкий и прочный научно обоснованный фундамент рассмотрения тех культурных, коммуникативных и технологических изменений, которые происходят в сферах журналистики и массмедиа. Изучение журналистики в качестве социального института позволит, артикулировать ее ведущую роль в качестве «четвертой власти», ответственной за объективную и всестороннюю аналитику общества, прогрессивных и регрессивных его процессов, а также за сохранение и воспроизводство демократии.

Различные аспекты теории журналистики (социальный, социологический, политологический, экономический, культурологический, лингвистический, коммуникативный, педагогический и др.) представлены в работах А.Н. Алексеева, Ю.В. Воронцова; И.Н. Блохина; Е.Л. Вартановой [Вартанова, 2012; Vartanova et al., 2020; Вартанова, 2021a, 2021б; 2021в]; М.А. Воскресенской [Воскресенская, 2020]; А.А. Калмыкова, Л.А. Кохановой [Коханова, Калмыков, 2019]; С.Г. Корконосенко, З.Ф. Хубецовой [Корконосенко, 2001, 2020; Корконосенко, Хубецова, 2020], М. Лауристин, Г. Малецке; Г.С. Мельник, Б.Я. Мисонжникова [Мельник, Мисонжников, 2020]; Т. Ньюкомба и Г. Блумера; Е.П. Прохорова [Прохоров, 2003]; Дж. и М. Райли, В.А. Сидорова, М. де Флера, К. Шеннона и У. Уивера, Р. Якобсона и других авторов.

Цель работы – раскрыть институционализирующую специфику журналистики, её значимость для личности и общества.

Объекты и методы исследования

Объектом настоящего исследования выступает проблемное поле социогуманитарных и теоретико-журналистских подходов к пониманию журналистики. Предметом исследования предстают особенности, функции, задачи, роль журналистики как социального института.

Теоретико-методологическим основанием исследования являются социальные теории общества и массмедиа, выработанные в мировой философии, социологии, теории журналистики. Исследование строится на принципах системности, взаимосвязи объективного и субъективного в жизни общества. Применяются методы типологизации, общелогические приемы и методы анализа, синтеза, абстрагирования, обобщения, индукции и дедукции. Используются междисциплинарный, компаративистский, системный подходы.

Институциональные аспекты журналистики в семантике её дефиниций и характеристик

Журналистика – весьма многозначное понятие, что обусловлено сложностью и многогранностью самого феномена журналистской деятельности. Критерии описания данного явления, равно как и ракурсы поисков корректного, более точного и полного определения понятия журналистики довольно разнообразны, и они все более умножаются в связи с теми коренными изменениями, которые сейчас происходят в этой сфере. Так, по мнению Л.Г. Свитиц, необходимость уточнения термина «журналистика», а также основной терминологии журналистской деятельности определяют такие факторы, как трансформация положения журналистики и переосмысление ее функций в постсоветском обществе, переход от вертикально-иерархической структуры журналистики к ее горизонтальному построению, коммерциализация, технологизация и дигитализация массмедиа, совместное сосуществование в одном издании журналистских, рекламных и развлекательных материалов, становление и развитие блогерства и фриланса как проявлений внередакционной парадигмы журналистской деятельности, проникновение в теорию журналистики идеалов и принципов постнеклассической науки (в первую очередь синергетического, системного и междисциплинарного подходов), глобализация, постепенное растворение цивилизационного своеобразия Запада и Востока и др. [Свитиц, 2013].

Кроме того, различия в понимании журналистики связаны с многообразными, подчас взаимоисключающими типологическими моделями данного вида творческой деятельности (или данной социальной системы), множественностью методологических подходов к ее изучению, зависят от тех идеалов, целей, задач и функций, которые полагают перед собой приверженцы этих моделей и методологий. Наконец, многоликость трактовок исходит, как совершенно справедливо отмечает Е.В. Ахмадулин, из конкретных «исследовательских задач, точек зрения на объем понятия и даже субъективных взглядов» [Ахмадулин, 2020, с. 10] теоретиков и практиков журналистики.

Тем не менее полисемантичесность понятия журналистики исследователи пытались и пытаются структурировать, объединив близкие по смыслу ее значения в некие концептуальные «узлы», своеобразные исследовательские программы. Так, весьма показательна типология Е.П. Прохорова, который выделяет пять таких программ: 1) журналистика как социальный институт, «система различных учреждений, действующих на основе установленной Конституции и других законодательных актов», 2) «журналистика как система видов деятельности, необходимых для нормального функционирования этого института», 3) «журналистика как совокупность профессий, важных для обеспечения всех областей ее деятельности», 4) журналистика как система произведений, для подготовки которых требуются работники разных профессий, обладающие специфическими знаниями, навыками, способностями», 5) «журналистика как комплекс каналов передачи массовой информации, использующих различные средства коммуникации (печать, радио, телевидение, Интернет, мобильную телефонию) и образующих разнообразные типы изданий и программ...» [Прохоров, 2003, с. 16].

Показательность этой типологии в том, что в логике ее развертывания прослеживается некоторая иерархическая последовательность от общего к частному: все последующие ступени являются указанием на способ реализации предыдущих, наглядно показывая, как на практике функционирует журналистика в качестве социального института. Следует подчеркнуть, что основополагающей трактовкой журналистики, представленной в типологии Е.П. Прохорова, выступает, на наш взгляд, ее трактовка именно как социального института. Институциональный аспект понимания журналистики выделяется и в интерпретациях других теоретиков. Так, Е.Л. Вартанова отмечает, что одна из сторон журналистики предстает как система социальных институтов, то есть как нечто тождественное, по ее мнению, системе средств массовой информации [Вартанова, 2012, с. 9]. Б.Я. Мисонжников и А.Н. Тепляшина развивают такое понимание журналистики как социального

института, которое синтезирует духовно-гуманистическое, социально-ценностное, профессиональное и собственно нормативное измерения: «Журналистика предстает в качестве сильнейшего средства воздействия на человеческое сообщество, предполагает нормативное регулирование через систему законов, актов, предписаний, кодексов, наделена соответствующей организационной структурой, регулирующей и контролирующей функцией. Журналистика в то же время по природе своей ориентирована на знаменательные, самые крупные явления. Все это дает основание говорить о журналистике как влиятельном и активно действующем социальном институте – наряду с другими социальными институтами, такими, например, как государство, церковь, семья, наука, искусство» [Мисонжников, Тепляшина, 2012, с. 9].

Коррелируют с пониманием журналистики как социального феномена и института позиции С.Н. Ильченко, В.В. Ковалевой, С.Г. Корконосенко, Г. Пёршке. Так, С.Н. Ильченко, хотя и фундируется на деятельностном аспекте, однако подчеркивает выражение журналистикой общезначимых чаяний и устремлений людей: «...То, что полезно обществу, то и должно стать особым предметом в творчестве журналиста» [Ильченко, 2020, с. 11]. М.М. Ковалева определяет журналистику также как разновидность социального творчества, связанного со сбором, обработкой и распространением информации. С.Г. Корконосенко, в рамках деятельностного подхода, определяет журналистику как общественную «деятельность по сбору, обработке и периодическому распространению актуальной социальной информации (через печать, радио, телевидение, кино и т. д.)», а также как систему «предприятий и средств сбора и доставки информации: редакции, телерадиокомпании, информационные агентства и их производственная техническая база» [Корконосенко, 2001, с. 26]. Г. Пёршке рассматривает журналистику как определенную отрасль социального духовного производства, как «выражение и элемент определенного способа производства общественного сознания» [Пёршке, 1993, с. 62].

Наконец, институциональный подход к пониманию журналистики включен в трактовку, предложенную Е.В. Ахмадулиным. Исследователь определяет журналистику как социальную систему, сущностными характеристиками которой выступают изыскание, обработка и передача «актуальной социальной информации с помощью специализированных коммуникационных средств (печать, радио, телевидение, Интернет и др.) массовой аудитории с целью ее информирования, социального адаптирования, а также отражения и формирования общественного мнения» [Ахмадулин, 2020, с. 14]. Автор также отмечает, что функционирование журналистики тесно взаимосвязано с обширным спектром социокультурных факторов, таких как государственно-политические, социальные, духовно-культурные, технико-технологические, экономические и другие.

В целом можно согласиться с мнением М.М. Ковалевой, которая с полным основанием утверждает, что фундаментальные отечественные исследования в области теории журналистики продолжаются и за последние годы было выработано много равно убедительных определений журналистики, хотя и основанных на различных методологических платформах [Ковалева, 2013, с. 181]. Однако добавим, что именно институционально-нормативный подход, по нашему мнению, представляет собой один из краеугольных камней понимания социально-творческой природы журналистики. Трактовка журналистики как социального института заставляет выявлять глубинные онтологические, антропологические и культурно-цивилизационные значения и основания этой деятельности, вновь и вновь убеждаться в ее принципиальной необходимости для культурного созидания, а следовательно, для существования человечества как в его биологическом, так и в социокультурном аспектах.

Все вышесказанное заставляет обратиться к более детальному прояснению вопроса об истории возникновения и условиях существования социальных институтов, об их сущности и значимости. Данная экспликация поможет углубить представления о базовых социальной роли, значении и функциях журналистики как одного из важнейших институтов общества.

Фундаментальные барьеры и глубинные регулятивы социальные институты

Известно, что социальные институты – это исторически установившиеся способы или механизмы упорядочения и стабилизации социума, контроля за ним. Социальные институты обычно определяются как «совокупность различных форм организации и регулирования общественных отношений, специальных учреждений, системы норм, социальных ролей, обеспечивающих реализацию функций, необходимых для существования и развития как социальных общностей, так и всего общества в целом» [Елсуков и др., 1998, с. 116]. Специфика всякого социального института состоит в перманентном воспроизводстве определенных общественных связей, поэтому Э. Дюркгейм в характеристике института прибегает к метафоре фабрики, «фабрики воспроизводства общественных отношений». Данное воспроизводство фундируется как на юридически закрепленных, правовых нормах, так и на широчайшем спектре национально-культурных, этнических, религиозных, этических, политических, экономических и многих других социальных идеалов, норм и ценностей.

Социальные институты как социально одобренные системы [Schütz, Luckmann, 1979, 1984], производят некие каноны интерпретаций людьми тех или иных феноменов, процессов, событий, ситуаций. Структурно-нормативная (институциональная) компонента, выступает своеобразным «каркасом» для свободного и изобретательного социального творчества. При этом стоит подчеркнуть, что институциональные границы приобретают достаточную жесткость, что обеспечивает стабильность и воспроизводимость социума, но в то же время они не являются абсолютно непроницаемыми, что делает возможным творчество индивидов и социальных групп, а также социокультурное развитие в целом.

Не ставя задачу многоаспектного рассмотрения феномена социальных институтов или же анализа концепций всех вышеперечисленных авторов, остановимся на прояснении того, как сочетаются между собой журналистское творчество и институционально-нормативные границы его бытования, на выявлении важных для понимания журналистики социальных ролей и функций.

В этом плане принципиально важные характеристики социальных институтов раскрываются виднейшим представителем философской антропологии и социологии XX столетия Арнольдом Геленом. Свою концепцию социальных институтов Гелен [Gehlen, 1978] выстраивает на основе понимания человека как «недостаточного существа». Его недостаточность проявляется в неспециализированности органов, слабой, в сравнении с животными, чувственности, ослабленной инстинктивной программе. Все эти биологические изъяны не дают ему возможности адекватно, всесторонне и фундаментально приспособиться к окружающей среде. Человек, поэтому, создает общество и культуру, которые выступают «второй природой», и только в её рамках – в рамках установлений, норм, идеалов, ценностей, институтов, – человек и может выжить, а также состояться именно как социокультурное существо.

Социальные институты формировались тысячелетиями на основе привычек, их комплексов, ритуалов (например, институты скотоводства и земледелия), культов, императивов и табу. Они формализуют и дисциплинируют поведение и деятельность человека, упрочивая тем самым продуктивный и созидательный культурный опыт, формируя из биологического начала культурное. Они стабилизируют внутренний и внешний мир людей – психику и социальное устройство, необходимы для самосохранения. Они, наконец, отражают устремленность людей к взаимности, основанной на речевой коммуникации. Институты, как верно отмечает В.Л. Абушенко, это «своего рода “заменители” “инстинктов”, автоматизирующие общественную жизнь. Они обеспечивают устойчивые интересы людей, формируя “привычки” и обогащая “мотивы”, внося закономерность и предсказуемость в человеческое поведение...» [Абушенко, 2003]. Трансформация и разрушение сло-

жившихся традиционных социальных институтов, невиданными темпами происходящие в современном обществе, как считает А. Гелен, чреваты разрушением и самоуничтожением человека и человечества. «Когда рушатся институты, – поясняет позицию А. Гелена А.М. Руткевич, – человек оказывается беззащитным перед лицом внешних и внутренних возбудителей. Растет его чувствительность и ранимость, поведение все в большей степени зависит от энергии остаточных инстинктов» [Руткевич, 2008, с. 439], в первую очередь, добавим, энергии агрессии и насилия.

А. Гелен подчеркивает, что отказ от фундаментальных социальных институтов особенно опасен в эпоху потребительского общества, которое в своих устремлениях больше не руководствуется высокими идеалами и целями, не регулируется традиционными нормами и ограничениями. Иными словами, и общество в целом, и каждый человек в отдельности все больше и больше примитивизируются. Более того, люди, лишённые наработанных тысячелетиями институциональной опоры, ввиду своей «недостаточной» природы способны и вовсе потерять человеческое лицо, превратиться в животное, исчезнуть, наконец. Мыслитель поэтому заключает, что «человеку современного мира требуется аскеза... поскольку он принужден к воспитанию, муштре и самодисциплине самими условиями своего существования. Он воспитывается другими, он принадлежит культуре с ее запретами, он формирует сам себя. А это означает, что ему нужно сдерживать одни влечения ради других, контролировать свое поведение, что невозможно без стабильных институтов»¹.

Заключение

Таким образом, исходя из рассмотренных дефиниций и характеристик журналистики, анализа процессов институционализации и миссии социальных институтов можно сделать следующие выводы. Журналистику всегда необходимо рассматривать в первую очередь в качестве социального института, так как именно в этом ракурсе наиболее полно высвечиваются ее социально и культурно значимые роли, функции и предназначение. Неслучайно исследователи в той или иной форме и степени апеллируют именно к социально-институциональной и социально-творческой природе журналистики.

Социальные институты (журналистики, науки, религии, искусства, семьи, государства и др.) – это квинтэссенция накопленного, тщательно отобранного, проверенного временем и закрепленного (реифицированного) социального и культурного опыта человечества. Посредством социальных институтов происходит восхождение природного начала индивида к культуре, ее интериоризация и интернализация, самоидентификация человека как личности, всестороннее образование и развитие, закрепление наиболее эффективных форм и способов общественной жизни. Основополагающая роль социальных институтов – культурно- и социальноформирующая. Соответственно, журналистика как социальный институт призвана в первую очередь сохранять достигнутые тысячелетиями продуктивные конфигурации социального порядка, ценности и нормы социальной жизни, нести идеалы и образы мировой и национальных культур во всех их положительных аспектах, позиционировать себя в соответствии с требованиями высокого журналистского профессионализма и социальной ответственности, гуманистических, просветительских, этических и эстетических принципов. Журналистика как социальный институт регулирует и направляет личностное творчество автора, преломляя все его продуктивные творческие грани сквозь призму мировых достижений. Понимание журналистики в качестве социального института, таким образом, задает высочайший и широчайший уровень требований, предъявляемый к субъекту журналистской деятельности, обязывая его работать по «гамбургскому счету», не размениваясь на различные конъюнктурные и коммерческие соблазны; осу-

¹ Абушенко В.Л. 2003. Гелен. В кн.: Новейший философский словарь. Под ред. А.А. Грицанова. Минск, Книжный Дом, с. 223



ществлять, как сказал бы Ю. Хабермас, продуктивное *коммуникативное действие*, основополагающее по своей сути и посредническое по своему функционалу, целью которого выступает эволюция и гармонизация общественных отношений.

Научная новизна исследования состоит в том, что журналистика впервые рассматривается исходя из ее институциональных ролей, задач и значимости. Данный институциональный контекст рассмотрения позволяет типологизировать функции журналистики несколько иначе, чем это представлено в существующих научных типологиях, более отчетливо артикулировать фундирующие общество функции журналистики. Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что оно вносит вклад в формирование новых представлений о функциях, роли и задачах журналистики с позиции ее социально-антропологического генезиса.

Список литературы

- Ахмадулин Е.В. 2020. Основы теории журналистики. М., Издательство Юрайт, 358 с.
- Варганова Е.Л. 2021а. К вопросу о субъектности конфликта в медиакоммуникационной среде. МедиаАльманах, 3(104): 8–18. DOI: 10.30547/mediaalmanah.3.2021.818
- Варганова Е.Л. 2021б. Нормативное и идеальное: к пониманию Е.П. Прохоровым теории журналистики. МедиаАльманах, 2(103): 8–11. DOI: 10.30547/mediaalmanah.2.2021.811
- Варганова Е.Л. 2021в. О важности медиаобразования: два урока пандемии. МедиаАльманах, 1(102): 8–13. DOI: 10.30547/mediaalmanah.1.2021.813
- Варганова Е.Л. 2012. О необходимости модернизации концепций журналистики и СМИ. Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика, 1: 7–26.
- Воскресенская М.А. 2020. Серебряный век в социокультурном измерении. СПб., Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 224 с.
- Елсуков А.Н., Бабосов Е.М., Данилов А.Н. и др. 1998. Социология. Под ред. А.Н. Елсукова. Минск, ТетраСистемс, 560 с.
- Ильченко С.Н. 2020. Основы журналистской деятельности. М., Издательство Юрайт, 311 с.
- Ковалева М.М. 2013. Понятийный аппарат современных исследований журналистского процесса. В кн.: Вопросы истории и теории журналистики. Межвузовский сборник. Под ред. Л.Д. Ивановой. Екатеринбург, Изд-во Урал. ун-та: 181–184.
- Корконосенко С.Г. 2001. Основы журналистики. М., Аспект Пресс, 287 с.
- Корконосенко С.Г. 2020. Социальность журналистики и медиа: методологические подходы. Вопросы теории и практики журналистики, 9(3): 417–430. DOI: 10.17150/2308-6203.2020.9(3).417-430
- Корконосенко С.Г., Хубецова З.Ф. 2020. Образование для военных журналистов: выбор подхода. Челябинский гуманитарий, 3(52): 126–132. DOI: 10.24411/1999-5407-2020-10317
- Коханова Л.А., Калмыков А.А. 2019. Основы теории журналистики. В 2 ч. Часть 1. М., Издательство Юрайт, 244 с.
- Мельник Г.А., Мисонжников Б.Я. 2020. Лингвистические приёмы антироссийской пропаганды – новый тренд массмедиа Германии. Гуманитарный вектор, 15 (5): 99–109. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-99-109
- Мисонжников Б.Я., Тепляшина А.Н. 2012. Журналистика: введение в специальность. СПб., Филол. ф-т СПбГУ, 215 с.
- Пёршке Г. 1993. Журналистика как отрасль духовного производства. В кн.: Фомичева И.Д., Прохоров Е.П., Першке Г. и др. Основные понятия теории журналистики (новые подходы к проблеме). Под ред. Я.Н. Засурского. М., Изд-во Моск. ун-та: 51–111.
- Прохоров Е.П. 2003. Введение в теорию журналистики. М., Аспект-Пресс, 367 с.
- Руткевич А.М. 2008. Теория институтов А. Гелена. В кн.: Социологическая теория: история, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». Под ред. А.Ф. Филиппова. СПб, Владимир Даль: 424–454.
- Свитич Л.Г. 2013. Миссия журналистики: поле понятий и терминов. Вопросы теории и практики журналистики, 1: 16–36.
- Gehlen A. 1978. Einbliske. In: Gesamtausgabe. Band 7. Herausgegeben von K.-S. Rehberg. Frankfurt am Main, Vittorio Klostermann, 589 p.



- Schütz A., Luckmann T. 1979. Suhrkamp Taschenbuch Wissenschaft, Nr. 284: Strukturen der Lebenswelt. Band 1. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 396 s.
- Schütz A., Luckmann T. 1984. Suhrkamp Taschenbuch Wissenschaft, Nr. 428: Strukturen der Lebenswelt. Band 2. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 413 s.
- Vartanova E., Anikina M., Dunas D. & Gureeva A. 2020. Media studies in Russia: determination of scientific status. *Russian Journal of Communication*, 12(1): 1–15. DOI: 10.1080/19409419.2020.1729456

References

- Akhmadulin E.V. 2020. *Osnovy teorii zhurnalistiki [Fundamentals of the Theory of Journalism]*. M., Publ. Izdatel'stvo Yurayt, 358 p.
- Vartanova E.L. 2021a. K voprosu o sub'ektnosti konflikta v mediakommunikatsionnoy srede [To the question of the subjectivity of the conflict in the media communication environment]. *MediaAl'manakh*, 3(104): 8–18. DOI: 10.30547/mediaalmanah.3.2021.818
- Vartanova E.L. 2021b. Normativnoe i ideal'noe: k ponimaniyu E.P. Prokhorovym teorii zhurnalistiki [Normative and ideal: to the understanding of E.P. Prokhorov the theory of journalism]. *MediaAl'manakh*, 2(103): 8–11. DOI: 10.30547/mediaalmanah.2.2021.811
- Vartanova E.L. 2021c. O vazhnosti mediaobrazovaniya: dva uroka pandemii [On the importance of media education: two lessons from the pandemic]. *MediaAl'manakh*, 1(102): 8–13. DOI: 10.30547/mediaalmanah.1.2021.813
- Vartanova E.L. 2012. On the need to update the concepts of journalism and media. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*, 1: 7–26 (in Russian).
- Voskresenskaya M.A. 2020. *Serebryanny vek v sotsiokul'turnom izmerenii [The Silver Age in the socio-cultural dimension]*. SPb., Publ. Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta, 224 p.
- Elsukov A.N., Babosov E.M., Danilov A.N. i dr. 1998. *Sotsiologiya [Sociology]*. Ed. A.N. Elsukov. Minsk, Publ. TetraSistems, 560 p.
- Il'chenko S.N. 2020. *Osnovy zhurnalisticheskoy deyatel'nosti [Fundamentals of journalism]*. M., Publ. Izdatel'stvo Yurayt, 311 p.
- Kovaleva M.M. 2013. Ponyatiynnyy apparat sovremennykh issledovaniy zhurnalisticheskogo protsessa [The conceptual apparatus of modern research on the journalistic process]. In: *Voprosy istorii i teorii zhurnalistiki [Questions of History and Theory of Journalism]*. Interuniversity collection. Ed. L.D. Ivanova. Ekaterinburg, Publ. Izd-vo Ural. un-ta: 181–184.
- Korkonosenko S.G. 2001. *Osnovy zhurnalistiki [Fundamentals of journalism]*. M., Publ. Aspekt Press, 287 p.
- Korkonosenko S.G. 2020. Sociality of journalism and mass media: methodological approaches. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 9(3): 417–430 (in Russian). DOI: 10.17150/2308-6203.2020.9(3).417-430
- Korkonosenko S. G., Khubetsova Z.F. 2020. Education for military journalists: choosing an approach. *Chelyabinskii gumanitarniy*, 3 (52): 126–132. DOI: 10.24411/1999-5407-2020-10317
- Kokhanova L.A., Kalmykov A.A. 2019. *Osnovy teorii zhurnalistiki [Fundamentals of the theory of journalism]*. At 2 o'clock. Part 1. M., Publ. Izdatel'stvo Yurayt, 244 p.
- Mel'nik G.A., Misonzhnikov B.Ya. 2020. Linguistic methods of anti-russian propaganda - a new trend in the German mass media. *Humanitarian Vector*, 15 (5): 99–109 (in Russian). DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-99-109
- Misonzhnikov B.Ya, Teplyashina A.N. 2012. *Zhurnalistika: vvedenie v spetsial'nost' [Journalism: an introduction to the specialty]*. SPb., Publ. Filol. f-t SPbGU, 215 p.
- Pershke G. 1993. *Zhurnalistika kak otrasl' dukhovnogo proizvodstva [Journalism as a branch of spiritual production]*. In: *Fomicheva I.D., Prokhorov E.P., Pershke G. i dr. Osnovnye ponyatiya teorii zhurnalistiki (novye podkhody k probleme) [Basic concepts of the theory of journalism (new approaches to the problem)]*. Ed. Ya.N. Zasursky. M., Publ. Izd-vo Mosk. un-ta: 51–111.
- Prokhorov E.P. 2003. *Vvedenie v teoriyu zhurnalistiki [Introduction to the theory of journalism]*. M., Publ. Aspekt-Press, 367 p.
- Rutkevich A.M. 2008. *Teoriya institutov A. Gehlena [A. Gehlen's Theory of Institutions]*. In: *Sotsiologicheskaya teoriya: istoriya, sovremennost', perspektivy. Al'manakh zhurnala «Sotsiologicheskoe obozrenie» [Sociological Theory: History, Modernity, Prospects. Almanac of the journal "Sociological Review"]*. Ed. A.F. Filippov. SPb, Publ. Vladimir Dal': 424–454.



- Svitich L.G. 2013. Mission of journalism: space of concepts and terms. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 1: 16–36 (in Russian).
- Gehlen A. 1978. Einbliske [Insight]. In: Gesamtausgabe [Complete edition]. Vol. 7. Ed. K.-S. Rehberg. Frankfurt am Main, Publ. Vittorio Klostermann, 589 p.
- Schütz A., Luckmann T. 1979. Suhrkamp Taschenbuch Wissenschaft, Nr. 284: Strukturen der Lebenswelt [Suhrkamp Paperback Science, No. 284: Structures of the living environment]. Vol. 1. Frankfurt am Main, Publ. Suhrkamp, 396 p.
- Schütz A., Luckmann T. 1984. Suhrkamp Taschenbuch Wissenschaft, Nr. 428: Strukturen der Lebenswelt [Suhrkamp Paperback Science, No. 284: Structures of the living environment]. Vol. 2. Frankfurt am Main, Publ. Suhrkamp, 413 p.
- Vartanova E., Anikina M., Dunas D. & Gureeva A. 2020. Media studies in Russia: determination of scientific status. *Russian Journal of Communication*, 12(1): 1–15 (in Russian). DOI: 10.1080/19409419.2020.1729456

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 14.02.2022

Поступила после рецензирования 15.08.2022

Принята к публикации 10.09.2022

Received February 14, 2022

Revised August 15, 2022

Accepted September 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Латышева Жанна Вячеславовна, доктор философских наук, доцент, зав. кафедрой журналистики, рекламы и связей с общественностью Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых г. Владимир, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zhanna V. Latysheva, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head. Department of Journalism, Advertising and Public Relations, Vladimir State University. A.G. and N.G. Stoletovs, Vladimir, Russia



УДК 070:004.5

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-3-463-472

Семиотические аспекты новых медиаформатов

Онуприенко К.А.

Ульяновский государственный университет,
Россия, 432017, г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, д. 42
E-mail: simbushka94@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены особенности семиозиса (процесса производства и восприятия знаков) и того, как он проявляется в деятельности медиа. Эмпирическую базу составили произведения массовой информации, созданные с применением цифровых технологий. С помощью семиотического подхода автором был проанализирован ряд аспектов производства и потребления новых форматов контента, а также предложен подход к дифференциации понятий «жанр» и «формат» в современной журналистской практике. Сделаны выводы о том, что семиотика является действенным методом исследования контента современных медиа, позволяющим рассмотреть структуру материалов с учётом интерпретирующей роли аудитории, дающим представление о том, на что следует обратить внимание при анализе медийных сообщений и почему они оказывают разные эффекты.

Ключевые слова: журналистика, медиаконтент, жанр, формат, новые медиа, семиотика СМИ

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю, доктору филологических наук, профессору О.Р. Самарцеву.

Для цитирования: Онуприенко К.А. 2022. Семиотические аспекты новых медиаформатов. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41(3): 463–472. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-3-463-472

Semiotic Aspects of New Media Formats

Kseniya A. Onuprienko

Ulyanovsk State University
42 Leo Tolstoy St., Ulyanovsk 432017, Russia
E-mail: simbushka94@mail.ru

Abstract. The article considers features of semiosis (the process of production and perception of signs) and how it manifests itself in the activity of the media as a system that includes many verbal and non-verbal signs interacting with each other at the content, compositional and linguistic levels. The empirical base was made up of works of mass media created using digital technologies. Using the semiotic method, the author analyzed a number of important aspects of the production and consumption of new content formats, and also proposed an approach to differentiating the concepts of "genre" and "format" in modern journalistic practice. Conclusions are drawn that semiotic analysis is one of the most effective tools for studying the content of modern media, which allows you to consider the structure of materials, taking into account the interpretive role of the audience, gives a clear idea of what you should pay attention to when analyzing media messages and why they have different effects. The actuality of the research paper stems from the urgent need to comprehend the processes of production and perception of new media content, both serving the proper sphere of public activity.

Keywords: journalism, media content, genre, format, new media, media semiotics

Acknowledgements: The author is grateful to the supervisor, Doctor of Philology, Professor O.R. Samartsev.

For citation: Onuprienko K.A. 2021. Semiotic Aspects of New Media Formats. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41(3): 463–472 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-3-463-472

Введение

Современный медиаландшафт характеризуется появлением множества новых форматов, которые не являются жанрами, но функционально и структурно пересекаются с ними. Понятие *жанра* (фр. *genre* – род, вид) остается неизменным: это исторически сложившаяся, устойчивая форма видения и восприятия человеком действительности [Бахтин, 1986]. Содержание термина «*формат*» (лат. *forma* – форма), напротив, до сих пор достаточно размыто, несмотря на его активное использование в профессиональном лексиконе. В целом под ним понимают форму представления информации [Дедов, 2017].

С разными подходами к проблеме соотношения понятий «формат» и «жанр» в науке и практической деятельности связаны четыре направления. Представители классической школы придерживаются теории жанров, считая дискуссию о форматах непродуктивной и «псевдонаучной» [Качкаева, 2010]. Контент-менеджеры столь же категоричны: жанр архаичен и статичен, что делает его непригодным для современного конвейерного производства. Третья сторона подвергает сомнению существование устойчивых жанров в журналистской практике, говоря об их гибридизации. Например, Л.П. Шестёркиной разработана система интернет-жанров, базирующихся на тексте, видео, аудио или иллюстрациях [Шестёркина, Булаева, 2015]. Новыми жанрообразующими признаками автор называет мультимедийность, гипертекстуальность и интерактивность. А.Ю. Суворова полагает, что жанры журналистики «пластичны» и «условны», деля их на традиционные (репортаж-интервью) и новые (лонгрид и другие продукты мультимедийной журналистики) [Суворова, 2017]. Наконец, четвёртая группа исследователей признаёт самостоятельность понятий «жанр» и «формат» и стремится к их дифференциации и «примирению». Так, Г.В. Лазутина [2010] отмечает, что формат выступает не только как способ организации контента, но и как инструмент развития всей системы массовой коммуникации и подчеркивает необходимость дальнейших научных исследований, которые позволят получить репрезентативный массив суждений о проблеме и прийти к выводу, который может быть принят в качестве конвенции. Данный подход представляется нам наиболее продуктивным.

Сегодня теоретический спор о жанрах и форматах, ведущий свою историю с «доинтернетовского» периода, обостряют всё новые факторы. Появление и бурное развитие современных медиаформатов, попытки их классификации и отнесения к гибридным интернет-жанрам привели к путанице в научной среде, которая усиливается с каждым днём. Ситуацию усугубляет и тот факт, что мультимедийные форматы обладают традиционными жанрообразующими признаками, такими как *предмет* («что отображается?»), *метод* («как?») и *функция* («с какой целью?») [Колесниченко, 2008, с. 6]. Так, лонгрид может быть близок к информационным жанрам (например, расширенной новостной заметке с иллюстрациями), аналитике (если содержит анализ фактов и комментарии экспертов) или художественной публицистике (когда вызывает эмоциональную реакцию). В этой связи важно рассматривать не один конкретный проект, а совокупность материалов, обладающих теми же формальными признаками. Для сравнения: выделяют интервью информационное и аналитическое [Тертычный, 2017], то же происходит с корреспонденцией, отчетом и опросом, но привнесение многозначности, образности и тем более художественного вымысла в них невозможно. «Персональное интервью» в таком случае неизбежно переходит в разряд информационных жанров или преобразуется в портретный очерк.

Сюжет в значении «новостное сообщение», «видеозаметка» традиционно принято относить к группе телевизионных информационных жанров [Кузнецов и др., 2002; Князев, 2001]. При этом в формате сюжета могут быть поданы репортажи, истории, зарисовки, очерки и даже документальные фильмы. В таком случае сюжет являет собой пример медийного формата [Дедов, 2017] и может пониматься как многокомпонентное телевизионное произведение, выполненное в определенном жанре или с использованием элементов разных жанров.

Обращение к форматам (особенно мультимедийным) обусловлено их оперативностью и соответствием требованиям цифровой эпохи, способностью «впитывать» в себя разные жанры. Сегодня трудно представить аналитическую статью без инфографики, а выпуск новостей – без пользовательского контента. Их взаимопроникновение неизбежно и продиктовано необходимостью привлечения и удержания разборчивой аудитории.

Расширение диапазона значений слова «формат» поставило термин «жанр» под угрозу вытеснения [Лазутина, 2010, с. 14]. Журналисты говорят о форматах своих материалов различных жанров и о жанрах определённых форматов. Так, авторы «Краткого курса телевидения для молодого журналиста RT» [Дедов, 2017] выделяют жанры телесюжета (событийный репортаж, спецрепортаж, объяснение и некролог).

Несмотря на то, что значение данных слов кажется интуитивно понятным, при обращении к научной литературе и истории спора о жанрах и форматах становится очевидной подмена этих понятий и необходимость их разграничения. Мы полагаем, что применение семиотического подхода способно пролить свет на суть новых медиаформатов и решить вопрос о дефиниции понятий «жанр» и «формат» в современной журналистике.

Объекты и методы исследования

Объектом настоящего исследования являются новые медиаформаты. Основным методом исследования – семиотический анализ. Для изучения внутренней структуры материалов современных СМИ, их смысловой составляющей, особенностей воздействия на массовое сознание использовались также контент-анализ, сравнительный, логический и исторический подходы.

Результаты исследования

Можно сказать, что наиболее динамичные медиа сегодня работают во «внежанровом» поле, адаптируя жанры и их вариации к технологиям, их форматы соединяют несколько жанров в рамках одной публикации. Традиционные СМИ (например, телевидение), наоборот, интегрируют новые форматы в свою жанровую структуру. Происходит взаимодействие, некий синтез, однако новые жанры не появляются. Наиболее к этому статусу близок *стрим* – онлайн-поток видео с комментариями. Он может включать освещение различных событий, таких как концерты или прямые трансляции новостей, просматриваемые с помощью веб-браузера или приложений (например, Snapchat)¹. Некоторые стримы построены на диалоге с гостем. Взаимодействие с аудиторией осуществляется в режиме реального времени с помощью видеопотока, чата и т. д. Постоянные модификации не позволяют назвать его жанром, но всё же он обладает некоторыми устойчивыми признаками.

Стрим, как и классический репортаж, основан на личности автора, который ведёт трансляцию в присущей только ему манере. Прямой репортаж имеет ещё больше общих черт со стримом, так как помимо схожих функций (трансляция какого-то события в прямом эфире), главенствующая роль в нём отводится комментатору [Мирошник, 2020].

Предметом отображения в стриме может быть что угодно: прохождение компьютерной игры, спортивный матч, путешествие, научный факт, происшествие, политическое или культурное событие. Единственное требование – актуальность или интересность для аудитории. Функция стрима – передача информации с авторскими комментариями. Масштаб охвата действительности ограничен пространственно-временными рамками трансляции. Стрим позволяет автору передать отношение к событию, дать его оценку, чаще

¹ Kramer B. 2016. How Live-Streaming is Going to Crush it in 2016. Social Media Today news, February 24, 2016. URL: <https://www.socialmediatoday.com/social-networks/how-live-streaming-going-crush-it-2016> (accessed: July 20, 2022).

всего чувственно-эмоциональную. Журналист использует прежде всего метод наблюдения, но применение анализа, сравнения, аналогии и других способов познания не исключается. Основу лексики составляют общеупотребительные слова, термины употребляются при условии их уместности (например, в случае медицинской тематики). Стилль стрима – преимущественно разговорный, часто встречаются сленговые слова, жаргонизмы. Синтаксический строй отличается простотой, функциональностью и носит динамический характер – воспроизводит событие в движении, поэтому основным морфологическим средством являются глаголы. Грамматические особенности: простота (и часто неполнота) предложений, отсутствие причастных и деепричастных оборотов, обилие междометий, вводных слов и частиц. При этом стрим не имеет чёткой структуры и правил построения, что характерно для жанров.

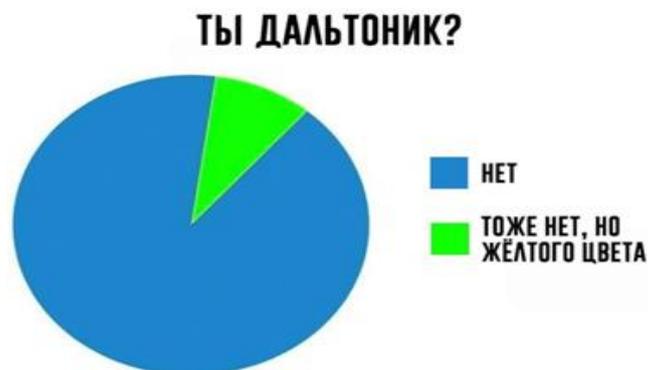
Для более полного научного понимания проблемы взаимоотношений жанров и форматов мы обратились к *семиотике* – науке о способах использования знаков для интерпретации событий. Сегодня семиотический подход редко используется в исследовании СМИ, однако остаётся одним из наиболее действенных, поскольку позволяет рассмотреть структуру материалов с учетом интерпретирующей роли аудитории, даёт чёткое представление о том, на что следует обратить внимание при анализе медийных сообщений, и почему они оказывают разные эффекты [Araskal, 2015]. Семиотика фокусируется на том, как создаются и понимаются знаки, проводя резкое разделение между каналом и его содержанием. Семиотика охватывает *семантику* (отношение знаков к обозначаемым объектам), *синтактику* (формальные или структурные отношения между знаками) и *прагматику* (отношение знаков к интерпретаторам). По нашим наблюдениям, акцент в современных исследованиях медиа сместился с изучения знаковых систем как механизмов, генерирующих сообщения, в сторону исследования их работы – воздействующего потенциала.

У. Эко утверждает, что семиотика «касается всего, что можно воспринимать как знак» [Eco, 1979]: слов, изображений, звуков, жестов и предметов. Базовая классификация знаков принадлежит основоположнику семиотики Ч. Пирсу, который делит их на 1) *иконы* – копирующие репрезентирующие объекты (фотографии, рисунки); 2) *индексы* – физически связанные с обозначаемыми вещами во времени или пространстве (стрелки, указывающие направление); 3) *символы* – носящие значения, о которых имеется предварительная договоренность (голубь как символ мира) [Мечковская, 2008, с. 33].

Медиа как семиотическая система включает множество вербальных и невербальных знаков, взаимодействующих между собой на содержательном, композиционном и языковом уровне. Изобразительный ряд с одной стороны, и вербальный компонент с другой, создают единый образ медиатекста как объекта вербальной и визуальной коммуникации.

В цифровой среде *знаки* – это сообщения, созданные, комментируемые, транслируемые, перенаправленные и оцениваемые сообществом пользователей. Другая значимая категория – *семиотические ресурсы* [Van Leeuwen, 2005] – действия, материалы и артефакты, используемые для коммуникативных целей, независимо от того, производятся ли они физиологически (например, с помощью голосового аппарата, мимики и жестов) или технологически (с помощью компьютера или смартфона), вместе со способами организации этих ресурсов. Человек (создатель знаков) выбирает доступный семиотический ресурс (означающее), объединяя его со значением (означаемым), которое стремится выразить. Например, ресурсы цвета можно использовать для создания настроения (зеленый успокаивает), установления социальных отношений (белый халат врача) и создания композиционной цельности (цвет фона для текста и изображений). В некоторых форматах цвет может иметь определяющее значение (см. рисунок). Показательно, что жёлтого цвета в диаграмме нет (сегмент окрашен в зелёный, который не различают дальтоники). Теоретически выбирающие этот вариант дают положительный ответ на заданный вопрос.

Семиотические ресурсы обладают смысловым потенциалом и набором возможностей, которые актуализируются в конкретных социальных контекстах, где их использование подчиняется той или иной форме *семиотического режима* (например, существованию лимита на количество символов в посте или твите).



Мем с круговой диаграммой
Pie chart meme

Так, публикации в ленте Instagram – это видео до одной минуты или отредактированные картинки с кратким текстовым описанием, хэштегами и информацией о географическом местоположении. Поскольку контент является мультимедийным, можно сказать, что его значения реализуются посредством нескольких семиотических кодов, однако изображения представляют собой доминирующую часть смысла. Каждый режим обладает определённой логикой и обеспечивает различные коммуникативные и репрезентативные возможности. Для речи неизбежна логика последовательности во времени, статичные изображения же в большей степени подчиняются логике пространства.

Вопрос о том, на что обратить внимание, что сделать значимым, является важным аспектом работы по созданию смысла. Его решению способствует многообразие редакционных инструментов для обработки изображений и видео, организации текста. Многоуровневая структура материала и гиперссылки способствуют расширению смысловых отношений между элементами и используемыми экранами.

В сети содержание знаков дополняется комментариями пользователей, лайками и т.д. Использование хэштегов для указания темы сообщения делает его доступным для всего сообщества, которое ищет информацию по данной теме, поэтому используемые знаки должны быть релевантными для большого количества аудиторий. Комбинация визуальных и текстовых элементов позволяет знакам передавать информацию вне зависимости от территориальных, национальных и прочих границ. С этим связаны ещё два элемента коммуникационной модели цифровой эпохи – *доступность* (материальная, социальная и культурная) и *мультимодальность* (мультимедийность) – возможность создания сложных знаков и их систем, которые представляют собой комбинацию изображений, видео, аудио, текста, таблиц, схем, интерактивных элементов (всех типов семиотических знаков). Самый наглядный тому пример – лонгрид, который по праву можно назвать главным форматом мультимедийной журналистики.

Мультимедийный лонгрид (англ. long read – долгое чтение) – это особый формат подачи информации в интернете, основой которого является журналистский текст, создающийся на отдельной странице; отличающийся большим объёмом, сочетающий в себе всё многообразие аудиовизуальных, графических средств и основанный на мультимедийном интерактивном нарративе. Это специальный проект, посвящённый конкретному событию,



важной проблеме, актуальной теме, предполагающей максимально полное изучение материала [Булаева, 2015].

Лонгрид возник в условиях утраты пользователем способности к линейному восприятию больших массивов информации, поэтому его спецификой является разбиение текста на блоки с помощью фотографий, видео, инфографики, встроенных цитат и интерактивных элементов навигации. Формат лонгрида предполагает чтение с различных электронных носителей. Всё это способствует усилению эффекта присутствия, преодолению «информационного шума» и полному погружению в тему. Чаще всего в формате лонгрида представляются тексты в жанре очерка (например, портрет британской певицы Наташи Хан [Климко, 2017]). Лонгриды-репортажи чаще всего встречаются на новостных сайтах типа Meduza или The Village.

Таким образом, чистый жанр семиотически целен. В разных форматах он имеет разные семиотические характеристики: в инфографике преобладают иконические знаки, в интерактивных форматах – индексные. Традиционные информационные публикации так или иначе используют весь комплекс знаков (символы, индексы, иконы), тогда как современные форматы используют знаковые системы утилитарно, причём выбор одной из них в качестве доминанты определяет её эффективность.

Иконы могут быть представлены иллюстрациями (фотографиями, рисунками), видео, схемами, таблицами, шрифтом (крупный кегль и цветовое выделение, «заснеженные» буквы в информации о зимних видах спорта и диагональный набор, передающий семантику подъема). К ним относятся и некоторые жесты, звуковые эффекты, звукоподражательные слова, значки компьютерных интерфейсов, смайлы. На использовании иконических знаков основаны форматы, для которых важны наглядность, яркость, доступность информации: диаграммы, таблицы, схемы, слайдшоу, коллажи, комиксы, фотосравнения, панорамы, гифки, пошаговые фотоинструкции. Так, инфографика достаточно легко адаптирует символы графического типа, создавая образы, а вербальный уровень лишь конкретизирует визуализированные смыслы.

Индексы активно задействуются там, где нужна интерактивность (листалки, карточки, викторины, тесты, встроенные посты, формы обратной связи), так как они и представляют собой формы перехода от одного к другому – от смысла к смыслу, который не более значим, чем сам переход. Индексы могут быть как визуальными (QR-коды, стрелки, кнопки, логотипы, указательные жесты), так и вербальными (метонимия, названия брендов, тэги, гиперссылки).

Символы – это большинство слов естественного языка, многие значимые цвета (цвет траура), искусственные знаковые системы (языки программирования), многие изображения (сердце – символ любви), религиозные и государственные символы, геометрические фигуры, некие действия (рукопожатие как символ дружбы). На символические знаки опирается представление информации в формате лонгрида. Мемы почти в чистом виде являются визуальными символами, которым различные денотации придаются за счёт контекста. Символические знаки, какими бы они ни были (словесными, схематическими, цветовыми) в той или иной степени представлены во всех типах медиатекстов. Каждый жанр журналистики строится на определённом соотношении типов символических знаков (слов). Например, в информационных материалах преобладают символы-суждения, в аналитических – умозаключения, в художественно-публицистических встречается множество тропов и фигур речи. Проиллюстрированные иконическими и индексальными знаками, традиционные жанры (например, фоторепортаж), тем не менее, требуют использования символов для выражения прагматики медиатекста [Якуба, 2013]. Вербальный компонент является основой и для новых медиаформатов с той лишь разницей, что в данном случае трансляция одного и того же смысла (семантики) на разных платформах и для разных аудиторий будет осуществляться с помощью разных средств синтаксического и прагматического фокусирования.

Итак, формат – это внешняя форма представления контента, тогда как жанр – вид, группа произведений, имеющая устойчивое, постоянное единство признаков. Формат относится исключительно к способу представления, то есть «упаковке» содержания, тогда как жанр – к внутренней, имманентной этому типу содержания структуре. Следовательно, жанр диктует и смысл, тогда как формат следует за смыслом. Жанр выбирают, исходя из вопроса о том, *что* нужно донести до аудитории, формат – *как* сделать это наиболее эффективно. Поэтому жанр основан, скорее, на семантической стороне произведения, а формат – на прагматической. При этом синтаксический аспект, как в первом, так и во втором случае, является подчинённым, зависит от цели автора.

При реализации произведения в определённом жанре важно достижение всех уровней адекватности – семантической (наличие актуальной информации), синтаксической (соответствие устоявшейся структуре) и прагматической (эффективность освоения текста аудиторией) [Прохоров, 2011]. В формате семантическая составляющая может быть редуцирована или искажена, а определённая структура применяется только для того, чтобы приблизить к прагматическому результату (контент в Instagram и TikTok семантически организуется по-разному, тогда как синтаксически вообще не имеет определённой структуры). Это существенно отличает формат от жанра, который определяется конструкцией текста как одним из жанровых признаков [Гордеев, 2015]. Так, заметка – это жанр, передающий смысл – оповещение о событии, локальном, ограниченном в пространстве и времени. Такой смысл нельзя передать жанром очерка или эссе, в то время как формат его представления может быть любым – от карточки до лонгрида.

Приведём пример форматных вариаций одного и того же смысла – планирующейся кампании США против российских разработок от коронавируса – на площадках информационного агентства ТАСС. Наиболее полно новость представлена на официальном сайте. Материал структурирован по принципу перевёрнутой пирамиды: хэдлиней («*Источник в Кремле сообщил, что США планируют кампанию против разработок РФ от коронавируса*»), короткий лид («*По данным источника, целевой аудиторией антироссийской информационной кампании Запада выбраны страны Европы, зарегистрировавшие "Спутник V"*») и корпус текста, состоящий из четырёх абзацев и включающий цитаты анонимного ньюсмейкера. Заметка проиллюстрирована фотографией Белого дома¹.

Посты в таких социальных сетях, как Facebook, ВКонтакте, Одноклассники, идентичны: «*США и их союзники на фоне роста спроса на российскую вакцину "Спутник V" планируют развернуть масштабную информационную кампанию по дискредитации российских разработок от коронавируса, сообщил нам высокопоставленный источник в Кремле*». Исходный текст претерпевает значительные сокращения, снабжается хэштегом #ТАСС_Политика и гиперссылкой для перехода на сайт tass.ru.

В Telegram-канале текст дополнительно сокращается, за счёт изменения порядка слов предложение приближается к разговорной речи: «*Высокопоставленный источник в Кремле сообщил, что США и их союзники на фоне роста спроса на вакцину "Спутник V" планируют развернуть масштабную информационную кампанию по дискредитации российских разработок от коронавируса*». Сообщение в мессенджере Viber имеет аналогичную структуру, но при этом построено исключительно на вербальных символах (словах) и не содержит иконических или индексных компонентов, расширяющих содержание.

Twitter предполагает ещё большую лаконичность: «*США планируют масштабную кампанию против российских разработок от коронавируса. По данным источника, целевой аудиторией антироссийской информационной кампании Запада выбраны страны Ев-*

¹ Источник в Кремле сообщил, что США планируют кампанию против разработок РФ от коронавируса. 2021б. Информационное агентство ТАСС, 12 марта, 2021. URL: <https://tass.ru/politika/10892087>



ропы, зарегистрировавшие "Спутник V". При этом сообщение сопровождается иллюстрацией и ссылкой на сайт ТАСС.

В Instagram, где решающее значение имеет именно визуальная составляющая, контент-менеджеры останавливают свой выбор на сториз (в ленте новость не размещена). История представляет собой всё то же фото Белого дома, на котором выделяется заголовок «Источник в Кремле сообщил, что США планируют кампанию против разработок РФ от коронавируса». Ниже располагается надпись «Подробнее на *tass.ru*» и кнопка «Ещё» со стрелкой, указывающей путь перехода на сайт.

Интересен пример трансформации новости в подкасте #ТАССобытия_дня: «США и их союзники готовят информационную атаку на российскую вакцину против коронавируса, утверждает наш высокопоставленный источник в Кремле. По его данным, цель кампании – сформировать предвзятое отношение к российским разработкам. Источник уточнил, что аудитория этой атаки – страны, которые зарегистрировали вакцину "Спутник V" для экстренного использования. Это Венгрия, Словакия, Сербия, Черногория, Сан-Марино и Северная Македония». Выпуск, посвящённый самым важным событиям пятницы 12 марта 2022 года и построенный в стилистике новостей на радио, начинается именно с этого сообщения – «выжимки» из расширенной информационной заметки с официального сайта.

Во всех приведенных примерах содержание исходной публикации сужается. На платформе Яндекс Дзен, требующей некоего драматизма повествования, напротив, авторы разместили сразу два материала по данной теме, различающихся оттенками значений и обогащённых дополнительной информацией: «Источник в Кремле: Запад готовит информатаку на "Спутник V" с инсценировкой гибели людей»¹ и «Источник в Кремле: США принижают вклад РФ в борьбу с COVID-19, дискредитируя "Спутник V"»².

Итак, семантически смысл события, ограниченного пространством и временем, жанрово требует определенного набора инструментов – слов, структуры, изобразительных и выразительных средств, то есть жанровых признаков (в нашем случае и оптимальной структуры перевёрнутой пирамиды), в то время как формат учитывает не сам смысл, а канал его дистрибуции. В газете это может быть новостная подборка, на телевидении – прямой эфир, в Instagram – карусель или сториз, в Twitter – молния. Формат всегда зависит от канала и типа аудитории, жанр – исключительно от типа содержания. Образ нельзя донести посредством заметки, а в очерке бессмысленно передавать сообщение об аварии. В свою очередь, использование формата направлено на то, чтобы любой смысл, реализованный в определённом жанре или даже в произвольной форме, эффективно дошёл до аудитории. Жанр не стремится к универсальной декодируемости, поскольку изначально направлен на аудиторию, имеющую опыт восприятия подобной структуры (очерк читать могут не все и не все станут), тогда как формат – это попытка придания сообщению наиболее декодируемой формы.

Таким образом, в проблеме взаимоотношений понятий жанра и формата едва ли можно поставить окончательную точку, поскольку их формирование, эволюция и осмысление происходит в ситуации динамического изменения медиасреды. Исчезают некоторые традиционные жанры (памфлет, очерк, фельетон), а многие форматы (лонгрид, стрим, молния) создают предпосылки возникновения новых жанров. Однако до сих пор слово «медиаформат» окончательно не детерминировано, равно как и не выделены единые критерии определения жанра и формата. При этом с точки зрения семиотики разница между

¹ Источник в Кремле: Запад готовит информатаку на "Спутник V" с инсценировкой гибели людей 2021. Информационное агентство ТАСС, 12 марта, 2021. URL: <https://tass.ru/politika/10892111>

² Река А. 2021. Источник в Кремле: США принижают вклад РФ в борьбу с COVID-19, дискредитируя "Спутник V". Информационное агентство ТАСС, 12 марта, 2021. URL: <https://tass.ru/politika/10892095>

ними очевидна. Так, под *жанром* подразумеваются устойчивые типы публикаций, объединённых сходным предметом отображения, функцией, структурой и организацией текста. *Формат* – это способ репрезентации жанра на различных каналах, для определённых целей и для реализации конкретных коммуникативных стратегий.

Список литературы

- Бахтин М.М. 1986. Литературно-критические статьи. М., Художественная литература, 544 с.
- Булаева М.Н. 2015. Мультимедийный лонгрид как новый журналистский формат. Журналистский ежегодник, 4: 121–123. DOI: 10.17223/23062096/4/29
- Гордеев Ю.А. 2015. К вопросу о жанровых признаках журналистских текстов в печатных СМИ. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика, 1: 88–92.
- Дедов А.Н. 2017. Технологии телевизионной журналистики. Курган, Изд-во Курганского государственного университета, 199 с.
- Качкаева А.Г. 2010. Жанры и форматы современного телевидения. Последствия трансформации. Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика, 6: 42–51.
- Климко А.Ю. 2017. Портретный очерк в формате лонгрида. Медиасреда, 12: 166–169.
- Князев А. 2001. Основы тележурналистики и телерепортажа. Бишкек, Изд-во КРСУ, 160 с.
- Колесниченко А.В. 2008. Прикладная журналистика. М., Изд-во Моск. ун-та, 180 с.
- Кузнецов Г.В., Цвик В.Л., Юровский А.Я. 2002. Телевизионная журналистика. Под ред. Г.В. Кузнецова, В.Л. Цвика, А.Я. Юровского. М., Высшая школа, 304 с.
- Лазутина Г.В. 2010. Жанр и формат в терминологии современной журналистики. Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика, 6: 14–21.
- Мечковская Н.Б. 2008. Семиотика: Язык. Природа. Культура. М., Издательский центр «Академия», 432 с.
- Мирошник М.А. 2020. Стрим как современный формат прямого репортажа: аудиторный фактор и особенности развития. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика, 1: 117–119.
- Прохоров Е.П. 2011. Введение в теорию журналистики. М., Аспект Пресс, 351 с.
- Суворова А.Ю. 2017. Новые медиа: к вопросу о категориально-понятийном аппарате. Культура и цивилизация, 7(4А): 735–745.
- Тертычный А.А. 2017. Жанры периодической печати. М., Аспект Пресс, 320 с.
- Шестёркина Л.П., Булаева М.Н. 2015. Традиционные и специфические основы формирования системы жанров универсальной журналистики. Гуманитарный вектор. Серия: Филология. Востоковедение, 4 (44): 129–135.
- Якуба Я.О. 2013. Изучение медиатекста в семиотике: методологические аспекты. Бизнес. Общество. Власть, 14: 55–63.
- Arackal F. 2015. Semiotics and media content. In: The Symbolic World: Construction and Deconstruction Ed. S. Sekar Sebastian. Asian Trading Corporation: 95–110. Available at: https://www.researchgate.net/publication/300484241_Semiotics_and_Media_Content (accessed: July 20, 2022)
- Eco U. 1979. A Theory of Semiotics. Bloomington, IN., Indiana University Press, 354 p.
- Van Leeuwen T. 2005. Introducing Social Semiotics. London & New York, Routledge, 301 p.

References

- Bakhtin M.M. 1986. Literaturno-kriticheskie stat'i [Literary-critical articles]. M., Publ. Khudozhestvennaya literatura, 544 p.
- Bulaeva M.N. 2015. Multimedia longread as a new format in journalism. Journalist Yearbook, 4: 121–123 (in Russian). DOI: 10.17223/23062096/4/29
- Gordeev Yu.A. 2015. Revisiting genre features of journalistic texts in print media. Proceedings of Voronezh state university. Series: Philology. Journalism, 1: 88–92 (in Russian).
- Dedov A.N. 2017. Tekhnologii televizionnoy zhurnalistiki [Technologies of television journalism]. Kurgan, Publ. Izd-vo Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta, 199 p.



- Kachkaeva A.G. 2010. Genres and formats of contemporary television. The consequences of transformation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*, 6: 42–51 (in Russian).
- Klimko A.Yu. 2017. Portretnyy ocherk v formate longrida [Portrait essay in longread format]. *Mediasreda*, 12: 166–169.
- Knyazev A. 2001. *Osnovy telezhurnalistiki i telereportazha* [Fundamentals of TV journalism and TV reporting]. Bishkek, Publ. Izd-vo KRSU, 160 p.
- Kolesnichenko A.V. 2008. *Prikladnaya zhurnalistika* [Applied journalism]. M., Publ. Izd-vo Mosk. un-ta, 180 p.
- Kuznetsov G.V., Tsvik V.L., Yurovskiy A.Ya. 2002. *Televizionnaya zhurnalistika* [Television journalism]. Ed. G.V. Kuznetsov, V.L. Tsvik, A.Ya. Yurovsky. M., Publ. Vysshaya shkola, 304 p.
- Lazutina G.V. 2010. Genre and format in the terminology of contemporary media. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*, 6: 14–21 (in Russian).
- Mechkovskaya N.B. 2008. *Semiotika: Yazyk. Priroda. Kul'tura* [Semiotics: Language. Nature. Culture]. M., Publ. Izdatel'skiy tsentr «Akademiya», 432 p.
- Miroshnik M.A. 2020. Stream as a modern the live broadcast format: audience factor and development features. *Proceedings of Voronezh state university. Series: Philology. Journalism*, 1: 117–119 (in Russian).
- Prokhorov E.P. 2011. *Vvedenie v teoriyu zhurnalistiki* [Introduction to the theory of journalism]. M., Publ. Aspekt Press, 351 p.
- Suvorova A.Yu. 2017. New media: on the question of the categorical-conceptual apparatus. *Culture studies*, 7(4A): 735–745 (in Russian).
- Tertychnyy A.A. 2017. *Zhanry periodicheskoy pechati* [Genres of periodicals]. M., Publ. Aspekt Press, 320 p.
- Shesterkina L.P., Bulaeva M.N. 2015. Traditional and specific principles of genre system formation in universal journalism. *Humanitarian Vector. Series Philology, Oriental Studies*, 4 (44): 129–135 (in Russian).
- Yakuba Ya.O. 2013. *Izuchenie mediateksta v semiotike: metodologicheskie aspekty* [The Study of Media Text in Semiotics: Methodological Aspects]. *Biznes. Obschestvo. Vlast'*, 14: 55–63. Available at: <https://www.hse.ru/mag/27364712/2013--14/83292585.html>
- Arackal F. 2015. Semiotics and media content. In: *The Symbolic World: Construction and Deconstruction* Ed. S. Sekar Sebastian. Asian Trading Corporation: 95–110. Available at: https://www.researchgate.net/publication/300484241_Semiotics_and_Media_Content (accessed: July 20, 2022)
- Eco U. 1979. *A Theory of Semiotics*. Bloomington, IN., Indiana University Press, 354 p.
- Van Leeuwen T. 2005. *Introducing Social Semiotics*. London & New York, Routledge, 301 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 21.07.2022

Received July 21, 2022

Поступила после рецензирования 15.08.2022

Revised August 08, 2022

Принята к публикации 10.09.2022

Accepted September 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Онуприенко Ксения Александровна, ассистент кафедры журналистики, Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск, Россия

Kseniya A. Onuprienko, Assistant of the Department, Journalism, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia



ПЕДАГОГИКА PEDAGOGICS

УДК 371.13

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-3-473-484

Педагогическое образование в Сингапуре: компетентностно-ценностный подход

Данилова Л.Н.

Ярославский государственный педагогический
университет им. К.Д. Ушинского,
Россия, 150000, г. Ярославль, ул. Руспубликанская, 108
E-mail: yar-da.l@mail.ru

Аннотация. Для понимания специфики непрерывного педагогического образования в Сингапуре, объясняющей высокую продуктивность национального школьного образования, дано описание системы приёма абитуриентов на педагогический профиль, обозначена структура подготовки педагогов, раскрыто значение тьюторства в этом процессе. На основе зарубежных исследований представлены и проанализированы популярные характеристики эффективного учителя по представлениям разных субъектов системы образования в Сингапуре. Выделены ключевые признаки хорошего учителя в массовом сознании сингапурцев и установлено их прямое соответствие профессиональным компетенциям педагога, подтверждая консенсус между общественными запросами и государственной образовательной политикой Сингапура в сфере подготовки учителей. Раскрыты направления непрерывного педагогического образования педагогов и карьерных возможностей сингапурских учителей. Выделены особенности системы аттестации педагогов на основе компетентностного подхода как инструмента профессионального развития и неперемного карьерного продвижения учителя. Описана компетентностная модель управления производительностью учителей, используемая на протяжении всего пути непрерывного профессионального образования; указаны ценность и отдельные недостатки модели. Охарактеризована парадигма ценностей педагогической деятельности. Сделан вывод о переходе современной системы подготовки педагогических кадров в Сингапуре к компетентностно-ценностному подходу.

Ключевые слова: образование за рубежом, педагогическое образование, образование в Сингапуре, ценности педагогического образования, компетенции педагогического образования

Для цитирования: Данилова Л.Н. 2022. Педагогическое образование в Сингапуре: компетентностно-ценностный подход. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 41(3): 473–484. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-3-473-484

Teacher Training in Singapore: Competence and Value-Based Approach

Larisa N. Danilova

K.D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University,
108 Ruspublikanskaya St, Yaroslavl 150000, Russia,
E-mail: yar-da.l@mail.ru

Abstract. There are identified some factors of attractiveness of the teacher profession in Singapore which are basic for the teacher training system in the country. For understanding specifics of lifelong teacher



learning which explains high effectiveness of Singapore school education, the university entering system is described, the of teacher training structure is outlined, importance of practice and tutoring in this process is revealed. Based on foreign studies, the most popular characteristics of an effective teacher are presented as they are meant by different subjects of the education system in Singapore, from administration to students. So the key features of a good teacher in the mass consciousness of Singaporeans are highlighted (like ability to make relationships, understanding themselves, dedication to teacher's work etc.) and their direct correspondence to teacher's professional competencies is established which confirms consensus between public demands and the state educational policy in teacher training. Directions of lifelong teacher education and career opportunities of Singapore teachers are also revealed. There have been highlighted features of teacher certification system based on competence approach as a tool for professional development and indispensable career advancement of teachers. The article describes the competence model of teacher productivity management used throughout the entire continuing professional education – since university training throughout work; the main significance and individual disadvantages of the model are indicated. There has been characterized the paradigm of values of teacher work in Singapore. The author makes a conclusion about the current transition of the teacher training system in Singapore to a competence and value-based approach.

Keywords: foreign education, teacher education, education in Singapore, values of pedagogical education, competencies in pedagogical education

For citation: Danilova L.N. 2022. Teacher Training in Singapore: Competence and Value-Based Approach. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41(3): 473–484 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-3-473-484

Введение

Обновление образования невозможно без профессионального развития педагога. Его личностные характеристики и профессиональная квалификация в итоге обуславливают и учебно-воспитательные процессы в классе, и образовательные результаты учеников. Интегративная роль отведена непрерывному профессиональному развитию учителя в Республике Сингапур. Несмотря на кардинальные отличия от российской соответствующей системы, оно заслуживает изучения, поскольку содержит в себе определённые сильные стороны, которые могут представлять интерес при модернизации отечественного педагогического образования.

Важной чертой национальной стратегии развития образования в Республике Сингапур является действенная поддержка педагогов и непрерывное образование, что сняло проблемы кадрового дефицита, квалификации учителей и престижности профессии. Публичный имидж учителей – местная гордость, с их помощью отсталая некогда постколониальная страна совершила резкий социально-экономический прорыв и вышла в число наиболее благополучных государств мира. По данным международных мониторингов, в области образования Сингапур также стабильно входит в число лидеров (PISA¹, TIMSS², PIRLS³ др.). Современной стратегией России также является технологический и экономический прорыв, поэтому успешный опыт представляет для нас несомненный интерес. Важно, что основой этого опыта в Сингапуре послужила ставка на педагогов – их поддержка государством для дальнейшей опоры на них в ожидании новых поколений молодёжи, способной осуществлять амбициозные замыслы правительства.

¹ PISA 2018 Results. Combined executive summaries. https://www.oecd.org/pisa/Combined_Executive_Summaries_PISA_2018.pdf

² TIMSS 2019 International Results in Mathematics and Science. <https://www.iea.nl/sites/default/files/2020-12/TIMSS%202019-International-Results-in-Mathematics-and-Science.pdf>

³ PIRLS 2016 International Results in Reading. <http://pirls2016.org/wp-content/uploads/structure/CompletePDF/P16-PIRLS-International-Results-in-Reading.pdf>

При ближайшем рассмотрении становится, однако, очевидным, что образовательные системы в нашей стране и Сингапуре существенно отличаются в силу культурных, экономических и даже географических особенностей, поэтому использование позитивного опыта было бы весьма затруднительно. Например, в школах республики работают только 33 тыс. учителей. Продолжительность обучения на бакалавриате там вдвое короче, чем в России (но большее внимание уделяется практике на базе школ, индивидуализации, компетентностному и аксиологическому подходам к подготовке, а затем – сотрудничеству с органами управления и возможностям самой школы, где учитель будет развиваться, уже приступив к работе). Принципиальное отличие с отечественными реалиями составляет очень высокая престижность педагогической профессии. Привлекательность ей придают среди прочих и следующие факторы.

Привлекательность педагогического образования в Сингапуре как инструмент развития школы и государства

Один из важнейших факторов такой привлекательности – финансовый. Труд учителя очень хорошо оплачивается, что объясняется и большим размером ВВП, и признанием высокой социальной значимости учительской профессии. По данным Министерства образования, в переводе на российские рубли дипломированный учитель получает не менее 70 тыс. в месяц. За ученую степень зарплата увеличивается почти вдвое. Педагоги стимулируются премиями и бонусами. Даже студентам выплачивается стипендия размером в примерно половину учительского оклада, чем государство также усиливает привлекательность учительской профессии.

Важную роль играет карьерный фактор. В России учительскую профессию часто критикуют за её замкнутую структуру: выпускник педвуза словно «обречён» быть предметником весь свой карьерный путь. Сингапурскому педагогу обязательно предлагаются широкие возможности карьерного роста в интересующей сфере (обучение и воспитание детей, профессиональное развитие коллег или образовательный менеджмент), и если он до пенсии остаётся предметником, то это вызвано исключительно его личными предпочтениями.

Привлекательность профессии учителя в Сингапуре специалисты связывают также с гарантированным трудоустройством выпускников [Darling-Hammond et al., 2017]. В стране существует система перспективного планирования педагогических кадров (численность вакансий на новый учебный год рассчитывается централизованно на основе данных об учителях предпенсионного возраста и статистики рождаемости). Благодаря планированию и распределению выпускникам обеспечено рабочее место.

Социокультурный фактор обусловлен историческими традициями и государственной поддержкой [Sclafani, Lim, 2008]. Статистика 2013 года показывает, что 88 % учителей страны довольны своей профессией, 82 % выбрали бы её снова, а 70 % признали, что ощущают, как высоко их профессия ценится в сингапурском обществе [A Teachers'... 2014]. Таким образом, очевидно, что власти Сингапура вели и ведут серьёзную работу по созданию действенной системы стимулов для привлечения к педагогической профессии, основанную на уважительном отношении и высокой оплате труда.

Всеми кадровыми вопросами, в том числе набором студентов на педагогический факультет, занимается Министерство образования. Принципиально важно, что оно поддерживает только лучших выпускников школ: педагогический профиль могут выбирать учащиеся, отлично сдавшие школьные выпускные экзамены. Поступление гарантировано абитуриентам с высшими баллами и выпускникам непедагогических вузов, чей диплом включает углублённые знания по отдельному школьному предмету, который они смогут преподавать в школе после педагогической подготовки. В этой связи вспоминается отечественный исторический опыт: когда в 1783 году Ф.И. Янкович создавал в Петербурге учительскую семинарию – первый педагогический вуз России – он собирал



курс также только из лучших абитуриентов. Подобный подход обеспечивает образовательному учреждению возможность подготовить специалистов высокого класса, а, следовательно, в дальнейшем – сильные кадры в школах.

Важная особенность, на наш взгляд, заключается в том, что министерство нанимает будущих педагогов на работу ещё до получения ими диплома. Кроме того, их подготовку в Сингапуре осуществляет только один вуз – Национальный институт образования (НИО) Наньянского технологического университета. Он полностью удовлетворяет потребности в педагогических кадрах республики, так как школ в этом карликовом государстве мало. И поскольку это единственный вуз, само его существование зависит от качества его работы и удовлетворённости общества этим качеством.

При отборе абитуриентов учитываются не только их оценочные баллы, но и мотивация к овладению педагогической профессией: поступающий должен хотеть и планировать работать в школе. Лучшие из кандидатов допускаются к вступительным испытаниям, где комиссия из преподавателей и сотрудников министерства определяет психологический портрет соискателей, мотивацию, профпригодность, сформированность отдельных учебных компетенций (умения общаться, учиться, анализировать информацию, креативные способности и т.д.). Обозначенные условия отбора указывают на очень высокие требования к поступающим, что призвано гарантировать профессии приток лучших кадров, обозначить социальный запрос кандидатам на учительскую должность уже на этапе поступления, не допустить недостаточно замотивированных на работу учителя, при этом количество принятых в вуз молодых людей полностью соответствует запросу на учителей от министерства.

Национальный институт образования должен дать студентам-теоретические и практические знания и подготовить к прохождению четырех стадий профессионального развития учителя: фантазии (представления о школе, детях, иллюзии будущего или начинающего учителя), выживания (приспособление к школе, равнение на чужой опыт), мастерства (принятие ответственности за педагогический процесс и его результаты, самостоятельная активность) и влияния (фаза реального воздействия на жизни учеников сегодня и завтра) [Ryan, 1986]. Задача института – не допустить остановки обучающихся на первых двух стадиях, поскольку эффективность педагогической деятельности в сингапурской педагогике связана только с четвёртой.

Институт должен подготовить умеющего эффективно работать педагога. Его портрет несколько отличается и от российского учителя, и от представлений разных категорий граждан Сингапура.

Образ педагога в современном Сингапуре

По заданию агентства Пирсон в 2014 году американцами было проведено анкетирование среди сингапурских учителей, руководителей школ, родителей, учеников и учёных, направленное на выявление наиболее значимых, на взгляд респондентов, характеристик педагога [McKnight, 2016]. В итоге были получены 10 самых популярных характеристик сингапурского эффективного учителя на основе мнений разных субъектов (см. таблицу). Примечательно, что редко упоминавшимися характеристиками, которые не вошли в десятку, стали многие, воспринимаемые в России как залог проведения успешного занятия: креативность, владение дидактическими технологиями, умение планировать занятия, вера в себя и пр.

Примечательно то, что расходятся мнения разных субъектов образования по поводу многих характеристик педагогов. Так, знание своего предмета главным требованием к учителю считают учёные и директора школ, но о нём почти не вспоминали ученики (1,7 % ответов учеников), их поддерживают родители (3,7 % ответов). Даже среди самих учителей знание предмета как самое необходимое качество рассматривают только 4,8 % (предметная компетентность ценится ими ниже, чем методико-дидактическая и психологическая: это объясняется идеей, что поступки и взгляды учителя в итоге более важны для учеников, чем его знания [Singh, Sudipa, 2012]).

10 главных характеристик эффективного педагога
в Сингапуре (%) [McKnight et al., 2016, p. 15]

10 main characteristics of an effective teacher in Singapore [McKnight et al., 2016, p. 15]

Характеристики	Всего	Ученые	Родители	Администраторы	Ученики	Учителя
Гуманное отношение к ученикам	29	10,5	34,6	16,5	31,2	29,7
Знания об учениках	13,3	9,7	11	17,6	14,7	14,3
Преданность делу	8,7	5,6	6,9	13,2	5,4	13,3
Вовлечение учащихся (мотивация)	7	11,3	7,4	3,3	7,9	5,5
Забота и терпение	6,8	5,6	7,4	3,3	9,6	4,6
Умения управлять классом	5,9	6,5	5,9	4,4	5,4	6,7
Профессионализм	5,4	4	6,6	4,4	7,1	3,2
Знание своего предмета	5,1	14,5	3,7	14,3	1,7	4,8
Умение объяснять доступно	3,3	4	2,5	3,3	3,2	4,1
Умение обучать	3,2	8,9	2,7	2,2	3,4	2,1

Аналогичная ситуация наблюдается с методическими компетенциями учителя: важными их назвали только около 9 % учёных, в остальных группах эту характеристику выбрали примерно 2 % опрошенных. Такое резкое расхождение результатов показывает расхождение общественных взглядов на приоритеты педагогической деятельности, переход образовательной парадигмы со знаниевой на коммуникативную и разрыв ценностных представлений о профессии среди исполнителей и потребителей школьного образования.

Разнятся и взгляды на позицию «вовлечение учащихся», которая в российской педагогике рассматривается как мотивационная компетентность учителя (умение донести смысл до ученика, вселить уверенность в успешность выполнения учебных задач, выстраивать позитивные отношения ученика с учителем и предметом). Среди учёных это второй по популярности ответ (11 %); значимость этой характеристики отметили более 7 % родителей и учеников, но администраторы не считают её важной (3,3 %), для учителей она тоже не имеет большого значения. Мы усматриваем причины подобного расхождения в следующем: учебная мотивация – это проблема научная, потому отмечаемая учеными; для учеников она – условие получения удовлетворения от деятельности, условие её понимания, обеспечивающее образовательный результат, отсюда и достаточно высокий процент ответов школьников; для директоров конкретные дидактические характеристики не имеют значения, для них более важны позиции, связанные с результатами детей, с самоотдачей педагога, ровностью его отношений с детьми и т.д.

Лидерами в ответах всех групп стали позиции «гуманное отношение к ученикам» и «знания об учениках». Первая представляет коммуникативные способности педагога (развивать доверительные и продуктивные отношения с детьми, быть наставником). При этом в ответах чаще всего респонденты упоминали два желаемых качества педагога – терпение и внимательность к ученику. Все субъекты в силу своих представлений об учебном процессе и работе учителя отметили большую значимость коммуникативных компетенций. Это (для работников сферы образования – на основе педагогического образования, для семей – на примере жизненного опыта) подчёркивает понимание важной, доказанной во



многих исследованиях [Roorda et al., 2011; Košir, Tement, 2014], закономерности: результаты образования имеют сильную зависимость от качества отношений между учителем и учениками и отношениями в классе.

Ещё одной общепризнанной характеристикой учителя стала позиция «знания об учениках». Сингапурцы акцентируют владение информацией об учащих – знания об их когнитивном, социальном и эмоциональном развитии (т.е. об индивидуальных образовательных потребностях, интересах и способностях учеников). Эта информация включает и понимание образовательных дефицитов и прогресса учеников [McKnight et al., 2016]. Поскольку сингапурское образование строится на принципе своевременной работы с неуспевающими, большая популярность этой категории среди директоров школ естественна.

Полученные характеристики педагога объясняются спецификой культуры Сингапура, включая языковые особенности. В отличие от Сингапура в России профессионализм педагога понимается как интегральная характеристика личности – совокупность педагогической компетентности, профессиональных характеристик, мастерства и профессиональной культуры, обеспечивающая эффективность его деятельности [Андрienko, 2011]. Однако данные американского исследования [McKnight et al., 2016] в Сингапуре показали, что эмпатия, умение управлять аудиторией, знаниевые компетенции и др. не входят в понятие «профессионализм», как это принято понимать в России, следовательно, профессионализм не имеет того же интегративного значения. Неслучайно это качество педагога было оценено респондентами так низко: его упомянули только чуть более 3 % сингапурских учителей и по 4 % директоров и учёных. В то же время среди учеников и родителей, не знакомых с тонкостями педагогической терминологии, ответы составляют примерно по 7 %. Использование английского языка в качестве официального, малая численность национального научно-исследовательского корпуса и тяготение к западной модели построения образования объясняют соответствие теоретико-методологических оснований педагогики в Сингапуре англосаксонским, что распространяется и на терминологию. Так, поддерживается мнение, что профессионализм педагога состоит из самостоятельности учителя (участие в принятии решений, наличие собственного мнения по разным вопросам школьной жизни, своеобразие дидактических методов), его сотрудничества с коллегами (профессиональный рост и забота о профессиональном развитии других коллег школы) и из профессиональных знаний (педагогическая компетентность, оценка своего труда, внутренняя мотивация к непрерывному образованию) [Omoeva et al., 2016]. Поэтому профессионализм учителя трактуется как процесс приобретения педагогом необходимой квалификации в деятельностном, ценностном и знаниевом измерениях посредством включённости в систему непрерывного образования [Kok-Aun et al., 1996].

Специалистами в области образования высоко оценивается качество «преданность делу», под которым понимается любовь к преподаванию и самоотдача в работе, стремление к эффективности педагогического труда, включающей и академические достижения учащихся. Это свидетельствует о внутренней мотивации к педагогической деятельности, т.е. об одном из критериев отбора абитуриентов и учителей. Данная характеристика основана на отношении учителя к профессии и педагогической деятельности в целом, которое проявляется через верность своему труду: запланированный образовательный результат должен быть достигнут вне зависимости от того, сколько времени, усилий, душевных сил будет затрачено учителем. Изначальная мотивация и объясняет высокую удовлетворённость профессией (примерно 88 % педагогов довольны сделанным профессиональным выбором) [A Teachers'... 2014].

Однако все субъекты сходятся в выборе ключевых характеристик хорошего учителя: он умеет выстраивать отношения с учениками, чётко понимает их потребности и ценит достижения, предан своей работе. Обобщение позволяет увидеть, что все субъекты образования ценят в учителе человеческие качества (взаимодействие, терпение, заботу), отношение к про-

фессии (профессионализм и преданность делу), а также умение эффективно выполнять учебные задачи (индивидуальный подход, вовлечение в педагогический процесс).

Проанализировав все характеристики, можно увидеть, что фундамент ценностных представлений об учителе в сингапурском обществе составляют его коммуникативные способности, на них строится отношение к профессии, и небольшое значение уделяется специальным знаниям и умениям педагога. Сопоставление этих характеристик и профессиональных компетенций педагога, закреплённых в системе его оценивания, показывает, что в профессиональном стандарте все компетенции соотносятся с выявленными характеристиками эффективного учителя, что свидетельствует о консенсусе между общественными представлениями о профессии и образовательной политикой.

Компетентностно-ценностный подход в профессиональном развитии педагога

Большую роль в подготовке педагогов играет практика. Она помогает не только закрепить знания и умения, но также объективно определить интерес и пригодность к профессии. Три месяца последнего курса студенты самостоятельно разрабатывают и ведут уроки под наблюдением ответственных супервайзеров из института и ментора от школы. Супервайзер присутствует на уроках, анализирует их для группы, указывает на сильные и слабые стороны занятия, на возможность избегания ошибок. Вместе с ментором и школьным директором он оценивает работу практиканта.

Как это было в СССР, государство обязывает сингапурского учителя по получению диплома отработать в школе в течение трёх лет. Чтобы помочь адаптироваться ему в школе, быстрее узнать её особенности и избежать трудностей, ему назначается наставник. Это общественная нагрузка, однако к её выполнению и та и другая стороны подходят ответственно, понимая важность такой поддержки и фиксируя успехи и трудности молодого учителя в соответствующей ежегодной отчётности. За три года адаптации и должностного самоопределения молодой сотрудник должен сделать вывод о дальнейшей карьере в школе: желает ли он вести уроки, заниматься школьным менеджментом или быть другим специалистом (методической, профориентационной, воспитательной службы и пр.). Нельзя не признать эффективности такого подхода: он строится на индивидуализации в управлении кадрами, способен удовлетворить каждого сотрудника уже на ранних этапах его карьеры и выявить его сильные стороны, а также позволяет не смешивать функционал работников школ, поэтому каждый занят только одним делом – обучением, управлением или иной функцией. В результате школа удерживает молодых специалистов в профессии, предлагая им двигаться по карьерной лестнице в одном из направлений: администрировании, специализации, в предметной сфере.

Администраторская карьера – самый длинный путь, способный вывести педагога за рамки школы. Ступенями профессионального пути здесь могут стать следующие должности: руководитель направления, руководитель школьной кафедры, замдиректора, директор, инспектор кластера школ, заместитель директора отдела образования, директор отдела образования, руководитель отдела в Министерстве образования. Второе направление предлагает новые возможности педагогам, добившимся успехов и желающим выступать как наставники или консультанты в сфере пересмотра содержания образования, повышения качества работы школы, профессиональной ориентации учеников, межличностных отношений и т.д.; оно представлено должностями старшего, ведущего и главного специалиста. Третье карьерное направление – для учителей, которым нравится преподавание. Это путь от учителя к должности старшего, затем – ведущего учителя, к мастеру и, наконец, к главному мастеру (последние – это учителя, чьи компетенции и опыт в методике и дидактике полезны уже при организации повышения квалификации других учителей). Карьерный рост сопровождается заметным повышением оплаты труда, чтобы сотрудник



имел стимул к дальнейшему движению в рамках выбранного направления. Для этого требуется его желание, инициативность, творчество, эффективность решения задач. Обоснованием карьерного роста служат чётко оговоренные критерии профессиональных компетенций, что должно снижать субъективность оценки школьного руководства.

Надо сказать, что модель компетентности педагога оценивает его весьма строго: по пятибалльной буквенной системе от А до Е. Высший балл имеет не более 3 % кадрового состава школ, и основная масса получает всего лишь средний результат, но если педагог заслужил только D, то его зарплата снижается, а повышения запрещаются на три года, в течение которых ожидается улучшение его квалификации; при получении балла Е учитель может быть уволен, но это теоретические случаи, поскольку на практике такой уровень компетентности педагогов почти не встречается. Вообще увольнения педагогов – по их собственному желанию и нет – это менее 3 % ежегодной национальной школьной статистики (без учёта выходящих на пенсию) [Teacher and Leader... 2011].

Высокие требования к качеству образования и квалификации педагогов обязывают их к повышению квалификации, оцениваемому государством в сто часов в год. В том же Национальном университете для этой цели создан специальный Центр развития. Поскольку, как говорилось выше, в систему повышения квалификации приходят не случайные кадры, а учителя-предметники, достигнувшие высокого уровня профессионализма и звания мастера, то курсы разрабатываются ими с учётом реальных проблем, дефицитов и положения дел в преподавании. По этой причине курсы отличаются не только практической направленностью, но и актуальны.

Важно, что система профессионального развития в Сингапуре очень формализована. Ежегодно с учётом имеющихся дефицитов и достигнутого уровня подготовки педагог планирует повышение квалификации, точнее – конкретные компетенции, которые намерен развить или приобрести, и способы достижения поставленных задач, а контролируют выполнение плана и результаты специалисты Департамента образования. Причём это не только документальное наблюдение – они лично взаимодействуют с учителями в качестве наставников, направляя и проверяя организацию индивидуального профессионального развития. Эти результаты затем отражаются в отчёте и оценках куратора и директора, необходимых для итоговой аттестации, где учитываются не наличие свидетельства о прохождении курсов повышения квалификации, а конкретные компетенции, вклад педагога в академические достижения школьников и развитие образовательной организации, его взаимодействие с семьями, профессиональный потенциал и прочее. Высокая оценка позволяет переходить на новую ступень карьерной лестницы, увеличивает оплату труда и гарантирует тринадцатую зарплату.

Оценивание педагога опирается на компетентностный подход. Компетенции в сингапурской педагогике понимаются как главные характеристики педагога, необходимые ему для эффективного выполнения профессиональных задач [Ministry... 2020]. Как и многие другие педагогические аспекты, это соответствует западной трактовке понятия [Jackson, 1990]. Однако министерство в применении понятия компетенций сингапурская образовательная политика акцентирует базовые характеристики (образ мысли педагога, чувств, поведения или речи), принципиальные для успеха в работе.

Национальным институтом образования при привлечении американских специалистов была разработана компетентностная модель управления производительностью учителей (GTC), состоящая из пяти кластеров компетенций [MoE Recommendation... 2020]. Каждый кластер включает отдельные компетенции и уровни достижения для выпускников института, выявление и формулировка которых стали возможны благодаря анализу практики лучших учителей страны, т. е. модель ориентирована на лучших.

Эта модель используется повсеместно: при принятии на должность учителя, сопровождении учителей, планировании их деятельности, аттестации, определении направления карьеры и продвижении внутри него, при определении размера оплаты труда и объёма

бонусов. При этом компетенции отличаются для учителей, достигших статуса мастера, и для остальных педагогов.

В частности, кластер «разностороннее развитие учащихся» выступает в качестве главного. От всех учителей здесь ожидается умение транслировать ценности учащимся и владеть средствами их развития; мастера должны уметь всегда действовать в интересах учащихся и оказывать влияние на педагогический процесс коллег, на обновление учебных планов и программ, на процедуры оценивания деятельности школ.

Кластер «совершенствование знаний педагога» включает компетенции «предметное мастерство», «аналитическое мышление», «инициатива», «творческий подход к преподаванию». Уровень мастерства и статус педагогов и здесь определяют конкретные компетенции. Например, в рамках предметных квалификаций учитель должен демонстрировать активный интерес к предмету и изучать актуальные изменения в нём, а мастер уже не просто владеет этими знаниями, но и активно их внедряет в практику, отслеживает внедрение и эффективность освоения новых трендов учителями, пропагандирует новые идеи в преподавании предмета. Его роль гораздо шире. В компетенции «творческий подход к преподаванию» (название не совсем соответствует её содержанию, где креативность совсем не акцентируется) учителя должны владеть методиками, уметь мотивировать учеников, используя различные дидактические методы и подходы. Мастера, однако, умеют организовать рефлексию для выявления прогресса, смешанное обучение, использовать инновационные методы обучения, распространять свой опыт (примечательно, что сами сингапурцы называют это словом «вдохновлять» учеников учиться).

Третий кластер, «завоевание сердец и умов», включает компетенции о понимании школьной среды и развитии людей. Так, первый из них предписывает учителям знать школьную политику, понимать её сущность и назначение, понимать причины сопротивления людей изменениям. Мастера должны уметь применять знания о школьной политике, о факторах её становления в своей работе, понимать школьный климат и уметь его улучшать, разрабатывать мероприятия, соответствующие школьной политике.

В кластер «совместная работа» входят компетенции сотрудничества с родителями и командной работы. Например, взаимодействие учителя с родителями предполагает, что он информирует их об образовательном процессе, прогрессе ученика и политике школьного развития, выстраивает с ними партнёрские отношения, привлекает их к деятельности школы. Мастера уже организуют некую совместную деятельность с семьями учеников, устанавливают и поддерживают долгосрочные отношения с родителями.

Пятый кластер «понимание себя и других» не подлежит оценке, но подразумевает компетенции понимания себя, проявления честности в работе и отношениях, понимания и уважения других людей.

Постоянная аттестация педагога по данным компетенциям отчётливо показывает им самим, наставникам и школам слабые места и достижения, учитываемые в дальнейшем планировании индивидуального профессионального роста сотрудника и в его материальном поощрении. Но они – не единственное, что оценивается при регулярной аттестации педагогов. Как уже отмечалось, наставники и проверяющие наблюдают за каждым учителем, заполняя специальную форму контроля – протокол, документирующий деятельность педагогических кадров для Министерства. Эти отчеты об успешности и характеристики учителей находятся в базе школы и министерства. Форма содержит семь разделов, из которых только один оценивает компетенции. Помимо них, со слов педагога фиксируются ключевые достижения (успеваемость учащихся, вклад в развитие школы, сотрудничество с родителями, профессиональное развитие), усовершенствования и инновации, планы и цели на следующий год, планируемые достижения, заключения и комментарии ответственных должностных лиц.

Нельзя не заметить, что Сингапур делает большую ставку на подотчётность, и даже в плане оценивания продуктивности деятельности учителей школ описанная модель уста-

навликает тенденцию контроля за подотчётностью (демонстрацией другим) улучшений. Поэтому подход к аттестации педагогов критикуют за смещение акцента с улучшения своего педагогического мастерства в сторону доказательства ответственным должностным структурам своей ценности как педагога, т. е. чтобы произвести впечатление на руководство [Liew, 2012]. Кроме того, можно заметить, что воспитательные функции педагога, напротив, нигде особо не отмечены.

Философия педагогического образования, разрабатываемая Институтом национального образования, акцентирует в педагогической деятельности не только знания, навыки, но и ценности педагога, составляющие их основу. Эти составляющие с 2009 года официально образуют ядро модели подготовки педагогов XXI века [A Teacher... 2009]. Подобный подход обозначен в документации аббревиатурой V3SK («3 группы ценностей, навыки, знания»), но нельзя не заметить, что, по сути, переходя на терминологию российской педагогики, речь идёт о ценностно-компетентном подходе к подготовке педагогов. Этот подход ещё мало изучен, во многом по причине его слабой востребованности: в России, как и в других государствах, подчёркивается именно компетентностная сторона образования, и предполагается, что педагогические и общекультурные ценности отражены в этих компетенциях. Однако документально это отражение фактически представляет собой интеграцию и поглощение. На примере российского ФГОС ВО по специальности «Педагогическое образование» видно, что наименования категорий (групп) отдельных компетенций соответствуют названию ценностей («коммуникация», «саморазвитие», «безопасность жизнедеятельности»), т. е., будучи названными компетенциями, ценности теряют свой вес, не выделяются. В то же время многие компетенции звучат так, что наличие в их составе неких педагогических ценностей забывается или подвергается сомнению («разработка и реализация проектов», «построение воспитывающей образовательной среды»). Всё это акцентирует компетентности и компетентностный подход в педагогическом образовании, но не аксиологический. Сингапурский взгляд на потребности образовательной системы с учётом культуры отходит от данного распространённого в мире подхода, делая значимое ударение и на ценностях.

Парадигма ценностей педагогической деятельности в Сингапуре трёхчастна: студентоцентричность, педагогоцентричность, социоцентричность. В первой группе центром тяжести является обучающийся, поэтому сюда входят такие ценности педагогической деятельности, как эмпатия, педагогический оптимизм (убеждённость в обучаемости каждого), стремление развивать потенциал каждого ученика, индивидуальность каждого. Их должен сформировать вуз у будущего педагога. Вторая группа строится вокруг личности самого учителя, ценностями которого должны стать стремление к высоким стандартам, к обучению других и профессиональному росту, любознательный характер, увлечённость, адаптивность и устойчивость к образовательной системе, нравственность, профессионализм. Социоцентричная группа включает ценности, выражающие общественно полезный характер учительской профессии, специфику служения этой профессии и обществу; здесь будущего учителя ориентируют на профессиональное сотрудничество, тьюторство, социальную ответственность, социальное лидерство (стремление стать лучшим для общественного блага). Возможно, выбор отдельных ценностей или их формулировка и являются дискуссионными, однако важен уже сам факт их выделения наравне с компетенциями (в виде знаний и навыков), которые формулируются на основе ценностей. Иначе говоря, ценностно-компетентностный подход предполагает, что компетентность выделяется как необходимая для формирования у студентов на основе некой ценности, вокруг которой эта компетенция строится, и это служит её аксиологическим основанием.

Заключение

Современная система подготовки педагогов в Сингапуре характеризуется отчётливым переходом к компетентностно-ценностному подходу: в стране действуют система

компетенций для молодых учителей (GTC) и ценностно-компетентностная модель (V3SK) их подготовки. Все кластеры компетенций объединены в 3 параметра производительности педагога: профессиональная практика, лидерство и управление, личная эффективность. Основываясь на этих измерениях, модели GTC и V3SK и создают базу образовательных программ непрерывной подготовки будущих учителей, соответствующих потребностям сингапурского общества.

Таким образом, в сингапурском опыте заслуживают внимания и новый подход, подчёркивающий значение педагогических ценностей в организации педагогического образования, и отдельные меры усиления привлекательности педагогической профессии – чётко структурированные карьерные возможности и повышенные требования к абитуриентам.

Список источников

- A Teacher Education Model for the 21st Century: A Report by the National Institute of Education. 2009. Singapore, 10 p.
- A Teachers' Guide to TALIS 2013: Teaching and Learning International Survey. 2014. Paris, OECD, 124 p.
- McKnight K., Graybeal J., Graybeal L., Yarbrow J. 2016. Singapore: What makes an effective teacher? Report 12 in the series. Pearson Education Research Report. Available at: <https://www.pearson.com/innovation/global-survey-of-educator-effectiveness/singapore.html> (accessed: November 12, 2021)
- Ministry of Education. 2020. The Sped Teaching Profession: Journeys Of Excellencen. Singapore, 99 p.
- MoE Recommendation II: Graduand Teacher Competencies. 2020. MOE, Singapore. Available at: https://www.nie.edu.sg/docs/default-source/td_practicum/te21---gtc.pdf (accessed: February 11, 2022)
- Omoeva C., Buckner E., Smith W.C., Keuren C.H.-V. 2016. Supporting Teacher Professionalism: Insights from TALIS 2013. Paris, OECD, 224 p. DOI: 10.1787/9789264248601-en
- Sclafani S., Lim E. 2008. Rethinking Human Capital: Singapore As A Model for Teacher Development. Washington, Aspen, 25 p. Available at: <http://www.aspeninstitute.org/sites/default/files/content/docs/education/SingaporeEDU.pdf> (accessed: June 1, 2022).
- Singh R., Sudipa S. 2012. Young Lives Working Paper 91. Teaching Quality Counts: How Student Outcomes Relate to Quality of Teaching in Private and Public Schools in India. Young Lives, Department of International Development at the University of Oxford, Oxford, UK, 58 p. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/57a08a9a40f0b6497400069a/yl-wp91_singh_sarkar.pdf (accessed: June 2, 2022).

Список литературы

- Андриенко Е.В. 2011. Педагогический профессионализм. Новосибирск, ННГУ, 188 с.
- Darling-Hammond L., Burns D., Campbell C., Goodwin A.L., Hammerness K., Low E.-L., McIntyre A., Sato M., Zeichner K. 2017. Empowered Educators: How High-Performing Systems Shape Teaching Quality Around the World. San Francisco, Jossey-Bass, 304 p.
- Jackson P.W. 1990. Life in classrooms. New York, Teachers College Press, 183 p.
- Kok-Aun T., Cheong-Hoong D., Hong-Kwen B. & Soo-Keng C. 1996. Determinants of Teacher Professionalism. *Journal of In-Service Education*, 22:2: 231–244. DOI: 10.1080/0305763960220209
- Košir K., Tement S. 2014. Teacher-student relationship and academic achievement: a cross-lagged longitudinal study on three different age groups. *European Journal of Psychology of Education*, 29(3): 409–428. DOI: 10.1007/s10212-013-0205-2
- Liew W.M. 2012. Perform or else: The performative enhancement of teacher professionalism. *Asia Pacific Journal of Education*, 32-3: 285–303. DOI:10.1080/02188791.2012.711297
- Roorda D.L., Koomen H.M., Spilt J.L., Oort F.J. 2011. The influence of affective teacher-student relationships on students' school engagement and achievement: a meta-analytic approach. *Review of Educational Research*, 81(4): 493–529. DOI: 10.3102/0034654311421793



Teacher and Leader Effectiveness in High-Performing Education Systems. 2011. Eds. L. Darling-Hammond and R. Rothman. Washington, Stanford, 68 p.

References

- Andrienko E.V. 2011. Pedagogicheskiy professionalism [Pedagogical professionalism]. Novosibirsk, Publ. NPGU, 188 p.
- Darling-Hammond L., Burns D., Campbell C., Goodwin A.L., Hammerness K., Low E.-L., McIntyre A., Sato M., Zeichner K. 2017. Empowered Educators: How High-Performing Systems Shape Teaching Quality Around the World. San Francisco, Jossey-Bass, 304 p.
- Jackson P.W. 1990. Life in classrooms. New York, Teachers College Press, 183 p.
- Kok-Aun T., Cheong-Hoong D., Hong-Kwen B. & Soo-Keng C. 1996. Determinants of Teacher Professionalism. *Journal of In-Service Education*, 22:2: 231-244. DOI: 10.1080/0305763960220209
- Košir K., Tement S. 2014. Teacher-student relationship and academic achievement: a cross-lagged longitudinal study on three different age groups. *European Journal of Psychology of Education*, 29 (3): 409–428. DOI: 10.1007/s10212-013-0205-2
- Liew W.M. 2012. Perform or else: The performative enhancement of teacher professionalism. *Asia Pacific Journal of Education*, 32-3: 285–303. DOI:10.1080/02188791.2012.711297
- Roorda D.L., Koomen H.M., Spilt J.L., Oort F.J. 2011. The influence of affective teacher-student relationships on students' school engagement and achievement: a meta-analytic approach. *Review of Educational Research*, 81(4): 493–529. DOI: 10.3102/0034654311421793
- Teacher and Leader Effectiveness in High-Performing Education Systems. 2011. Eds. L. Darling-Hammond and R. Rothman. Washington, Stanford, 68 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 05.05.2022

Поступила после рецензирования 21.06.2022

Принята к публикации 10.09.2022

Received May 5, 2022

Revised June 21, 2022

Accepted September 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Данилова Лариса Николаевна, доктор педагогических наук, доцент кафедры теории и истории педагогики, Ярославский государственный университет им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Larisa N. Danilova, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of Pedagogy, K.D. Ushinsky Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia



УДК 378.22

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-3-485-495

Организация педагогической команды «Школа под ключ» в форме продуктовой магистратуры непрерывного педагогического образования

Данько Ю.В.

Севастопольский государственный университет,
Россия, 299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33
E-mail: bonifacius-zs@yandex.ru

Аннотация. В настоящее время система непрерывного и структурированного педагогического образования получила повсеместное распространение, и программы магистратуры ориентированы на профилизацию и углубление приобретённых ранее компетенций. Несмотря на то, что особенности педагогических команд в целом исследованы достаточно широко, остаётся открытым вопрос их формирования под конкретные школы в рамках целевого заказа. Целью настоящего исследования является анализ особенностей педагогической команды и описание педагогического проекта «Школа под ключ» в условиях структурного педагогического образования и непрерывного обучения. Основу исследования составили теоретическое описание его проблематики и анкетирование педагогов и студентов, что подчёркивает значимость данного педагогического проекта как одной из возможных форм получения целевого педагогического образования на уровне магистратуры выпускниками различных направлений бакалавриата для конкретных школ. Рассмотренный педагогический проект продуктовой магистратуры может стать новым направлением подготовки кадров для системы среднего образования. Развитие проекта может состоять в его расширении для системы профессионального образования и внедрении в систему непрерывного педагогического обучения.

Ключевые слова: педагогическое образование, информационно-образовательная среда, сквозные технологии, педагогическая команда, «Школа под ключ», структура подготовки педагога, навыки

Для цитирования: Данько Ю.В. 2022. Организация педагогической команды «Школа под ключ» в форме продуктовой магистратуры непрерывного педагогического образования. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41(3): 485–495. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-3-485-495

Organization of the Pedagogical Team "School on a Turnkey Basis" in the form of a Product Master's Program of Continuous Pedagogical Education

Yuri V. Danko

Sevastopol State University
33 Universitetskaya St, Sevastopol 299053, Russia
E-mail: bonifacius-zs@yandex.ru

Abstract. The system of continuous and structured teacher education has currently become widespread and master's programs are focused on the profiling and deepening of previously acquired competencies. Despite the fact that the features of pedagogical teams as a whole have been studied quite extensively, the question of their formation for specific schools within the framework of a target order remains open. The purpose of this study is to analyze the characteristics of the teaching team and describe the pedagogical project "School on a turnkey basis" in the context of structural teacher education and lifelong learning. The basis of the study was a theoretical description of its issues and a survey of teachers and students,



which emphasizes the importance of this pedagogical project as one of the possible forms of obtaining targeted pedagogical education at the master's level by graduates of various undergraduate areas for specific schools. The considered pedagogical project of the product magistracy can become a new direction of personnel training for the system of secondary education. The development of the project may consist in its expansion for the system of vocational education and its introduction into the system of continuous teacher training.

Keywords: pedagogical education, information and educational environment, end-to-end technologies, teaching team, "Turnkey School", teacher training structure, skills

For citation: Danko Yu.V. 2022. Organization of the Pedagogical Team "School on a Turnkey Basis" in the form of a Product Master's Program of Continuous Pedagogical Education. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41(3): 485–495 (in Russian). DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-3-485-495

Введение

Присоединение России к Болонской декларации в сентябре 2003 года и официальное введение Болонской системы с января 2011 года ознаменовали начало нового этапа российского образования, затронувшего большинство программ педагогических специальностей. Являясь гуманитарным направлением, педагогическое образование ориентировано на подготовку квалифицированного педагога (учителя или преподавателя) различного уровня, что реализуется в системе «бакалавриат – магистратура»: бакалавриат определяется в качестве педагогической базы, а магистратура углубляет, совершенствует её. Соответственно, выпускник бакалавриата может осуществлять педагогическую деятельность в системе среднего образования, соответствуя 6-му уровню квалификации, а также повысить профессиональный уровень в магистратуре [Об утверждении... 2016].

Проблематика настоящего исследования обусловлена развитием системы непрерывного педагогического образования [Артамонова, 2018; Корепанова др., 2019; Лубков, 2020] в части организации педагогической траектории выпускников бакалавриата различных направлений. Потребность в педагогических кадрах для школ – вопрос всероссийского уровня [Батыршина, 2020; Гулахсзян, 2019; Яковлева и др., 2020]; его решению уделяется большое внимание также и на региональном уровне [Катюхина, 2021; Комашинская, 2020; Курамшина, 2020].

В данной работе автор предлагает один из возможных путей решения дефицита педагогов для школ через сотрудничество вуза и отдела образования региона на примере севастопольского педагогического проекта «Школа под ключ», осуществляемого в течение 2019–2022 годов.

Цель настоящего исследования – описание теоретических положений педагогического проекта «Школа под ключ» как основы его внедрения на региональном уровне в рамках педагогического сотрудничества по привлечению в школы молодых учителей (и возможное дополнение к программе «Земский учитель») в контексте модернизации системы педагогического образования на всех уровнях.

Методы исследования

Основу исследования составили теоретические методы, включающие анализ нормативных документов по проблематике подготовки будущих педагогов [Федеральный закон... 2012; Об утверждении... 2016; Об утверждении... 2018], а также специфики функционирования педагогических команд в виде организуемого коллектива [Александрова, 2007; Поташник, 2012; Шклярова, Демин, 2013; Жукова, 2017; Прокудина, 2017], условий проекта и практического опыта продуктовой магистратуры «Школа под ключ», призванной удовлетворить потребность в педагогических кадрах и сформировать педагогический

коллектив для новой школы в условиях формирования модели непрерывного педагогического образования.

Эмпирические методы включали анкетирование педагогов школ и студентов Гуманитарно-педагогического института по проблемным аспектам профессиональной подготовки.

Теоретические основы высшего педагогического образования

В процессе обучения роль мотивации является значимой. Концепция мотивации, в 1959 году предложенная Фредериком Герцбергом, определяет две группы мотивов, являющихся основой обучения [Herzberg, 2005]: внутренние (признание, уважение, карьерный рост) и внешние (финансовый мотив и мотив условий труда), при этом центральными являются успех, карьерный (профессиональный) рост, служебное положение [Herzberg, 2005]. Однако мотивация и мотивы лишь закладывают цель, а её реализация достигается во время обучения в вузе и последующей профессиональной практики.

Как отмечено выше, с 2011 года обучение по большинству программ высшего педагогического образования в России имело двухступенчатую структуру, а с включением аспирантуры в 2013 году в систему высшего образования можно говорить о сформированной трёхуровневой модели, которая реализуется в соответствии с госстандартом соответствующего направления. Например, госстандарт всех направлений бакалавриата определяет педагогическую и методическую деятельности как основу профессиональной подготовки для сферы среднего образования и выделяет общепрофессиональные и универсальные компетенции выпускника, формирующие базовый учебный план в обучении, при этом профессиональная часть программы (профессиональные компетенции) определяется вузом самостоятельно [Об утверждении... 2018], формируя уникальную часть программы обучения.

Первый уровень высшего образования – бакалавриат «даёт возможность получить базовую фундаментальную научную подготовку и основы профессиональных педагогических знаний по избранному направлению образования» [Сластенин, 2008], после его окончания выпускник может работать учителем в школе или продолжить обучение для получения профильного высшего педагогического образования в магистратуре, направленной на углубление знаний, приобретение навыков научно-исследовательской работы, что даёт право на «разработку новых методов и технологий» [Об утверждении... 2018] и работу «в любых типах образовательных учреждений» [Сластенин, 2008].

Соответственно, подготовка будущего педагога прежде всего должна обеспечивать овладение тремя компетенциями в качестве составляющих профессиональной готовности, а именно: педагогическую компетенцию как способность осуществлять преподавание дисциплин своего профиля, методическую – как способность разрабатывать планы, программы, определять стратегию обучения предмету и научно-исследовательскую – (на уровне магистратуры) как способность разрабатывать новые методики, методы сбора и анализа данных, приёмы организации обучения для достижения запланированных результатов, что можно представить как профессиональные навыки (*hard skills*) [Hendriana, 2017].

Однако для педагогической практики не меньшее значение имеют и «гибкие» (универсальные) навыки (*soft skills*), к которым относятся умение работать в команде, коммуникабельность, стрессоустойчивость, организованность и лидерство, умение эффективно организовать рабочую деятельность и время (тайм-менеджмент), нестандартное мышление, умение работать с большими объёмами информации [Hendriana, 2017] и в которых командная работа занимает центральное место.

Педагогический коллектив как комплексная система в каждой организации имеет свою подсистему: в вузе это профильная кафедра, в техникуме – методическая цикловая комиссия, а в школе – методическое объединение педагогов, составляющие групповую организацию коллектива. В свою очередь педагогический коллектив как команда создаётся



для решения различных задач на основе «единства интереса к какой-то проблеме, психологической совместимости, компенсаторных возможностей и т.п.» [Поташник, 2012]. Её отличиями от педагогического коллектива как группы являются «общий интерес и ясная цель, отсутствие соперничества, конкуренции внутри группы, мотивация на достижение результатов в кратчайшие сроки» [Муругова, 2010], это сообщество «единомышленников, соратников, а не случайно... собранных в одном здании людей» [Поташник, 2012], организованное «ради достижения общей цели в реализации актуальных направлений профессиональной деятельности и имеющих взаимодополняющие навыки» [Шилова, Юркова, 2021]. Командная работа педагогов необходима для «обеспечения эффективности развития кадрового ресурса как основного в повышении качества управления образовательным учреждением» [Шклярова, Демин, 2013], и особенно её роль возрастает при проектировании новых школ как системы организации образовательного процесса.

Таким образом, определяем педагогическую команду как организованную группу «для осуществления деятельности... педагогического содержания... стратегического уровня для инновационного развития учреждения, объединенную общими интересами и едиными целевыми установками» [Александрова, 2007], «коллектив людей, имеющих общие цели, взаимодополняющие навыки и умения» [Шклярова, Демин, 2013]. Деятельность педагогических команд динамична, мобильна и продуктивна, каждый участник имеет свою индивидуальность и инициативность [Шклярова, Демин, 2013], длительность работы команды зависит от задач и целей, а квалификация тесно связана с особенностью выполняемого задания [Прокудина, 2017].

К преимуществам организации педагогической команды следует отнести креативность, взаимопомощь, профессионализм, целеустремленность, разносторонние интересы, а к её основным недостаткам – нехватку времени, знаний, большое количество людей в команде, приоритет личного над общим [Жукова, 2017]; её квалификация зависит от уровня и специфики полученного образования (теоретических знаний) и практических навыков (опыта работы).

При подготовке кадров для конкретной школы главная роль отводится проектной команде – многофункциональной группе педагогов или студентов различных профилей подготовки, сформированной для осуществления педагогического проекта [Прокудина, 2017].

«Школа под ключ как педагогический проект»

В контексте настоящего исследования важнейшей предпосылкой создания университетской проектной команды явилась проблема дефицита педагогических кадров в системе среднего образования Севастополя, решение которой имело два вектора: через бюджетный набор, закрывающий потребность региона, и целевой набор для конкретных школ. [Фёдоров, Седых, 2015].

С 2019 года для восполнения нехватки учителей в севастопольских школах Севастопольским государственным университетом в рамках бюджетных и целевых мест реализуются программы бакалавриата 44.03.05 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)» по русскому языку и литературе, двум иностранным языкам, математике и физике, химии и биологии, истории и обществознанию, начальному образованию и иностранному (английскому) языку [Ведущий проект... 2019], и открытие в том же году проекта «Школа под ключ» на кафедре «Педагогическое образование» в форме продуктовой магистратуры (44.04.01 «Педагогическое образование») было направлено на достижение конкретных задач:

- 1) разработать концепцию новой школы «с чистого листа», в том числе стратегию развития, программы и учебные планы в соответствии с актуальными задачами;
- 2) сформировать педагогическую команду под конкретную школу в качестве основы будущего педагогического коллектива;

3) обеспечить взаимодействие «школа – вуз – школа» с ориентацией на достижение практического результата;

4) обеспечить возможность дальнейшего развития проекта в соответствии со стратегией развития педагогического коллектива в условиях развития системы среднего образования.

Участие студентов магистратуры в проекте «Школа под ключ» помогает сформировать новые профессиональные компетенции: логику индивидуальных образовательных траекторий учеников, конструирование образовательных программ и методик, организационно-деятельностное проектирование.

Первой школой в рамках этого проекта стала «Инженерная школа» (2019–2020), для которой были сформированы все необходимые разработки: стратегия развития, нормативные документы и учебные планы (адаптированы под конкретные условия), а также подготовлено 19 выпускников магистратуры в качестве педагогов, определена дальнейшая стратегия профессионального развития во время командной работы. Кроме того, осуществлялось взаимодействие студентов (педагогической команды) с руководством школы (управленческой командой), что помогало в совместной работе и определило общую цель – организовать учебный процесс с самого начала за короткий срок в полном соответствии с государственными стандартами и современными методиками преподавания.

Второй и третий проекты – школа «Экотех+» (2020–2021) и «Инженерная школа» (2021–2022 года) реализуются по тем же принципам и методикам.

В проекте «Школа под ключ» педагогическую команду формируют выпускники бакалавриата различных направлений, желающие как повысить уровень образования, так и получить педагогическое образование для расширения профессионального опыта и получения дополнительных навыков: они «осуществляют на практике теоретические разработки, внедряя их в профессиональную деятельность. Представление проектов осуществляется на стратегических сессиях, благодаря которым формируется атмосфера творчества и сплоченности будущего педагогического коллектива» [Шталь, Проценко 2022]. Для выпускников педагогического бакалавриата это, прежде всего, углубление и совершенствование педагогических и методических знаний, заложение основ исследовательской деятельности.

Составляющие непрерывного педагогического образования

Необходимо стремиться к углублению профессиональных знаний в соответствии с концепцией непрерывного образования, предполагающей профессиональное совершенствование компетенций в реализации принципа «образование через всю жизнь» [Ипполитова, 2018] в условиях модернизации системы педагогического образования [Вайндорф-Сысоева, 2018; Гнатышина и др., 2018; Царапкина и др., 2020]. С целью определения развития профессиональных компетенций 16 марта 2021 года на конференции в Институте развития образования было проведено анкетирование учителей иностранных языков. Участникам анкетирования был предложен вопрос: «Какие компетенции необходимо совершенствовать выпускникам Севастопольского университета, чтобы быть успешным педагогом?» В опросе приняли участие 46 учителей; были получены следующие результаты: 32 учителя отметили теоретические и практические навыки, 10 учителей – только практические навыки и 4 учителя – теоретическую подготовку в области методики преподавания.

Определим составляющие стратегии повышения педагогических компетенций (знаний, умений и навыков):

1. Педагогическая практика и участие в команде при работе над проектом может помочь совершенствовать педагогическое мастерство (практическую подготовку).

2. Участие в разработке рабочих программ и учебных планов совершенствует методическую компетенцию педагога (теоретическую подготовку).

3. Навык проектной деятельности готовит к работе в условиях внедрения электронного обучения на всех уровнях (исследовательская деятельность).

Как следствие развития проектной деятельности и электронного обучения в образовании внедряются сквозные технологии, которые «кардинально меняют ситуацию на существующих рынках или способствуют формированию новых рынков» [Стебихова, 2019]. Применительно к педагогическому образованию отметим «большие данные», блокчейн, виртуальную и дополненную реальность, технологию беспроводной связи [Isopahkala-Bouret et al., 2018; Стебихова, 2019].

Для определения роли электронного обучения в школе и сквозных образовательных технологий проведён опрос участников данного проекта в октябре 2021 года. В анкетировании приняли участие 65 студентов, будущих учителей иностранного языка.

1. «Считаете ли вы важным использование форм электронного обучения в педагогической деятельности в условиях школы?» Получены такие результаты: «безусловно необходимо» – 31 ответ, «необходимо» – 15 ответов, «необходимо овладеть базовыми навыками» – 10, «затрудняюсь ответить» – 9.

2. «Считаете ли вы необходимой проектную командную деятельность как фактор будущей профессиональной успешности?» Результаты: «совершенно необходима» – 48 ответов, «необходима» – 9, «желательна» – 9.

3. «Какие сквозные технологии вы готовы использовать в своей профессиональной деятельности?» Студенты отметили «видеосервисы, виртуальную и дополненную реальность» – 44 ответа, «большие данные» – 12 ответов, «блокчейн-технология» – 9.

Анализ ответов подтверждает готовность студентов работать в команде для осуществления общего результата и применять современные технологии для решения педагогических задач, что может быть свидетельством их мотивированности.

Заключение

В завершение отметим основные выводы и рекомендации по подготовке учителя в условиях внедрения электронного обучения и командной работы в проекте «Школа под ключ».

Во-первых, внедрение системы непрерывного педагогического образования в течение всей профессиональной деятельности рекомендуется осуществлять в формах прохождения курсов повышения квалификации, тренингов, изучения новых методик работы, методической литературы, при необходимости – повышения уровня образования по различным программам (в первую очередь, педагогическим). Кроме этого, необходимым для педагога является овладение навыками анализа и отбора информации, новыми – сквозными технологиями, которые получают развитие в зарубежной практике примерно с первого десятилетия XXI века как *end-to-end or cross-cutting technologies* [Isopahkala-Bouret et al., 2018; Cooper, 2020], а в отечественной науке были сформулированы в рамках Национальной технологической инициативы в качестве ключевых технологий в 2014–2015 годах, обеспечивающих развитие приоритетных отраслей экономики [Стебихова, 2019; Kurakina, 2020]. Отмечено значение многоуровневости, целевой направленности, цифровизации системы высшего образования.

Во-вторых, командное взаимодействие при работе в определённом проекте обеспечивает скорейшее достижение результата, имеет чёткую цель, способствует индивидуальному профессиональному совершенствованию.

Педагогический проект «Школа под ключ» трижды успешно реализован, а значит, может являться одной из форм подготовки педагогов под конкретную школу в рамках продуктовой педагогической магистратуры: участие студентов в педагогической команде готовит

непосредственно к практической деятельности, знакомит с актуальными образовательными тенденциями и помогает развивать коммуникативные и организационные навыки.

В целом повышение уровня образования выпускников-педагогов может открыть новые возможности реализации обучения с применением современных технологий, что будет способствовать вариативности образовательного процесса.

Список источников

- Ведущий проект «Школа под ключ». 2019. Официальный сайт Севастопольского государственного университета. URL: <https://www.sevsu.ru/univers/gpi/school> (дата обращения: 29.05.2022).
- Виханский О.С., Наумов А.И. 2001. Менеджмент. М., Гардарики, 288 с.
- Об утверждении профессионального стандарта “Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)”. 2016. Приказ Минтруда России от 18 октября 2013 г. N 544н (ред. от 05.08.2016). URL: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/orders/129> (дата обращения: 29.05.2022).
- Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование. 2018. Приказ Министерства образования и науки РФ от 22.02.2018 N 121 (ред. от 08.02.2021). URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-44-03-01-pedagogicheskoe-obrazovanie-121> (дата обращения: 24.01.2022).
- Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012 N 273-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 29.05.2022)

Список литературы

- Александрова Е.А. 2007. Педагогические команды как средство активизации инновационной деятельности образовательных учреждений. Автореф. ... кан. пед. наук. Москва, 23 с.
- Артамонова Е.И. 2018. Подготовка педагога в условиях модернизации образования. В кн.: Профессионализм педагога: сущность, содержание, перспективы развития. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 130-летию со дня рождения А.С. Макаренко: в 2 частях, Москва, 15-16 марта 2018 г. Под ред. Е.И. Артамоновой. М., Издательство Некоммерческое партнерство "Международная академия наук педагогического образования": 38-45.
- Батыршина А.Р., Зайниев Р.М. 2020. Подготовка учителя как одно из важнейших направлений в образовании. *Вестник Университета Российской академии образования*, 5: 28–38. DOI: 10.24411/2072-5833-2020-10048
- Вайндорф-Сысоева М.Е., Субочева М.Л. 2018. Концептуальные подходы к организации многоуровневой подготовки педагогических кадров в условиях цифровизации. *Проблемы современного педагогического образования*, 60-4: 71–74.
- Гнатышина Е.А., Алексеева Л.П., Савченков А.В. 2018. Подготовка профессионально-педагогических кадров в условиях инновационной деятельности вуза. *Балтийский гуманитарный журнал*, 7(1(22)): 210–215.
- Гулахсзян В.Г., Рудых С.А. 2019. Проблема нехватки кадров в образовательных учреждениях. В кн.: Противодействие экстремизму, терроризму, коррупции: теория и практика. Материалы Национальной научно-практической конференции, Армавир, 19 июня 2019 г. Армавир, Издательство Армавирского государственного педагогического университета: 64-67.
- Жукова И.В. 2017. Педагогическая команда как ресурс повышения эффективности образовательного процесса. В кн.: Ребенок в современном образовательном пространстве мегаполиса. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 7 апреля 2017 г. Под ред. А.И. Савенкова. М., Перо: 110–116.
- Ипполитова Н.В. 2018. Система непрерывного педагогического образования. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки*, 10 (1): 6-12. DOI: 10.14529/ped180101



- Катюхина И.В. 2021. Роль федеральной программы «Земский учитель» в решении проблемы дефицита педагогических кадров в сельской местности. В кн.: Реализация образовательных и профессиональных стандартов в психологии и педагогике. Сборник статей Международной научно-практической конференции, Магнитогорск, 1 июня 2021 г. Под ред. А.А. Сукиасян. Уфа, Издательство: Общество с ограниченной ответственностью "Аэтерна": 43–45.
- Комашинская Т.С. 2020. О проблемах подготовки учителей: опыт приморского края. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология*, 59: 24–35. DOI: 10.15382/sturIV202059.24-35
- Корепанова Е.В., Бусуек О.А. 2019. Непрерывность и преемственность в общепедагогической подготовке учителя. *Наука и образование*, 2(2): 132.
- Курамшина Г.Р. 2020. Проблема нехватки квалифицированных педагогов в современной образовательной среде. В кн.: Теоретические и прикладные вопросы экономики, управления и образования. Сборник статей Международной научно-практической конференции, Пенза, 25–26 июня 2020 г. Под ред. Б.Н. Герасимова. Пенза, Издательство Автономная некоммерческая научно-образовательная организация «Приволжский Дом знаний»: 60–63.
- Лубков А.В. 2020. Современные проблемы педагогического образования. *Образование и наука*, 22(3): 36–54. DOI: 10.17853/1994-5639-2020-3-36-54
- Муругова Е.Г. 2010. Команда как инновационный ресурс развития организации: условия эффективного управления командой. *Инновации в образовании*, 10: 18–26.
- Поташник М.М. 2012. О формировании в школе педагогической команды. *Школьные технологии*, 5: 12–18.
- Прокудина А.М. 2017. Особенности создания педагогической команды. *Вестник магистратуры*, 11-1(74): 21–22.
- Сластенин В.А. 2008. Профессионализм учителя как явление педагогической культуры. *Педагогическое образование и наука*, 12: 4–15.
- Сороковых Г.В. 2018. Продукт-ориентированная подготовка учителя иностранного языка как методическая проблема. В кн.: Культурно-языковое взаимодействие в процессе преподавания дисциплин культурологического и лингвистического циклов в современном полиэтничном вузе. Сборник статей по материалам IV Всероссийской (с международным участием) научно-методической конференции, Москва, 26 апреля 2018 г. Под ред. Л.Д. Торосян. Москва, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова: 183–187.
- Стебихова Н.А. 2019. Сквозные технологии цифровой экономики. В кн.: Современная антимонопольная политика России: правоприменительная практика в Брянской области. Сборник научных работ Всероссийской научно-практической конференции, Брянск, 18–19 апреля 2019 г. Брянск, Издательство Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского: 193–196.
- Федоров А.А., Седых Е.П. 2015. Моделирование процессов целевого обучения и трудоустройства в системе педагогического образования. *Психологическая наука и образование*, 20(5): 93–98. DOI: 10.17759/pse.2015200508
- Царапкина Ю.М., Лемешко Т.Б., Миронов А.Г. 2020. Подготовка педагогических кадров к профессиональной деятельности в условиях цифрового обучения. *Информатика и образование*, 2(311): 48–52. DOI: 10.32517/0234-0453-2020-35-2-48-52
- Шилова О.Н., Юркова Т.А. 2021. Педагогическая команда – эффективный инструмент профессионального развития педагога и образовательной организации. *Академический вестник. Вестник Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования*, 2(52): 63–68.
- Шклярова О.А., Демин С.В. 2013. Формирование управленческой команды по развитию кадрового ресурса в образовательном учреждении. *Инновационные проекты и программы в образовании*, 5: 25–28.
- Шталь О.Е., Проценко Е.Г. 2022. Особенности формирования педагогической команды в процессе обучения в «продуктовой» магистратуре. *Современная школа России. Вопросы модернизации*, 1(38-2): 106–111.
- Яковлева И.А., Шмирко А.О. 2020. Острый дефицит молодых учителей в сфере образования: причины и пути решения. В кн.: Педагогическое взаимодействие: возможности и перспективы. Материалы II международной научно-практической конференции, Саратов, 25–28 ноября

2020 г. Под ред. А.В. Еремина. Саратов, Изд-во Сарат. гос. мед. ун-та им. В.И. Разумовского: 789–792.

- Cooper M.M. 2020. The Crosscutting Concepts: Critical Component or “Third Wheel” of Three-Dimensional Learning? *Journal of Chemical Education*, 97(4): 903–909. DOI: 10.1021/acs.jchemed.9b01134
- Hendriana H. 2017. Teachers’ hard and soft skills in innovative teaching of mathematics. *World Transactions on Engineering and Technology Education*, 15(2): 145–150.
- Herzberg F. 2005. The motivation-hygiene theory. Organizational behavior one: Essential theories of motivation and leadership. Eds. J.B Miner, M.E Sharpe. New York: 61–74.
- Isopahkala-Bouret U., Börjesson M., Beach D., Haltia N., Jónasson J.T., Jauhiainen A., Jauhiainen A., Kosunen S., Nori H., Vabø A. 2018. Access and stratification in Nordic higher education. A review of cross-cutting research themes and issues. *Education Inquiry*, 9(1): 142–154. DOI: 10.1080/20004508.2018.1429769
- Kurakina N.V. 2020. A Review of Cross-Cutting (end-to-end) Digital Technologies Used at Leading Pre-cast Concrete Factories in Russia and EU. В кн.: Право, экономика и управление: актуальные вопросы. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чебоксары, 27 ноября 2020 г. Под ред. Э.В. Фомина. Чебоксары, Издательский дом «Среда»: 31–38. DOI: 10.31483/r-97255

References

- Aleksandrova E.A. 2007. Pedagogicheskie komandy kak sredstvo aktivizatsii innovatsionnoy deyatel'nosti obrazovatel'nykh uchrezhdeniy [Pedagogical teams as a means of activating the innovative activity of educational institutions]. Abstract ... can. ped. sciences. Moscow, 23 p.
- Artamonova E.I. 2018. Podgotovka pedagoga v usloviyakh modernizatsii obrazovaniya [Teacher training in the context of education modernization]. In: Professionalizm pedagoga: sushchnost', soderzhanie, perspektivy razvitiya [Professionalism of a teacher: essence, content, development prospects]. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 130th anniversary of the birth of A.S. Makarenko: in 2 parts, Moscow, March 15–16, 2018. Ed. E.I. Artamonova. M., Publ. Izdatel'stvo Nekommercheskoe partnerstvo "Mezhdunarodnaya akademiya nauk pedagogicheskogo obrazovaniya": 38–45.
- Batyrshina A.R., Zayniev R.M. 2020. Teacher training as one of the most important areas in education. *Herald of the University of the Russian Academy of Education*, 5: 28–38 (in Russia). DOI: 10.24411/2072-5833-2020-10048
- Vayndorf-Sysoeva M.E., Subocheva M.L. 2018. Conceptual approaches to the organization of multilevel preparation of pedagogical staff in conditions of digitalization. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 60-4: 71–74.
- Gnatyshina E.A., Alekseeva L.P., Savchenkov A.V. 2018. The training of professional-pedagogical personnel in conditions of innovative activity of the university. *Baltic Humanitarian Journal*, 7(1(22)): 210–215.
- Gulakhszyan V.G., Rudykh S.A. 2019. Problema nekhvatki kadrov v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh [The problem of shortage of personnel in educational institutions]. In: Protivodeystvie ekstremizmu, terrorizmu, korruptsii: teoriya i praktika [Counteraction to extremism, terrorism, corruption: theory and practice]. Materials of the National Scientific and Practical Conference, Armavir, June 19, 2019. Armavir, Publ. Izdatel'stvo Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta: 64–67.
- Zhukova I.V. 2017. Pedagogicheskaya komanda kak resurs povysheniya effektivnosti obrazovatel'nogo protsessa [Teaching team as a resource for improving the efficiency of the educational process]. In: Rebenok v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve megapolisa [Child in the modern educational space of the metropolis]. Materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, April 7, 2017. Ed. A.I. Savenkov. M., Publ. Pero: 110–116.
- Ippolitova N.V. 2018. System of continuing pedagogical education. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Education. Educational Sciences*, 10(1): 6-12 (in Russia). DOI: 10.14529/ped180101
- Katyukhina I.V. 2021. Rol' federal'noy programmy «Zemskiy uchitel'» v reshenii problemy defitsita pedagogicheskikh kadrov v sel'skoy mestnosti [The role of the Zemsky teacher federal program in



- solving the problem of shortage of teaching staff in rural areas]. In: Realizatsiya obrazova-tel'nykh i professional'nykh standartov v psikhologii i pedagogike [Implementation of educational and professional standards in psychology and pedagogy]. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, Magnitogorsk, June 1, 2021 Ed. A.A. Sukiasyan. Ufa, Publ. Izdatel'stvo: Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu "Aeterna": 43–45.
- Komashinskaya T.S. 2020. Issues in teacher training: the situation in primorsky krai as an example. *St. Tikhon's University Review. Series IV: Pedagogy. Psychology*, 59: 24–35 (in Russia). DOI: 10.15382/sturIV202059.24-35
- Korepanova E.V., Busuek O.A. 2019. Continuity and continuity in the public pedagogical training of the teacher. *Nauka i obrazovanie*, 2(2): 132. Available at:
- Kuramshina G.R. 2020. Problema nekhvatki kvalifitsirovannykh pedagogov v sovremennoy obrazovatel'noy srede [The problem of lack of qualified teachers in the modern educational environment]. In: Teoreticheskie i prikladnye voprosy ekonomiki, upravleniya i obrazovaniya [Theoretical and Applied Issues of Economics, Management and Education]. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, Penza, June 25–26, 2020. Ed. B.N. Gerasimov. Penza, Publ. Izdatel'stvo Av-tonomnaya nekommercheskaya nauchno-obrazovatel'naya organizatsiya «Privolzhskiy Dom znaniy»: 60–63.
- Lubkov A.V. 2020. Modern problems of pedagogical education. *The Education and Science Journal*, 22(3): 36–54 (in Russia). DOI: 10.17853/1994-5639-2020-3-36-54
- Murugova E.G. 2010. Komanda kak innovatsionnyy resurs razvitiya organizatsii: usloviya effektivnogo upravleniya komandoy [Team as an innovative resource for the development of an organization: conditions for effective team management]. *Innovation in Education*, 10: 18–26.
- Potashnik M.M. 2012. About the teachers staff formation at school. *Journal of School Technology*, 5: 12–18 (in Russia).
- Prokudina A.M. 2017. Osobennosti sozdaniya pedagogicheskoy komandy [Features of creating a teaching team]. *Vestnik magistratury*, 11-1(74): 21–22.
- Slastenin V.A. 2008. Professionalism of a teacher as a phenomenon of pedagogical culture. *Pedagogical Education and Science*, 12: 4–15 (in Russia).
- Sorokovykh G.V. 2018. Produkt-orientirovannaya podgotovka uchitelya inostrannogo yazyka kak metodicheskaya problema [Product-oriented training of a foreign language teacher as a methodological problem]. In: Kul'turno-yazykovoe vzaimodeystvie v protsesse prepo-davaniya distsiplin kul'turologicheskogo i lingvisticheskogo tsiklov v sovremennom polietnichnom vuze [Cultural-linguistic interaction in the process of teaching the disciplines of cultural and linguistic cycles in a modern multi-ethnic university]. Collection of articles based on the materials of the IV All-Russian (with international participation) scientific and methodological conference, Moscow, April 26, 2018. Ed. L.D. Torosyan. Moskva, Publ. Rossiyskiy ekonomicheskii universitet imeni G.V. Plekhanova: 183–187.
- Stebikhova N. A. 2019. Skvoznye tekhnologii tsifrovoy ekonomiki [Cross-cutting technologies of the digital economy]. In: Sovremennaya antimonopol'naya politika Rossii: pravoprimeritel'naya praktika v Bryanskoy oblasti [Modern Antimonopoly Policy of Russia: Law Enforcement Practice in the Bryansk Region]. Collection of scientific papers of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Bryansk, April 18–19, 2019. Bryansk, Publ. Izdatel'stvo Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni akademika I.G. Petrovskogo: 193–196.
- Fedorov A.A., Sedykh E.P. 2015. Modeling of targeted training and employment in the system of pedagogical education. *Psychological science and education*, 20(5): 93–98 (in Russia). DOI: 10.17759/pse.2015200508
- Tsarapkina Yu.M., Lemeshko T.B., Mironov A.G. 2020. The training of teachers for professional activity within digital education. *Informatics and education*, 2(311): 48–52 (in Russia). DOI: 10.32517/0234-0453-2020-35-2-48-52
- Shilova O.N., Yurkova T.A. 2021. A pedagogical team as an effective tool for the professional development of a teacher and an educational organization. *Akademicheskii vestnik. Vestnik Sankt-Peterburgskoy akademii postdiplomnogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 2(52): 63–68.
- Shklyarova O.A., Demin S.V. 2013. Formirovanie upravlencheskoy komandy po razvitiyu kadrovogo resursa v obrazovatel'nom uchrezhdenii [Formation of a management team for the development of human resources in an educational institution]. *Innovatsionnye proekty i programmy v obrazovanii*, 5: 25–28.

- Stahl O.E., Protsenko E.G. 2022. Peculiarities of forming a pedagogical team in the process of learning in the "food" master's studies. *Sovremennaya shkola Rossii. Voprosy modernizatsii*, 1(38-2): 106–111.
- Yakovleva I.A., Shmirko A.O. 2020. Ostryy defitsit molodykh uchiteley v sfere obrazovaniya: prichiny i puti resheniya [Acute shortage of young teachers in education: causes and solutions]. In: *Pedagogicheskoe vzaimodeystvie: vozmozhnosti i per-spektivy* [Pedagogical Interaction: Opportunities and Perspectives]. Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference, Saratov, November 25-28, 2020. Ed. A.V. Eremin. Saratov, Izd-vo Sarat. gos. med. un-ta im. V.I. Razumovskogo: 789-792.
- Cooper M.M. 2020. The Crosscutting Concepts: Critical Component or "Third Wheel" of Three-Dimensional Learning? *Journal of Chemical Education*, 97(4): 903–909. DOI: 10.1021/acs.jchemed.9b01134
- Hendriana H. 2017. Teachers' hard and soft skills in innovative teaching of mathematics. *World Transactions on Engineering and Technology Education*, 15 (2): 145–150.
- Herzberg F. 2005. The motivation-hygiene theory. Organizational behavior one: Essential theories of motivation and leadership. Eds. J.B Miner, M.E Sharpe. New York: 61–74.
- Isopahkala-Bouret U., Börjesson M., Beach D., Haltia N., Jónasson J.T., Jauhiainen A., Jauhiainen A., Kosunen S., Nori H., Vabø A. 2018. Access and stratification in Nordic higher education. A review of cross-cutting research themes and issues. *Education Inquiry*, 9(1): 142–154. DOI: 10.1080/20004508.2018.1429769
- Kurakina N.V. 2020. A Review of Cross-Cutting (end-to-end) Digital Technologies Used at Leading Precast Concrete Factories in Russia and EU. In: *Pravo, ekonomika i upravlenie: aktual'nye voprosy* [Law, Economics and Management: Current Issues]. Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, Cheboksary, November 27, 2020 Ed. E.V. Fomin. Cheboksary, Publ. Izdatel'skiy dom «Sreda»: 31–38 ((in Russia). DOI: 10.31483/r-97255

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 29.05.2022

Received May 29, 2022

Поступила после рецензирования 21.06.2022

Revised June 21, 2022

Принята к публикации 10.09.2022

Accepted September 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Данько Юрий Владимирович, аспирант кафедры «Педагогическое образование», Севастопольский государственный университет, учитель немецкого языка СОШ № 14 г. Севастополя, г. Севастополь, Россия

Yuri V. Danko, Post-graduate student of the Department of Pedagogical Education, Sevastopol State University, German language teacher, Secondary School No. 14 of Sevastopol, Sevastopol, Russia



УДК 378.046.4

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-3-496-508

Анализ современных моделей дополнительного профессионального образования научно-педагогических кадров в университетах

Ирхина И.В., Кравец А.О.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: irhina@bsu.edu.ru; bsu.kravets@gmail.com

Аннотация. Одним из условий поступательного развития высшей школы является система дополнительного профессионального образования научно-педагогических кадров (ДПО НПК) университета, призванная обеспечить современный уровень квалификации профессорско-преподавательского состава. Совершенствование вузовской системы ДПО в мире происходит многовекторно, с учетом образовательных традиций, национальных и региональных особенностей конкретного вуза, потенциала и образовательных потребностей преподавателей, что обуславливает возникновение и развитие разнообразных моделей ДПО. Несмотря на актуальность проблемы моделирования системы ДПО НПК, вопрос особенностей существующих моделей разработан недостаточно. Цель исследования – выявление особенностей моделей ДПО научно-педагогических кадров университетов в России и зарубежных странах. В работе дан сравнительный анализ зарубежных (англосаксонской и немецкой) и российских моделей ДПО НПК ряда университетов; раскрыты теоретические и технологические аспекты рассматриваемых моделей. Доказано, что российская модель ДПО НПК университета, в отличие от зарубежной компетентностной, является по сути адаптивной и универсальной.

Ключевые слова: дополнительное профессиональное образование, анализ, научно-педагогические кадры, модели, университет, развитие

Для цитирования: Ирхина И.В., Кравец А.О. 2022. Анализ современных моделей дополнительного профессионального образования научно-педагогических кадров в университетах. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41(3): 496–508. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-3-496-508

Analysis of Modern Models of Additional Professional Education of Scientific and Pedagogical Personnel at Universities

Irina V. Irkhina, Anastasia O. Kravets

Belgorod National Research University
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia
E-mail: irhina@bsu.edu.ru; bsu.kravets@gmail.com

Abstract. One of the conditions for the progressive development of higher education is the system of additional professional education of scientific and pedagogical personnel of the university, designed to provide a modern level of qualification of the teaching staff. The improvement of the university system of vocational education in the world takes place in a multi-vector manner, taking into account educational traditions, national and regional characteristics of a particular university, the potential and educational needs of teachers, which determines the emergence and development of various models of vocational education. Despite the urgency of the problem of modeling the system of DPO NPC, the question of the features of existing models has not been sufficiently developed. The purpose of the study is to identify the

features of the models of the DPO of scientific and pedagogical personnel of universities in Russia and foreign countries. The paper provides a comparative analysis of foreign (Anglo-Saxon and German) and Russian models of DPO NPK of a number of universities; the theoretical and technological aspects of the analysis are disclosed.

Keywords: additional professional education, analysis, scientific and pedagogical personnel, models, university, development

For citation: Irkhina I.V., Kravets A.O. 2022. Analysis of Modern Models of Additional Professional Education of Scientific and Pedagogical Personnel at Universities. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41(3): 496–508 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-3-496-508

Введение

В современных условиях жесткого противостояния России и коллективного Запада, обострения конкуренции на рынке образовательных услуг, усиления национальной суверенизации во всех областях жизни, в том числе в сфере высшего образования, актуализируется проблема выстраивания российской системы дополнительного профессионального образования научно-педагогических кадров (ДПО НПК) в вузе, которая должна отвечать требованиям не только инновационной, но и во многом мобилизационной экономики: быстро и эффективно реагировать на внешние угрозы, обеспечивать сохранение и развитие кадрового потенциала университетов, усиливать адаптационные способности системы дополнительного профессионального образования преподавателей вуза, успешно работать в новых условиях и т.д. Решение обозначенной проблемы предполагает анализ накопленного опыта, сложившегося в отечественных и зарубежных вузах, по повышению уровня профессионализма современного преподавателя и выстраиванию в России адаптивной системы ДПО НПК. Рассматриваемая система призвана обновиться и постоянно обновляться в соответствии с требованиями быстро меняющихся социальных условий, подстроиться к индивидуальным особенностям слушателей, преобразовав внутреннюю образовательную среду; направив усилия преподавателей вузов на собственное профессиональное и личностное развитие.

Кардинальное и стремительное обновление миропорядка, осуществляющееся на наших глазах, детерминирует необходимость отслеживания и оперативного использования передового зарубежного и российского опыта с целью обеспечения конкурентоспособности отечественной системы высшего образования. Внимание исследователей в рассматриваемом контексте в последние годы обращено, главным образом, на характеристику современного состояния дополнительного профессионального образования в России [Шапка, 2012; Игнатович, 2013; Глубокова, 2016]. Незначительная часть работ посвящена рассмотрению проблем повышения квалификации и дополнительного профессионального образования преподавателей высшей школы, как в нашей стране, так и за рубежом [Козлова, 2013; Питерскова, 2012; Максимкина, 2015; Усманов, 2018; Ирхина, 2020 и др.] В настоящее время в научной литературе практически не уделяется внимание сравнительному анализу существующих моделей ДПО НПК в университете, что подчеркивает актуальность данной работы.

Возникла насущная потребность заполнить научный вакуум в сопоставлении современной практики дополнительного профессионального образования научно-педагогических кадров в университетах России и зарубежных стран. Такая задача, на наш взгляд, представляется важной как для теории педагогической компаративистики, так и для развития теории и практики дополнительного профессионального образования НПК высшей школы.

Характеристика зарубежных моделей ДПО НПК вузов

Анализ современных моделей развития ДПО НПК в университетах предполагает определение методологических подходов, на основе которых проводится исследование. Изучение научной литературы по данному вопросу [Козлова, 2013; Заруба, 2014; Максимикина, 2015; Шаталов, 2016; Усманов, 2018; Ирхин и др., 2020; Шумакова, 2021; и др.], позволило выделить следующие тенденции развития ДПО НПК в отечественных и зарубежных вузах: быстрое устаревание знаний и необходимость в непрерывном образовании специалистов на протяжении всей профессиональной деятельности; непрерывность дополнительного профессионального образования; повышение вертикальной и горизонтальной мобильности специалистов; переход к компетентностной модели подготовки специалистов; цифровизация системы образования; интеграция и взаимообусловленность научных знаний, в первую очередь наук о человеке; коммерциализация образования; переход с узкой специализации на профессиональную компетентность в широком спектре вопросов; преобразование структуры ДПО НПК в один из мощных факторов ускорения системной модернизации социума и производства; приведение квалификации и профессионализма специалистов и руководителей в соответствие с требованиями и потребностями реального сектора экономики; открытость, гибкость и разнообразие образовательных программ; вариативность систем ДПО НПК и другие.

Как показывает опыт деятельности университетов, в настоящее время профессорско-преподавательскому составу приходится постоянно адаптироваться к изменяющимся условиям труда под влиянием научно-технического прогресса (изменение содержания и способов обучения, широкое внедрение в образовательный процесс вузов информационных технологий и т.д.), глобальных катаклизмов (необходимость перехода на дистанционное обучение в связи с пандемией коронавирусной инфекции), изменения требований производства, нормативных актов, госстандартов и т.д. Поэтому тенденцию к усилению адаптивности системы ДПО НПК можно считать одной из ведущих.

Следует отметить и негативные тенденции, к числу которых относятся: усиливающаяся недобросовестная конкуренция между образовательными системами стран, регионов, университетов, внутри университетов, а также на межличностном уровне; смещение акцентов с фундаментального образования в сторону прикладных программ.

В аспекте указанных тенденций выстраиваются методологические подходы, на основе которой получают развитие модели ДПО НПК: системный, компетентностный, личностно-ориентированный, индивидуализированный и адаптивный.

В анализе зарубежного опыта развития ДПО НПК интерес представляют, прежде всего, Великобритания, США и Германия, государственная политика которых, признавая ключевую роль высшего образования в решении социально-экономического развития общества, придает первостепенное значение повышению квалификации научно-педагогических кадров вузов. Поэтому условно можно выделить два типа зарубежных моделей повышения квалификации НПК вузов – англосаксонский и немецкий [Ирхин и др., 2020; Ирхина, Кравец, 2021].

В отличие от российских, в англосаксонской и немецкой моделях «нет законодательно установленных требований относительно обучения на курсах профессионального развития преподавателей высшей школы; их постоянный профессиональный рост – это ответственность каждого университета, большинство из которых имеет свои собственные отделы или работников, ответственных за профессиональное развитие персонала» [Козлова, 2012, 2013].

Компетентностная сущность англосаксонской модели «отражена в ее направленности на совершенствование педагогического мастерства как обучающей компетенции преподавательского состава, что находит своё отражение в разрабатываемых программах всех уровней: федеральных, региональных, университетских, индивидуальных, имеющих

стратегический аспект повышения квалификации научно-педагогических кадров» [Козлова, Ирхина, 2012].

Структурно англосаксонская модель не отличается единообразием и включает центры повышения квалификации, факультеты, институты. Содержание обучения предполагает изучение передового опыта, новых образовательных технологий, овладение знаниями по программам. В рамках специализированных программ поднимаются вопросы профилактики и преодоления экстремизма, расовой и религиозной нетерпимости; изучаются особенности воспитательной работы с отдельными группами молодежи: с мигрантами, сексуальными меньшинствами и др.; освещаются аспекты использования возможностей социального пространства и виртуального пространства.

В Великобритании считается эффективной структурой повышения квалификации преподавателей система Graduate school (высшей школы), которая служит центром по развитию профессиональных навыков и по подготовке преподавателей и научных консультантов. Одна из их главных задач заключается в стремлении к увеличению мобильности преподавателей по всей Европе и к международному сотрудничеству между университетами и другими партнерами [Marquardt, Waddill, 2004; Lisewski, 2006; Усманов, 2018]. Основные формы и методы повышения квалификации преподавателей вузов сводятся к проведению индивидуальных и групповых занятий, консультаций, онлайн-форумов, дискуссий. Учебные курсы и семинары служат форумом для коллег, где обсуждаются новые педагогические технологии. Как правило, на занятиях используются активные методы и средства обучения: мультимедиа, методы мозгового штурма и проектов, деловые игры, тестирование и т.д. Важным условием эффективности реализации образовательных программ в англосаксонской модели является предоставление специального отпуска преподавателю для проведения научной работы. Связи исследуемой модели ДПО РНПК характеризуются вариативностью, гибкостью, множественностью. Активно действует так называемая система внешних экзаменаторов и горизонтальной взаимооценки внутри и между факультетами (peer review), при которой передаётся и распространяется преподавательский и/или исследовательский опыт. Внешние связи исследуемой системы прослеживаются также в проведении аккредитации и финансировании Академией высшего образования Великобритании некоторых программ обучения; в изучении Ассоциацией развития образования и персонала (SEDA) и при поддержке Фонда лидерства для высшего образования инновационных процессов в национальной модели повышения квалификации преподавателей в университетах страны. Своеобразным механизмом адаптации англосаксонской модели ДПО НПК к требованиям рынка и социума является постоянное приглашение к участию в реализации образовательных программ представителей различных ведомств, бизнеса, корпораций и фирм.

Немецкая модель ДПО НПК базируется на компетентностном и личностно-ориентированном подходах, реализуется в трех вариантах: в модели повышения квалификации преподавателей в центрах дидактики высшей школы Дортмунда «Старт в обучении» (Дортмунская модель), Билефельда (Билефельдская модель) и Брауншвейга (брауншвейгская модель). Общим в этих моделях ДПО НПК можно назвать цель образовательной системы – развитие профессиональной компетентности преподавателей.

Содержание образовательного процесса в Дортмунской, Билефельдской и Брауншвейгской моделях различаются главным образом наполнением учебных модулей. Так, в программе «Старт в обучение» первый модуль посвящен основам дидактики высшей школы, второй – организации и осуществлению учебного процесса в высшей школе, а третий модуль – осуществлению проектной деятельности в рамках выбранной проблемы. В билефельдской модели основы дидактики высшей школы изучаются более углубленно в двух модулях с детализацией технологий проведения занятий с разным составом студентов, с показом способов мотивации обучения и акцентом на педагогическую практику

[Питерскова, Ирхина, 2012]. Третий модуль раскрывает особенности проблемно-ориентированного обучения в рамках конкретной учебной дисциплины.

В представленных трех моделях количество учебных часов составляет 200: 80, 60 и 60 часов соответственно. В Брауншвейгской модели разработано семь модулей. Для получения сертификата слушателю достаточно пройти курс в 124 часа. Акцент в программе сделан на формировании у слушателей коммуникативных компетенций. В Дортмунской, Билефельдской и Брауншвейгской моделях широко используются активные методы обучения: проблемные методы, мозговой штурм, составление ментальных карт, практические методы (упражнения, практическая работа, деловые и ролевые игры), метод проектов, обучение в сотрудничестве и т.д. Регулярно используются средства видео-, мультимедиа, информационные сети Интернет, постоянно проводятся моделируемые интернет-форумы по вопросам дидактики высшей школы и другое.

В основе всех моделей в Германии лежит модульная технология обучения. Однако в Дортмунской и Билефельдской моделях, в отличие от Брауншвейгской, повышение квалификации преподавателей осуществляется систематически и на обязательной основе. Не пройдя первый уровень обучения, слушатель не может приступить к посещению занятий второго уровня, так как все модули логически взаимосвязаны и содержание последующего модуля вытекает из содержания предыдущего. Таким образом, четко прослеживаются взаимосвязи между блоками отдельных модулей образовательных программ.

По завершении каждого модуля слушатели получают соответствующий сертификат. В Брауншвейгской модели отсутствует строгая иерархия в структуре модулей, слушатель вправе пройти любой модуль по своему усмотрению, спланировав, например, только посещение мастер-класса. Такой подход, на наш взгляд, снижает эффективность программы обучения.

В немецкой модели в последние годы принцип адаптивности к требованиям рынка и социума реализуется благодаря акценту в программах на развитие медийной компетенции слушателей.

Особенности моделей ДПО НПК в российских университетах

В Российской Федерации набирает силу предложенная Н.А. Зарубой [2014] идея адаптивного повышения квалификации, которая, по мнению автора, «включает адаптивную образовательную среду, систему образования, способную максимально, по сравнению с неадаптивной системой, помочь каждому слушателю достичь его оптимального интеллектуального развития в соответствии с его природными задатками и способностями, а также потребностями государства и общества; адаптивный процесс, направленный на формирование профессиональных компетентностей специалиста с учетом потребностей личности, государства и общества» [Заруба, 2014].

В связи с реформированием в России в начале 90-х годов прошлого века высшего и среднего специального образования сложилась и продолжает развиваться адаптивная модель ДПО НПК вузов, в которой можно условно выделить несколько вариантов ее реализации: сетевая модель, модель корпоративного образования, компетентностная модель и маркетинговая модель.

Цель адаптивной модели ДПО НПК российских вузов отражена в статье 76 «Закона об образовании», закрепившей «повышение статуса дополнительного профессионального и ориентирующей его «на удовлетворение образовательных и профессиональных потребностей, профессиональное развитие человека, обеспечение соответствия его квалификации меняющимся условиям профессиональной деятельности и социальной среды» [Федеральный закон... 2012].

Содержание образовательного процесса, формы и методы работы в адаптивной модели варьируются в зависимости от поставленных приоритетных задач. Так, в модели

корпоративного образования (МГУ им. М.В. Ломоносова) в основу учебного процесса заложен принцип тесной интеграции академической науки и высшей школы с учетом особенностей современной практики [Алексеев и др., 2012]. В модели ДПО на основе развития межвузовской кооперации ДПО НПК реализуется на основе объединения учебных ресурсов из различных университетов. Объединение нескольких вузов для решения задач подготовки и переподготовки кадров осуществляется по наиболее актуальным и востребованным учебным курсам или дисциплинам.

В РГПУ им. А.И. Герцена действует корпоративная модель, суть которой в комплексной «командной» переподготовки и повышении квалификации преподавателей кафедры или целого факультета либо преподавателей, обеспечивающих реализацию конкретной образовательной программы. В рамках ДПО НПК на учебных занятиях ведется совместный поиск путей решения общей для всех слушателей исследуемой проблемы. Так, представители НПК создают учебно-методический комплекс дисциплины, методические материалы по той или иной дисциплине либо по конкретному модулю, создают тестовые материалы и т.д. Затем созданные материалы апробируются в ходе практической деятельности, осуществляется рефлексия и вносятся коррективы. Надо отметить, что формы подготовки преподавателей самые разные: от семинаров и практикумов до тренингов. Интересным представляется такой вид объединений преподавателей, как лаборатории или творческие микрогруппы. Например, «группа преподавателей кафедры педагогики РГПУ им. А.И. Герцена, которые читают поточные лекции по "Педагогике школы" для всех студентов, создают в качестве совместного продукта презентации и тексты лекций, разрабатывают конспекты практических занятий в соответствии с рабочей программой. В представленной модели в командной работе на этапе проектирования и разработки материалов происходит осмысление собственного опыта, актуализируется личностное знание» [Глубокова, 2016].

В Пензенском государственном техническом университете в рамках реализации «модели корпоративного образования» предполагается подключение различных образовательных структур и учебных программ предприятий, компаний и т.д. Кроме того, в модели предусматриваются преемственные и последовательные уровни ДПО НПК в вузе: «основной, высокий (корпоративный) и повышенный (сетевой). На каждом из представленных уровней повышение квалификации преподавателей осуществляется по следующим направлениям: предметная, психолого-педагогическая, информационно-технологическая, языковая и предпринимательская подготовка» [Козлова, 2013].

Другим вариантом реализации «модели корпоративного образования» может служить так называемое «выращивание практического опыта», когда в группу начинающих, малоопытных преподавателей, включается преподаватель-мастер, выступающий наставником для группы, передающий свои знания и опыт, стимулирующий «молодежь» на развитие профессиональной компетентности. Использовать такую микромодель целесообразно, когда нужно обучить небольшую группу преподавателей решению конкретных (или нескольких конкретных) задач [Глубокова, 2016].

Наконец, разновидностью «модели корпоративного образования» является опыт организации коллективной исследовательской деятельности преподавателей. Смысл такой модели в том, чтобы в рамках обучающего семинара силами слушателей провести микроисследование по теме, согласованной с программой развития вуза. Семинар проводит либо приглашенный со стороны специалист, либо тьютор из числа подготовленных преподавателей данного вуза. В рамках обучающего семинара обсуждаются наиболее важные для данного факультета проблемы и способы их решения.

При реализации «круговой модели разработки проектов» учитываются опыт и затруднения конкретного преподавателя. В этом варианте осуществляется последовательный характер обучения преподавателя, а программу повышения квалификации он составляет самостоятельно. В «круговой модели разработки проектов» прослеживается регуляр-



ная связь практической деятельности преподавателя в вузе и процесса обучения студентов. Процесс повышения квалификации выстраивается как непрерывный процесс, то есть приобретенный преподавателем опыт решения одной проблемы становится основой для появления новых проблем. Результатом обучения на курсах повышения квалификации выступают разработанные преподавателем проекты. Одним из условий реализации такой модели является наличие модераторов проектной деятельности.

В тех случаях, когда процесс повышения квалификации научно-педагогических кадров вуза во многом зависит от созданных лидерами сети образовательных, материально-технических, экспертных и кадровых возможностей, осуществляется многоуровневое взаимодействие работников, входящих в сеть структурных подразделений университетов и других организаций разного уровня, речь идет о «сетевой модели» [Козлова, 2013].

В Российской Федерации создана сетевая информационно-аналитическая система организации и сопровождения маршрутного обучения в ходе повышении квалификации кадров на базе образовательных структур национальной нанотехнологической сети (www.nanoobr.ru). В рамках маршрутного обучения осуществляется междисциплинарная подготовка слушателей на базе 102 учебных курсов по программам ДПО, представленных 15 университетами [Алексеев и др., 2013]. В такой модели дистанционное электронное обучение сочетается с очными лабораторными практикумами в программах представленных учебных курсов.

В Кузбасском государственном техническом университете внедряется сетевая модель ДПО НПК, суть которой заключается во взаимодействии с системой профессионального образования области, расширении партнерства с организациями профессионального образования страны и региона, объектами экономики. На базе университета осуществляется подготовка НПК вуза к внедрению в образовательный процесс информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), систем дистанционного и электронного обучения [Ковалев, 2014]. Преподаватели включаются в разработку электронного контента (УМК), включающего расширенный перечень востребованных дополнительных профессиональных программ. В университете организована тьюторская поддержка дистанционных курсов повышения квалификации, а также целенаправленная опережающая подготовка НПК вуза по наиболее актуальным и востребованным программам ДПО.

В сетевой модели реализуется сетевое взаимодействие ДПО НПК университетов с государственными и общественными организациями, осуществляется повышение квалификации преподавателей вузов на региональном, национальном и международном уровнях; используются возможности горизонтальных связей между научно-образовательными структурами конкретного вуза, между вузами, а также между вузами и научно-производственными коллективами. Примером реализации «сетевой модели» является осуществляемая с 2017 года единая многоконтурная сеть развития кадрового потенциала ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, базирующаяся на принципе индивидуализации образовательного процесса, когда слушатели могут выбрать из предлагаемых программ обучения не только образовательные модули, но и индивидуальный образовательный маршрут. Для каждого слушателя предусматривается индивидуальная образовательная программа, «включающая инвариантную и вариативную части; критерии оценки подготовки; персональные сроки обучения; условия освоения программы; объем времени на освоение каждого учебного модуля, входящего в образовательную программу; формы освоения содержания программы; виды учебной деятельности и т.д.» [Ковалев, 2014].

Интерес представляет вариант осуществления сетевой модели, который реализуется с 1998 года в Казанском государственном технологическом университете, на базе которого функционирует Межотраслевой региональный центр профессиональной переподготовки и повышения квалификации руководителей и специалистов республики Татарстан [Пахомов, Иванов, 2004]. Центр переподготовки и повышения квалификации преподавателей вузов (ЦППКП) взаимодействует с факультетом психологии, Центром непрерывного об-

разования ИДПО, центром «Системотехника» и другими. Заслуживает внимания идея реализации принципа социального партнерства в ДПО, когда максимально согласуются и учитываются интересы всех участников. Многообразие образовательных программ ДПО, разрабатываемых с учетом конкретных потребностей заказчиков, разные направления программ и формы обучения позволяют ИДПО КГТУ быстро адаптироваться к запросам потребителей и быть высоко конкурентным.

В современных условиях стремительного развития маркетинговой деятельности университетов, обострения конкурентной борьбы на международном и национальном рынках образовательных услуг актуализируется задача создания механизма продвижения программ ДПО, интегрированная в систему управления вуза. Такой опыт накоплен во многих зарубежных странах, например, в Университете Лейстера (Leicester University, Великобритания), в Университете Хельсинки (Helsinki University, Финляндия), в Брюссельском университете (Hogeschool – Universiteit Brussels, Бельгия), в Университете прикладных наук Саксион (Saxion University of Applied Science, Нидерланды) маркетинг и продажи встроены в образовательный процесс. В некоторых вузах, например, в National American University (Южная Дакота, США), анализ рынка, рекламу и продажи осуществляют обособленные подразделения [Marquardt, Waddill, 2004; Lisewski, 2006].

Перспективной, на наш взгляд, является маркетинговая модель ДПО НПК, разработанная в рамках концепции маркетингового управления деятельностью образовательной организации (И.А. Шумакова) и апробированная в Белгородском государственном национальном исследовательском университете (НИУ БелГУ). Использование маркетингового управления к деятельности ДПО НПК университета позволяет обеспечить более высокий уровень организации ДПО НПК. По мнению автора концепции, «маркетинговое управление включает идентификацию, оценку и мобилизацию потенциала групп и потоков слушателей в рамках образовательного маркетинга, применения специализированного набора маркетинговых методов и инструментов: сплошные методы сбора, анализа и интерпретации маркетинговой информации, их оперативная обработка и использование в текущей операционной и маркетинговой деятельности вуза; маркетинговая информационная система вуза, адаптированная к внедрению в систему ДПО, в автоматизированном режиме обеспечивает накопление, оперативную обработку, статистический анализ, архивирование и возможность долгосрочного количественного исследования основных факторов, сопровождающих взаимодействие вуза с потоками слушателей; дает текущие оценки их удовлетворенности качеством обучения; диагностирует и предупреждает проблемные ситуации; мониторирует и управляет клиентскими запросами слушателей; оценивает научную, образовательную, общественно-воспитательную и маркетинговую активности ППС вуза; определяет текущую эффективность и перспективность дополнительных маркетинговых воздействий в ходе образовательного процесса» [Шумакова, 2021].

Маркетинговая модель ДПО НПК имеет определенную структуру, включающую в себя: наличие субъектов всех уровней маркетинг-менеджмента ДПО, ориентированных на маркетинговую поддержку и продвижение образовательных возможностей ДПО вуза; группы маркетинга персонала, отвечающие за обучение и вовлечение ППС в прямые маркетинговые взаимодействия с потенциальными слушателями курсов повышения квалификации [Шумакова, 2021]. Такая модель, как показывает опыт работы научно-образовательного психолого-педагогического центра «Ресурс», созданного на базе факультета психологии НИУ БелГУ, полностью себя оправдала. Центр «Ресурс» достаточно эффективно осуществляет научно-методическую и образовательную деятельность по переподготовке, повышению квалификации и стажировке НПК; проводит Всероссийские, межрегиональные и региональные семинары, совещания, научно-практические конференции, лекции, конкурсы и другие мероприятия; содействует развитию научного творчества преподавательской молодежи, формированию резерва научных и научно-педагогических

кадров. Все это способствует повышению профессионализма и научно-исследовательской культуры НПК.

В процессе своего развития российская система ДПО НПК не могла не испытывать на себе влияние западной модели, особенно когда в 2010-х годах в высшей школе нашей страны стал активно использоваться компетентностный подход. Об этом, например, свидетельствует опыт Петрозаводского государственного университета, показывающий, что в рамках компетентностной модели возможно решение проблемы формирования профессиональных компетенций НПК, включающих в себя: психолого-педагогические, исследовательские, информационно-коммуникативные, проектные, правовые, предметные и иные компетенции. Компетентностный подход к построению модели ДПО НПК позволяет, по мнению автора модели, более эффективно подготовить слушателей к проектированию и реализации образовательных программ, проектов, образовательных технологий и др.; к дидактически грамотной организации образовательного процесса на учебных занятиях и во внеаудиторное время, в том числе с одаренными и талантливыми студентами; организовать образовательный процесс в режиме дистанционного, электронного обучения и т.д. [Игнатович, 2013].

Компетентностная модель системы ДПО НПК реализуется также на базе Мордовского государственного педагогического института. В вузе осуществляется повышение квалификации НПК в виде стажировок на базе ведущих российских и зарубежных университетов. Кроме того, обучающие семинары, тренинги проводятся в самом вузе. Целью повышения квалификации является формирование у профессорско-преподавательского состава иноязычных коммуникативных компетенций; компетенций в сфере применения современных воспитательных и информационно-коммуникативных технологий; ИТ-компетенций в сфере образования и других. Все это усиливает мобильности вузовских работников, активизирует конструктивные контакты с зарубежными партнерами, повышает профессионализм профессорско-преподавательского состава университета [Максимкина, 2015].

Заключение

ДПО НПК в вузах страны играет все большую роль в сфере профессионального образования. Существующее многообразие моделей ДПО НПК позволяет реализовать принцип гибкости, адаптивности, индивидуальности, вариативности, сетевого взаимодействия и модульности.

Нами выявлено, что за рубежом популярны две модели – англосаксонская и немецкая, сориентированные на формирование компетентностей слушателей и базирующаяся на приоритетном использовании модульной технологии обучения. Сравнительный анализ моделей ДПО НПК в вузах России и других странах свидетельствует о том, что в отличие от России «западные» модели ДПО НПК в вузах менее жестко регламентированы и централизованы. Каждый вуз отвечает за систему повышения квалификации научно-педагогических кадров.

Необходимость постоянного обновления системы ДПО в России обуславливает ее трансформацию в сторону адаптивной модели, учитывающей потребности НПК, работодателей, запросы общества и стремительные изменения в социуме. Условно можно выделить четыре варианта реализации адаптивной модели ДПО НПК в вузах России: сетевая модель, модель корпоративного образования, компетентностная модель и маркетинговая модель, позволяющие, по сравнению с западными моделями, более гибко и оперативно реагировать на требования социума и решать конкретные задачи повышения квалификации НПК в вузах страны.

Изучение опыта повышения квалификации НПК в вузах России и за рубежом, дает возможность выстроить эффективную адаптивную модель ДПО НПК в университетах страны.

Список источников

- Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». 2012. Принят Государственной Думой 21.12.2012 N 273-ФЗ (последняя редакция). Одобрен Советом Федерации 26.12.2012. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения 03.04.2021)
- Bund-Länder-Kommission für Bildungsplanung und Forschungsförderung. 2002. Breiter Einsatz von Neuen Medien in der Hochschule. Strategiepapier. Beschluss vom 17. Juni 2002. Bonn. Available at: <http://remus-hochschule.jura.uni-saarland.de/web-dok/20020035.pdf> (accessed: 08.10.2018).

Список литературы

- Алексеев К.П., Борман В.Д., Малахов А.А. и др. 2013. Дополнительное профессиональное образование на основе развития междууниверситетской кооперации. В кн.: Новые образовательные технологии в вузе. Материалы X Международной научно-методической конференции, 6–8 февраля 2013 г., Екатеринбург. Под ред. А.В. Поротниковой. Екатеринбург, УрФУ: 157–158.
- Алексеев К.П., Янкович Е.Е., Юрасов А.Б., Шиков Ю.А., Мосичева И.А., Платонов В.Н., Малахов А.А. 2012. Дополнительное профессиональное образование на основе развития междууниверситетской кооперации. В кн.: Стратегия развития ДПО в условиях сокращения государственного регулирования. Материалы X международной научно-практической конференции, 19–20 апреля 2012 г., Ярославль. Изд-во Академии Пастухова: 27–30.
- Заруба Н.А. 2014. Адаптивное повышение квалификации как условие развития профессиональной компетентности государственных гражданских и муниципальных служащих в транзитивном обществе. Профессиональное образование в России и за рубежом, 4(16): 58–65.
- Глубокова Е.Н. 2016. Вариативные модели повышения квалификации преподавателя современного вуза. Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 179: 53–61.
- Игнатович Е.В. 2013. Актуальные направления повышения квалификации научно-педагогических работников вузов. Современные проблемы науки и образования, 1. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=7606> (дата обращения: 08.10.2018).
- Ирхин В.Н., Ирхина И.В., Кравец А.О. 2020. Дополнительное профессиональное образование научно-педагогических кадров университетов России: факторы детерминации развития. В кн.: Современное высшее образование: теория и практика. Под ред. А.Ю. Нагорновой. Ульяновск, Зебра: 575–583.
- Ирхина И.В., Кравец А.О. 2019а. Дополнительное профессиональное образование научно-педагогических кадров в системе непрерывного образования. В кн.: Профессионально-педагогическая культура учителя и преподавателя: содержание, модели и технологии. Материалы VII Международной научно-практической конференции, 16–17 апреля 2019 г., Белгород. Белгород, ИД «Белгород» НИУ «БелГУ»: 28–30.
- Ирхина И.В., Кравец А.О. 2019б. Роль дополнительного профессионального образования научно-педагогических кадров в условиях модернизации высшего образования в России. Вестник психологии и педагогики Алтайского государственного университета, 1: 11–24. URL: <http://journal.asu.ru/vfp/article/view/5388/4167> (дата обращения: 08.10.2018).
- Ирхина И.В., Кравец А.О. 2021. Современные модели дополнительного профессионального образования научно-педагогических кадров в сфере обучения и воспитания студентов. В кн.: Профессионально-педагогическая культура учителя и преподавателя: проблемы воспитания в условиях трансформации образования. Материалы VIII Международной научно-практической конференции, посвященной 145-летию Белгородского государственного университета, 25–26 марта 2021 г., Белгород. Белгород, ИД «Белгород» НИУ «БелГУ»: 50–53.
- Ковалев В.А. 2014. Система дополнительного профессионального образования: основные проблемы и перспективы развития. Профессиональное образование в России и за рубежом, 4(16): 8–13.
- Козлова Е.В. 2012. Педагогические предпосылки становления системы повышения квалификации преподавателей вузов Великобритании. Alma mater (Вестник высшей школы), 11: 90–93.
- Козлова Е.В., Ирхина И.В. 2012. Особенности повышения квалификации научно-педагогических кадров вузов в Великобритании: исторический и политический аспекты. Современные проблемы науки и образования, 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7355> (дата обращения: 04.08.2022).



- Козлова Е.В. 2013. Концепция повышения квалификации научно-педагогических кадров вузов на основе идей корпоративного образования и сетевого подхода. Современные проблемы науки и образования, 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=10773> (дата обращения: 22.07.2022).
- Коряковцева О.А., Куликов А.Ю. 2016. Профессиональная компетентность преподавателя как условие модернизации высшего педагогического образования. В кн.: Дополнительное профессиональное образование в условиях модернизации. Материалы восьмой всероссийской научно-практической интернет-конференции (с международным участием), Ярославль, РИО ЯГПУ: 18–21.
- Максимкина О.И. 2015. Современные подходы к организации дополнительного профессионального образования профессорско-преподавательского состава МордГПИ. Молодой ученый, 20.1 (100.1): 27–28. URL: <https://moluch.ru/archive/100/22532/> (дата обращения: 19.07.2022).
- Пахомов А., Иванов В. 2004. Дополнительное профессиональное образование в вузе. Высшее образование в России, 8: 57–65.
- Питерскова Т.А., Ирхина И.В. 2012. Особенности организации и содержания повышения квалификации преподавателей в центрах дидактики высшей школы германии на современном этапе. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки, 24(143)16: 194–199
- Усманов Б.Ш. 2018. Система подготовки научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации в Европе: опыт и проблемы. Вестник Томского государственного педагогического университета, 3(192): 139–149. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-3-139-149
- Шапка И.С. 2012. Психолого-педагогические условия повышения квалификации научно-педагогических кадров вузов в системе дополнительного профессионального образования: диссертация ... канд. пед. наук. Владикавказ, 60 с.
- Шаталов М.А. 2016. Проблемы и перспективы развития отечественного дополнительного профессионального образования. В кн.: Дополнительное профессиональное образование в условиях модернизации. Материалы восьмой всероссийской научно-практической интернет-конференции (с международным участием), Под ред. М.В. Новикова. Ярославль, РИО ЯГПУ: 49–53.
- Шумакова И.А. 2021 Управление маркетинговой деятельностью российских вузов в условиях развития национальных и глобальных образовательных рынков. Белгород, ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 365 с.
- Dany S. 2007. Start in die Lehre. Qualifizierung von Lehrenden für den Hochschulalltag. Berlin, Lit Verlag Dr. W. Hopf, 235 s.
- Lisewski B. 2006. The professional development of new Higher Education teachers from a communities of practice perspective: the challenge of «accounting for change» in «situated pedagogy». In: Third Education in a Changing Environment Conference, University of Salford, Manchester, UK. Available: http://orgs.man.ac.uk/projects/include/experiment/bernard_lisewski.pdf (accessed: 08.10.2018).
- Marquardt M., Waddill D. 2004. The power of learning in action learning: a conceptual analysis of how the five schools of adult learning theories are incorporated within the practice of action learning, Action Learning: Research and Practice, 1:2, 185-202, DOI: 10.1080/1476733042000264146
- Webler W.-D. 2004. Lehrkompetenz – über eine komplexe Kombination aus Wissen, Ethik, Handlungsfähigkeit und Praxisentwicklung. Bielefeld, Universitäts Verlag Webler, 57 s.

References

- Alekseev K.P., Borman V.D., Malahov A.A. i dr. 2013. Dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie na osnove razvitija mezhuniversitetskoj kooperacii [Additional professional education based on the development of inter-university cooperation.]. In: Novye obrazovatel'nye tehnologii v vuze [New educational technologies at the university]. Materials of the X International Scientific and Methodological Conference, February 6–8, 2013, Yekaterinburg. Ed. A.V. Porotnikova. Ekaterinburg, Publ. UrFU: 157–158.
- Alekseev K.P., Jankovich E.E., Jurasov A.B., Shikov Ju.A., Mosicheva I.A., Platonov V.N., Malahov A.A. 2012. Dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie na osnove razvitija mezhuniversitetskoj kooperacii [Additional professional education based on the development of inter-university cooperation.]. In: Strategija razvitija DPO v uslovijah sokrashhenija gosudarstvennogo regulirovanija [Strategy for the Development of FVE in the Conditions of Reducing State

- Regulation]. Materials of the X International Scientific and Practical Conference, April 19–20, 2012, Yaroslavl. Publ. Izd-vo Akademii Pastuhova: 27–30.
- Zaruba N.A. 2014. Adaptive occupational skill upgrade as a condition of professional competence development of state civil and municipal employees in transitive society. *Professional education in Russia and abroad*, 4(16): 58–65 (in Russia).
- Glubokova E.N. 2016. Variable models training teacher of modern university. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 179: 53–61 (in Russia).
- Ignatovich E.V. 2013. Aktual'nye napravlenija povyshenija kvalifikacii nauchno-pedagogicheskikh rabotnikov vuzov [Actual directions of advanced training of scientific and pedagogical workers of universities]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija*, 1. Available at: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=7606> (accessed: 08.10.2018).
- Irhin V.N., Irhina I.V., Kravec A.O. 2020. Dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie nauchno-pedagogicheskikh kadrov universitetov Rossii: faktory determinacii razvitija [Additional professional education of scientific and pedagogical staff of Russian universities: factors of development determination]. In: *Sovremennoe vysshee obrazovanie: teorija i praktika [Modern Higher Education: Theory and Practice]*. Ed. A.Yu. Nagornova. Ul'janovsk, Publ. Zebra: 575–583.
- Irhina I.V., Kravec A.O. 2019a. Additional professional education of scientific and pedagogical personnel in the system of continuing education. In: *Professional'no-pedagogicheskaja kul'tura uchitelja i prepodavatelja: sodержanie, modeli i tehnologii [Professional and Pedagogical Culture of the Teacher and Lecturer: Content, Models and Technologies]*. Materials of the VII International Scientific and Practical Conference, April 16–17, 2019, Belgorod. Ed. I.F. Isaev. Belgorod, Publ. ID «Belgorod» NIU «BelGU»: 28–30.
- Irhina I.V., Kravec A.O. 2019b. The role of secondary professional education of scientific-pedagogical personnel in conditions of modernization of higher education in Russia. *Vestnik psihologii i pedagogiki Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1: 11–24. Available at: <http://journal.asu.ru/vfp/article/view/5388/4167> (accessed: 08.10.2018).
- Irhina I.V., Kravec A.O. 2021. Modern models of scientific and pedagogical personnel further education and training. In: *Professional'no-pedagogicheskaja kul'tura uchitelja i prepodavatelja: problemy vospitanija v uslovijah transformacii obrazovanija [Professional and Pedagogical Culture of the Teacher and Lecturer: Problems of Education in the Transformation of Education]*. Materials of the VIII International Scientific and Practical Conference dedicated to the 145th anniversary of Belgorod State University, March 25–26, 2021, Belgorod. Eds. I.F. Isaeva, N.L. Shekhovskaya. Belgorod, Publ. ID «Belgorod» NIU «BelGU»: 50–53.
- Kovalev V.A. 2014. The system of additional vocational training: the main problems and development prospects. *Professional education in Russia and abroad*, 4(16): 8–13 (in Russia).
- Kozlova E.V. 2012. Pedagogicheskie predposylki stanovlenija sistemy povyshenija kvalifikacii prepodavatelej vuzov Velikobritanii [Pedagogical prerequisites for the formation of a system of advanced training for teachers of universities in the UK]. *Alma mater (Vestnik vysshej shkoly)*, 11: 90–93.
- Kozlova E.V., Irhina I.V. 2012. Osobennosti povyshenija kvalifikacii nauchno-pedagogicheskikh kadrov vuzov v Velikobritanii: istoricheskij i politicheskij aspekty [Features of advanced training of scientific and pedagogical staff of universities in the UK: historical and political aspects]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija*, 6. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7355> (accessed: 04.08.2022).
- Kozlova E.V. 2013. Konceptija povyshenija kvalifikacii nauchno-pedagogicheskikh kadrov vuzov na osnove idej korporativnogo obrazovanija i setevogo podhoda [The concept of advanced training of scientific and pedagogical staff of universities based on the ideas of corporate education and network approach]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija*, 6. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=10773> (accessed: 22.07.2022).
- Korjakovceva O.A., Kulikov A.Ju. 2016. Professional competence of teacher as a condition of modernization higher pedagogical education. In: *Additional professional education in the modernization. Materials of the eighth All-Russian scientific and practical Internet conference (with international participation)*, 2016, Yaroslavl. Ed. M.V. Novikov. Jaroslavl', Publ. RIO JaGPU: 18–21 (in Russia).
- Maksimkina O.I. 2015. Sovremennye podhody k organizacii dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovanija professorsko-prepodavatel'skogo sostava MordGPI [Modern approaches to the organization of additional professional education for the teaching staff of MordGPI]. *Young*



- Scientist, 20.1 (100.1): 27–28. Available at: <https://moluch.ru/archive/100/22532/> (accessed: 19.07.2022).
- Pahomov A., Ivanov B. 2004. *Dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie v vuze* [Additional professional education at the university]. Higher Education in Russia, 8: 57–65.
- Usmanov B.Sh. 2018. The system of training scientific and pedagogical personnel in Europe: experience and problems. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 3(192): 139–149 (in Russia). DOI: 10.23951/1609-624X-2018-3-139-149
- Shapka I.S. 2012. Psychological and pedagogical conditions for advanced training of scientific and pedagogical personnel of universities in the system of additional professional education: dissertation ... cand. ped. sciences. Vladikavkaz, 60 p.
- Shatalov M.A. 2016. Problems and prospects of domestic additional professional education. In: *Additional professional education in the modernization. Materials of the eighth All-Russian scientific and practical Internet conference (with international participation)*, 2016, Yaroslavl. Ed. M.V. Novikov. Yaroslavl', Publ. RIO JaGPU: 49–53(in Russia).
- Shumakova I.A. 2021 *Upravlenie marketingovoj dejatel'nost'ju rossijskih vuzov v uslovijah razvitija nacional'nyh i global'nyh obrazovatel'nyh rynkov* [Management of marketing activities of Russian universities in the context of the development of national and global educational markets]. Belgorod, Publ. ID «BelGU» NIU «BelGU», 365 p.
- Dany S. 2007. *Start in die Lehre. Qualifizierung von Lehrenden fur den Hochschulalltag* [Start your apprenticeship. Qualification of teachers for everyday university life]. Berlin, Publ. Lit Verlag Dr. W. Hopf, 235 p. (in Germany)
- Lisewski B. 2006. The professional development of new Higher Education teachers from a communities of practice perspective: the challenge of «accounting for change» in «situated pedagogy». In: *Third Education in a Changing Environment Conference, University of Salford, Manchester, UK*. Available: http://orgs.man.ac.uk/projects/include/experiment/bernard_lisewski.pdf (accessed: 08.10.2018).
- Marquardt M., Waddill D. 2004. The power of learning in action learning: a conceptual analysis of how the five schools of adult learning theories are incorporated within the practice of action learning, *Action Learning: Research and Practice*, 1:2, 185–202, DOI: 10.1080/1476733042000264146
- Piterskova T.A., Irkhina I.V. 2012. The features of the teacher training organization and content at the higher education didactics centers in germany today. *Scientific bulletin of Belgorod State University. Humanities Sciences*, 24(143). Iss. 16: 194–199 (in Russian).
- Webler W.-D. 2004. *Lehrkompetenz - über eine komplexe Kombination aus Wissen, Ethik, Handlungsfähigkeit und Praxisentwicklung* [Teaching Competence – about a complex combination of knowledge, ethics, agency and practice development]. Bielefeld, Publ. Universitäts Verlag Webler, 57 p. (in Germany)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 29.05.2022

Поступила после рецензирования 21.06.2022

Принята к публикации 10.09.2022

Received May 29, 2022

Revised June 21, 2022

Accepted September 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ирхина Ирина Витальевна, профессор кафедры педагогики, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Кравец Анастасия Олеговна, аспирант кафедры педагогики, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina V. Irkhina, Professor of the Department of Pedagogy, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Anastasia O. Kravets, Postgraduate Student of the Department of Pedagogy, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia



УДК [378.011.3-051:35.08]:005.312-047.44
DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-3-509-520

Модель формирования профессиональной готовности будущих специалистов сферы государственного и муниципального управления к инновационной деятельности

Провоторова Н.В.

Луганский государственный педагогический университет,
ЛНР, 91011, г. Луганск, ул. Оборонная, 2
E-mail: provotorova.natalija@yandex.ru

Аннотация. Проблема формирования профессиональной готовности, в частности готовности к инновационной деятельности в настоящее время активно изучается. При этом исследованию изучаемого феномена в сфере государственного и муниципального управления уделено недостаточно внимания. Целью данного исследования является обоснование и разработка авторской модели формирования профессиональной готовности будущих специалистов сферы государственного и муниципального управления к инновационной деятельности. Приведены дефиниции, определяющие понимание термина «профессиональная готовность будущих специалистов сферы государственного и муниципального управления» и сформулировано авторское определение данного понятия. Представлена структурно-содержательная модель формирования профессиональной готовности будущих специалистов государственного и муниципального управления к инновационной деятельности, выделены и детально описаны основные её компоненты. Полученные результаты вносят вклад в теорию и практику профессиональной подготовки будущих специалистов сферы государственного управления. Использование предложенной модели будет способствовать повышению уровня подготовки будущих специалистов и эффективности их профессиональной деятельности.

Ключевые слова: сферы государственного и муниципального управления, профессиональная готовность, инновационная деятельность, компоненты модели формирования профессиональной готовности, целевой блок, теоретико-методологический блок, процессуально содержательный блок, оценочно-результативный блок

Для цитирования: Провоторова Н.В. 2022. Модель формирования профессиональной готовности будущих специалистов сферы государственного и муниципального управления к инновационной деятельности. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41(3): 509–520. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-3-509-520

The Model of Formation of Professional Readiness of Future Specialists of the Sphere of State and Municipal Administration for Innovation Activity

Nataliia V. Provotorova

Luhansk State Pedagogical University
4/14 Defense St., Luhansk 91011, Luhansk People's Republic
E-mail: provotorova.natalija@yandex.ru

Abstract. The problem of the formation of professional readiness, in particular readiness for innovative activity, is currently being actively studied. At the same time, insufficient attention has been paid to the



study of the phenomenon under study in the field of public and municipal administration. The purpose of this study is to substantiate and develop the author's model for the formation of professional readiness of future specialists in the field of public and municipal administration for innovation. Definitions defining the understanding of the term "professional readiness of future specialists in the field of public and municipal administration" are given and the author's definition of this concept is formulated. The structural and content model of the formation of professional readiness of future specialists of state and municipal administration for innovation activity is presented, its main components are highlighted and described in detail. The obtained results contribute to the theory and practice of professional training of future specialists in the field of public administration. The use of the proposed model will contribute to improving the level of training of future specialists and the effectiveness of their professional activities.

Keywords: spheres of state and municipal management, professional readiness, innovative activity, components of the model of formation of professional readiness, target block, theoretical and methodological block, procedural and substantive block, evaluative and effective bloc

For citation: Provotorova N.V. 2022. The Model of Formation of Professional Readiness of Future Specialists of the Sphere of State and Municipal Administration for Innovation Activity. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41(3): 509–520 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-3-509-520

Введение

Проблема готовности будущих специалистов сферы государственного и муниципального управления (ГМУ) к инновационной деятельности вызвана необходимостью качественного выполнения современными государственными гражданскими служащими профессиональных задач в условиях инновационного управления. На данном этапе развития общества выдвигается ряд требований к личности специалистов данной сферы, к уровню их подготовленности, к профессиональной деятельности госслужащих в целом. В связи с этим возникает необходимость внедрения новой системы подготовки специалистов, направленной на формирование готовности к инновационной деятельности.

Понимание термина «профессиональная готовность будущих специалистов сферы государственного и муниципального управления (ГМУ) к инновационной деятельности» сопряжено с такими понятиями, как «будущий специалист сферы ГМУ», «профессиональная деятельность будущего специалиста сферы ГМУ», «инновационная деятельность будущего специалиста сферы ГМУ». Анализ научной литературы [Подласый, 2007; Зеер, Конюхова, 2010; Нерадовская, 2010; Ткачова, 2012; Загороднюк, Акімов, 2013; Никитина, 2013; Иванова, Дубененкова, 2014; Кузьменко, 2014; Атнашев, 2017; Гуреев, Гришин, 2017; Перинский, 2017] и результаты авторских исследований [Провоторова, 2020а, 2020б; Провоторова, 2021а, 2021б, 2021в] позволили сформулировать определения эти понятий.

Так, «будущий специалист сферы ГМУ» – это личность, обладающая системой компетенций и личностных качеств, выступающих индикаторами профессионализма в сфере государственного и муниципального управления, способная к их успешному использованию для выполнения функций государства и организации эффективного взаимодействия между гражданами и государством.

«Профессиональная деятельность будущего специалиста сферы ГМУ» – это особый вид трудовой деятельности, имеющий строгую нормативную регламентацию, основной целью которой является выполнение служащим функций государства, путем принятия социально значимых решений и осознания высокой степени ответственности за результаты своей работы.

Инновационную деятельность будущего специалиста сферы ГМУ мы понимаем как вид профессиональной деятельности, предполагающий наличие у специалистов высокого уровня профессиональной подготовки, интеллектуальной наполненности, креативного

мышления, способности к использованию в своей работе принципиально новых подходов, методов и инструментов управления.

Термин «профессиональная готовность будущего специалиста сферы ГМУ к инновационной деятельности» мы понимаем как состояние личности, выражающееся в способности выполнения служащим функций государства, принятия социально-значимых решений, характеризующееся целостной структурой, включающей: мотивационно-ценностный, интеллектуально-информационный, процессуально-деятельностный, рефлексивно-аналитический компоненты, и предполагающее умение использовать принципиально новые подходы, методы и инструменты управления.

Формирование готовности будущих специалистов сферы государственного и муниципального управления к инновационной деятельности в высшей школе возможен посредством внедрения в учебный процесс модели формирования готовности будущих специалистов сферы государственного управления к инновационной деятельности.

Обоснование модели формирования профессиональной готовности будущих специалистов государственного и муниципального управления к инновационной деятельности

Автором представлена структурно-содержательная модель формирования готовности будущих специалистов государственного и муниципального управления к инновационной деятельности во всем разнообразии взаимозависимых и взаимообусловленных связей ее составляющих. Сконструированная модель даст возможность рассматривать формирование изучаемой готовности как единый педагогический процесс.

Научная разработка структурно-содержательной модели формирования готовности будущих специалистов сферы государственного управления к инновационной деятельности требует детального описания ее базовых компонентов, а именно: целевого, теоретико-методологического, процессуально-содержательного и оценочно-результативного блоков.

Целевой блок включает цели и задачи моделируемого процесса. Целью является формирование готовности будущих специалистов государственного управления к инновационной деятельности. Базисом проектируемой конечной цели выступают: социальная потребность общества в подготовке компетентных, высокопрофессиональных, инновационно-ориентированных государственных служащих; законы и нормативно-правовые акты, регулирующие образовательную деятельность в России и Луганской Народной Республике в учреждения высшего образования, определяющие существующие требования к профессиональной подготовке будущих специалистов сферы государственного управления [Федеральный закон... 2012; Закон «Об образовании»... 2016; Об утверждении... 2020а; Об утверждении... 2020б].

Исходя из цели сформулированы задачи профессиональной подготовки будущих специалистов государственного управления к инновационной деятельности:

- сформировать осознанную мотивацию будущих специалистов государственного управления к инновационной деятельности;
- разработать и внедрить в учебный процесс модель и педагогические условия формирования профессиональной готовности будущих специалистов сферы государственного управления к инновационной деятельности;
- экспериментальным путем проверить эффективность разработанной модели формирования профессиональной готовности будущих специалистов государственного управления к инновационной деятельности.

Теоретико-методологический блок включает в себя описание методологических подходов к моделированию процесса формирования готовности будущих специалистов



государственного управления к инновационной деятельности, а также характеристику закономерностей и принципов формирования указанной готовности.

Разнообразие компонентов, разновекторных связей и условий, определяющих формирование готовности будущих специалистов сферы государственного и муниципального управления к инновационной деятельности, обусловило использование совокупности акмеологического, аксиологического, системного, деятельностного, компетентностного подходов.

Акмеологический подход обеспечил усиление профессиональной мотивации студентов, активизировал креативное начало обучающихся, способность к эффективному использованию личностных качеств и индивидуальных ресурсов для достижения успешной профессиональной деятельности средствами формирования акмеологической направленности обучающегося.

Аксиологический подход позволяет рассматривать ценности сквозь призму сущностных сил личности, ее умственного, духовно-нравственного потенциала, что проявляется в способности решать сложные профессиональные ситуации, осуществлять инновационную деятельность в профессии. Использование аксиологического подхода в предлагаемом научном исследовании вызвано необходимостью повышения качества подготовки будущих специалистов государственного управления, обладающих системой ценностей и способных к инновационной деятельности.

Научная идеология системного подхода дала возможность представить формирование готовности будущих госслужащих к инновационной деятельности как единую систему и изучать ее во множестве связей и отношений компонентов, находящихся в состоянии постоянного развития. Данная система обладает определенной структурой, иерархичностью, взаимосвязью с внешней средой.

Деятельностный подход в исследовании формирования готовности будущих специалистов сферы ГМУ к инновационной деятельности обеспечивает возможность определить модель формирования готовности будущих госслужащих к инновационной деятельности как эталонный объект получения информации о профессиональной деятельности в аппарате государственной службы и посредством этого глубоко понять суть явлений, определяющих специфику формирования указанной готовности; определить направленность образовательного процесса на деятельностное изучение компонентов профессиональной готовности к инновационной деятельности; осуществить прямую связь общекультурных и общепрофессиональных компетенций с реализуемыми видами деятельности в сфере государственной службы; отбирать адекватные специфике профессиональной подготовки средства, методы и технологии обучения.

Компетентностный подход позволил осмыслить формирование профессиональной готовности будущих госслужащих к инновационной деятельности как деятельность обучающихся по преобразованию базовых и специальных знаний и умений, поведенческих моделей будущих специалистов, профессиональных норм, ценностных установок, индивидуальных качеств личности как компонентов профессиональной готовности будущих госслужащих к инновационной деятельности; позволил определить уровни формирования указанной готовности; сформулировать педагогические условия изучаемого процесса; обосновать и предложить учебно-методическое обеспечение формирования профессиональной готовности будущих госслужащих к инновационной деятельности.

В научном исследовании выявлены и введены в структуру модели базовые закономерности формирования профессиональной готовности будущих госслужащих к инновационной деятельности, к которым мы отнесли:

1. Закономерность общественной и личной обусловленности формирования профессиональной готовности у будущих специалистов ГМУ к инновационной деятельности – показывает общественную и личную значимость и актуальность изучаемого процесса.

2. Закономерность взаимосвязи степени мотивации будущих специалистов, его нравственно-ценностных ориентаций и способности осуществлять инновационную деятельность – показывает важнейшую роль мотивации будущих специалистов к профессии, его ценностных установок в эффективном формировании профессиональной готовности будущих специалистов ГМУ к инновационной деятельности.

3. Закономерность целостности, системности и взаимосвязи мотивационно-ценностного, интеллектуально-информационного, процессуально-деятельностного, рефлексивно-аналитического компонентов – раскрывает целостность, взаимозависимость и взаимосвязь компонентов профессиональной готовности будущих государственных служащих к инновационной деятельности, а также этапов ее формирования.

4. Закономерность использования различных видов, форм и методов самостоятельной работы в учебной, квазипрофессиональной и профессиональной деятельности – актуализирует и демонстрирует необходимость использования разнообразных средств и технологий самостоятельной работы студентов с целью повышения эффективности профессиональной подготовки будущих специалистов в сфере государственного управления к инновационной деятельности.

5. Закономерность эффективности наглядно показывает связь между целью процесса формирования готовности к инновационной деятельности и ее результатами.

В канву проектируемой модели включены принципы, отражающие сущность формирования профессиональной готовности будущих специалистов сферы ГМУ к инновационной деятельности: актуальности и востребованности; интеракции; индивидуально-личностного развития; партнерства и сотрудничества; структурной целостности, технологичности, проблемности и креативности, индивидуализации и дифференциации обучения, принцип обратной связи.

Принцип актуальности и востребованности характеризует высокую востребованность специалистов системы государственного управления, способных к инновационной деятельности и актуальность подготовки студентов к использованию инновационных подходов и технологий в своей профессии. Данный принцип ориентирует высшую школу на выполнение общественной потребности по подготовке компетентных, инновационно-ориентированных специалистов ГМУ. Реализация данного принципа требует осуществления педагогически целесообразного и систематического взаимодействия преподавателей и обучающихся с представителями учреждений государственной власти.

Организация данного взаимодействия может осуществляться посредством: – согласования рабочих программ профильных дисциплин, программ производственных практик с работодателями; – совместного проведения научных мероприятий (конференций, круглых столов, форумов, мастер-классов и т.д.); – осуществления консультаций работодателями по выполнению выпускных квалификационных работ.

Принцип интеракции демонстрирует главенствующую роль взаимодействия и эффективной коммуникации участников образовательного процесса, их личностной и групповой совместной деятельности в формировании профессиональной готовности будущих специалистов ГМУ к инновационной деятельности. Данный принцип обуславливает эффективную трансформацию личности в процессе межличностного взаимодействия субъектов.

Реализация принципа интеракции предусматривает: – комплексное использование в процессе профессиональной подготовки студентов индивидуальных, групповых и коллективных форм обучения с целью обеспечения эффективного сотрудничества, межличностного взаимодействия субъектов формирования профессиональной готовности будущих специалистов ГМУ к инновационной деятельности; – применение интерактивных технологий обучения с целью совершенствования компетенций, необходимых для осуществления специалистами ГМУ инновационной деятельности, развития творческого потенциала обучающихся.

Принцип индивидуально-личностного развития заключается в гармонизации процессов социального развития будущего специалиста сферы ГМУ и индивидуализации. Реализация данного принципа предполагает использование индивидуально – личностного подхода в профессиональном обучении, суть которого в том, чтобы учитывать в учебном процессе индивидуальные особенности личности, мировоззренческие установки, ценности каждого студента. Это необходимо учитывать преподавателю в своей работе с будущими специалистами сферы ГМУ. Преподавательский состав должен уметь использовать в учебном процессе такие средства и технологии, в которых каждый обучающийся ощущает себя личностью, чувствует внимание преподавателя лично к нему, уважение и интерес, как к личности, так и к специалисту. Реализация данного принципа предусматривает: использование в учебном процессе проблемных заданий; создание позитивного эмоционального настроения студентов на выполнение учебных задач; стимулирование студентов к рациональному отбору и самостоятельному применению разнообразных способов решения профессиональных задач.

Принцип партнерства и сотрудничества отражается в содержании работы педагога и обучающихся на всех ступенях и этапах формирования профессиональной готовности будущих специалистов сферы государственного управления к инновационной деятельности. Педагог выступает куратором, наставником, который помогает будущим госслужащим в процессе формирования профессиональных компетенций, поэтапно усиливая учебную и как результат профессиональную самостоятельность. Принцип партнерства и сотрудничества характеризуется проявлением особого интереса к индивидуальным качествам личности; направленностью на осознанное развитие аналитического и критического мышления студентов, а не получение готовой информации и ее воспроизведение; проявлением доброжелательного отношения к друг другу и к преподавателям; созданием, благоприятствующей обучению, атмосферы сотрудничества.

Принцип структурной целостности демонстрирует целостность, логичность и завершенность изучаемого феномена, взаимосвязь и взаимообусловленность его структурных компонентов. Данный принцип дает возможность исследовать и описывать педагогические закономерности и механизмы формирования профессиональной готовности будущих специалистов государственного управления к инновационной деятельности как единую педагогическую систему. Подготовка будущих специалистов к указанной деятельности должна быть целостной, логично раскрывать её содержание и структуру и обеспечивать формирование у будущих специалистов мотивационно-ценностного, интеллектуально-информационного, процессуально-деятельностного, рефлексивно-аналитического компонентов готовности к инновационной деятельности.

Принцип технологичности выражается в том, что формирование профессиональной готовности будущих специалистов сферы ГМУ обеспечивается использованием разнообразных педагогических технологий, а именно: информационно – коммуникационных, технологий развития критического мышления; проектных технологий; технологий развивающего обучения; технологий проблемного обучения; игровых технологий; модульных технологий; кейс – технологий; технологий интегрированного обучения; технологий педагогики сотрудничества; технологий уровневой дифференциации; групповых технологий.

Принцип проблемности и креативности формирования готовности будущих специалистов ГМУ к инновационной деятельности, базируется на конструировании и решении проблемных заданий, нестандартных ситуаций, путем использования инновационных подходов, методик, инновационного инструментария.

Принцип проблемности и креативности предполагает: формирование креативного мышления и положительного отношения студентов к проявлению творческой инициативы; разработку и использование в учебном процессе креативных проблемных заданий; развитие навыков творческой деятельности; поощрение желания к самооценке и самореализации.

Принцип индивидуализации и дифференциации обучения характеризуется широким диапазоном используемых методов и форм подготовки к инновационной деятельности; рационально-обоснованным сочетанием общих, групповых, индивидуальных форм и методов обучения, ориентированных на самореализацию и саморазвитие будущих государственных служащих.

Отметим, что при реализации данного принципа в первую очередь учитываются интересы, способности, а также уровень подготовленности студентов, определяющие возможную успешность их обучения. В основе реализации этого принципа лежит глубокое изучение индивидуальных качеств и личностных характеристик обучающихся. Индивидуализация и дифференциация ориентирована не только на имеющиеся, на сегодняшний день, возможности будущих специалистов, но и на максимально возможный уровень их развития (при условии повышения эффективности профессионального обучения).

Принцип обратной связи направлен на создание постоянной и продуктивной обратной связи. Этот процесс является необходимым условием для осуществления диагностики готовности будущего специалиста системы государственного управления к инновационной деятельности. Реализация этого принципа предполагает обучение студентов способности к диалогу, правильному восприятию критических замечаний, внутренней свободе, позволяющей вступать в дискуссию с преподавателем, задавать ему вопросы. Принцип обратной связи предполагает:

– использование в учебном процессе конструктивных форм и методов обратной связи, где конструктивность обеспечивается следующими способами: четкой аргументацией преподавателя при оценивании ответов студентов; поощрением обратной связи, инициированной студентами; преобразованием теоретического обучения в практический опыт; использованием игровых технологий обучения; использованием мотивационного языка;

– применением в учебном процессе разнообразных техник обратной связи: расспрашивания, перефразирования, отражения чувств, резюмирования.

Процессуально-содержательный блок сконструированной модели, содержит этапы, цели, педагогические условия и содержание работы по формированию профессиональной готовности у будущих специалистов ГМУ к инновационной деятельности.

В первую очередь, считаем необходимым выделить этапы формирования профессиональной готовности будущих специалистов сферы государственного управления к инновационной деятельности, к которым мы отнесли:

1. Мотивационно-диагностический. Данный этап направлен на теоретическое исследование изучаемой проблемы, создание мотивационной платформы для дальнейшей работы по формированию ценностного отношения у будущих специалистов ГМУ к профессиональной деятельности в целом и к инновационной в том числе, формирование профессиональных установок, интересов, профессиональной направленности, стремления заниматься выбранной профессиональной деятельностью, понимания необходимости использования инновационных подходов и технологий в процессе выполнения профессиональных функций.

2. Практико-развивающий этап направлен на формирование у обучающихся таких компонентов профессиональной готовности к инновационной деятельности, как интеллектуально-информационный и процессуально-деятельностный, предполагающих овладение профессиональными знаниями, умениями, навыками инновационной деятельности в профессии, технологиями принятия рациональных решений; формирование умений по адаптации к различным изменениям, прогнозу хода развития рабочих ситуаций посредством использования инновационных подходов, методов и приемов.

3. Коррекционно-рефлексивный этап направлен на развитие у будущих специалистов профессиональной ответственности, критического мышления, профессиональной этики и морали, способности к самосовершенствованию, самооценке, профессиональному росту. Исследование компонентов профессиональной готовности обучающихся к иннова-



ционной деятельности, освоение их содержания, технологий их формирования требует от студента использования современных подходов к саморазвитию, самоанализу и адаптации к условиям профессионального обучения.

Необходимо учесть, что для формирования профессиональной готовности будущих специалистов сферы государственного управления к инновационной деятельности требуется разработка методического обеспечения этого процесса, в связи с чем, на наш взгляд, необходимо:

- сформировать у будущих специалистов положительное отношение и заинтересованность в использовании в профессиональной деятельности различного рода инноваций;
- определить и использовать для формирования указанной готовности эффективные способы совместной деятельности преподавателей и обучающихся;
- разработать и внедрить в учебный процесс специальный курс, обеспечивающий формирование системы знаний, умений по проблеме осуществления инновационной деятельности в работе служащего государственного управления;
- использовать в процессе профессионального обучения опыт профессиональной деятельности в аппарате государственной службы.

Педагогические условия формирования профессиональной готовности будущих специалистов сферы государственного управления к инновационной деятельности ориентированы на повышение эффективности этого процесса, они взаимосвязаны и взаимообусловлены.

В нашем исследовании сформулированы следующие педагогические условия:

- обогащение содержания предметов цикла профессиональной подготовки тематикой, направленной на повышение мотивации к достижениям в профессии и подготовку специалистов к инновационной деятельности;
- формирование профессиональной готовности будущих специалистов сферы государственного и муниципального управления к инновационной деятельности средствами контекстного обучения;
- разработка специального курса, нацеленного на формирование компонентов готовности будущих государственных служащих к инновационной деятельности;
- организация социального партнерства университета с учреждениями государственной власти.

Разработанные педагогические условия представляют собой регламентированные и взаимосвязанные процессы, обеспечивающие функционирование и развитие системы формирования профессиональной готовности будущих специалистов сферы государственного управления к инновационной деятельности в высшей школе.

Оценочно-результативный блок включает контроль сформированности профессиональной готовности будущих специалистов ГМУ к инновационной деятельности, критерии, показатели и уровни развития изучаемого феномена.

Структура профессиональной готовности будущего специалиста сферы государственного управления представлена следующими компонентами:

- мотивационно-ценностным (совокупность мотивов, ценностных ориентаций и установок будущего специалиста, его осознанное отношение к инновационной деятельности, понимание роли в решении актуальных проблем системы государственной службы),
- интеллектуально-информационным (профессиональные знания, умения и навыки, уровень готовности овладения навыками инновационной деятельности в профессии, а также технологиями принятия рациональных решений, умение адаптироваться к различным изменениям, прогнозировать ход развития той или иной рабочей ситуации, используя инновационные подходы, методы и приемы),
- процессуально-деятельностным (способность к планированию и программированию своей профессиональной деятельности, владение системой умений и навыков, а также практическим опытом, наличие творческих способностей),

– рефлексивно-аналитическим (уровень профессиональной ответственности, критического мышления будущих специалистов, профессиональной этики и морали, способность к самосовершенствованию, профессиональному росту).

Исходя из содержательного наполнения выделенных компонентов были сформулированы критерии профессиональной готовности будущих госслужащих к инновационной деятельности, а также показатели по каждому критерию:

1. Критерий мотивационно-ценностной готовности определяется наличием мотивации к профессии, формируемой на основе позитивного отношения к деятельности в аппарате государственной службы и осознания личностных потребностей в материальном, интеллектуальном и социальном развитии. Показателями мотивационно-ценностного критерия определены: значимость для будущих госслужащих мотивов профессиональной деятельности; мотивация будущих специалистов в сфере государственного управления к успеху.

2. Критерий интеллектуально-информационной готовности будущего специалиста в сфере государственного управления к инновационной деятельности отражает степень овладения навыками инновационной деятельности в профессии, уровень вооруженности профессиональными знаниями, умениями и навыками, способность моделировать рабочие ситуации, степень овладения технологиями принятия рациональных, инновационных решений, умение адаптироваться к различным изменениям, прогнозировать ход развития той или иной, возникшей в ходе деятельности ситуации, предупреждать негативные последствия чрезвычайных событий. Основными показателями интеллектуально-информационного критерия определены: средний балл успеваемости обучающихся; усвоение ими основных понятий профессиональной деятельности в сфере государственной службы; осведомленность студентов в проблематике инновационных процессов в аппарате государственной службы.

3. Критерий процессуально-деятельностной готовности отражает уровень сформированности профессиональных умений, способность к решению стандартных и специфических профессиональных задач, планированию и программированию, осуществлению эффективных социальных взаимоотношений в процессе решения профессиональных задач, предупреждению и преодолению проблемных ситуаций в профессиональной деятельности. Показателями процессуально-деятельностного критерия нами определены: осмысленность профессиональных действий, наличие креативного мышления у обучающегося.

4. Критерий рефлексивно-аналитический готовности будущих специалистов в системе государственной службы к инновационной деятельности отражает соответствие индивидуальных качеств студента существующим требованиям к специалисту аппарата госслужбы; осознание и глубокое осмысления своего реагирования в случае возникновения нестандартных рабочих ситуаций; анализ личностного смысла в профессиональных действиях; умение конструктивно решать внутриличностные и межличностные противоречия и конфликты, способность к самоидентифиции в профессии, проявлению профессиональной ответственности, оценке собственных возможностей реализации профессиональных задач. Показателями рефлексивно-аналитического критерия определены: самоанализ сформированности профессиональной готовности будущего специалиста к инновационной деятельности, самооценка реализации необходимости в самосовершенствовании.

На основе сформулированных критериев и показателей автором определены три уровня сформированности профессиональной готовности будущего специалиста к инновационной деятельности – низкий, средний и высокий.

В оценочно-результативном блоке структурно-содержательной модели представлены итоги экспериментального исследования. Результатом является сформированная профессиональная готовность будущего специалиста ГМУ к инновационной деятельности.



Выводы

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что профессиональная готовность будущего специалиста сферы ГМУ к инновационной деятельности – это сложное структурное явление, выражающееся в способности выполнения служащим функций государства, принятия социально-значимых решений, предполагающее умение использовать принципиально новые подходы, методы и инструменты управления.

Для формирования обозначенного вида готовности разработана модель формирования готовности будущего специалиста ГМУ к инновационной деятельности, которая представлена в виде системы, объединяющей в себе целевой, теоретико-методологический, процессуально-содержательный и оценочно-результативный блоки.

Целевой блок демонстрирует целевую установку и задачи моделируемого процесса.

Теоретико-методологический блок включает в себя описание методологических подходов закономерности изучаемого процесса, основные принципы формирования готовности будущих специалистов государственного управления к инновационной деятельности, соответствующие выявленным закономерностям.

Процессуально-содержательный блок модели включает этапы, а также педагогические условия формирования профессиональной готовности будущих специалистов ГМУ к инновационной деятельности

Оценочно-результативный блок характеризует контроль сформированности профессиональной готовности будущих госслужащих к инновационной деятельности на основании критериев, показателей и уровней, отражающих развитие компонентов изучаемого процесса.

В дальнейших наших публикациях будут представлены результаты внедрения представленной модели в учебный процесс при подготовке будущих специалистов сферы государственного управления.

Список источников

- Закон «Об образовании». 2016. Принят Народным Советом Луганской Народной Республики 30.09.16. URL: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/3606/> (дата обращения 03.04. 2021).
- Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 38.03.04 Государственное и муниципальное управление. 2020а. Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 13.08.2020 N 1016. URL: https://www.alt.ranepa.ru/files/texts/process/fgos_bak_gmu2020.pdf (дата обращения 28.03. 2021)
- Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – магистратура по направлению подготовки 38.04.04 Государственное и муниципальное управление. 2020б. Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 13.08.2020 N 1000. URL: https://www.alt.ranepa.ru/files/texts/process/fgos_bak_gmu2020.pdf (дата обращения 29.03. 2021)
- Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». 2012. Принят Государственной Думой 21.12.2012 N 273-ФЗ (последняя редакция). Одобрен Советом Федерации 26.12.2012. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения 03.04.2021)
- Подласый И.П. 2007. Педагогика. Книга 1. Общие основы. М., ВЛАДОС, 527 с.

Список литературы

- Атнашев Т.М. 2017. Самоотверженные чиновники? Факторы высокой мотивации госслужащих. Вопросы государственного и муниципального управления, 3: 149–166.
- Гуреев П.М., Гришин В.Н. 2017. Инновационный потенциал: проблемы, определения и оценки. *Инновации*, 4(222): 89–92.
- Зеер Э.Ф., Конюхова Е.Т. 2010. Психологические факторы влияния установки педагогов на инновационную деятельность. *Образование и наука. Известия УрО РАО*, 4(72): 41–49.

- Иванова Н.Л., Дубененкова Н.Л. 2014. Внедрение инноваций в сфере государственного управления: проблемы и факторы. *Вопросы управления*, 4(29): 33–44.
- Нерадовская Л.С. 2010. К вопросу определения сущности и содержания понятия «инновационная компетентность» учителя общеобразовательного учреждения. *Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета*, 3(21): 228–231.
- Никитина А.С. 2013. Факторы, определяющие специфику инновационной деятельности государственных гражданских служащих. *Дискуссия*, 4(34): 76–82.
- Перинский Ю.Е. 2017. Содержание и компоненты профессиональной готовности учителя технологий к применению инновационных методов обучения. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*, 3–4: 115–119.
- Провоторова Н.В. 2020а. Структура профессиональной готовности будущих специалистов сферы государственного управления. *Педагогические исследования*, 3: 20–26.
- Провоторова Н.В. 2020б. Особенности профессиональной готовности будущих специалистов сферы государственного управления к инновационной деятельности. *Гуманитарные исследования Центральной России*, 4(17): 54–62.
- Провоторова Н.В. 2021а. Особенности инновационной деятельности будущих специалистов сферы государственного управления. *Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки*, 1(55): 41–45.
- Провоторова Н.В. 2021б. Предикторы формирования профессиональной готовности будущих специалистов сферы государственного и муниципального управления к инновационной деятельности. *Ученые записки Орловского государственного университета*, 3(92): 277–281.
- Провоторова Н.В. 2021в. Профессиональная подготовка будущих специалистов сферы государственного управления как психолого-педагогическая проблема. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*, 27(1): 138–142. DOI 10.34216/2073-1426-2021-27-1-138-142
- Кузьменко Ю.О. 2014. Умови формування готовності державних службовців до аналітичної діяльності в системі освіти. *Державне будівництво*, 1. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/DeVu_2014_1_26 (дата звернення: 02.02.2020)
- Загороднюк С.О., Акімов О.О. 2013. Компетенції державного службовця як основа психологічної готовності до професійної діяльності у євроінтеграційних умовах. В кн.: *Ефективність державного управління. Збірник наукових праць. Вип.36. Під заг. ред. В.С. Загорського, А.В. Ліпенцева. Львів, ЛРІДУ НАДУ: 277–286.*
- Ткачова Н.О. 2012. Формування готовності майбутніх учителів до впровадження інноваційних педагогічних технологій у практику роботи загальноосвітньої школи. В кн.: *Теорія та методика навчання та виховання. Збірник наукових праць. Вип. 32. Під заг. ред. О.М. Іонової. Харків, Харківський національний педагогічний університету імені Г.С. Сковороди: 174–181. URL: http://nbuv.gov.ua/j-pdf/znphnpu_ttmniv_2012_32_22.pdf (дата звернення: 19.06.2021)*

References

- Atnashev T.M. 2017. Self-sacrificing bureaucrats? High motivation factors of civil servants in Russia. *Public administration issues*, 3: 149–166 (in Russian).
- Gureev P.M., Grishin V.N. 2017. Innovatsionnyy potentsial: problemy, opredeleniya i otsenki [Innovation Potential: Problems, Definitions and Assessments]. *Innovations*, 4(222): 89–92.
- Zeer E.F., Konyukhova E.T. 2010. Psikhologicheskie faktory vliyaniya ustanovki pedagogov na innovatsionnyu deyatel'nost' [Psychological factors of the influence of the attitude of teachers on innovative activities]. *Obrazovanie i nauka. Izvestiya UrO RAO*, 4(72): 41–49.
- Ivanova N.L., Dubenenkova N.L. 2014. Vnedrenie innovatsiy v sfere gosudarstvennogo upravleniya: problemy i faktory [Implementation of innovations in the field of public administration: problems and factors]. *Management issues*, 4(29): 33–44.
- Neradovskaya L.S. 2010. K voprosu opredeleniya sushchnosti i sodержaniya ponyatiya «innovatsionnaya kompetentnost'» uchitelya obshcheobrazovatel'nogo uchrezhdeniya [On the question of defining the essence and content of the concept of "innovative competence" of a teacher of a general education institution]. *TSHPU Bulletin*, 3(21): 228–231.



- Nikitina A.S. 2013. Faktory, opredelyayushchie spetsifiku innovatsionnoy deyatelnosti gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh [Factors determining the specifics of innovative activities of public civil servants]. *Discussion*, 4(34): 76–82.
- Perinskiy Yu.E. 2017. Soderzhanie i komponenty professional'noy gotovnosti uchitelya tekhnologiy k primeneniyu innovatsionnykh metodov obucheniya [The content and components of the professional readiness of a technology teacher for the use of innovative teaching methods]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 3–4: 115–119.
- Provotorova N.V. 2020a. Struktura professional'noy gotovnosti budushchikh spetsialistov sfery gosudarstvennogo upravleniya [The structure of the professional readiness of future specialists in the field of public administration]. *Pedagogical research*, 3: 20–26.
- Provotorova N.V. 2020b. Osobennosti professional'noy gotovnosti budushchikh spetsialistov sfery gosudarstvennogo upravleniya k innovatsionnoy deyatelnosti [Features of the professional readiness of future specialists in the field of public administration for innovative activities]. *Humanities Researches of the Central Russia*, 4(17): 54–62.
- Provotorova N.V. 2021a. Osobennosti innovatsionnoy deyatelnosti budushchikh spetsialistov sfery gosudarstvennogo upravleniya [Features of innovative activities of future specialists in the field of public administration]. *Tidings of Baltic State Fishing Fleet Academy: psychological and pedagogical sciences*, 1(55): 41–45.
- Provotorova N.V. 2021b. Predictors of the formation of professional readiness of future specialists in the field of state and municipal management for innovative activities. *Scientific notes of Orel State University*, 3(92): 277–281 (in Russian).
- Provotorova N.V. 2021c. Professional training of future specialists in public administration as a psychological and pedagogic problem. *Vestnik of Kostroma State University*, 27(1): 138–142 (in Russian). DOI 10.34216/2073-1426-2021-27-1-138-142
- Kuz'menko YU.O. 2014. Umovi formuvannya gotovnosti derzhavnykh sluzhbovtziv do analitichnoï diyal'nosti v sistemi osviti [Conditions for the formation of readiness of civil servants for analytical activities in the education system]. *State formation*, 1. Available at: http://nbuv.gov.ua/UJRN/DeBu_2014_1_26 (accessed: 02.02.2020) (in Ukrainian)
- Zagorodnyuk S.O., Akimov O.O. 2013. Kompetentsii derzhavnogo sluzhbovtsviya yak osnova psikhologichnoï gotovnosti do profesiinoï diyal'nosti u evrointegratsiynikh umovakh [Competences of a civil servant as a basis of psychological readiness for professional activity in European integration conditions]. In: *Efektivnist' derzhavnogo upravlinnya* [The effectiveness of public administration]. *Zbirnik naukovikh prats'*. Iss. 36. Eds. V.S, Zagors'kogo, A.V. Lipentsev. L'viv, LRIDU NADU: 277–286 (in Ukrainian).
- Tkachova N.O. 2012. Formuvannya gotovnosti maibutnykh uchiteliv do vprovadzhennya innovatsiynikh pedagogichnykh tekhnologiy u praktiku roboti zagal'noosvitn'oï shkoli [Formation of readiness of future teachers for introduction of innovative pedagogical technologies in practice of work of comprehensive school]. In: *Teoriya ta metodika navchannya ta vikhovannya* [Theory and methods of teaching and education]. *Zbirnik naukovikh prats'*. Iss. 32. Ed. O.M. Ionova. Kharkiv, Publ. Kharkivs'kii natsional'nii pedagogichnii universitetu imeni G.S. Skovorodi: 174–181. Available at: http://nbuv.gov.ua/j-pdf/znpkhnpu_ttmniv_2012_32_22.pdf (accessed: 19.06.2021) (in Ukrainian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 25.04.2022

Поступила после рецензирования 04.08.2022

Принята к публикации 10.09.2022

Received April 25, 2022

Revised August 04, 2022

Accepted September 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Провоторова Наталия Викторовна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии, Луганский государственный педагогический университет, г. Луганск, ЛНР

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia V. Provotorova, Candidate of Sciences in Psychology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Psychology, Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, LPR

УДК 378.091.31:[378.015.31:174]:796.07
DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-3-521-531

Обеспечение контекстного характера обучения как организационно-педагогическое условие формирования профессиональной культуры специалистов в области спорта

Скляр М.С.

Луганский государственный педагогический университет,
Луганская Народная Республика, 91011, г. Луганск, ул. Оборонная, 2
E-mail:olimpian_max@mail.ru

Аннотация. Активное реформирование системы высшего образования Луганской Народной Республики в современных политических и социально-экономических реалиях, ее переход на новые образовательные стандарты актуализируют научное обоснование и учебно-методическое обеспечение процесса формирования профессиональной культуры специалистов в области спорта, ориентированного на реализацию инновационных разработок в сфере педагогического сопровождения профессионального развития личности. Решение этой проблемы обусловило проведение опытно-экспериментальной работы по апробации возможностей контекстного обучения как организационно-педагогического условия формирования профессиональной культуры специалистов в области спорта в системе высшего образования. В статье представлена, разработанная в ходе исследования типологизация профессионально ориентированных заданий и моделируемых ситуаций профессиональной деятельности, обеспечивающих контекстный характер обучения и используемых в учебном процессе с целью формирования различных компонентов профессиональной культуры. Результаты показали, что дидактически преобразованное в профессионально ориентированных заданиях и моделируемых ситуациях содержание профессиональной деятельности обеспечивает не только наследование социального опыта, признание будущей профессии как социально и нравственно значимой, а и становление направленной активности будущих специалистов в области спорта на развитие профессиональной культуры.

Ключевые слова: профессиональная культура, специалисты в области спорта, контекстный характер обучения, система высшего образования

Для цитирования: Скляр М.С. 2022 Обеспечение контекстного характера обучения как организационно-педагогическое условие формирования профессиональной культуры специалистов в области спорта. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41(3): 521–531. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-3-521-531

Contextual Nature of Education as an Organizational and Pedagogical Condition for Professional Culture Formation of Specialists in the Field of Sports

Maksim S. Sklyar

Luhansk State Pedagogical University
4/14 Defense St, Luhansk 91011 Luhansk People's Republic
E-mail:olimpian_max@mail.ru

Abstract. One of the main factors in the professional rise and development of future specialists in the field of sports is the formation of their professional culture in the system of higher education. Professional culture as an integrative systemic personal quality is an indicator of the professional competence of a university graduate and sets the basis for the formation and modification of professionally significant



constructs. The discrepancy between the traditional targets for the training of specialists in the field of physical culture and sports and modern concepts of professional development of the individual, the lack of full-scale completed studies on the professional culture formation of the specialists in the field of sports, provides a rationale for scientific substantiation and experimental implementation of organizational and pedagogical conditions for ensuring this process. One of the organizational and pedagogical conditions for the professional culture formation of specialists in the field of sports in the system of higher education is to ensure the contextual nature of education. The article presents the typology of professionally oriented tasks and simulated situations of professional activity developed in the course of the study, which provide the contextual nature of learning and is used in the educational process to form various components of professional culture. As a result of the study, a typology of professionally oriented tasks and simulated situations of professional activity used in the educational process has been carried out by the authoring order to form various components of professional culture. The use of professionally oriented tasks and situations ensures the inheritance of social experience and recognition of the importance of the future profession. The systematic use of professionally oriented tasks and situations ensures the continuity and consistency of the professional culture formation of future specialists in the field of sports in the system of higher education. The emphasized organizational and pedagogical condition, provided by the design and application of elements of the educational content, methods, and organizational forms of professional training of future specialists in the field of sports for the formation of their professional culture, is focused on the transition of students to a higher level of maturity of its components.

Keywords: professional culture, specialists in the field of sports, contextual nature of education, higher education system

For citation: Sklyar M.S. 2022. Contextual Nature of Education as an Organizational and Pedagogical Condition for Professional Culture Formation of Specialists in the Field of Sports. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 41(3): 521–531 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-3-521-531

Введение

На современном этапе развития Луганской Народной Республики обществом предъявляются высокие требования к уровню профессионализма людей, специальности которых связаны со сферами образования и науки, физической культуры и спорта, что объясняется направленностью профессиональной деятельности этих специалистов на удовлетворение государственных потребностей в формировании культуры здорового образа жизни граждан, развитии массового спортивного движения, реализации физического воспитания населения различных возрастных групп. Решение этих задач обуславливает обновление функций, содержания и характера профессионального обучения специалистов в области спорта, актуализируя направленную, научно обоснованную и методически обеспеченную реализацию процесса формирования профессиональной культуры обучающихся в системе высшего образования.

Формирование профессиональной культуры будущих специалистов в области спорта как составляющей ценностно-смысловой сферы личности – это сложная многоуровневая педагогическая система, предназначенная оказывать воздействие на профессиональное развитие обучающихся посредством совокупности форм, методов, средств, технологий, отражающих контекст профессиональной деятельности. Сложность, динамичность профессиональной культуры определяет многообразие используемого педагогического инструментария и подходов, формирующих в итоге механизм управления ее становления и развития. Интегральными ориентирами для деятельности педагогов выступают компоненты профессиональной культуры.

Приоритетными целями формирования профессиональной культуры специалистов в области спорта являются развитие умений и навыков профессиональной деятельности, моделей профессионального поведения и реализация осознанности их применения. В профессиональной самореализации выпускника вуза наличие деятельностных компе-

тенций и осознанность владения имеет особое значение, так как реализация и продуцирование новых профессиональных действий и идей создают перспективы преобразования и переноса знаний в контексте решения задач профессии: «Целью становится «выращивание» личностного потенциала человека, воспитание его способностей к адекватной деятельности в предстоящих предметных и социальных ситуациях, а содержанием – все то, что обеспечивает достижение этой цели» [Вербицкий и др., 2011, с.66–67]. При этом формирование профессиональной культуры специалистов в области спорта как опыта профессиональной деятельности, имеющего «своего рода духовно-деятельностные корни, которые питают и возвращают личность деятеля, обеспечивают его методами и способами социокультурных действий» [Дмитриев, 2007, с. 42], обеспечивается контекстом эффективных действий по реализации поставленных задач в профессиональной среде.

В «Большом психологическом словаре» понятие «контекст» используется для обозначения окружающей человека социальной среды, при этом авторами отмечено, что «понимание поведения и самой личности невозможно вне учета актуального и прошлого»¹. По определению А.А. Вербицкого, «контекст – это система внутренних и внешних условий жизни и деятельности человека, которая влияет на восприятие, понимание и преобразование им конкретной ситуации, придавая смысл и значение этой ситуации как целому и ее компонентам» [Вербицкий, Ермакова, 2009, с. 19].

В качестве методологической основы формирования профессиональной культуры контекстный подход к организации обучения [Вербицкий, 1991; Johnson, 2002; Вербицкий, 2004; Дубовицкая, 2004; Вербицкий, Жукова и др., 2007; Вербицкий, Ермакова, 2009; Жукова, 2009; Вербицкий, Ларионова, 2011; Вербицкий, Курьлев и др., 2011; Ларионова, 2011; Щербакова, 2011; Verbitsky, Kalashnikov, 2012; Linkov, 2014; Rybakina, 2015; Вербицкий, 2017; Калашников, 2019] создает предпосылки совершенствования всех ее компонентов и способствует освоению инструментальной области профессиональной деятельности специалиста в области спорта. Составляя контекст профессионального труда, интегрируя в себе систему представлений о совокупности необходимых компетенций, моделей поведения, профессионально-этических норм, ценностей, ценностных ориентаций, комбинации профессионально значимых качеств личности, профессиональная культура обеспечивает учет социальных, межличностных и предметных особенностей профессиональной группы и выступает основой профессионального развития. В этом случае обеспечивается пространственно-временной контекст – связь прошлого (образцы теоретического и практического опыта) – настоящее (выполняемые виды деятельности в процессе обучения) – будущее (моделируемая профессиональная деятельность и образ профессионала) [Вербицкий, Ларионова, 2011, с. 130].

Несмотря на широкий спектр работ по проблемам профессиональной подготовки специалистов в области физической культуры и спорта в вузе, в современных исследованиях практически не разработаны аспекты формирования профессиональной культуры специалистов в области спорта и мало изучена роль контекстного обучения в обеспечении эффективности этого процесса. В связи с этим авторами была поставлена цель теоретической разработки, научного обоснования и экспериментальной проверки возможностей контекстного характера обучения как организационно-педагогического условия формирования профессиональной культуры специалистов в области спорта. Для ее реализации на базе Луганского государственного педагогического университета (2017–2021 гг.) в ходе апробации авторской концепции формирования профессиональной культуры специалистов в области спорта в системе высшего образования [Скляр, 2021] и ее элементов – структурно-содержательной модели [Скляр, 2020] и организационно-педагогических условий обеспечения эффективности исследуемого процесса была проведена работа по

¹ Большой психологический словарь. 2006. СПб., ПраймЕврознак, 672 с.



экспериментальной проверке объективного потенциала контекстного обучения в формировании профессиональной культуры обучающихся.

В статье представлена разработанная в ходе исследования и конкретизированная примерами типологизация профессионально ориентированных заданий и моделируемых ситуаций профессиональной деятельности, обеспечивающих контекстный характер обучения и используемых в процессе профессиональной подготовки специалистов в области спорта с целью формирования их профессиональной культуры.

Пути реализации контекстного характера обучения

Опираясь на ключевую идею контекстного обучения как основу подготовки студентов к успешной реализации профессиональной деятельности и отмечая смыслообразующее влияние предметного и социального контекстов профессиональной культуры на педагогический процесс и его результаты, одним из организационно-педагогических условий формирования профессиональной культуры специалистов в области спорта следует определить обеспечение контекстного характера их обучения. Реализация данного условия в ходе формирующего эксперимента обеспечивалась путем включения в образовательную деятельность студентов профессионально ориентированных заданий, развивающих структурные элементы профессиональной культуры.

Профессиональная деятельность специалиста в области спорта не является замкнутой, а реализуется в определенной среде и имеет свои характерные черты и свойства (профессиональные, социальные), обеспечивающие индивидуальную картину решения поставленных задач. Использование профессионально ориентированных заданий, соответствующих характерным особенностям различных типов профессиональной деятельности специалистов в области спорта и содержащих необходимые и достаточные данные для разрешения профессиональных задач на учебном занятии, способствует не только усвоению обучающимися представлений о предметно-технологических и социальных составляющих профессионального труда (предметный и социальный контексты), а и трансформации компонентов профессиональной культуры личности, необходимых для достижения поставленных целей.

В основу авторской типологизации профессионально ориентированных заданий заложены общие требования, отражающие основные представления о профессиональной культуре и ее компонентах, раскрывающие способности специалиста социализироваться в обществе и профессиональном сообществе, интериоризировать профессионально-этические нормы, ценности и ценностные ориентации (универсальные компетенции); профессиональные требования, определяющие готовность и способность специалиста в области спорта успешно выполнять профессиональную деятельность, решать профессиональные задачи в соответствии с заданными стандартами (общепрофессиональные компетенции).

Исследование компонентов профессиональной культуры специалистов в области спорта и специфики различных типов их профессиональной деятельности позволили конкретизировать типы профессионально ориентированных заданий:

1. Задания на выявление основных характеристик профессиональной деятельности и рассмотрение частных случаев ее реализации. Например: «Заполните таблицу соответствия трудовых действий и необходимых знаний для реализации тренером-преподавателем функции организации участия в спортивных соревнованиях, спортивных и физкультурных мероприятиях со следующими колонками: "Трудовые действия", "Необходимые знания"». Практическое содержание заданий данного типа требует от обучающихся применения необходимых содержательных и деятельностных компетенций, навыков принятия решения, способностей к самоорганизации для оптимального решения поставленных задач. Характер выполняемых заданий не только обуславливает анализ текущего состояния профессиональной действительности, но и обеспечивает трансформацию

компонентов профессиональной культуры – системы знаний и умений профессиональной деятельности, индивидуальных способов их применения в решении профессиональных задач, новое системное видение профессиональной среды и собственного развития в ней.

2. Задания, связанные с проведением классификации, систематизации, обобщения общепрофессиональных и профессиональных знаний, графической интерпретацией представлений о профессиональной деятельности, профессиональной культуре и ее компонентах, профессиогенезе специалистов в области спорта. Например: «Графически интерпретируйте методически правильную последовательность комплекса упражнений для круговой тренировки по развитию силовых способностей с указанием названий упражнений». Эвристический характер заданий данного типа обеспечивает не только применение в учебной деятельности студентов целостного содержания, форм и условий профессиональной деятельности, компонентов профессиональной культуры специалистов в области спорта и др., но и позволяет путем графической интерпретации знаний наглядно представить основные характеристики и свойства указанных категорий, оценить взаимосвязь и взаимозависимость их составляющих, на ассоциативном уровне воспринять уровень принимаемых профессиональных решений, раскрыть дополнительные грани деятельности по оптимизации процессов саморазвития.

3. Задания, связанные с определением современных тенденций и закономерностей развития сфер профессиональной деятельности. Например: «На конкретных примерах раскройте основные проблемы сферы физической культуры и спорта Луганской Народной Республики. Предложите пути их решения». Использование подобных заданий обеспечивает расширение системы представлений обучающихся о дифференциации практики профессиональной деятельности, зоне профессиональных полномочий, границах профессиональной компетентности, что способствует актуализации, развитию и саморазвитию профессионально значимых качеств личности, потребностей будущих специалистов в самореализации и профессиональном развитии.

4. Задания на выявление несоответствия между имеющейся системой знаний и умений и новыми обстоятельствами (требованиями, условиями), возникшими в ходе решения профессиональной проблемы. Например: «Приведите примеры зависимости эффективности процесса и результатов профессиональной деятельности специалистов в области спорта от воздействия личностно детерминированных и социально детерминированных факторов». В ходе выполнения заданий данного типа обучающимися осуществляется поиск, критический анализ и синтез информации, применение системного подхода для реализации поставленных задач, выбор оптимального решения сложившейся проблемы, что способствует развитию компонентов профессиональной культуры будущих специалистов – профессиональной направленности, универсальных и общепрофессиональных компетенций будущих специалистов, их способностей к самооценке и самообразованию, что оказывает значительное влияние на формирование целевой структуры будущей профессиональной деятельности и характера учебной мотивации, в которой ведущую роль занимают ценности самоактуализации.

5. Задания, представляющие различные условия применения знаний и умений в решении задач профессиональной деятельности. Например: «Составьте перечень конкретных правил тренерской деятельности, соблюдение которых будет способствовать максимальной эффективности педагогического воздействия тренера на личность спортсмена». Выполнение заданий данного типа дает возможность обучающимся установить взаимосвязь между трудовыми функциями, интегрируемыми в профессиональной деятельности, и конкретными профессиональными задачами, а также способствует не только практическому применению сформированных знаний и умений, характеризующих квалификацию специалистов в области спорта, переносу теоретического багажа в реальные условия решения профессиональных задач, но и развитию готовности обучающихся к

продуктивной деятельности в профессиональной среде, их стремления к актуализации собственного потенциала, самосовершенствованию и саморазвитию в профессии.

В целом решение профессионально ориентированных заданий с заложенным в их основу контекстом профессиональной деятельности способствует формированию компонентов профессиональной культуры, составляющих значимую часть профессионального опыта и выступающих основой профессиогенеза. Взаимосвязь различных типов профессионально ориентированных заданий обеспечивает преемственность и системность формирования профессиональной культуры обучающихся.

Реализация контекстного характера обучения будущих специалистов в области спорта в практике профессиональной подготовки в ходе опытно-экспериментальной работы также обеспечивалась разрешением моделируемых ситуаций профессиональной деятельности, в основе которых лежит принцип соответствия задачам профессии. По мнению А.А. Вербицкого, «моделирование предметного и социального (социокультурного) контекстов предстоящей студенту профессиональной деятельности в формах его познавательной деятельности придает учению личностный смысл, порождает интерес к «присвоению» содержания профессионального образования» [Вербицкий, 2004, с. 44].

Моделирование ситуаций профессиональной деятельности осуществляется с учетом соответствующих профессиональных функций специалиста в области спорта, выполняемых им в ходе решения задач профессии. На основе типологизации профессиональной деятельности и, соответственно, профессиональных задач специалистов в области спорта нами определены основные типы ситуаций, моделируемых в процессе обучения и обуславливающих формирование «типологизирующей активности» [Завалишина, 2000, с. 9] будущих специалистов в области спорта, позволяющей воспринимать данные ситуации в контексте профессиональной деятельности и оценки собственных действий по достижению успешного результата.

Выделим основные типы ситуаций (ситуации сформулированы автором исследования на основе типологизации профессиональной деятельности и профессиональных задач, апробированы в ходе эксперимента) моделируемых в процессе обучения с целью формирования компонентов профессиональной культуры:

1. Ситуации, развивающие способность обучающихся подбирать адекватные поставленным задачам (планирование, спортивный отбор, физическая и технико-тактическая подготовка, руководство соревновательной деятельностью, воспитание, обеспечение безопасности, профилактика допинга, контроль и анализ, профессиональное взаимодействие, научные исследования, организационно-методическое обеспечение, материально-техническое обеспечение) методы, приемы, средства профессиональной деятельности. Например: «При первичной тренировочной нагрузке, далекой от максимального объема и эффективности, у спортсмена наблюдаются симптомы психического перенапряжения. Какие факторы могли стать причиной данного состояния спортсмена? Предложите комплекс мероприятий, корректирующих это состояние и поведение спортсмена». Входя разрешенные ситуации данного типа обучающиеся осуществляют выбор и последовательность действий по решению конкретных профессиональных задач. Анализируя смоделированную ситуацию, будущий специалист в области спорта соотносит поставленную цель с условиями ее выполнения, причинами события, имеющимися ресурсами и средствами для его разрешения. Качество решения поставленных задач напрямую зависит как от сформированных знаний, уровня владения умениями профессиональной деятельности, так и способностей к самооценке, принятию ответственности за свое решение, что актуализирует последующее самосовершенствование компонентов профессиональной культуры специалиста в области спорта.

2. Ситуации, обуславливающие необходимость определять круг задач в рамках поставленной цели и выбирать оптимальные способы их решения, исходя из заданных условий, существующих профессионально-этических норм, ценностей и ценностных ориента-

ций профессионального сообщества. Например: «У одного из тренеров спортивной школы олимпийского резерва часто возникали конфликты в учебно-тренировочной деятельности по поводу выполнения некоторыми учениками тренировочных заданий. В замечаниях по отношению к воспитанникам тренер использовал выражения, отражавшие негативную оценку личности не только спортсменов, но и социального статуса и жизненных достижений их родителей. Поведение тренера служило постоянным источником конфликтов отношений, возникающих на эмоциональном уровне в сфере спортивно-педагогического взаимодействия с отдельными учениками. Какие профессионально-этические нормы были нарушены тренером? Какие отрицательные последствия могут иметь описанные действия тренера для взаимоотношений и общей атмосферы в команде? Какие организационные меры должны быть предприняты для разрешения конфликта и нормализации взаимоотношений между спортсменами и тренером?». Участвуя в разрешении представленной для примера ситуации (и ей подобных), будущие специалисты в области спорта учатся осуществлять свою профессиональную деятельность в пределах правил и моделей профессионального поведения, соотносить свои действия с ценностями профессиональной группы, соблюдать нормы профессиональной этики, формировать собственную позицию (как систему нравственных убеждений) в системе отношений, развивающихся в профессиональной среде. Необходимость определять круг задач в рамках поставленной цели и выбирать оптимальные способы их решения исходя из заданных условий, существующих профессионально-этических норм, ценностей и ценностных ориентаций профессионального сообщества обеспечивает формирование и развитие составляющих профессиональной культуры как системы продуктивного профессионального функционирования и развития.

3. Ситуации, ориентированные на развитие системного и критического мышления, выявление причинно-следственных связей, установление преемственности обстоятельств, условий выполнения профессиональных задач. Например: «К руководителю спортивного комплекса обратились спонсоры с предложением помощи в закупке специализированных технических средств для повышения эффективности тренировочного процесса детской футбольной команды. Учитывая специфику спортивных упражнений, составьте список специализированных технических средств, рекомендованных к приобретению». Анализ представленной ситуации, обеспечивается осознанием будущими специалистами в области спорта возникшего противоречия, условий и причин обозначенной проблемы в решении задач профессиональной деятельности; проектированием способов и средств достижения поставленных целей. Изучение исходных данных, определение значения проблемы в реализации профессиональной деятельности, выбор наиболее целесообразных путей разрешения ситуации требуют от обучающихся активизации профессиональной направленности и мышления, наличия универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций, умений видеть проблему, осознавать значение и ответственность собственных действий по ее разрешению. Включение студентов в деятельность по разрешению ситуаций данного типа способствует пониманию ими значимости компонентов профессиональной культуры, ее интерпретации не как формальной суммы свойств и качеств, а как интеллектуального и социального капитала специалиста в области спорта, основы его мировоззренческих ориентаций и профессионального роста.

4. Ситуации, направленные на развитие способностей осуществлять профессиональное взаимодействие и реализовывать свою роль в команде. Например: «Молодой тренер, недавний выпускник университета, не может найти рабочий контакт с тренером, работающим уже несколько десятилетий. Старший, более опытный тренер не принимает новых средств и методов спортивной подготовки с учетом современных положений теории физической культуры, физиологической характеристики нагрузки, анатомо-морфологических и психических особенностей спортсменов, считая все новое быстро проходящим. Разыграйте в паре возможный ход аргументированной беседы спортивных

педагогов. Предложите наиболее целесообразную стратегию профессионального взаимодействия молодого тренера по отношению к коллеге с целью установления эмоционального контакта и его привлечения к использованию в работе инновационных техник, средств, методов и приемов спортивной подготовки». Решение представленной в качестве примера ситуации связано с проектированием способов и средств профессионального взаимодействия, активизацией рефлексии профессионального общения в специализированной деятельности. Использование в учебном процессе ситуаций данного типа вносит существенные изменения в конфигурацию представлений будущих специалистов в области спорта о взаимоотношениях в профессиональной среде, способствует развитию профессионально значимых коммуникативных качеств личности, обеспечивающих контакт с субъектами профессиональной деятельности (спортсменами, учениками, коллегами, родителями воспитанников). Ситуации, направленные на развитие способностей осуществлять профессиональное взаимодействие и реализовывать свою роль в команде, предназначены для развития активности межличностного взаимодействия будущих специалистов в области спорта в решении профессиональных задач; формирования их умений определять стратегии и тактики профессионального поведения в различных условиях и обстоятельствах в соответствии с нормами и ценностями профессии, поиска и выбора оптимального решения в регулировании отношений с конкретными людьми, преодоления последствий разногласий, конфликтных ситуаций; снижения зависимости личности от влияния чужого мнения, функций и статусов членов профессионального сообщества; совершенствования комплекса профессионально значимых личностных качеств, регулирующих систему межличностных отношений индивида с профессиональным сообществом.

Заключение

Обеспечение контекстного характера обучения специалистов в области спорта в системе высшего образования ориентировано на переход обучающихся к более высокому уровню сформированности компонентов профессиональной культуры. Основываясь на моделировании целостного содержания различных типов профессиональной деятельности, контекстный характер обучения способствует динамическому движению обучающихся от познания к реальному решению профессиональных задач.

Использование в процессе обучения системы профессионально ориентированных заданий и моделируемых ситуаций профессиональной деятельности обеспечивает преемственность и системность формирования профессиональной культуры будущих специалистов в области спорта в системе высшего образования. Значимые изменения условий, обстоятельств, форм поведения субъектов и других элементов реализации профессиональной деятельности в различных типах предлагаемых для разрешения заданий и ситуаций обуславливают актуализацию будущими специалистами в области спорта всех компонентов профессиональной культуры – сформированных компетенций, моделей профессионального поведения, мыслительных процессов, интериоризированных ценностей и профессионально-этических норм.

Обеспечение контекстного характера обучения специалистов в области спорта, реализуемое за счет использования в учебном процессе профессионально ориентированных заданий и моделируемых ситуаций профессиональной деятельности, обуславливает как накопление профессионального опыта, так и обогащение профессионального потенциала будущего специалиста в области спорта за счет совершенствования компонентов его профессиональной культуры.

Сделанные выводы подтверждаются результатами исследований по индикаторам достижений обучающихся. Анализ и интерпретация итогов экспериментальной работы показали, что апробированное организационно-педагогическое условие обеспечило специалистам в области спорта в составе экспериментальной группы более высокие личностные среднегрупповые показатели по выделенным критериям формирования профессиональной культуры.

Список литературы

- Вербицкий А.А. 1991. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. М., Высшая школа, 207 с.
- Вербицкий А.А. 2004. Компетентностный подход и теория контекстного обучения. М., ИЦ ПКПС, 84 с.
- Вербицкий А.А., Жукова Н.В., Жукова Н.Ю. 2007. Кросс-культурные контексты образования. Вестник Московского государственного лингвистического университета, 531: 73–90.
- Вербицкий А.А., Ермакова О.Б. 2009. Школа контекстного обучения как модель реализации компетентностного подхода в общем образовании. Инновационные проекты и программы в образовании, 4: 18–22.
- Вербицкий А.А., Ларионова О.Г. 2011. Личностный и компетентностный подходы в образовании: проблемы интеграции. М., Логос, 336 с.
- Вербицкий А.А., Курылев А.С., Ильязова М.Д. 2011. Основная образовательная программа в контекстно-компетентностном формате. Высшее образование в России, 6: 66–71.
- Вербицкий А.А. 2017. Теория и технологии контекстного образования. М. Московский педагогический государственный университет, 268 с.
- Дмитриев С.В. 2007. Презумпция культуры в антропных технологиях вузовского образования. Проблемно-ориентированный дискурс предметной области. Педагогические технологии, 3: 41–55.
- Дубовицкая Т.Д. 2004. Развитие самоактуализирующейся личности учителя: контекстный подход. Дис. ... докт. психол. наук. Москва, 350 с.
- Жукова Н.В. 2009. Роль внутреннего кросскультурного контекста в становлении личной культуры субъекта. Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т, 212 с.
- Завалишина Д.Н. 2000. О типологизирующей активности опытного специалиста. Ярославский психологический вестник, 3: 8–18.
- Калашников В.Г. 2017. Развитие личности в психологическом и духовном контекстах. Развитие личности, 2: 47–69.
- Калашников В.Г. 2019. Контекстный подход как методология психологического исследования. СПб, Нестор-История, 384 с.
- Скляр М.С. 2021. Концепция формирования профессиональной культуры специалистов в области физкультуры и спорта в системе высшего образования. Известия Волгоградского педагогического университета. Педагогические науки. Филологические науки, 5(158): 67–73.
- Скляр М.С. 2020. Структурно-содержательная модель формирования профессиональной культуры будущих специалистов в области физкультуры и спорта. Гуманитарно-педагогическое образование, 3 – 4: 110 – 117.
- Щербакова О.И. 2011. Психология конфликтологической культуры личности специалиста: формирование в контекстной образовательной среде. Дис. ... докт. психол. наук. Москва, 395 с.
- Johnson E.B. 2002. Contextual Teaching and Learning: What It Is and Why It's Here To Stay. Corwin Press, INC. A Sage Publications Company. Thousand Oaks, California, 196 p.
- Linkov A.Y. 2014. Constructivism in the Field of Pedagogical Knowledge (when Interpreting Learning Styles). European science review, 5-6: 81–85.
- Rybakina N.A. 2015. The competence-contextual model of education and training in the context of continuous education. В кн.: Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития. Материалы 13-й международной конференции, 29-31 мая 2015, Санкт-Петербург. Ч.1. Санкт-Петербург, ЛГУ им. А.С. Пушкина: 369–373.
- Verbitsky A.A., Kalashnikov V.G. 2012. Category of «Context» and contextual approach in Psychology. Psychology in Russia: State of the Art, 5: 117–130. Available at: <http://psychologyinrussia.com/volumes/pdf/2012/verbitsky.pdf> (accessed: 21.07.2022). DOI: 10.11621/pir.2012.0007

References

- Verbitskiy A.A. 1991. Aktivnoeobuchenie v vyssheyshkole: kontekstnyy podkhod [Active learning in higher education: A contextual approach]. М., Publ. Vysshayashkola, 207 p.



- Verbitskiy A.A. 2004. Kompetentnostny podkhod i teoriya kontekst nogo obucheniya [Competence-Based Approach and Contextual Learning Theory]. M., Publ. ITs PKPS, 84 p.
- Verbitskiy A.A., Zhukova N.V., Zhukova N.Yu. 2007. Kross-kul'turnye konteksty obrazovaniya [Cross-Cultural Contexts of Education]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 531: 73–90.
- Verbitskiy A.A., Ermakova O.B. 2009. Shkola kontekstnogo obucheniya kak model' realizatsii kompetentnostnogo podkhoda v obshchem obrazovanii [School of contextual learning as a model for the implementation of a competency-based approach in general education]. *Innovatsionnye proekty i programmy v obrazovanii*, 4: 18 – 22.
- Verbitskiy A.A., Larionova O.G. 2011. Lichnostnyy i kompetentnostnyy podkhody v obrazovanii: problem integratsii [Personality and competency-based approaches in education: problems of integration]. M., Publ. Logos, 336 p.
- Verbitskiy A.A., Kurylev A.S., Il'yazova M.D. 2011. The invariant structure of the contextual-competence curriculum. *Higher Education in Russia*, 6: 66–71(in Russian).
- Verbitskiy A.A. 2017. Teoriya i tekhnologii kontekstnogo obrazovaniya [Theory and technologies of contextual education]. M., Publ. Moskovskiy pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet, 268 p.
- Dmitriev S.V. 2007. Prezumpsiya kul'tury v antropnykh tekhnologiyakh vuzovskogo obrazovaniya. Problemno-orientirovannyi diskurs predmetnoy oblasti [Presumption of culture in anthropic technologies of higher education. Problem-oriented discourse of the subject area]. *Pedagogicheskie tekhnologii*, 3: 41–55.
- Dubovitskaya T.D. 2004. Razvitie samoaktualiziruyushchey lichnosti uchitelya: kontekstnyy podkhod [Development of the teacher's self-actualizing personality: a contextual approach]. Dis. ... doc. psychol. Sciences. M., 350 p.
- Zhukova N.V. 2009. Rol' vnutrennego krosskul'turnogo konteksta v stanovlenii lichnoy kul'tury sub'ekta [The role of the internal cross-cultural context in the formation of the subject's personal culture]. Ekaterinburg, Publ. Ural. gos. ped. un-t, 212 p.
- Zavalishina D.N. 2000. O tipologiziruyushchey aktivnosti opytного spetsialista [On the typological activity of an experienced specialist]. *Yaroslavskiy psikhologicheskii vestnik*, 3: 8 – 18.
- Kalashnikov V.G. 2017. Development of personality in psychological and spiritual contexts. Development of personality, 2: 47–69 (in Russian).
- Kalashnikov V.G. 2019. Kontekstnyy podkhod kak metodologiya psikhologicheskogo issledovaniya [Contextual approach as a methodology for psychological research]. SPb, Publ. Nestor-Istoriya, 384 p.
- Sklyar M.S. 2021. Kontseptsiya formirovaniya professional'noy kul'tury spetsialistov v oblasti fizkul'tury i sporta v sisteme vysshego obrazovaniya [The concept of formation of professional culture of specialists in the field of physical culture and sports in the system of higher education]. *Izvestiya Volgogradskogo pedagogicheskogo universiteta. Pedagogicheskiye nauki. Filologicheskkiye nauki*, 5(158): 67–73.
- Sklyar M.S. 2020. Strukturno-soderzhatel'naya model' formirovaniya professional'noy kul'tury budushchikh spetsialistov v oblasti fizkul'tury i sporta [The structural and conceptual model of future specialists' professional culture formation in the field of physical culture and sports]. *Gumanitarno-pedagogicheskoye obrazovaniye*, 3- 4: 110–117.
- Shcherbakova O.I. 2011. Psikhologiya konfliktologicheskoy kul'tury lichnosti spetsialista: formirovanie v kontekstnoy obrazovatel'noy srede [Psychology of conflictology culture of a specialist's personality: formation in a contextual educational environment]. Dis. ... doc. psychol. Sciences. M., 395 p.
- Johnson E.B. 2002. Contextual Teaching and Learning: What It Is and Why It's Here To Stay. Corwin Press, INC. A Sage Publications Company. Thousand Oaks, California, 196 p.
- Linkov A.Y. 2014. Constructivism in the Field of Pedagogical Knowledge (when Interpreting Learning Styles). *European science review*, 5-6: 81 – 85.
- Rybakina N.A. 2015. The competence-contextual model of education and training in the context of continuous education. In: *Obrazovaniecherezvsyuzhizn': nepreryvnoeobrazovanie v interesakhustoychivogorazvitiya* [Lifelong Education: Lifelong Education for Sustainable



Development]. Proceedings of the 13th international conference, May 29–31, 2015, St. Petersburg. Part 1. Sankt-Peterburg, Publ. LGU im. A.S. Pushkina: 369 – 373.

Verbitsky A.A. Kalashnikov V.G. 2012. Category of «Context» and contextual approach in Psychology. Psychology in Russia: State of the Art, 5: 117–130. Available at: <http://psychologyinrussia.com/volumes/pdf/2012/verbitsky.pdf>(accessed: 21.07.2022). DOI: 10.11621/pir.2012.0007

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 07.07.2022

Поступила после рецензирования 01.08.2022

Принята к публикации 10.09.2022

Received July 07, 2022

Revised August 01, 2022

Accepted September 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Скляр Максим Сергеевич, кандидат педагогических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой олимпийского и профессионального спорта, Луганский государственный педагогический университет, г. Луганск, Луганская Народная Республика

Maksim S. Sklyar, Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Acting Head of the Department of Olympic and Professional Sports, Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, Lugansk People's Republic



УДК 005.336.5:004[378.12:008]
DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-3-532-542

Цифровая грамотность преподавателей вузов творческой направленности: проблемы, перспективы

Шаховалова Е.Г., Шаховалов Н.Н., Кутькина О.П.

Алтайский государственный институт культуры,
Россия, 656055, г. Барнаул, ул. Юрина, 277
E-mail: esh1001@mail.ru; snn_1979@mail.ru; kutkinao@list.ru;

Аннотация. Подготовка квалифицированных кадров для цифровой экономики является трендом современной системы высшего образования, что обуславливает высокие требования к уровню цифровой грамотности профессорско-преподавательского состава. В вузах творческой направленности цифровые технологии используются недостаточно эффективно, и это является препятствующим фактором подготовки выпускников, отвечающих новым требованиям к ключевым компетенциям цифровой экономики, поскольку исследования по данной проблеме малочисленны, существующие программы повышения квалификации преподавателей остаются недостаточно эффективными. В связи с этим цель исследования – определить уровень цифровой грамотности преподавателей Алтайского государственного института культуры и их готовность к цифровой трансформации профессиональной деятельности для составления в дальнейшем программы развития цифровой компетенции сотрудников вуза. В результате исследования были выявлены недостаточность знаний и мотивации в применении сквозных цифровых технологий, инструментов для создания цифровой образовательной среды, осуществления обратной связи; затруднения в обеспечении безопасной работы и защиты личной информации в Интернете, в применении облачных технологий, видеохостингов, в организации офлайн и онлайн мероприятий в Интернете. Результаты исследования могут быть использованы для разработки образовательных программ повышения квалификации преподавателей вузов творческой направленности, корректировки индивидуальной траектории профессионального развития.

Ключевые слова: цифровизация образования, цифровые технологии, цифровая образовательная среда, цифровая грамотность, цифровая компетентность, цифровое обучение

Для цитирования: Шаховалова Е.Г., Шаховалов Н.Н., Кутькина О.П. 2022. Цифровая грамотность преподавателей вузов творческой направленности: проблемы, перспективы. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 41(3): 532–542. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-3-532-542

Digital Literacy of University Teachers of Creative Orientation: Problems, Prospects

Elena G. Shakhvalova, Nikolai N. Shakhvalov, Olesya P. Kutkina

Altai State Institute of Culture,
277 Yourina St, Barnaul 656055, Russia
E-mail: snn_1979@mail.ru, esh1001@mail.ru, kutkinao@list.ru

Abstract. The training of qualified personnel for the digital economy is a trend of the modern higher education system, which leads to high requirements for the level of digital literacy of the teaching staff. In creative universities, digital technologies are not used effectively enough, and this is an obstacle to the preparation of graduates who meet new requirements for key competencies of the digital economy, since research on this problem is scarce, existing teacher training programs remain insufficiently effective. In

this regard, the purpose of the study is to determine the level of digital literacy of teachers of the Altai State Institute of Culture and their readiness for digital transformation of professional activity in order to compile a program for the development of digital competence of university staff in the future. The study revealed a lack of knowledge and motivation in the use of end-to-end digital technologies, tools for creating a digital educational environment, and feedback; difficulties in ensuring safe operation and protection of personal information on the Internet, in the use of cloud technologies, video hosting, in the organization of offline and online events on the Internet. The results of the study can be used to develop educational programs for advanced training of university teachers of creative orientation, adjusting the individual trajectory of professional development.

Keywords: digitalization of education, digital technologies, digital educational environment, digital literacy, digital competence, digital learning

For citation: Shakhovalova E.G., Shakhovalov N.N., Kutkina O.P. 2022. Digital Literacy of University Teachers of Creative Orientation: Problems, Prospects. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 41(3): 532–542 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-3-532-542

Введение

В соответствии с национальной стратегией развития, государственной политикой в области образования, реализацией национального проекта «Образование» и национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» перед образовательными организациями высшего образования ставятся новые цели и задачи, определяются новые траектории развития¹. Одним из приоритетных направлений является цифровизация образования, предполагающая переход на электронную систему обучения, создание единой цифровой образовательной среды. «Цифровая образовательная среда – это цифровое пространство, состоящее из открытой совокупности информационных систем, которые объединяют всех участников образовательного процесса»².

В условиях высшей школы участниками образовательной деятельности являются: руководство, преподаватели, обучающиеся, работодатели. Внедрение в образовательный процесс цифровых технологий подразумевает психологическую, мотивационную, дидактическую, технологическую готовность профессорско-преподавательского состава. В этой связи для цифровой трансформации необходимо не только расширение материально-технической базы вуза, использование онлайн-обучения, внедрение цифровых программ, но и совершенствование профессиональных компетенций коллектива научно-педагогических работников в сфере цифровых технологий, планомерное развитие их цифровой грамотности [Chetty et al., 2017].

Цифровую грамотность в настоящее время интерпретируют как «базовый набор знаний, навыков и установок, позволяющих человеку безопасно и надлежащим образом управлять, понимать, интегрировать, обмениваться, оценивать, создавать информацию и получать доступ к ней с помощью цифровых устройств и сетевых технологий для участия в экономической и социальной жизни» [Цифровая грамотность... 2022]. В этой связи является значимым определение критериев оценки цифровой грамотности преподавателей. В отечественных и зарубежных исследованиях, посвященных изучению вопроса цифровизации образования [Ferrari et al., 2012; Тимофеева, 2015; Вызовы цифрового... 2018; Brandhofer,

¹ Национальный проект «Образование» 2019–2024 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://edu.gov.ru/national-project> (дата обращения: 01.03.2022).

Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». [Текст: электронный] Режим доступа <http://static.government.ru/media/files> (дата обращения: 01.04.2022).

² 1 сентября 2020 г. в школах начнется глобальный эксперимент по цифровизации образования. 2020. Образование в Москве, 27 июня 2020. URL: https://obrmos.ru/go/go_scool/news/go_go_scool_news_zifr_exp_zos.html (дата обращения: 15.04.22).



Wiesner, 2018; Лебедева, 2019; Константинова, Кудалева, 2020], авторами акцентируется внимание на критериях модели оценки цифровой грамотности по пяти индикаторам: «информационная и компьютерная грамотность, медиаграмотность, коммуникативная грамотность, отношение к технологическим инновациям» [Аймалетдинов и др., 2019].

По мнению М.А. Горюновой, «на цифровой грамотности базируется цифровая компетентность педагога, которая означает готовность и способность использовать цифровые ресурсы, применять компьютеры, мобильные устройства и облачные технологии в образовательном процессе, а также создавать и эффективно использовать в образовательном процессе возможности цифровой образовательной среды и всех ее составляющих» [Горюнова и др., 2019]. Таким образом, уровень сформированности цифровой грамотности определяется уровнем сформированности компонентов цифровой компетентности.

Цифровая трансформация образовательного процесса изменяет позицию преподавателя и подход к обучению студентов. В задачи преподавателя входят овладение навыками обработки информации, представления ее в различных форматах, создание и оформление электронного контента учебной дисциплины, форм контроля, что предполагает изучение обучающимися материалов электронного курса. Соответственно меняется и роль преподавателя, он выступает не в качестве основного источника информации, а в качестве тьютора, к которому можно обратиться при необходимости. Следует отметить, что внедрение цифровых образовательных технологий не означает, что произойдет полная замена традиционных занятий дистанционным форматом. Сегодня в образовательный процесс включаются элементы онлайн-обучения. Фокусируется внимание на введении «смешанного формата обучения» [Гордеева и др., 2021], это позволяет повышать эффективность преподавания, развивать у обучающихся ответственность, самостоятельность, самодисциплину.

Так, в ситуации, связанной с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19), в марте 2020 года в Алтайском государственном институте культуры (далее АГИК) произошел вынужденный массовый переход на дистанционное обучение. В условиях пандемии электронное дистанционное образование стало наиболее приемлемым и эффективным методом «заочного (удаленного) взаимодействия участников образовательного процесса в рамках всех форм обучения» [Шимченко, Касяненко, 2020]. В 2021 году институт перешел на смешанный формат обучения на постоянной основе: очный и дистанционный, в частности для обучающихся заочной формы обучения. Образовательный контент в настоящее время наполняется новыми материалами в соответствии с содержанием учебных курсов.

Таким образом, с одной стороны, применение современных информационно-коммуникационных технологий, использование электронного обучения позволило обеспечить высокое качество реализации образовательных программ по всем направлениям подготовки; за минимальный срок институт трансформировал образовательный процесс в дистанционный формат, все задачи образовательной деятельности были выполнены. С другой стороны, вскрылись технические и технологические проблемы (качество связи, качество взаимодействия преподавателей и обучающихся в онлайн- и в офлайн-форматах), недостаточная психологическая и мотивационная готовность части коллектива к использованию цифровых технологий, недостаточный уровень цифровой компетентности преподавателей для перехода на электронное обучение. В этой связи актуализировалась необходимость в выявлении уровня сформированности цифровых компетенций профессорско-преподавательского состава (далее ППС) в области информационно-коммуникационных технологий, определения их отношения к цифровизации в образовании.

Определение уровня цифровых компетенций преподавателей поможет оценить готовность к цифровой трансформации педагогического процесса, сформировать эффективную образовательную стратегию в области повышения квалификации преподавателей, а также учесть специфику творческих вузов культуры. Анализ источников свидетельствует о том, что авторы пока разбираются в сущности понятий (в

том, что такое «цифровая грамотность» и «цифровая компетентность» и др.). Есть диагностики цифровой грамотности учителей школ, но результаты диагностики в вузах культуры мы ни в одной публикации, к сожалению, не встретили. В связи с этим авторами поставлена цель – выявить наиболее слабые стороны преподавателей в использовании программно-технических средств обучения в работе со студентами, что позволит разработать образовательные программы для повышения квалификации профессорско-преподавательского состава с учетом выявленных пробелов в знаниях и умениях в области информационно-коммуникационных технологий и в соответствии со спецификой реализуемых направлений подготовки: 52.03.01 «Хореографическое искусство», 53.03.02 «Музыкально-инструментальное искусство», 51.03.02 «Народная художественная культура» и других.

Объекты и методы исследования

Объект исследования – цифровая компетентность преподавателей Алтайского государственного института культуры.

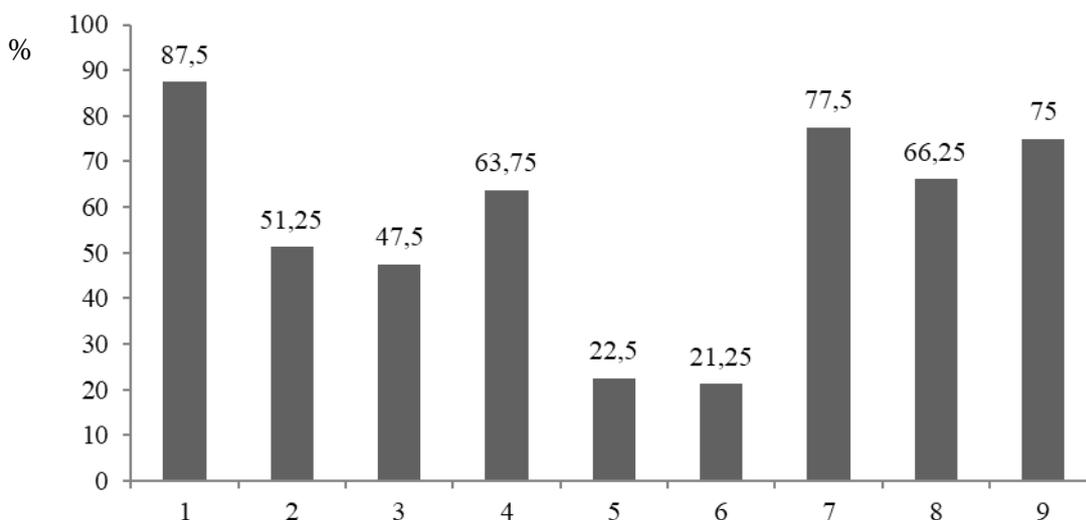
Диагностика проводилась среди профессорско-преподавательского состава АГИК в марте – апреле 2022 года. Всего в исследовании приняли участие 80 преподавателей института. В ходе исследования были применены методы: моделирование, анкетирование, анализ.

Результаты исследования и их обсуждение

Для выявления уровня сформированности цифровой грамотности профессорско-преподавательского состава мы опирались на следующие компоненты цифровой грамотности: информационную грамотность – умение правильно и оперативно работать с информацией: находить в различных источниках, оценивать достоверность, описывать в соответствии с требованиями ГОСТ, при цитировании информации соблюдать авторские права; компьютерную грамотность – базовые навыки работы с офисными программами, интернетом, компьютерным оборудованием; медиаграмотность – базовое умение работать с текстами, графической, видеоинформацией, другими видами информации, скачивать аудио и видеофайлы и др.; коммуникативную грамотность – базовое умение применять тренды современных технологий для эффективных коммуникаций: создавать документы в сети, обеспечивать доступ к ним, использовать социальные сети; технологическую грамотность – умение выбирать оптимальные цифровые устройства и технологии для решения актуальных задач в профессиональной деятельности.

Для исследования цифровой грамотности мы опирались на авторскую диагностику цифровой компетентности личности в сетевом обществе [Солдатова и др., 2013]. Исследование уровня цифровой грамотности ППС проводилось по следующим компонентам цифровой компетентности: «когнитивно-мотивационный» (знание цифровых инструментов, возможностей и мотивация их использования – рис. 1) «ответственность и безопасность» (в использовании цифровых инструментов) «умения» (использовать цифровые технологии и возможности).

Диагностика когнитивно-мотивационного компонента цифровой компетентности опрошенных проводилась по 9 показателям (см. рис. 1). Наибольший процент (87,5 %) отметили, что знают различные поисковые системы. Облачные технологии хранения данных отметили (77,5 %), возможности использования портала Госуслуг – 75 %, возможности для создания и размещения собственного контента в Интернете – 66,25 %, инструменты для организации онлайн-занятий – 63,75 %. Менее всего респондентам известны: сквозные цифровые технологии – 21,25 %, инструменты для создания цифровой образовательной среды – 22,5 %, инструменты для осуществления обратной связи – 47,5 %. Общий процент сформированности когнитивно-мотивационного компонента по всем элементам составил 56,94 %.



1. Поиск в интернете (GoogleChrome, Яндекс, InternetExplorer и др.).
2. Инструменты для организации совместной деятельности: сервисы Google, Mentimeter и др.
3. Инструменты для осуществления обратной связи: GoogleForm и др.
4. Инструменты для организации онлайн-занятий: MicrosoftTeams, Zoom, Skype и др.
5. Инструменты для создания цифровой образовательной среды: GoogleClassroom, LearningApps
6. Сквозные цифровые технологии (большие данные, искусственный интеллект и др.).
7. Облачные технологии хранения данных (GoogleDoc, Яндекс Диск и др.).
8. Возможности для создания и размещения собственного контента в интернете (текста, фото, видео, музыки), в том числе социальных сетях.
9. Возможности использования электронных государственных услуг через интернет.

Рис. 1. Элементы когнитивно-мотивационного компонента цифровой компетентности
Fig. 1. Elements of the cognitive-motivational component of digital competence

Результаты диагностики по компоненту «ответственность и безопасность» цифровой компетентности демонстрируют следующие результаты: 78,75 % опрошенных указали, что умеют определять, какую информацию можно скачивать, а какую нельзя. Пользоваться услугами служб технической поддержки могут 72,5 % опрошенных. Избегать ситуаций, чтобы не пострадать от мошеннических действий в Интернете, указали 67,5 % опрошенных. Умеют использовать безопасный поиск информации в сети Интернет – 65 % респондентов; 53,75 % могут обеспечивать безопасность личной информации, которая находится в Интернете, и менять настройки конфиденциальности в социальных сетях и в сервисах для общения.

Менее всего опрошенные умеют: при отсутствии Интернета выявлять причины сбоя его работы (46,25 %), определять степень конфиденциальности и безопасности при передаче личной информации в Интернете (38,75 %).

Таким образом, итоговый процент сформированности компонента «обеспечение безопасности» по всей совокупности элементов составил 59,53 %.

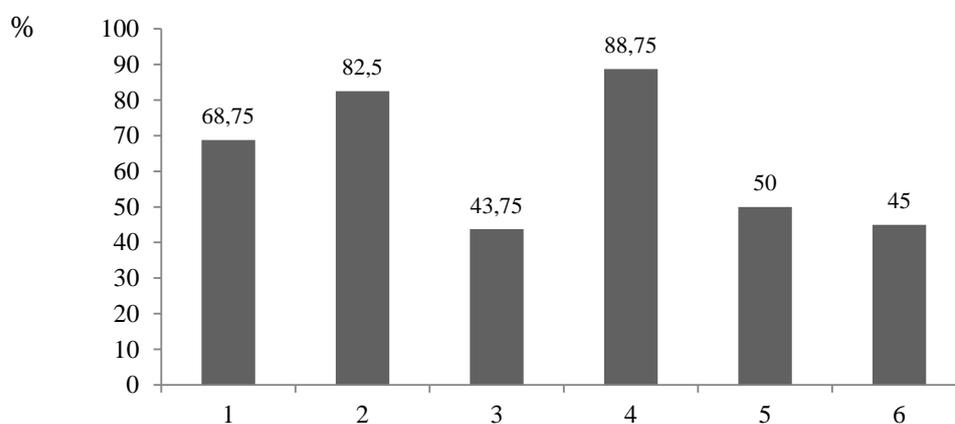
Диагностика компонента «умения» цифровой компетентности проводилась по 14 составляющим. Общий процент сформированности компонента «умения» по всем элементам составляет 52,77 %.

Результаты исследования показали, что у большинства опрошенных (92,5 %) на высоком уровне сформирована медиаграмотность. Респонденты владеют умением скачивать музыку, видео, фото; 81,25 % респондентов умеют размещать фотографии, заметки, статусы в социальных сетях и специальных сервисах; 80 % респондентов умеют пользоваться специальными настройками поисковых систем, электронными платежными системами и интернет-банкингом. Выразить одобрение и заинтересованность, используя лайки, и делать перепост записей умеют 77,5 % опрошенных; 73,75 % осуществляют поиск в Интер-

нете выгодных предложений, товаров и услуг; 66,25 % умеют взаимодействовать с участниками различных интернет-сообществ. Изменять настройки доступа к своей информации в социальных сетях для разных групп пользователей умеют 56,25 %. Чуть более половины респондентов (53,75 %) умеют пользоваться облачными технологиями. Создавать и размещать видео на специальной платформе (например, YouTube) умеют 42,5 %. Использовать челлендж-технологии умеют 30 % респондентов.

Низкий процент опрошенных (2,5 %) не умеют оформлять и изменять свой профиль в сервисах для общения; организовывать офлайн-мероприятия контролировать качество и сроки выполнения государственных услуг.

В ходе анкетирования опрошиваемые преподаватели из предложенных достоинств цифровизации образования выделили следующие (рис. 2): доступ к разнообразным электронным ресурсам – 88,75 %, возможность использования разнообразных сервисов – 82,5 %, возможность дистанционного обучения – 68,75 %. Наименьшее количество респондентов указали на следующие достоинства: возможность обучения в режиме 24/7 – 43,75 %, фиксация и накопление персональной информации в процессе обучения – 45 %, открытость и прозрачность образовательного процесса – 50 %.

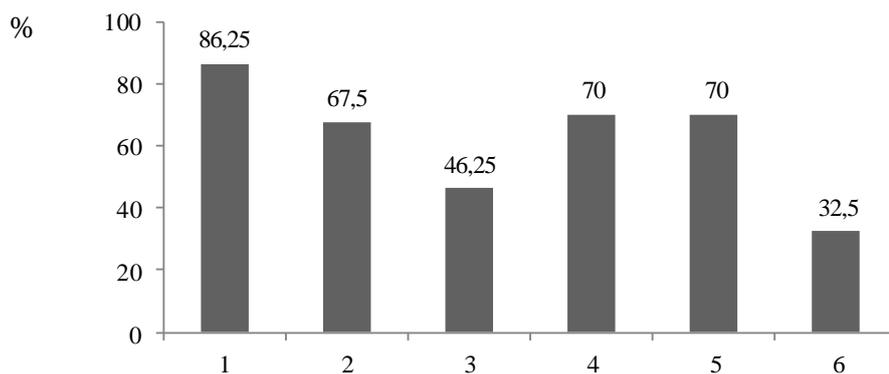


1. Возможность дистанционного обучения.
2. Возможность использования разнообразных сервисов.
3. Возможность обучения в режиме 24/7.
4. Доступ к разнообразным электронным ресурсам.
5. Открытость образовательного процесса.
6. Фиксация и накопление персональной информации в процессе обучения.

Рис. 2. Основные достоинства цифровизации образования

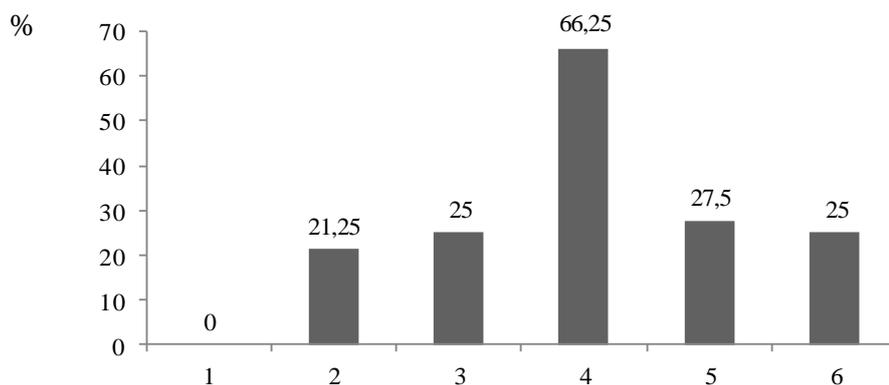
Fig. 2. The main advantages of digitalization of education

Наибольший процент (86,25 %) респондентов к недостаткам цифровизации отнесли сокращение времени живого общения преподавателей и студентов и студентов между собой (рис. 3); 67,5 % опрошенных выделили как недостаток необходимость проверять качество информации; 70 % опрошенных отнесли к недостаткам цифровизации сокращение доли аудиторных занятий и снижение качества образования. Отвечая на вопрос, «какой формат обучения вы считаете наиболее эффективным» (рис. 4), 66,25 % опрошенных отметили электронное обучение как ресурс, дополняющий традиционное обучение; 27,5 % опрошенных предпочитают сочетание электронного и аудиторного обучения в соотношении 50/50. Сочетание электронного обучения и регулярных обязательных консультаций с преподавателем, а также только аудиторное обучение отметили 25 %. Полностью дистанционные электронные курсы не указал ни один респондент.



1. Сокращение времени общения преподавателей и студентов в реальном режиме.
2. Контроль качества информации.
3. Появление требований к оригинальности информации.
4. Уменьшение количества аудиторных занятий.
5. Снижение качества образования.
6. Ухудшение качества образовательных ресурсов.

Рис. 3. Основные недостатки цифровизации образования
Fig. 3. The main disadvantages of digitalization of education



1. Полностью дистанционные электронные курсы;
2. Смешанный формат электронного обучения и личных консультаций с преподавателем по мере необходимости;
3. Смешанный формат электронного обучения и регулярных обязательных консультаций с преподавателем;
4. Электронное обучение как дополнительный ресурс к традиционному аудиторному обучению;
5. Сочетание электронного и аудиторного обучения в соотношении 50/50;
6. Полностью аудиторное обучение».

Рис. 4. Наиболее эффективный формат обучения
Fig. 4. The most effective training format

Далее в ходе опроса нами было выявлено, какие цифровые образовательные ресурсы используются ППС для подготовки и проведения занятий. Так, наиболее часто опрошенные применяют (рис. 5): фото-, видеофрагменты – 91,25 %; символьные объекты и деловую графику – 80 %; электронные учебники – 68,75 %; аудиозаписи – 62,5 %.

Представленные результаты опроса демонстрируют в целом средний уровень сформированности цифровой компетентности ППС по предложенным компонентам: «знание и

мотивация», «обеспечение безопасности», «умения», что является недостаточным для формирования цифровых компетенций выпускников и обуславливает необходимость выстраивания системы работы по повышению уровня цифровой грамотности коллектива научно-педагогических работников АГИК.

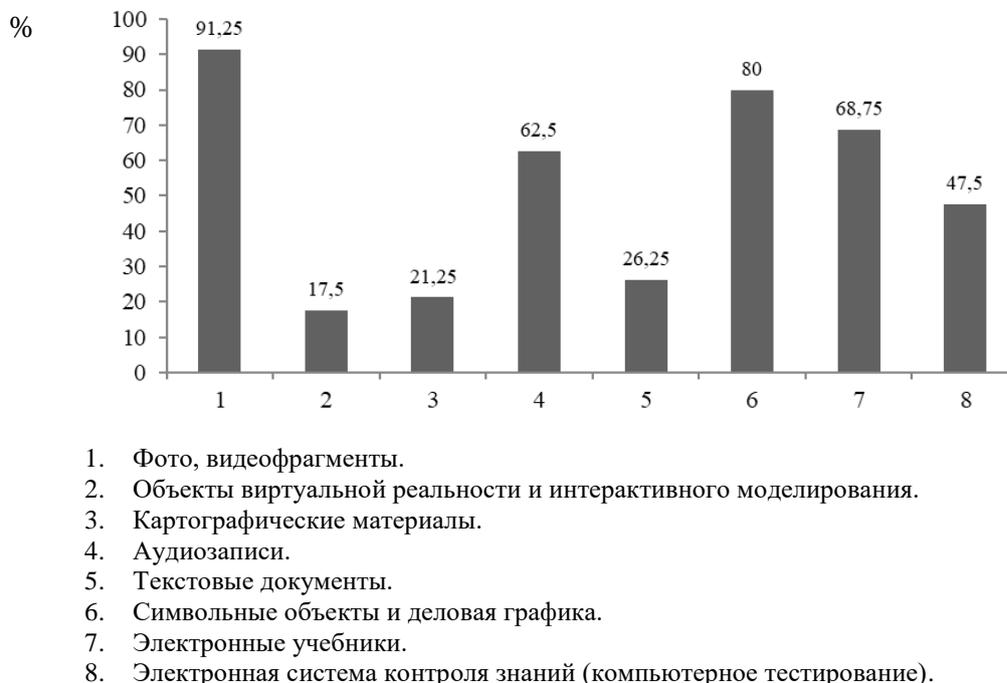


Рис. 5. Цифровые образовательные ресурсы, используемые в подготовке и проведении занятий
Fig. 5. Digital educational resources used in the preparation and conduct of classes

Результаты исследования свидетельствуют об осознании коллективом достоинств цифровизации образования, поскольку данный процесс на сегодняшний день пронизывает все сферы социально-экономической, социально-культурной деятельности современного общества, а сфера высшего образования – фундамент формирования цифровых компетенций выпускников. Отрицательное отношение части коллектива к внедрению цифровых технологий в образовательную деятельность вуза преимущественно вызвано опасениями снижения учебной нагрузки преподавателя, нежеланием или страхом осваивать цифровые технологии, возможным сокращением процесса «живого» общения между преподавателем и студентом, что, безусловно, для вуза творческой направленности является неприемлемым. Вместе с тем электронный формат обучения ППС оценили как наиболее эффективный, позволяющий использовать различные цифровые образовательные ресурсы при подготовке к занятиям.

Результаты исследования были представлены на Методическом и Ученом Советах АГИК, в рамках заседания регионального круглого стола «Цифровая трансформация вузов культуры». В ходе проведения круглого стола обсуждались различные проблемы перехода вузов культуры на цифровое обучение: создание цифрового образовательного пространства, необходимость модернизации материально-технической базы и др. Наибольшее внимание участников научно-методического мероприятия было сфокусировано на необходимости повышения уровня цифровой грамотности профессорско-преподавательского состава по вопросам внедрения цифровых технологий в образовательный процесс вузов, поскольку исходный уровень сформированности цифровой грамотности преподавателей недостаточен для подготовки выпускников, отвечающих новым требованиям к ключевым компетенциям цифровой экономики.



Таким образом, результаты проведенного исследования актуализировали проблему формирования цифровой грамотности преподавателей вуза творческой направленности, были выявлены пробелы в знаниях и умениях научно-педагогических работников в использовании цифровых технологий: недостаточность знаний и мотивации в применении сквозных цифровых технологий, инструментов для создания цифровой образовательной среды, осуществления обратной связи; затруднения в обеспечении безопасной работы и защиты личной информации в Интернете, в применении облачных технологий, видеохостингов, в организации офлайн и онлайн мероприятий в Интернете и др. Данные факторы предопределяют перспективы дальнейшей деятельности вуза по повышению уровня цифровой грамотности преподавателей посредством разработки образовательных программ для повышения квалификации профессорско-преподавательского состава с учетом выявленных пробелов в знаниях и умениях в области информационно-коммуникационных технологий в соответствии со спецификой реализуемых направлений подготовки: 52.03.01 «Хореографическое искусство», 53.03.02 «Музыкально-инструментальное искусство», 51.03.02 «Народная художественная культура» и др., проведения серии научно-методических мероприятий (круглых столов, конференции, мастер-классов) для обмена опытом по переходу на цифровой формат обучения вузов творческой направленности.

Заключение

Результаты исследования демонстрируют готовность преподавателей к использованию цифровых технологий в профессиональной деятельности, однако внедрение цифровизации в образовательный процесс вуза творческой направленности сопряжено с рядом проблем и противоречий, связанных с уровнем цифровой грамотности ППС. С одной стороны, элементы когнитивно-мотивационного компонента, компонентов «обеспечение безопасности» и «умения» цифровой компетентности сформированы на среднем уровне, с другой – ППС отмечают положительный эффект цифровизации в образовании. Научно-педагогический коллектив института определил высокую степень влияния цифровизации на образование (по предложенной шкале от 0 до 10 средний балл – 7), в целом можно констатировать положительную мотивацию коллектива к внедрению цифровых технологий в образование.

Анализ результатов проведенного исследования предопределил перспективы деятельности руководства института по выстраиванию системной работы, направленной на повышение цифровой грамотности ППС АГИК, что отражено в Программе развития института на 2022–2026 гг.: разработку образовательных программ повышения квалификации, проведение курсов повышения квалификации, мастер-классов, тренингов с участием IT-специалистов и др. с целью развития знаний и отработки практических навыков проведения занятий с использованием цифровых технологий с учетом индивидуальной траектории профессионального развития преподавателя. Повышение уровня цифровой грамотности ППС станет одним из ключевых векторов развития вуза в соответствии с реализацией стратегии цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования.

Представленный в статье опыт диагностики уровня сформированности цифровой грамотности преподавателей может быть использован другими вузами при анализе причин недостаточной эффективности реализации профессорско-преподавательским составом цифровых технологий и сервисов в образовательном процессе, а также в целях выявления наиболее слабых сторон научно-педагогических работников в использовании программно-технических средств обучения в работе со студентами.

Список источников

- Аймалетдинов Т.А., Баймуратова Л.Р., Зайцева О.А., Имаева Г.Р., Спиридонова Л.В. 2019. Цифровая грамотность российских педагогов. Готовность к использованию цифровых технологий. М., Издательство НАФИ, 84 с.
- Баймуратова Л.Р., Долгова О.А., Имаева Г.Р., Гриценко В.И., Смирнов К.В., Аймалетдинов Т.А. 2018. Цифровая грамотность для экономики будущего. М., Издательство НАФИ, 86 с.

URL: <https://nafi.ru/upload/iblock/8f0/8f019c7e455b141dd16f56a1a926bdd0.pdf> (дата обращения: 15.05.2022).

Цифровая грамотность. 2022. Региональный общественный центр интернет-технологий. URL: <https://индекс.цифроваяграмотность.рф/> (дата обращения: 01.03.2022).

Список литературы

- Вызовы цифрового будущего и устойчивое развитие России. Социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2017–2018 годах. 2018. Под ред. Г.В. Осипова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова, Т.К. Ростовской. М., ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 716 с.
- Гордеева Е.В., Мурадян Ш.Г., Жажоян А.С. 2021. Цифровизация в образовании. *Journal of Economy and Business*, 4-1(74): 112–115. DOI: 10.24412/2411-0450-2021-4-1-112-115
- Горюнова М.А., Лебедева М.Б., Топоровский В.П. 2019. Цифровая грамотность и цифровая компетентность. *Человек и образование*, 4(61): 83–89.
- Константинова Д.С., Кудаева М.М. 2020. Цифровые компетенции как основа трансформации профессионального образования. *Экономика труда*, 7(11): 1055–1072. DOI: 10.18334/et.7.11.111073
- Лебедева М.Б. 2019. Цифровая грамотность субъектов образовательного процесса. В кн.: *Личность. Общество. Образование. Качество современного образования: актуальные вопросы, достижения, стратегии развития. Сборник статей XXII Международной научно-практической конференции*, Санкт-Петербург, 26-28 марта 2019 г. Под ред. О.В. Ковальчука, А.Е. Марона, В.И. Ребровой. СПб., Ленинградский областной институт развития образования: 407–414.
- Солдатова Г.У., Нестик Т.А., Рассказова Е.И., Зотова Е.Ю. 2013. Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования. М., Фонд Развития Интернет, 144 с.
- Тимофеева Н.М. 2015. Цифровая грамотность как компонент жизненных навыков. *Психология, социология и педагогика*, 7 (46): 26–27. URL: <https://psychology.snauka.ru/2015/07/5573> (дата обращения: 15.05.2022).
- Шимченко А.В., Касяненко Е.О. 2020. Технология виртуальной реальности как возможный электронный образовательный инструмент формирования практических навыков при переходе вузов к дистанционной модели образования. *Вестник высшей школы*, 10: 71–85. DOI: 10.20339/AM.10-20.071
- Brandhofer G., Wiesner C. 2018. Medienbildung im Kontext der Digitalisierung: Ein integratives Modell für digitale Kompetenzen. *Online Journal for Research and Education*, 10. Available at: <https://journal.ph-noe.ac.at/index.php/resource/article/view/574/600> (accessed: 15.05.2022).
- Chetty K., Qigui L., Gcora N., Josie J., Wenwei L., Fang C. 2017. Bridging the digital divide: measuring digital literacy. *Discussion Papers*, 69. Available at: http://www.economics-ejournal.org/dataset/PDFs/discussionpapers_2017-69.pdf (accessed: 15.05.2022).
- Ferrari A., Punie Y., Redecker C. 2012. Understanding Digital Competence in the 21st Century: An Analysis of Current Frameworks. In: *21st Century Learning for 21st Century Skills. Proceedings of the 7th European conference on Technology Enhanced Learning (EC-TEL'12)*, September 18-21, 2012. Lecture Notes in Computer Science, vol 7563. Eds. A. Ravenscroft, S. Lindstaedt, C.D. Kloos, D. Hernández-Leo. Springer, Berlin, Heidelberg: 79-93. DOI: 10.1007/978-3-642-33263-0_7

References

- Vyzovy cifrovogo budushhego i ustojchivoe razvitie Rossii. Social'no-politicheskoe polozhenie i demograficheskaja situacija v 2017–2018 godah [Challenges of the digital future and sustainable development of Russia. Socio-political situation and demographic situation in 2017-2018]. 2018. Eds. G.V. Osipov, S.V. Rjazancev, V.K. Levashov, T.K. Rostovskja. M., Publ. ITD «PERSPEKTIVA», 716 p.
- Gordeeva E.V., Muradjian Sh.G., Zhazhojan A.S. 2021. Digitalization in education. *Journal of Economy and Business*, 4-1(74): 112–115. DOI:10.24412/2411-0450-2021-4-1-112-115
- Gorjunova M.A., Lebedeva M.B., Toporovskij V.P. 2019. Teacher's digital literacy and digital competency in the system of secondary vocational education. *Man and Education*, 4(61): 83–89 (in Russia).



- Konstantinova D.S., Kudaeva M.M. 2020. Digital competencies as the basis for the professional education transformation. Russian journal of labor economics, 7(11): 1055–1072 (in Russia). DOI: 10.18334/et.7.11.111073
- Lebedeva M.B. 2019. Digital literacy of the educational process' subjects. In: Lichnost'. Obshchestvo. Obrazovanie. Kachestvo sovremennogo obrazovaniya: aktual'nye voprosy, dostizheniya, strategii razvitiya [Personality. Society. Education. The quality of modern education: topical issues, achievements, development strategies]. Collection of articles of the XXI^E International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, March 26–28, 2019. Ed. O.V. Koval'chuk, A.E. Maron, V.I. Rebrova. SPb., Publ. Leningradskij oblastnoj institut razvitiya obrazovaniya: 407–414.
- Timofeeva N.M. 2015. Digital literacy as a component of life skills. Psihologija, sociologija i pedagogika, 7 (46): 26–27. Available at: <https://psychology.snauka.ru/2015/07/5573> (accessed: 15.05.2022).
- Shimchenko A.V., Kasjanenko E.O. 2020. Virtual reality technology as possible electronic educational tool for development of practical skills in model of formation during transition of universities to distant education. Alma mater. Vestnik vysshey shkoly, 10: 71–85 (in Russia). DOI: 10.20339/AM.10-20.071
- Brandhofer G., Wiesner C. 2018. Medienbildungim Kontext der Digitalisierung: Einintegratives Modellfürdigitale Kompetenzen. Online Journal for Research and Education, 10. Available at: <https://journal.ph-noe.ac.at/index.php/resource/article/view/574/600> (accessed: 15.05.2022).
- Chetty K., Qigui L., Gcora N., Josie J., Wenwei L., Fang C. 2017. Bridging the digital divide: measuring digital literacy. Discussion Papers, 69. Available at: http://www.economics-ejournal.org/dataset/PDFs/discussionpapers_2017-69.pdf (accessed: 15.05.2022).
- Ferrari A., Punie Y., Redecker C. 2012. Understanding Digital Competence in the 21st Century: An Analysis of Current Frameworks. In: 21st Century Learning for 21st Century Skills. Proceedings of the 7th European conference on Technology Enhanced Learning (EC-TEL'12), September 18–21, 2012. Lecture Notes in Computer Science, vol 7563. Eds. A. Ravenscroft, S. Lindstaedt, C.D. Kloos, D. Hernández-Leo. Springer, Berlin, Heidelberg: 79-93. DOI: 10.1007/978-3-642-33263-0_7

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 28.05.2022.

Поступила после рецензирования 29.06.2022

Принята к публикации 10.09.2022

Received May 28, 2022.

Revised June 29, 2022

Accepted September 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Шаховалова Елена Геннадьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры музеологии и туризма, начальник учебно-методического управления, Алтайский государственный институт культуры, г. Барнаул, Россия

Elena G. Shakhvalova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Museology and Tourism, Head of the Educational and Methodological Department, Altai State Institute of Culture, Barnaul, Russia

Шаховалов Николай Николаевич, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры библиотековедения и информационных технологий, Алтайский государственный институт культуры, г. Барнаул, Россия

Nikolai N. Shakhvalov, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Library Science and Information Technologies, Altai State Institute of Culture, Barnaul, Russia

Куткина Олеся Петровна, кандидат педагогических наук, доцент, проректор по учебной работе, доцент кафедры библиотековедения и информационных технологий, Алтайский государственный институт культуры, г. Барнаул, Россия

Olesya P. Kutkina, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Vice-Rector for Academic Affairs, Associate Professor of the Department of Library Science and Information Technology, Altai State Institute of Culture, Barnaul, Russia



ЯЗЫКОЗНАНИЕ LINGUISTICS

УДК 81'23

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-3-543-553

Модели взаимодействия автора и адресата в коммуникативном пространстве развлекательного телевидения

Гладко М.А.

Минский государственный лингвистический университет,
Беларусь, 220034, Минск, ул. Захарова, 21
Email: glad_26@tut.by

Аннотация. Значимую роль в организации коммуникативного пространства телевидения выполняет intersubjectное взаимодействие автора и зрителя. Несмотря на многочисленность публикаций по этой проблематике, исследования по тактико-стратегическому репертуару, обеспечивающему взаимодействие в развлекательном теледискурсе, мало представлены. Цель работы заключается в выявлении типов коммуникативного взаимодействия участников общения, лингвистических способов их репрезентации и роли в семантико-прагматической организации развлекательного теледискурса. Установлены следующие модели коммуникативного взаимодействия: эмоционально-настраивающее, межличностное и интерактивное. Сделан вывод о том, что дискурсивный механизм вовлечения зрителя в интерактивное взаимодействие основан на принципе игры, самовыражения, утверждения собственного «Я»; желании публичности, стать активным участником коммуникации, частью конструируемого ведущим сообществом. Выявление моделей intersubjectного взаимодействия, тактические особенности их манифестации в телекоммуникации является научным вкладом в теорию массовой коммуникации, теорию речевого воздействия.

Ключевые слова: развлекательное телевидение, коммуникативное взаимодействие, автор, адресат, модель, стратегия, речевая маска

Для цитирования: Гладко М.А. 2022. Модели взаимодействия автора и адресата в коммуникативном пространстве развлекательного телевидения. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41(3): 543–553. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-3-543-553

Interaction Models of Author and Addressee in Entertainment TV Discourse

Maryna A. Gladko

Minsk State Linguistic University
21 Zakharova St, Minsk 220034, Belarus
Email: glad_26@tut.by

Abstract. A significant role in the organization of TV communicative space belongs to intersubjective interaction between the author and the viewer. The article deals with one of the most important ways of organizing an entertaining television discourse-communicative intersubjective modeling. The purpose of the study is to identify the types of communicative interaction of communication participants, linguistic ways of their representation and the role in the semantic-pragmatic organization in TV entertainment

discourse. The following models of communicative interaction are established: emotional-modeling, interpersonal and interactive interaction. The model of interpersonal interaction activates the viewer's speech model as an active speaking participant in communication, responding and initiating the topic. The interactive model of communicative interaction testifies to the convergence of two types of mass discourse - television and internet. The discursive mechanism of involving the viewer in interactive interaction is based on the principles of play, self-expression, assertion of one's own "I"; desire for publicity, to become part of the constructed community. Identification of models of intersubjective interaction and tactical set of their manifestation in telecommunication is a scientific contribution to theory of mass communication and of speech influence.

Keywords: entertainment television, communicative interaction, author, destination, model, strategy, speech mask

For citation: Gladko M.A. 2022. Interaction Models of Author and Addressee in Entertainment TV Discourse. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 41(3): 543–553 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-3-543-553

Введение

Ядро практики средств массовой коммуникации, ее генерирующее начало представляет диада «автор/адресант – адресат». Этим обусловлена «форсированная направленность медийной коммуникации на адресата», достижение форсированного контакта с аудиторией [Полонский, 2014, с. 115], что определяет характер коммуникативного процесса, взаимодействия в телепространстве.

По утверждению М.М. Бахтина, «всякое понимание живой речи носит активно ответный характер (хотя степень этой активности бывает весьма различной); всякое понимание чревато ответом и в той или иной мере обязательно его порождает: слушающий становится говорящим» [Бахтин, 1996, с. 303]. Для развлекательного теледискурса данный подход имеет большое значение, так как от эффективности взаимодействия во многом зависит рейтинговость/популярность передачи. Диалогичность считается фундаментальной категорией медиадискурса. Утверждение о том, что диалогичность присуща не только диалогу, но и монологу, «наиболее явно эксплицируется в собственно диалоге как форме речи, но пронизывает и другую ее форму – монолог» [Бахтин, 1996, с. 305], описывает специфику общения или взаимодействия автора и адресата в современном развлекательном теледискурсе. Благодаря различным технологиям, современная медиакommunikация расширяет возможности взаимодействия автора и аудитории. Зритель привлекается к активному соучастию, становится участником диалога. По мнению Л.И. Ермоленкиной, участник массовой коммуникации превращается из пассивного объекта восприятия информации в ее активного соавтора, выстраивает модель собственного комфортного ментального существования посредством разнообразных моделей взаимодействия с адресантом [Ермоленкина, 2008, с. 18].

Автор как важнейшая тексто- и стилеобразующая категория рассматривается в исследованиях в различных аспектах. Выделяются такие типы коммуникатора, как персонифицированный, обобщенный и деперсонифицированный автор [Щелкунова, 2004]; персональный / коллективный и частный / публичный / социальный [Муравьева, 2002]; автор – человек социальный и автор – человек частный [Солганик, 2005]. В телепространстве ведущие моделируют определенный образ, т.е. играют роль-маску. В настоящей работе речевая маска рассматривается как коммуникативная стратегия, в основе которой лежит чужой языковой образ [Шпильман, 2006]. Ее суть заключается в осознанном отборе адресантом вербальных и невербальных средств, направленных на формирование определенного образа в сознании адресата. Она является средством структурирования коммуникативного пространства, ориентирована на активацию определенного компонента в языковом и коммуникативном сознании аудитории для достижения конкретной цели [Гладко, 2022, с. 53].

Реализация авторского замысла медиатекста неизменно нацелена на адресата. Категория адресата представляет собой важнейшую категорию медиатекста, которая организует и определяет коммуникативное взаимодействие автора и адресата через текст [Арутюнова, 1981; Лотман, 1998; Кобозева, 2003; Каминская, 2008].

Таким образом, важным способом структуризации коммуникативного пространства телевидения является организация взаимодействия с адресатом. Коммуникативное взаимодействие в развлекательном теледискурсе характеризуется адресной поливекторностью. Сообщение ориентировано на (1) неопределенное количество пользователей; (2) определенного участника коммуникации. В первом случае взаимодействие является асимметричным; контроль над течением беседы, выбор ее тематического наполнения принадлежит ведущему. Вместе с тем зритель как участник коммуникативного взаимодействия выступает актором ряда действий: вступает в социальное взаимодействие, реагирует на коммуникативные и когнитивные стимулы [Ермоленкина, 2020, с. 56]. Во втором случае коммуникация принимает форму взаимонаправленного разговора, который направляет взаимодействие субъектов коммуникации.

Интерес представляет коммуникативно-прагматический аспект исследования особенностей коммуникативного взаимодействия автора и адресата в развлекательном теледискурсе. Поэтому целью исследования является выявление типов коммуникативного взаимодействия участников общения, лингвистических способов их репрезентации и роли в семантико-прагматической организации развлекательного теледискурса.

Объекты и методы исследования

Для достижения поставленной цели используются метод дискурсивного анализа, лингвистические методы: описательно-аналитический, контекстуальный, семантический анализ текста. В качестве материала исследования выбраны 300 текстов-репрезентантов развлекательного теледискурса, разнообразных по тематической направленности и жанровой представленности (ток-шоу, реалити шоу, юмористическое шоу).

Модели взаимодействия автора и адресата в развлекательном теледискурсе

Ермоленкина Л.И., исследуя радиокоммуникацию, выделяет *игровые* (участие в конкурсах, розыгрышах), *жанрово-тематические* (обсуждение темы, заявленной автором передачи) модели взаимодействия автора и адресата [Ермоленкина, 2008, с. 18]. В результате анализа телевизионных развлекательных текстов мы выявили модели *межличностного, эмоционально-настраивающего и интерактивного* взаимодействия.

Выбор *модели эмоционально-настраивающего взаимодействия* обусловлен фактором эмоционализации коммуникативного взаимодействия. Комплекс воздействующих со стороны адресанта тактико-стратегических инструментов ориентирован на достижение доверительных, дружеских отношений и эмоциональной открытости. Модель построена на механизме аффилиации – «психологической потребности в одобрении, поддержке, социальных связях, которые формируются с целью актуализации в публичном пространстве» [Кузнецов, 2011, с. 28].

В текстовом пространстве автор оставляет различные вербальные и невербальные сигналы, помогающие ему создать эмоциональный настрой, подчеркнуть отношение равенства с зрителем в различных обстоятельствах. Стратегии речевой маски (РМ) *доброжелатель* и *друг* являются ключевым средством воплощения эмоционально-настраивающего плана дискурса. Качествами, объединяющими данную игру в друзей, являются равноправие, уважение, отношения на основе симпатии, общих интересов, привязанности и понимания. Данные стратегии распределяются по всему текстовому пространству, соединяя его композиционные части, при этом максимально эксплицитно концентрируясь в начальной и завершающей частях передачи (представлены жанрами обраще-

ние, прощение); вкрапливаясь в макроструктурные блоки (например, дискуссия, розыгрыш и т.д.).

Стратегия речевой маски *доброжелатель* призвана организовать взаимодействие автора и аудитории, формировать эмоциональную атмосферу, настрой зрителя. Сочетание информационной, фатической и развлекательной функций теледискурса приводит к тому, что отобранный тактический арсенал позволяет автору создать впечатление дружеского общения, пространства, в котором зритель может ощущать себя значимым и ценным.

В коммуникативном пространстве телевидения (прежде всего в жанрах *ток-шоу*, *мастер-класса*, нацеленных на молодежную аудиторию) представлены черты адресата, которые могут создавать трудности в общении, жизненном пространстве. Среди этих черт выделяются: отсутствие некоторых навыков, дискомфорт в ситуации общения: *Обычно не танцуешь, потому что тебе важно мнение окружающих? Выдыхай! Сначала танцы, а потом уже думаем о последствиях* («Иди сюда и танцуй», 20.08.2019). *Давайте по душам. Бывало ли такое, что у вас спрашивает девушка: Это вы сейчас со мной заигрываете или просто танцевать не умеете?* («Иди сюда и танцуй», 14.06.2018). При этом явно прослеживается формирование позитивной тональности различных спектров: воодушевляющей, доверительной, призванной снять напряжение и сомнения. Этому способствует репертуар тактик, создающий рисунок РМ *доброжелателя*: доверительного общения, радушия, позитивной настройки: *У нас студия замечательного настроения!* (тактика позитивной настройки) («Пин код», 28.04.2022); *Дима уже всю улыбаются и готов дарить нам хорошее настроение. Здравыйся, желай всем хорошего дня!* (тактика радушия) («День в большом городе», 12.08.2020). Логемы с фокусом на позитивный результат (причинно-следственная конструкция *если, то + лексика достижения: получится, справишься, догадаешься*); конструкции доверительного общения, акцентирующие открытость, близость: *по секрету вам скажу, честно признаюсь*; кооперативная лексика: *мы, вместе мы, давай посмотрим* – призваны создать у адресата комфортные ощущения, положительное эмоциональное отношение к начинаниям: *Давайте по душам. Бывало ли такое что у вас спрашивает девушка: Это вы сейчас со мной заигрываете или просто танцевать не умеете? Если вы со мной, такого больше не повторится* (тактика позитивной настройки) («Иди сюда и танцуй», 14.06.2018).

Семантико-прагматическая организация пространства развлекательного теледискурса призвана вовлекать зрителя не только в рамках игровых композиционных блоков (*розыгрыш, квест, голосование* и т.д.), но также в блоках, представленных жанрами *интервью, беседа* (общение с экспертами, гостями в студии): ведущая: *Пока лидирует социальная сеть. Дилана, если не хочешь проиграть, придумай еще один минус...* Гость 1: *В соцсетях проще написать какой-то хейт...* Ведущая: *Да, действительно в соцсетях очень все смелые.* (Обращается к зрителям). *Это всегда обман, и вы не проверите... Так что, будьте осторожны! Не обращайте внимание на то, что вам там пишут, потому что пишут эти диванные критики* («Пин код», 12.03.2020). Здесь игровое взаимодействие (соревнование-спор о том, что имеет больше недостатков – социальные сети или межличностное общение) ведущих и гостей вовлекает зрителей, наделяя их ролью еще одного значимого участника коммуникативной деятельности. Такая вариативность параметров общения (переключение режимов публичного и межличностного общения) свидетельствует о тесной связи, переплетении информационной, фактической и психологической функций коммуникации.

Тактический репертуар стратегии РМ *доброжелатель* активно сочетается с тактическим инструментарием стратегии РМ *друг*. Их комбинации реализуются в условиях отсутствия визуального контакта, личного присутствия, что компенсируется данными стратегиями и в ряде случаев форматом общения со зрителем «один на один» (в студии присутствует только один ведущий, обращающийся непосредственно к зрителю). Стратегия РМ *друг* представлена тактиками дружеского обращения, акцентирования эмоциональной

близости, кооперативности, признания своей некомпетентности, которые ориентированы на сокращение коммуникативной дистанции, формирование эмоционального фона: *Присоединяйся к нашей игре. Какого стиля не существует... Честно говоря, я сам не знаю* (тактика признания своей некомпетентности), *но мне написали. Поэтому сейчас я вам все расскажу... Сейчас все варианты ты* (тактика дружеского обращения) *увидишь на экране, поэтому не спеши, подумай* внимательно. *Ну пока тебе дам подсказочку, небольшую подсказочку. Сложно, но если ты подумаешь, я думаю, что ты сразу догадаешься* (тактика позитивного настроения)... *А пока давай посмотрим* (тактика кооперативности), *что же это за стиль такой интересный* («Пин код», 06.12.19). *Я хочу сказать, если после этой процедуры я, к сожалению, не смогу дальше продолжить, знайте, вы всегда были моими самыми, любимыми зрителями* (тактика акцентирования эмоциональной близости) («Пин код», 24.04.2021).

Вышеуказанные тактики нацелены на формирование диалогичности, доверительного отношения с молодежной аудиторией посредством демонстрации понимания интересов, забот, а также слабостей и трудностей адресата: *Ну и наверняка вы задаетесь вопросом: А как же попасть в наш телеграм-канал? Здесь с радостью подскажу...* («Пин код», 20.04.2022).

Диалогичность, направленная на массового зрителя, находит свое выражение не только в прямой, но и косвенной адресации посредством смысловой акцентуации определенных компонентов содержания. Весьма значима для развлекательного теледискурса идентификация автора и зрителя (их интересов, забот, потребностей), которая репрезентируется в реализации тактики сближения с адресатом: *Сегодня очень, очень хорошие новости. Остался всего лишь один месяц и один день до конца учебного года!* («Пин код», 28.04.2022). Актуализация общих повседневных, обиходно-бытовых забот организует общее пространство автора и зрителя.

Понимание внутреннего мира и состояния партнера демонстрирует тактика *внимания к проблемам адресата*, которая получает экспликацию эмоциональной лексикой отрицательной и положительной шкалы: *волнует, беспокоит, тревожит, радует*; глаголами семантики заботы: *мы беспокоимся/заботимся, хотим, чтобы вы / у вас: После обсуждения мы просим вас рассказать нам, как вы готовитесь поделиться своими переживаниями, что же вас волнует. Может, у вас лишний вес... наличие целлюлита, лишняя растительность. Пишите нам, вот что вас беспокоит и как вы с этим пытаетесь справляться. Обязательно обсудим, потому что у нас очень дружественная атмосфера* («Пин код», 28.04.2022).

Моделирующим потенциалом обладает активность лексических единиц, репрезентирующих ценности, характеристики личности адресата, объективированных в тактике моделирования позитивного образа адресата. Репрезентанты тактики – лексические единицы самых разнообразных типов оценки: интеллектуальной – *умные*; психологической – *интересный*, эстетической – *красивые, прекрасные*; этической – *преданные, добрые, отзывчивые* – вырисовывают черты психологического портрета представителей целевой группы адресата. Подбор слов характеризует его как человека, обладающего положительными качествами, отличными умениями и способностями: *Вы наши любимые прекрасные и отзывчивые зрители* («Пин код», 08.02.2021). *Самые преданные зрителя знают, что я сейчас скажу... Давайте посмотрим, мы читаем ваши прекрасные комментарии* («Пин код», 13.04.22).

Коммуникативному и эмоциональному сближению автора и зрителей способствуют прямые обращения с общей семантикой «дружба»: *друзья, дорогие*; ты-адресация; косвенные обращения различной семантики: по половому признаку: *девчонки*; по эстетическому, интеллектуальному признакам, часто объединяемые инклюзивным местоимением *наши: красавицы наши, модницы; умницы наши*. При этом речь ведущего представляет собой чередование тактик, моделирующих медиаобраз друга: *Друзья* (тактика дружеского обраще-

ния), *давайте с вами договоримся. Вы заходите в наш чат и там пишете все свои классные лайфхаки, советы* (тактика моделирования позитивного образа адресата) («Пин код», 24.03.2022). *Как мы рады вас приветствовать* (тактика радушия), *дорогие друзья!.. Так что, ребята, осторожно. Действительность может отличаться от картинки. У нас есть видео. Давайте посмотрим, друзья. Мы читаем ваши прекрасные комментарии* (тактика моделирования позитивного образа адресата) («Пин код», 24.03.2022). *В нашем уютном телеграм-канале мы вас ждем* (тактика радушия) («Пин код», 13.04.2022). Оценочная лексика, акцентирующая или приписывающая определенные качества адресату, сопровождаемая восторженной интонацией, улыбкой ведущего, нацелена на моделирование позитивного эмоционально воспринимаемого образа, установление хороших отношений. Соответственно, адресат призван выполнять роль друга.

Важное значение в конструировании дружеской атмосферы в развлекательном телепространстве имеют экстралингвистические факторы, например, оформление студии, элементы невербального поведения. Тактика *репрезентации домашнего пространства* (оформление студии, имитирующей домашнюю обстановку (обстановку жилой комнаты) призвана формировать образ, связанный с позитивными переживаниями, ассоциироваться с домашними посиделками друзей в приятной атмосфере. Заметим, если в телепередачах 2013–2016 гг. превалировала эстетико-стилистическая парадигма в оформлении студии, то в последующие годы эстетизация пространства стала уступать идее домашности, дружеской атмосферы общения.

Лексикон языка тела также помогает передавать эмоции, транслировать дружеское расположение автора. Жестовые последовательности образуют жестовые семиотические акты, адресованные аудитории. Они могут быть спокойными и экспрессивными, «стилистически» окрашенными (например, жест, имитирующий объятие партнера, озорные жесты, характерные для межличностного общения близких людей). «Улыбка принятая» (affiliative smile) призвана демонстрировать расположение к адресату (Rychlowska et al., 2017, p. 1261).

Межличностная модель взаимодействия в развлекательном теледискурсе

Специфика жанров ток-шоу (женское, молодежное) заключается в актуализации разговорных жанров (*болтовня, разговор, спор*), позволяющих ведущим создать ощущение привычной для адресата среды, приятельской атмосферы, в том числе вводя в диалогическую коммуникацию зрителя в качестве активного коммуниканта. В этом случае реализуется *межличностная* модель взаимодействия участников (ведущий – ведущий, ведущий – зритель) теледискурса.

Межличностное взаимодействие ведущих в ситуации развлекательного ток-шоу максимально приближено к повседневному общению, репрезентирует не столько трансляцию и обмен информацией, сколько беседу, болтовню, которые выполняют стили- и жанрообразующую функцию. Речевая модель зрителя предполагает не только процессы слушания и понимания, но и активизацию ролей отвечающего и иницилирующего тему. Соответственно, в семантико-прагматическом конструировании коммуникативного взаимодействия значимая роль отводится не только ведущему, но и зрителю как говорящему субъекту. Он становится полноправным партнером по коммуникации, ему принадлежит ведущая роль. Диктумным событием, разворачивающим тему и обсуждение в коммуникативном пространстве, становится жизненная, бытовая, биографическая история или оценка. Как отмечает С.Н. Акинфиев, терапевтический эффект ток-шоу заключается в том, что такие передачи «консолидируют различные страты и ячейки общества в единое целое, находя сходство в жизненных позициях, утверждая приемлемые для всех моральные ценности и помогая найти универсальное решение общих проблем» (Акинфиев, 2008, с. 120).

Иллюстрацией является следующий эпизод. Ведущая: *У нас есть звонок. Добрый день. Рассказывайте свою счастливую историю.* Зритель: *Ну да, история закончилась,*

*30 лет я прожила в браке с первым мужем, у нас дочь, сыночка есть. И потом получилось так, в общем, ревновал, ну развелись... Сейчас ведь тоже все хорошо, у меня сейчас сложилась жизнь, мы очень счастливы... Ведущая: Ну вы сейчас счастливы... Честно скажите, страшиновато было решать? Все-таки 30 лет брака... Так у него сложилась семейная жизнь? Зритель: Нет, я в курсе, что нет. Ведущая: И вы довольны. Вот так ему и надо... Давайте спросим у эксперта. Нужно ли сохранять семью в таком случае или заменить... Расскажи нам какие-нибудь такие случаи в практике. Это же всегда очень наглядно для женщины, которая сейчас смотрит и находится в стадии определения... Изначально в этой ситуации что хочет сделать женщина – развестись. Или она вынуждена это делать. Вот для кого сохранить эту семью? («День в большом городе», 21.12.2016). Как видим, в итоге такого взаимодействия моделируется роль зрителя – *Активный участник* коммуникации. Речевое поведение автора организуется стратегией РМ друг, реализуемой тактиками: *апелляции к откровенности* (маркируется конструкциями *скажите честно, по правде, а если честно, вот, честно признаюсь*; лексемы доверия (*поделитесь, разделите с нами*), *кооперативности* (*мы вам рады будем помочь, разберемся с вами, поможем вам*), *оценки*. При этом оценка зачастую получает экспликацию лексическими единицами, характерными для разговорных жанров: *вот так ему и надо, вот, получи, вот такая вот беда*.*

Специфика организации коммуникативного пространства ток-шоу заключается в том, что в роли говорящего (выражающего личное мнение, делящегося личной жизненной историей), обладающего коммуникативной инициативой, попеременно выступают ведущий и зритель. Фактически ориентированная цель призвана формировать доверительные отношения, эмоциональную открытость с аудиторией.

Интерактивная модель взаимодействия автора и адресата в развлекательном теледискурсе

Иной подход к формированию общения типичен для жанра *ток-шоу*, целевой аудиторией которого является молодежь. Автор активно привлекает зрителей к созданию коммуникативного пространства, контента, приглашая участвовать в онлайн обсуждении происходящего на экране. Адресат вовлекается в жанрово-тематическое взаимодействие (участие в конкурсах, розыгрышах; обсуждение темы, заявленной автором передачи). Для молодежного ток-шоу наиболее свойственно регулярное переключение режимов публичного и межличностного общения, активизация жанров: *чат, онлайн-голосование, дискуссионные группы, интерактивный тест, использование сайтов, инстаграм-страниц, общеинформационных жанров* (например, обзоров новостей, тематических подборок из различных изданий) для организации тематического обсуждения, что характерно для интернет-коммуникации. Так, зрители присылают сообщения в чат передачи «Пин код», выражая свое мнение об использовании фотошопа для создания своей страницы в социальных сетях; предлагая советы по уходу за волосами; принимают участие в интерактивном тесте, отвечая на вопрос «*Какого подстиля не существует в VOGUE?*» При этом комментарии зрителей, воспроизводимые на экране телевизора, призваны создавать эффект присутствия в одном пространстве с ведущими и гостями: *Я вижу, что вы уже начали писать нам сообщения. Отлично! Мы рассмотрим все ваши вопросы в нашем доме* («Пин код», 13.04.2022). Такая модель конструирования коммуникативного взаимодействия автора и зрителя свидетельствует о сближении двух типов массового дискурса – телевидения и Интернета. Формируемый коммуникативный эффект – вовлечение, в том числе эмоциональное, всех участников общения/дискуссии (группового, личного, массового), ощущение сопричастности к аудиовизуальному действию. Иллюстрацией является следующий эпи-



зод: *Вот я хочу задать вопрос. Какого цвета квадраты А и Б?* (Картинка с изображением квадрата). *Между прочим, этот же вопрос сегодня задали в нашем телеграм-канале, и вот некоторые наши зрители уже отвечают. Например, зритель с именем **Ромашка** отвечает, что А-квадрат черный, Б – белый. Так, посмотрим, может кто-нибудь еще что-нибудь ответил* (листает чат, отображаемый на большом экране). *Есть... Пока ты ищешь ответы, я скажу, что на самом деле это тоже вот иллюзия оптическая («Пин код», 19.04.22).* Чат, демонстрируемый на экране телевизора крупным планом, представление сетевого пространства коммуникации через конкретизирование ником свидетельствуют о сближении дискурсивных границ телевидения и Интернета.

Социальный аспект взаимодействия коммуникантов в развлекательном теледискурсе проявляется в выражении адресатом в публичном пространстве своей позиции, опыта, собственных жизненных историй и советов (представлены жанрами *чат, видеоистория*, размещаемая в телеграм-канале передачи). Взаимодействие в процессе обсуждения темы, проблем призвано транслировать различные точки зрения. Однако в телепространстве создается иллюзия взаимодействия автора и аудитории. Ведь ответная реакция автора рандомна, т. е. ведущий, просматривая реплики зрителей в чате, выбирает лишь некоторые из них для ответа. Высказывания коммуникантов в данной модели не демонстрируют диалогической направленности. Дискурсивный механизм вовлечения зрителя в интерактивное взаимодействие основан на принципе игры (зачитываются самые яркие и интересные реплики – зритель не знает будет ли озвучено его мнение), самовыражения, утверждения собственного «Я»; желании публичности, стать активным участником коммуникации, частью конструируемого ведущим сообщества. Это активно поддерживается тактиками стратегии РМ друг: *кооперативности, объединения в единое межличностное пространство*. Их вербальными маркерами являются: кооперативная, эмоционально-оценочная лексика: *наш уютный, наш веселый/классный (телеграм-канал, передача, проект, студия): **Друзья, мы с вами работаем в прямом эфире, поэтому у вас есть возможность к нам присоединиться прямо сейчас. Наводите камеру на ваш экран телевизора и попадете в наш уютный телеграм-канал. Прямо сейчас там вас уже ждет новый чат, опрос («Пин код», 08.02.2022).*** Исповедальная тональность, характерная для жизненных нарративов зрителей, нацелена на трансляцию лично значимых смыслов. С целью привнесения игрового начала в организацию коммуникативного пространства видеоистории используются как элемент доказательства или опровержения мнения экспертов. Эксперт: *После первой процедуры (лазерной эпиляции) уже виден такой результат, который люди не ожидают...* Ведущий: *И одна из наших постоянных зрительниц тоже решила на процедуру... Я предлагаю посмотреть прямо сейчас, получилось ли у нее. Проверим ваши слова. Смотрим!* Зрительница: *Мне, как и всем девушкам, хотелось быть красивой и летом ходить в топиках на бретельках. Но что же этому могло воспрепятствовать? Волоски на теле. Все доходило до того, что я просто не могла выполнять упражнения на физкультуре... И первое, что я подумала: а что, так можно было – взять и просто избавиться от них?* (Интонация, мимика выражают сильное удивление). («Пин код», 28.04.2022). Коммуникативное поведение зрителя конструируется тактиками *личного примера, описания трудностей, репрезентации эмоционального фона*.

Заключение

Подводя итог, отметим, что взаимодействие автора и адресата в развлекательном теледискурсе реализуется в рамках нескольких моделей, имеющих характеристики межличностной и сетевой коммуникации, личностного, эмоционально настраивающего характера взаимодействия, что способствует формированию диалогического общения. Эти модели актуализируются в коммуникативном пространстве развлекательного телевидения, поскольку они наиболее соответствуют запросам коммуникации.

Репертуар тактик (доверительного общения, радушия, позитивной настройки, акцентирования эмоциональной близости, кооперативности, признания своей некомпетентности, моделирования позитивного образа адресата и т.д.), создающий рисунок стратегий, конструирующих выделенные модели, ориентирован не только на развлечение, но также на сокращение коммуникативной дистанции, формирование позитивного эмоционального фона, особой зоны впечатлений. Лексическими маяками эмоционально-настраивающего плана развлекательного теледискурса являются: эмоционально-оценочная лексика, акцентирующая или приписывающая определенные качества адресату; лексика семантики дружбы, заботы.

Диктумное событие, разворачивающее тему и обсуждение, закладывает основу для межличностной модели взаимодействия, которая моделирует активную роль зрителя. Социальный аспект взаимодействия коммуникантов в развлекательном теледискурсе проявляется в выражении адресатом в публичном пространстве своей позиции, опыта, собственных жизненных историй и советов.

Новизна представленного исследования заключается в том, что впервые выделены модели интересубъектного взаимодействия, их функции и тактико-стратегический репертуар в развлекательном телепространстве.

Список литературы

- Акинфиев С.Н. 2008. Развлекательное телевидение: классификация, определение, жанры. *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*, 6: 110–124.
- Арутюнова Н.Д. 1981. Фактор адресата. *Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка*, 40(4): 356–367.
- Бахтин М.М. 1996. Проблема речевых жанров. В кн.: Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 5: Работы 1940–1960. г. М., Русские словари: 159–206.
- Ермоленкина Л.И. 2008. Модели взаимодействия автора и адресата в дискурсивном пространстве. *Вестник Томского государственного университета. Филология*, 3(4): 18–26.
- Каминская Т.Л. 2008. Структура категории «Образ адресата массовой коммуникации». *Вестник Челябинского государственного университета, 12. Вып. 20. Филология. Искусствоведение*: 47–55.
- Кобозева И.М. 2003. Лингво-прагматический аспект анализа языка СМИ. В кн.: Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Под ред. М.Н. Володиной. М., Изд-во МГУ, 2003. URL: <http://evartist.narod.ru/text12/08.htm> (дата обращения: 12.03.2022)
- Кузнецов В.Г. 2011. Влияние СМИ на традиционное понимание социализации. В кн.: Под ред. М.Н. Володиной. Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке. М., Академический проект: 19–30.
- Лотман Ю.М. 1998. Структура художественного текста. В кн.: Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб., «Искусство – СПб»: 14–285.
- Муравьева Н.В. 2002. Язык конфликта. М., Изд-во МЭИ, 264 с.
- Полонский А.В. 2014. Массмедийность как категория дискурса и текста. В кн.: Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования. Сборник статей I Международной научно-практической конференции, 01–04 апреля 2014, Белгород. Под ред. Е.А. Кожемякина, А.В. Полонского, А.Г. Ходеева. Белгород, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Белгородский государственный национальный исследовательский университет": 110–122.
- Солганик Г.Я. 2005. К определению понятий «текст» и «медiateкст». *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*, 2: 7–16.
- Шпильман М.В. 2006. Коммуникативная стратегия «речевая маска» (на материале произведений А. и Б. Стругацких). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 24 с.



- Щелкунова Е.С. 2004. Публицистический текст в системе массовой коммуникации. Воронеж, ВГУ, 194 с.
- Гладко М.А. 2022. Роли-маски в коммуникативном пространстве телевидения. *Беларуская думка*, 2: 94–101.
- Rychlowska M., Jack R.E., Garrod O.G.B., Schyns P.G., Martin J.D., & Niedenthal P.M. 2017. Functional Smiles: Tools for Love, Sympathy, and War. *Psychological Science*, 28(9): 1259–1270. DOI: 10.1177/0956797617706082

References

- Akinfiev S.N. 2008. Entertainment television: definition, classification, genres. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*, 6: 110–124 (in Russian).
- Arutjunova N.D. 1981. Faktor adresata. *Izvestija Akademii nauk SSSR* [The addressee factor. Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR]. Seriya literatury i jazyka, 40 (4): 356–367.
- Bahtin M.M. 1996. Problema rechevyh zhanrov [The problem of speech genres]. In: Bahtin M.M. *Sobr. soch.* [Sobr. op.]. V.5: Raboty 1940-1960. gg. [Russian dictionaries) M., Publ. Russkie slovari: 159–206.
- Bakhtin M.M. Collected works [Sobranie sochinenii]. Raboty 1940–1960 gg.. Available at: http://www.philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm#5 (accessed: May 7, 2022).
- Ermolenkina L.I. 2008. Models of the author and addressee interaction in the discourse space of informative-entertaining radio. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija*, 3(4): 18–26.
- Kaminskaja T.L. 2008. Struktura kategorii «Obraz adresata massovoj kommunikacii» [The structure of the category "The image of the addressee of mass communication"]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 12. Vyp. 20. *Filologija. Iskustvovedenie*: 47–55.
- Kobozeva I.M. 2003. Lingvo-pragmaticeskij aspekt analiza jazyka SMI [Linguo-Pragmatic Aspect of Mass Media Language Analysis]. In: *Jazyk SMI kak ob#ekt mezhdisciplinarnogo issledovanija* [Media Language as an Object of Interdisciplinary Research]. Ed. M.N. Volodina. M., Publ. Izd-vo MGU. Available at: <http://evartist.narod.ru/text12/08.htm> (accessed: 12.03.2022)
- Kuznecov V.G. 2011. Vlijanie SMI na tradicionnoe ponimanie socializacii [The influence of the media on the traditional understanding of socialization]. In: *Jazyk i diskurs sredstv massovoj informacii v XXI veke* [Language and discourse of mass media in the 21st century]. Ed. M.N. Volodina. M., Publ. Akademicheskij proekt: 19–30.
- Lotman Ju.M. 1998. Struktura hudozhestvennogo teksta [Structure of a literary text]. In: Lotman Ju.M. *Ob iskusstve* [About art]. SPb., Publ. Iskusstvo – SPB: 14–285.
- Murav'eva N.V. 2002. Jazyk konflikta [Crime in Conflict]. M., Publ. Izd-vo MJeI, 264 p.
- Polonskij A.V. 2014. Massmedijnost' kak kategorija diskursa i teksta [Mass media as a category of discourse and text]. In: *Diskurs sovremennyh mass-media v perspektive teorii, social'noj praktiki i obrazovanija* [Discourse of modern mass media in the perspective of theory, social practice and education]. Collection of articles of the I International Scientific and Practical Conference, April 01-04, 2014, Belgorod. Ed. E.A. Kozhemjakin, A.V. Polonsky, A.G. Hodeev. Belgorod, Publ. federal'noe gosudarstvennoe avtonomnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego professional'nogo obrazovanija "Belgorodskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet": 110–122.
- Solganik G.Ja. 2005. How to attribute text and media text. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*, 6: 7–16 (in Russian).
- Shpil'man M.V. 2006. Kommunikativnaja strategija «rehevaja maska» (na materiale proizvedenij A. i B. Strugackih) [Communication strategy "speech mask" (based on the works of A. and B. Strugatsky)]. Abstract. dis. ... cand. philol. Sciences. Novosibirsk, 24 p.
- Shhelkunova E.S. 2004. Publicisticheskij tekst v sisteme massovoj kommunikacii [Journalistic text in the system of mass communication]. Voronezh, Publ. VGU, 194 p.
- Gladko M.A. 2022. Roles and masks in television communicative space. *Belaruskaja dumka*, 2: 94–101.



Rychlowska M., Jack R.E., Garrod O.G.B., Schyns P.G., Martin J.D., & Niedenthal P.M. 2017. Functional Smiles: Tools for Love, Sympathy, and War. *Psychological Science*, 28(9): 1259–1270. DOI: 10.1177/0956797617706082

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 29.05.2022

Received May 29, 2022

Поступила после рецензирования 15.08.2022

Revised August 15, 2022

Принята к публикации 10.09.2022

Accepted September 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Гладко Марина Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры речеведения и теории коммуникации, Минский государственный лингвистический университет, г. Минск, Беларусь

Maryna A. Gladko, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Speechology and Communication Theory, Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus



УДК 81'42

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-3-554-561

Этнокультурные константы в художественных текстах Б.Л. Васильева и В.Н. Крупина

¹ Казютина Е.С., ² Озерова Е.Г., ³ Покручина М.Ю.

¹ Белгородский университет кооперации, экономики и права,
Россия, 308023, г. Белгород, ул. Садовая, 116а

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

³ Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Лицей № 32» г. Белгорода,
Россия, 308002, г. Белгород, ул. Мичурина, 39

E-mail: eukaziutina@yandex.ru; ozerova@bsu.edu.ru; pokru4ina@list.ru

Аннотация. Вопросы этнокультурного своеобразия русского художественного текста раскрывают национально-культурную специфику в преломлении индивидуально-авторского мировосприятия. В настоящее время данная проблема нуждается в теоретическом обосновании и разработке, поскольку включена в паспорт специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России. Поскольку тема исследования национально-культурной специфики русских художественных текстов является малоизученной, целью настоящей работы является анализ этнокультурных факторов, которые репрезентируют национально-культурную специфику вербализации художественного слова в произведениях современных авторов – Б.Л. Васильева и В.Н. Крупина. Благодаря проведенному анализу художественных текстов выявлены этнокультурные факторы порождения художественной прозы и раскрыта национально-культурная специфика текста на примере современных русских писателей.

Ключевые слова: этнокультурные константы, ментальность, ментальный лексикон, художественный текст

Для цитирования: Казютина Е.С., Озерова Е.Г., Покручина М.Ю. 2022. Этнокультурные константы в художественных текстах Б.Л. Васильева и В.Н. Крупина. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 41(3): 554–561. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-3-554-561

Ethnocultural Constants in Literary Texts B.L. Vasiliev and V.N. Krupin

Evgenia S. Kazjutina ¹, Elena G. Ozerova ², Maya Y. Pokruchina ³

¹ Belgorod University of Cooperation, Economics and Law,
116a Sadovaya St, Belgorod 308023, Russia

² Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia

³ Municipal budgetary educational institution "Lyceum No. 32", Belgorod,
39 Michurina St, Belgorod 308002, Russia

E-mail: eukaziutina@yandex.ru; ozerova@bsu.edu.ru; pokru4ina@list.ru

Abstract. The issues of the ethno-cultural originality of the Russian literary text are relevant in modern linguistics, since they reveal the national and cultural specifics in the refraction of the individual author's worldview. At present, this problem needs theoretical substantiation and development, since it is included in the passport of the specialty 5.9.5. Russian language. Languages of the peoples of Russia. Since the topic of studying the national and cultural specifics of Russian literary texts is poorly understood, the purpose of this work is to analyze ethnocultural factors that represent the national and cultural specifics of

the verbalization of the artistic word in the works of modern authors – B.L. Vasiliev and V.N. Krupin. Thanks to the analysis of literary texts, the ethno-cultural factors of the generation of artistic prose are revealed and the national and cultural specificity of the text is revealed on the example of modern Russian writers.

Keywords: ethno-cultural constants, mentality, mental lexicon, artistic text

For citation: Kazyutina E.S., Ozerova E.G., Pokruchina M.Y. 2022. Ethnocultural Constants in Literary Texts B.L. Vasiliev and V.N. Krupin. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41(3): 554–561 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-3-554-561

Введение

Дискурсивное пространство художественных текстов определяется антропоцентрическим фактором, посредством которого отображается субъективное мировидение. Феномен сознания как ментальной реальности человека, специфика репрезентации этнокультурного мира писателя в процессе порождения текста все более часто привлекают исследователей антропоцентрического направления языкознания. Художественные тексты формируют культурный континуум с ценностно-личностными и духовно-нравственными ориентирами в этноязыковой картине мира, центром которого является субъективное восприятие действительности. Текст – это явление и результат двойственной природы языка и мышления, с точки зрения функционирования он понимается как сущность, интерпретируемая в языковом сознании, обладающая потенциалом множественности интерпретации.

Одним из фундаментальных вопросов семиотики является проблема смыслопорождения текста, которая обусловлена принятыми в обществе духовно-нравственными ценностями в конкретный период культуры как социальных традиций нации. Вербализованное индивидуально-авторское мировосприятие, формирующее систему ценностей, традиций и взглядов, выступает национальным кодом, который хранится в языковом сознании человека. Следовательно, национальные коды – это национально-культурные универсалии, посредством которых истинные ценности отображаются в процессе порождения художественного текста. Синергетика текста определяется способностью составляющих его единиц к смыслопорождению. Будучи автономной самоорганизующейся системой, текст выступает носителем и источником интерпретации, поскольку не только вербализует ментальное пространство, но и обусловлен им Н.Ф. Алефиренко [2011, 2021]; В.В. Колесов [2004; 2007]; Е.С. Кубрякова [2004].

Исследуя ментальность как взаимообусловленность языка сознания и культуры, Н.Ф. Алефиренко отмечает, что «ментальность – это совокупность типичных проявлений в категориях родного языка своеобразного (сознательного и бессознательного) восприятия внешнего и внутреннего мира» [Алефиренко, 2010, с. 109]. Исследуя вопросы ментального лексикона, Е.С. Кубрякова приходит к выводу, что «ментальный лексикон – это совокупность знаний, группирующихся "вокруг" слова» [Кубрякова, 2004, с. 381].

Следовательно, ментальность, метаязык и ментальный лексикон – это экспликация национального сознания в языке и тексте, которая отображает национально-культурную специфику при порождении художественного текста и выявляет авторские интенции. Вопросы репрезентации национальной культуры в языке и тексте были исследованы следующими лингвистами: Н.Ф. Алефиренко [2010, 2011, 2021]; В.В. Колесов [2004, 2007]; Е.С. Кубрякова [2004]; изучению национально-культурной специфики семантики слова и текста посвящены работы А. Вежбицкой [Вежбицкая, 1996]; Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова [1990], Ю.М. Лотмана [2010]; Ю.С. Степанова [Степанов, 1997], однако комплексный анализ национально-культурной специфики русских художественных на примере произведений Б.Л. Васильева и В.Н. Крупина проводится впервые.

Цель проведенного исследования – выявление этнокультурных констант, которые демонстрируют национально-культурную специфику вербализации художественного слова в произведениях современных авторов.

Центральным методом исследования этнокультурного континуума художественных текстов является контекстуально-семантический, поскольку актуализация этнокультурного влияния интерпретируется и воспринимается в контексте. Контекстуально-семантический метод позволяет исследовать этнокультурные константы по следующим направлениям: выявление и осмысление этнокультурных факторов художественных текстов, восприятие и интерпретация этнокультурных констант в художественных текстах.

Результаты исследования

Этнокультурная проблематика наследия русской литературы обусловлена духовно-нравственными смыслами, возводимыми авторами до ценностных универсалий. Ключевыми для художественных текстов становятся концепты «Совесь», «Милосердие», «Память», «Долг», «Честь», «Добро», «Единство» – всё, что генерирует содержание понятия нравственности как аспекта культуры нации.

Двойственность лингвокультурологического аспекта, обусловленная синхронизацией языка и культуры, даёт возможность рассмотреть концептуальную взаимообусловленность создания особой среды индивидуально-авторского бытия – ценностно-личностных и когнитивно-ментальных смыслов в культурном наследии человечества.

Ментальные образы, преломляясь сквозь призму авторского мировосприятия, формируют чувственные образы, которые в художественных текстах взаимообусловлены культурой и духовностью.

Этнонациональные коды в исследуемых текстах репрезентируют ментальную память и концептуализируют ценностно-культурные регистры смыслопорождения текста. Дискурсивное пространство художественных текстов генерирует авторские воспоминания в переживаемую читателем действительность и порождает модус восприятия – «способ содержательно-выразительной организации мысли, а, прежде всего, один из ментальных механизмов организации действительности» [Леонтьева, 2009, с 23]. Средства когнитивной и коннотативной репрезентации национальных кодов как метасмыслов авторского сознания декодируются в дискурсивно-смысловое содержание.

Этнокультурные константы представлены когнитивно-культурным кодом нации и отображают 1) национально-культурную специфику и 2) ценностно-смысловые универсалии в художественных текстах.

При этнокультурном восприятии смыслообразующими топиками художественных текстов выступают национально-культурные универсалии. Обратимся к тексту повести «Большая жизнь маленького Ванечки» В.Н. Крупина. Повесть состоит из цикла маленьких рассказов, повествующих о жизни и взрослении ребенка, деревенского мальчика Вани. Автор использует исконно русское имя Иван в диминутивной форме – Ванечка. Употребление уменьшительно-ласкательного суффикса, во-первых, указывает на детский возраст, во-вторых, репрезентирует особое отношение автора к герою. Отметим, что изначально повесть носила название «Иван, крестьянский сын», уходящее корнями в русский национальный фольклор, что подтверждает ментальную основу смыслопорождения данного текста.

Фольклорные мотивы отчетливо звучат в тексте повести: *Змей Горыныч, Баба Яга, сестра Алёнушка, братец Иванушка*. Общеизвестно, что русские народные сказки являются результатом коллективного творчества народа и создают аксиологические представления народа о добре и зле, посредством прецедентного имени происходит актуализация восприятия миропонимания нации. Также в данном контексте содержатся сведения о национальном характере: раскрывается такая черта русского человека, как смелость. Концепт «смелость» является одним из феноменов русского национального сознания, о смелости и широте души русских людей ходят легенды.

Анализ художественных контекстов в дилогии Б.Л. Васильева «Были и небыли» фокусирует глубинную генную память, репрезентируя жанровую специфику фольклорной трансформации плача: обрядового причитания и голосьбы. Отец Никандр, взывающий к душам русского человека о помощи страдающим братьям – болгарам, сравнивается с «*вопьющим в пустыне*». Используемые автором стилистические средства порождают фольклорные мотивы: *жили-были, было и не было*. Семья Олексиных в романе является национальным истоком, родником, в центре которого находится мать, которая рассказывает сказки, мудро изменяя сюжет, течение событий и развязку в зависимости от настроения ребёнка. Автор неоднократно характеризует героиню эпитетами «*простая и ясная*», частотно включая в речь Анны пословицы и поговорки: «*У каждого своя торбочка, и как наденешь ее, так и до смерти не скинешь. Поэтому ошибиться нельзя: надо по плечам брать, по силам мерить*».

Русская трактовка концепта «Душа» отличается от общепринятой, в понимании отечественных мыслителей это человек с духом и телом, его внутренняя суть. Лексема, номинирующая концепт «Душа», обладает высокой частотностью: в художественных текстах Б.Л. Васильева – 588, В.Н. Крупина – 155, что свидетельствует о важности такой ментальной категории в творчестве писателей.

В повести «Живая вода» В.Н. Крупина герой, размышляя о русской душе, произносит следующие слова: 1) «*Давно сказано: душа – мера, а душа у нас без берегов*», 2) «*... Именно у русских болит вначале душа, потом всё остальное*» («Как только, так сразу»). В произведениях писателя душа тесно связана с верой: «*... И всего этого мало для души, душе нужна вера, способность на высшую, отречённую любовь, но вначале нужна семья*» («Как только, так сразу») – как мы видим, в данном контексте утверждаются такие важнейшие духовные ценности, как любовь, семья, вера. Следовательно, духовность определяется как базовая доминанта русского менталитета.

Для русского ментального пространства характерным является концепт «тоска», который довольно частотен в текстах русских писателей, наряду с концептами «грусть» и «горе», являющимися смежными. В паремиях и пословицах репрезентируются отдельные характеристики русской тоски: *тоска не знает сна* – речь идет о невозможности человека спать или что-либо делать, когда он тоскует. *Река не море, тоска не горе* – проводятся границы концептов «тоска» и «горе», последний из которых имеет большую эмоциональную напряженность, проводится параллель *тоска – река*, в то время как *горе* нечто большее – *море*.

Лексема, номинирующая данный концепт, имеет следующую частотность: в произведениях Б.Л. Васильева – 59. В художественных текстах В.Н. Крупина нами было выявлено 27 вариантов употребления: *тоска-кручинушка, тоска-скука, безбрежная тоска, говорить с тоской, истосковаться/тосковать по кому-либо, тоска сердечная, тоскливо и одиноко, «тощица», тоскливый звон*. Данный факт, на наш взгляд, связан с тем, что ведущим ментальным концептом в порождении текстов В.Н. Крупина является «детство», который связан с концептами «радость» и «любовь». Концепт «судьба», являясь ментальным маркером нации, тем не менее не так часто встречается, в большей степени использование данного концепта и лексем, его репрезентирующих, характерно для творчества Древней Руси, в современных текстах он встречается менее частотно, что не является свидетельством его незначительности. В художественной прозе концепт «судьба» репрезентируется чаще всего в понимании судьбы Родины, ее будущего, о котором писатели говорят с волнением: в художественных текстах Б.Л. Васильева – 232, В.Н. Крупина – 34.

В качестве этнокультурной константы в художественных текстах выступает концепт «Вера» (православная вера), а также связанные с ним «молитва» и «покаяние». Так, например, в рассказе «Молитва матери» автор использует прецедентный текст, обращается к народной пословице: «*Материнская молитва со дна моря достанет*», – и воспроизводит ситуацию, подтверждающую данное высказывание. Сила любви и молитвы матери спасает душу сына даже после ее смерти: «*Это же так страшно – умереть без покаяния, без причастия*».

Слово в художественном тексте многомерно, значение его складывается из главного и вторичных смыслов, не только заложенных автором, но прочтенных и так или иначе воспринятых, интерпретированных читателем. В результате возникает ассоциативное поле смыслов читателя, в котором взаимодействуют разные семантические оттенки и коннотации, формируется новое семантическое значение. Ассоциативное мышление автора текста помогает ему создавать новые оригинальные смысловые связи и идеи, актуализирует творческое воображение. Так, например, основой текста В.Н. Крупина «Молитва матери» становится переосмысление народной пословицы «Материнская молитва со дна моря достанет», обычно используемая в переносном смысле, народная мудрость здесь приобретает иную семантику – реалистичную: *«Мать... была очень радостная. Платок на ней был белый, а до этого – темный»*. Цвет платка в данном контексте характеризует не только грусть и радость, но и силу веры, благодаря которой светлые силы побеждают темные, контекстуально-семантический метод позволяет провести смысловые параллели с русскими архетипами «добро» и «зло».

Ассоциации выполняют важные функции в процессе текстовой деятельности, способствуют восприятию читателем художественного мира автора, его языковой и ценностно-смысловой картины мира. Так, в языковой картине мира рассматриваемых авторов ведущими компонентами являются «дом», «семья», «традиция», «родина», «вера», которые выступают в качестве основных маркеров национальной культуры и ментальности.

Этнокультурные константы формируют идиостилевые доминанты и придают художественным текстам национальное звучание, этноязыковую семантику. При сопоставлении тезауруса писателей, мы выяснили, что условно прозаические тексты можно разделить на 4 тематические группы согласно особенностям репрезентации ментальной природы смыслопорождения текстов: это (а) тексты-память; (б) тексты о родине; (в) тексты о современной жизни и (г) тексты духовно-нравственного содержания.

Ментальная природа текстов, в которых память выполняет смыслопорождающую функцию, представлена многочисленными обращениями к национальным обычаям и традициям, подчеркиванием роли семьи в жизни русского человека, важности родства. Так, рассказ В.Н. Крупина «Бумажные цепи» состоит из воспоминаний героя о новогодних праздниках его детства. Образ-символ, используемый автором в названии рассказа, представляет собой смысловую корреляцию: праздник – символ – память. Особое значение приобретают чувства семьи, что подтверждается лексически, герой осознает себя в тесной связи со своей семьей: местоимение «мы» в разных падежных формах в этом небольшом рассказе встречается 38 раз (для сравнения: местоимение «я» – 8 раз), герой постоянно говорит о брате, сестре, маме и папе. Семья – это центр его жизни не только в детстве, но и в зрелом возрасте. Чувство родства автор ассоциирует с цепями, но данный образ имеет положительную коннотацию: герой счастлив, он и не пытается порвать нерушимые семейные связи, для него важны семья и род.

Обращаясь к художественным текстам, можно сделать вывод, что для авторов исследуемых текстов, вопреки реальному времени и пространству, Родина – это не географическое, не экономическое и не политическое, а особое духовное пространство. Автор раскрывает перед читателями огромный мир образов, красок и запахов родной Вятки. Например, в рассказе «В заливных лугах» репрезентируются образы диких яблонь, растущих по берегам озёр, слёз росы на лепестках цветов, похожих на корабли. Автор не использует стандартную колоративную гамму, а изображает ее с помощью художественных образов: озёра, отражая цветущие яблони, похожи на спокойный пожар. А когда лепестки падают в воду, они становятся похожи на белоснежный подвенечный наряд днём, ночью же вспоминается саван. Да и вода в родной Вятке для В.Н. Крупина необычна: *«Вода в вятских родниках и колодцах круглый год пахнет цветами»*, – она представляет собой источник жизни (*«...дает эта вода жизнь всему существу, всему живому»*).

Когнитивно-ментальные образы художественных текстов формируют константные доминанты, которые в силу своей суггестивности становятся символами человечности и

нравственной культуры в языковой картине мира автора. Родина, дом, традиция и семья являются источником формирования культуры и нравственности, репрезентирующими общечеловеческие ценности, потому что не имеют нации и гражданства. Семья олицетворяет ментальную историческую память народа и традиций родины, где нравственность принято считать золотым правилом мира, в этом проявляется единый и общий дух человечества. Так, текст «Век необычайный» Б.Л. Васильева наполнен памятью и благодарностью писателя к своей семье и всему роду. Семья выступает фундаментом культуры, она же является хранительницей системы ценностей.

В художественных текстах Родина предстаёт как особое духовное пространство, но не абстрактное, а наполненное жизнью: голосами, запахами, цветами и звуками. Память трансформирует индивидуально-авторское восприятие в чувственные художественные образы. Следовательно, концепт «память» фокусирует национально-культурную специфику вербального и невербального поведения героев в художественных текстах, обусловленных ментальными факторами и выявляющих ценностно-смысловые векторы авторских интенций.

Заключение

Этнокультурные константы в художественных текстах Б.Л. Васильева и В.Н. Крупина детерминированы ментальными факторами, национально-культурной памятью, благодаря чему формируется система концептуального восприятия культурно-исторических событий, которые отображают модус восприятия текста.

Ценностно-смысловое содержание художественных текстов выявляет многовекторные ракурсы авторских интенций, иллюстрирует национально-культурную специфику, порождая экспрессивность и аксиологичность восприятия художественных текстов.

В исследуемых текстах наложение концептов преобразуется в модели кодограммы, попадающие под влияние ментальных факторов, ведущая роль в которых отводится памяти – ностальгии. Ностальгия – это чувственная память, тоска и сентиментальность по прошлому, характеризующаяся эмоционально-ценностной ориентацией ментальности. Тезаурус авторов вербализован когнитивно-ментальными образами в совокупности с интенциями, которые формирует ностальгия с положительной коннотацией сентиментальности как разновидности памяти.

Художественные тексты отражают национальное сознание как продукт глубинных когнитивных структур. Ментальная природа способствует созданию особого образа мира, восприятие которого демонстрирует ценностно-смысловые доминанты всего произведения.

Итак, проанализировав этнокультурные константы, можно сделать вывод, что этнокультурная специфика художественных текстов Б.Л. Васильева и В.Н. Крупина является смыслообразующей универсалией и обусловлена лексико-семантическим пространством текста, благодаря такому взаимодействию формируется система аксиологических ценностей и выявляется национально-культурная специфика произведения. Таким образом, этнокультурные константы художественных текстов отражают ментально обусловленную картину мира и выступают идентификаторами национального характера и русского мира.

Список источников

- Васильев Б. 2017. Век необычайный. URL: <https://www.litres.ru/boris-vasilev-12544966/vek-neobychnyy/chitat-onlayn/>
- Васильев. Б. 2018. Господа Волонтёры. СПб., Азбука, Азбука-Аттикус, 640 с.
- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. 1996. Краткий словарь когнитивных терминов. Под ред. Е.С. Кубряковой. М., Издательство Московского государственного университета, 245 с.
- Степанов Ю.С. 1997. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., Языки русской культуры, 824 с.



Список литературы

- Алефиренко Н.Ф. 2010. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. Москва, Флинта, 288 с.
- Алефиренко Н.Ф. 2011. Лингвокультурная природа ментальности. Язык. Словесность. *Культура*, 1: 20–39.
- Алефиренко Н.Ф. 2021. Языковые образы как единицы этнокультурного сознания. *Гуманитарные исследования*, 4(80): 10–18. DOI: 10.21672/1818-4936-2021-80-4-010-018
- Вежбицкая А. 1996. Язык. Культура. Познание. Пер. с англ. Под ред. М. А. Кронгауза. М., Русские словари, 416 с. (Wierzbicka A. 1992. *Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. Oxford, Oxford University Press, 487 p.)
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. 1990. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., Русский язык, 246 с.
- Казютина Е.С., Озерова Е.Г. 2020. Национальные коды в художественном тексте Бориса Васильева «Господа Волонтеры». В кн.: Национальные коды в Европейской литературе XIX–XXI вв. Литературный канон в контексте межкультурной коммуникации. Под ред. Т.А. Шарыпиной, И.К. Полуяхтовой, М.К. Меньшиковой. Нижний Новгород, Издательство Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского: 217–224.
- Колесов В.В. 2004. Язык и ментальность. СПб., Петербургское Востоковедение, 237 с.
- Колесов В.В. 2007. Русская ментальность в языке и тексте. СПб., Петербургское Востоковедение, 624 с.
- Кубрякова Е.С. 2004. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., Языки славянской культуры, 556 с.
- Лотман Ю.М. 2010. Непредсказуемые механизмы культуры. Таллинн, TLU Press, 232 с.
- Озерова Е.Г. 2012. Дискурсивное пространство русского лирикопрозаического текста. Дис... докт. филол. наук. Белгород, 403 с.
- Озерова Е.Г., Казютина Е.С., Лютых И.А. 2020. Дискурсивное пространство художественного текста Бориса Васильева. *Гуманитарные исследования*, 2(74): 106–111. DOI: 10.21672/1818-4936-2020-74-2-106-111
- Chafe W. 1996. Beyond Beads on a String and Branches in a Tree. In: *Conceptual Structure, Discourse, and Language*, edited by Adele Goldberg. Stanford, Center for the Study of Language and Information: 49–65.
- Ozerova E.G., Alefirenko N.F., Kosharnaya S.A., Plotnikova L.I., Chumak-Zhun I.I., Pupynina E.V., Dekhnich O.V. 2019. Mental Representations of Lyrical Prose. In: *Proceedings of the 6th International Conference on Applied Linguistics Issues (ALI 2019)*, July 19-20, 2019, Saint Petersburg, Russia. *Research in Applied Linguistics*, 10, Special Issue: 327–335. DOI: 10.22055/ral.2019.14693.

References

- Alefirenko N.F. 2010. *Lingvokul'turologiya: tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka* [Linguoculturology: value-semantic space of language]. Moscow, Publ. Flinta, 288 p.
- Alefirenko N.F. 2011. Linguistic-cultural nature of mentality. *Language. Philology. Culture*, 1: 20–39 (in Russia).
- Alefirenko N.F. 2021. Linguistic images as units of ethno-cultural consciousness. *Gumanitarnye issledovaniya*, 4(80): 10–18. DOI: 10.21672/1818-4936-2021-80-4-010-018
- Vezhbitskaya A. 1996. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Per. from English. Ed. M.A. Krongauz. M., Publ. Russkie slovani, 416 p. (Wierzbicka A. 1992. *Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. Oxford, Oxford University Press, 487 p.)
- Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. 1990. *Yazyk i kul'tura: lingvostranovedenie v prepodava-nii russkogo yazyka kak inostrannogo* [Language and culture: linguistic and regional studies in teaching Russian as a foreign language]. M., Publ. Russkiy yazyk, 246 p.
- Kazyutina E.S., Ozerova E.G. 2020. *Natsional'nye kody v khudozhestvennom tekste Borisa Va-sil'eva «Gospoda Volontery»* [National codes in the artistic text of Boris Vasilyev "Gentlemen Volunteers"]. In: *National codes in European literature of the 19th-21st centuries. Literary canon in the context of intercultural communication*. Eds. T.A. Sharypina, I.K. Poluyakhtova,

- M.K. Men'shchikova. Nizhniy Novgorod, Publ. Izdatel'-stvo Nizhegorodskogo gosuniversiteta im. N.I. Lobachevskogo: 217–224.
- Kolesov V.V. 2004. Yazyk i mental'nost' [Language and mentality]. SPb., Publ. Peterburgskoe Vostokovedenie, 237 p.
- Kolesov V.V. 2007. Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste [Russian mentality in language and text]. SPb., Publ. Peterburgskoe Vostoko-vedenie, 624 p.
- Kubryakova E.S. 2004. Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kogni-tivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira [Language and Knowledge: Towards Language Knowledge: Parts of Speech from a Cognitive Perspective. The role of language in the knowledge of the world]. M., Publ. Yazyki slavyanskoy kul'tury, 556 p.
- Lotman Yu.M. 2010. Nepredskazuemye mekhanizmy kul'tury [Unpredictable Mechanisms of Culture]. Tallinn, Publ. TLU Press, 232 p.
- Ozerova E.G. 2012. Diskursivnoe prostranstvo russkogo lirikoprozaicheskogo teksta [Discursive space of Russian lyrical prose text.]. Dis... doc. philol. Sciences. Belgorod, 403 p.
- Ozerova E.G., Kazyutina E.S., Lyutykh I.A. 2020. Discursive space of Boris Vasiliev's literary text. *Gumanitarnye issledovaniya*, 2(74): 106–111. DOI: 10.21672/1818-4936-2020-74-2-106-111
- Chafe W. 1996. Beyond Beads on a String and Branches in a Tree. In: *Conceptual Structure, Discourse, and Language*, edited by Adele Goldberg. Stanford, Center for the Study of Language and Information: 49–65.
- Ozerova E.G., Alefirenko N.F., Kosharnaya S.A., Plotnikova L.I., Chumak-Zhun I.I., Pupynina E.V., Dekhnich O.V. 2019. Mental Representations of Lyrical Prose. In: *Proceedings of the 6th International Conference on Applied Linguistics Issues (ALI 2019), July 19–20, 2019, Saint Petersburg, Russia. Research in Applied Linguistics, 10, Special Issue: 327–335*. DOI: 10.22055/rals.2019.14693.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 18.04.2022

Поступила после рецензирования 14.08.2022

Принята к публикации 10.09.2022

Received April 18, 2022

Revised August 14, 2022

Accepted September 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Казютина Евгения Сергеевна, преподаватель кафедры русского языка и деловых коммуникаций, Белгородский университет кооперации, экономики и права, г. Белгород, Россия

Озерова Елена Григорьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и русской литературы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Покручина Майя Юрьевна, учитель русского языка и литературы муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Лицей № 32» г. Белгорода, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgenia S. Kazyutina, Lecturer, Department of Russian Language and Business Communications, Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Belgorod, Russia

Elena G. Ozerova, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian Language and Russian Literature, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Maya Y. Pokruchina, teacher of the Russian language and literature of the municipal budgetary educational institution "Lyceum No. 32", Belgorod, Belgorod, Russia



УДК 81

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-3-562-568

Влияние апартеида на англоязычный дискурс в Южной Африке

Ковальцова Е.В., Майданский М.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: kovaltsova.ekaterina@yandex.ru; maydanskiy@bsu.edu.ru

Аннотация. Исследуется африканская культурная идентичность на примере художественной англоязычной литературы авторов из ЮАР, публиковавшихся преимущественно в журнале *Drum* в середине XX века. События, происходившие в течение первой половины XX века в Южно-Африканской Республике, не могли не отразиться на языковом дискурсе жителей страны. Основное внимание уделяется использованию южноафриканскими писателями исторически чуждого для них английского языка для выражения в нем африканской культуры; на материале южноафриканских журналов была исследована степень связи английского и местных языков в сфере употребления модальных глаголов у коренных народов Южной Африки, идиом и языковой интерференции. Показано, что использование южноафриканскими авторами английского языка в произведениях способствовало дальнейшему развитию южноафриканского территориального варианта английского языка в местной литературе. Результаты исследования могут быть использованы в сфере контактной лингвистики, этнолингвистики и социолингвистики.

Ключевые слова: модальность, языковой круг, языковая интерференция, британский английский, южноафриканский территориальный вариант английского языка, языковая идентичность

Для цитирования: Ковальцова Е.В., Майданский М.А. 2022. Влияние апартеида на англоязычный дискурс в Южной Африке. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41(3): 562–568. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-3-562-568

The Impact of Apartheid on English Discourse in South Africa

Ekaterina V. Kovaltsova, Maksim A. Maidansky

Belgorod National Research University
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia
E-mail: kovaltsova.ekaterina@yandex.ru; maydanskiy@bsu.edu.ru

Abstract. This article examines African cultural identity in the example of English-language fiction of writers from South Africa, published primarily in «*Drum*» magazine in the mid-twentieth century. The events that took place during the first half of the XX century in the Republic of South Africa reflected in the linguistic discourse of its inhabitants. The article focuses on the use by South African writers of English, historically alien to them, to express African culture in it. On the material of South African journals the degree of connection between English and local languages in the use of modal verbs in indigenous South Africa, idioms and language interference was also investigated. A theoretical analysis of African fiction in diachrony was conducted in order to identify the features of South African authors' use of English in their works, which contributed to the further development of the South African territorial variant of English in indigenous literature.

Keywords: modality, linguistic circle, linguistic interference, British English, South African Territorial English, linguistic identity

For citation: Kovaltsova E.V., Maidansky M.A. 2022. The Impact of Apartheid on English Discourse in South Africa. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41(3): 562–568 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-3-562-568

Введение

Публикации на африканском языке в Южной Африке, да и во всей Африке к югу от Сахары, имеют долгую историю. Lovedale Press, старейшее издательство в Южной Африке, было основано в 1823 году, когда шотландские миссионеры опубликовали алфавит ко-са [Shepherd, 1940]. Миссионеры отвечали за развитие орфографии и стандартизацию местных языков на всем континенте, а также играли ключевую роль в образовании. В Южной Африке церковное финансирование образования для коренных народов было прервано с развитием отдельной системы образования банту в эпоху апартеида. Ограниченное по масштабам и ресурсам образование банту давало коренным южноафриканцам только навыки, необходимые для работы на родине или для выполнения работ, не требующих квалификации. Именно в этот период публикации на африканском языке получили развитие, хотя их качество было сомнительным.

Новое политическое устройство в Южной Африке открыло множество новых возможностей для писателей и журналистов. В настоящее время около 30 различных издательств выпускают материалы для детей на трех или более официальных языках Южной Африки. Из них шесть являются транснациональными корпорациями или университетскими издательствами. Коммерческую продукцию дополняют различные неправительственные организации, использующие дополнительное финансирование для выпуска книг иногда самостоятельно, а иногда в партнерстве с коммерческими издательствами, для распространения среди проектов или продажи отделам образования.

Несмотря на разочарование общественности по поводу масштабов ожидаемого расширения, успех Vukani, двуязычной (англоязычной и местной африканской) газеты в городах Кейптауна (раз в неделю) и Isolezwe, (ежедневная газета на языке зулу) в Дурбане указывает на большую осведомленность со стороны владельцев газет и рекламодателей, о потенциальном рынке читателей на африканских языках [Heugh, 2007]. В 2009 году министр искусств и культуры ЮАР Палло Джордан, подверг критике издательскую индустрию Южной Африки за отсутствие у нее видения в отношении африканских языков. Издатели отвергли эту критику, указывая на каталог «Письмо на девяти языках», выпущенный в 2007 году Ассоциацией издателей Южной Африки. Вместе с приложениями 2008 и 2009 гг. в нём перечислено более 5000 наименований для детей и молодежи на африканских языках. Хотя эти публикации составляют лишь часть изданий на английском и африкаанс, они играют важную роль в утверждении африканских языков в системе образования Южной Африки. Тем не менее публикации на африканских языках являются важной сферой экономической деятельности, в которой носители африканских языков имеют значительный культурный капитал.

Журнал Drum был основан в 1951 году в Кейптауне журналистом и телеведущим Бобом Крипом, изначально он имел название African Drum. Содержание журнала состояло в основном из народных сказаний и историй племен, что привело к проблемам с финансированием, несмотря на достаточно большое количество читателей (порядка 20 000 человек). В конце того же года журнал возглавил Джим Бейли, и тот был переименован в Drum. Издание полностью преобразилось, его содержание стало отражать яркую городскую культуру коренного населения. Африканские националистические движения использовали журнал в качестве платформы, для освещения борьбы местного населения с апартеидом. Ведущие политические и культурные деятели того времени вошли в состав редакционного совета. Работы в Drum в основном освещали вопросы ущемления гражданских прав жителей Южной Африки, публикации в журнале осуществлялись на английском языке, имеющий статус *lingua franca* для множества этносов страны. В течение нескольких десятилетий XX века писатели из ЮАР повествовали об особенностях африканской культуры и также о борьбе с системой расовой сегрегации, принесенной с Запада. Лингвистической особенностью произведений являлось использование южноафриканско-

го территориального варианта английского языка, отличающегося синтаксически и грамматически от британского английского.

Объекты и методы исследования

Исследование англоязычного дискурса в работах писателей из ЮАР было осуществлено путем анализа фактического материала авторов, публиковавшихся журнале *Drum* (Mphahlele, Kgositsile, Mbeba, Ngubane и пр.), а также работ зарубежных лингвистов: L.J. Rafapa, Bertus Van Rooy, Ronel Wasserman и пр. В ходе исследования были использованы описательный и аналитический методы и такие приёмы, как систематизация и обобщение фактов. Работа с фактическим материалом проведена при помощи сравнительно-сопоставительного анализа и количественного анализа для определения различий и сходств использования британского английского и английского языка США, и также южноафриканского территориального варианта английского языка коренного населения ЮАР.

Результаты и их обсуждение

Зарубежные лингвисты классифицируют варианты английского языка в ЮАР по этническому признаку. Большинство южноафриканцев регулярно взаимодействует с английским языком через средства массовой информации, образование и деловую сферу. Даже если данный процесс ограничивается чтением или просмотром рекламы, нельзя отрицать важность английского языка во всех регионах страны. Носители английского языка как родного (внутренний языковой круг) и как второго (внешний языковой круг) существуют в непосредственной близости. Несмотря на то, что менее 10 процентов населения страны являются носителями английского языка в качестве родного, английский язык повсеместно используется в социальных сферах всех уровней.

Термин «языковой круг» был разработан В.И. Карасиком, он отмечает, что язык – это система, которая описывает круг вокруг нации. Каждый народ имеет свой менталитет и свое представление о предметах и явлениях. Для вхождения в другой языковой круг, необходимо выйти за пределы предыдущего круга [Карасик, 2004, с.12]. Согласно концепции В.И. Карасика, в каждом человеке сочетаются два начала: первое – этнокультурное и социокультурное, а второе – индивидуальные особенности, тесно переплетающиеся между собой. Исследователь также считает, что понятие языкового круга имеет определенные планы коммуникативной личности, такие как ценностный, поведенческий и когнитивный [Карасик, 2004, с.22].

Исследование особенностей южноафриканского территориального варианта английского языка коренного населения на примере работ журнала *Drum* стоит начать с анализа категорий модальности. Майхилл [Myhill, 1995] отмечает, что процесс демократизации на Западе в XX веке стал причиной уменьшения степени иерархичности в обществе и становления большего равноправия, что также отразилось в языковой среде, а именно на семантической составляющей модальных глаголов. В британском английском и английском языке США модальный глагол *must*, в частности, стал отражать обязательства, связанные с рабочими обязанностями или абстрактными принципами, в то время как *have to* выражает обязательства, относящиеся к повседневной жизни. Помимо этого, произошел сдвиг от *should* и *may* к значению глагола *can* [Myhill, 1995]. Произошли радикальные изменения в мировоззрении, социальное взаимодействие стало основываться на демократических свободах.

Тем не менее южноафриканский территориальный вариант английского языка коренного населения Южной Африки в середине XX века практически не изменился. К примеру, глагол *must* в основном использовался для выражения долженствования, *should* – для выражения обязательств, советов и рекомендаций, вне зависимости от сферы

применения. Изменений в британском английском и английском языке США почти не происходило.

Например:

Vigilantes have been formed by citizens themselves to patrol the streets and protect the householders. Children are being stopped from wandering after dark. African detectives are being used, who understand the criminals they hunt. But every African on the Reef knows how much more **must be done** before this dreadful wave of crime is stopped [Myhill, 1995, с. 201-202] – *Дружины были сформированы самими гражданами для патрулирования улиц и защиты домовладельцев. Детей не отпускали гулять в темное время суток. Привлекли африканских детективов, которые понимали, как мыслят преступники, за которыми они охотятся. Каждый африканец в Рифе знает, как много еще **нужно сделать**, чтобы остановить эту страшную волну преступности.*

Как показывает пример, модальный глагол *must* использовался в южноафриканском территориальном варианте английского языка, а в британском английском и английском языке США с большей вероятностью использовался модальный глагол *have to*.

Бертус ван Рой и Роннел Вассерман [Van Rooy, Wasserman, 2014] также отмечают, что наиболее ярким отличием в употреблении глаголов модальности является то, что в южноафриканском территориальном варианте английского языка частота употребления модального глагола *must* превышает по сравнению с британским английским и английским языком США [Van Rooy, Wasserman, 2014, с. 55].

One of the players, feeling displeased with the referee, pounced upon him. Whatever the referee might have done displeasing to this man his action cannot be justified. Referees should not be assaulted. If a team member has a complaint he **should notify** his captain who, in turn, should inform the president and manager and try to take the matter to the Association». (Journalism 1951, “sport editor,” Drum, May 1951) – *Один из игроков, почувствовав недовольство судьи, набросился на него. Как бы решение судьи не было неприятно этому человеку, его действия не могут быть оправданы. Судьи не должны подвергаться нападению. Если член команды хочет пожаловаться на судью, он **должен сообщить** об этом своему капитану, который, в свою очередь, должен проинформировать президента и менеджера и попытаться вынести вопрос на рассмотрение Ассоциации.*

В данном примере можно отметить употребление глагола *should* в значении рекомендации, где учитывался социальный характер взаимодействия. В конце XX – начале XXI века значения долженствования в сфере употребления модальных глаголов в южноафриканском территориальном варианте английского языка коренного населения стало аналогичным с британским английским и английским языком США.

В использовании английского языка можно наблюдать ряд грамматических изменений с тех пор, как он появился на территории Южной Африки два столетия назад. Эти изменения были изучены. Фонологическим вопросам с годами уделялось больше внимания, а словарь африкандеризмов Чарльза Петмана (1913) представляет собой первую систематическую документацию уникальной южноафриканской лексики. Некоторые изменения можно отнести к внешним факторам, таким как языковой контакт, в то время как другие представляют собой внутренние изменения. Среди носителей территориального варианта английского языка продолжающиеся изменения привели к исчезновению инверсии подлежащего и глагола из южноафриканской художественной литературы 19 века, где подлежащее является местоимением, и к почти полному исчезновению использования модального *shall* вне контекста юридической документации. Эти изменения нельзя отнести к языковому контакту с африкаанс, поскольку африкаанс имеет инверсию подлежащего и глагола:

Hadn't we better change the name, Bain, said I when he had gone, and call this Orthhis Kloof?



Moes ons nie liewer die naam verander nie, Bain, sê ek toe hy weg is, en hierdie plek Ort-hiskloof noem nie?

Африкаанс продолжает использовать родственный модальный глагол *sal* в контекстах, где английский использует *will* в том месте, где исторически использовался *shall*:

Obviously, we will still retain our peak holiday visitors...

Uiteraard sal ons steeds ons hoogseisoenbesoekers behou...

Эти изменения южноафриканского территориального варианта английского языка хорошо известны во всем мире и просто представляют собой продолжающиеся изменения, которые были начаты до появления английского языка в Южной Африке и продолжаются сейчас.

Другие изменения в грамматике южноафриканского территориального варианта английского языка можно отнести к языковому контакту – это влияние африкаанса в неформальном использовании, например, ассоциативного множественного числа и/или редупликации наречий:

I also wonder of their father and them see their twin status as being more «sellable» performance wise.

4 local entertainment stories to check out quick-quick.

Местри выделяет использование безударного *do* в южноафриканском территориальном варианте английского языка (преимущественно в Кейптауне): *Who did throw that?*

Другой составляющей, отражавшей языковой дискурс того времени в ЮАР, были идиомы и имена собственные. Авторы журнала *Drum* в своих коротких рассказах, помимо борьбы с апартеидом, также описывали африканскую повседневную жизнь и культуру. В рассказе *Rhodesia Road* (1951) Альфреда Мбебы [Mbeba, 1989], который был опубликован в журнале *Drum* в 1989 году, автор намеренно изменяет порядок слов британского английского языка, показывая читателю, что родным языком для героев является южноафриканский территориальный вариант английского языка. Так используются нестандартные фразы вроде *Do you so say!* и *All these things avoid* [Rafapa, 2008, с. 257].

Далее Мбеба [Mbeba, 1989] выражает отчаяние главных героев при помощи таких идиоматических выражений как *As one grows, one comes to see things* (*Мудрость приходит с возрастом*) и *Can lightning strike the tree twice?* (*Может ли молния попасть в одно дерево дважды*). В данном произведении также можно встретить выражение местного дискурса с помощью пословиц *It was 'I must see more yet' that killed the bushbuck* и *My mouth is bone dry* [Rafapa, 2008, с. 259]; таким образом южноафриканский территориальный вариант английского языка коренных южноафриканцев приобретает собственную аутентичность.

Во время отдыха от работы главные герои активно используют звукоподражательную лексику: рев моторов – “pe-e-e-e”, звонок велосипеда – “twee twee-e-e” и удары барабанов “gudu-gudu”. Подобное звукоподражание неодушевленных предметов подчеркивает особенности африканского образа жизни.

Дайк Сентсо [Sentso, 1989] в рассказе *Under the Blue-gum Trees* (1954), вышедшем в *Drum* в 1954 году, затрагивает социальные темы, в том числе апартеид середины века. Данное произведение примечательно еще одним стилистическим приемом для выражения культурных и языковых особенностей общества, а именно ведение диалогов героев на африканских языках совместно с повествованием на южноафриканском территориальном варианте английского языка. Подобная языковая интерференция, но уже на уровне вкрапления лексики встречается у Джордана Нгубане [Ngubane, 1989] в рассказе *Man of Africa* (1956), посвященном войне коренного этноса зулусов и африканерами. Здесь присутствует обращение к женщине *What do you want me to do, Makoti*, аналог английского *daughter-in-law* (*невестка*), слово, взятое из языка зулу.

Заклучение

Исследование художественной литературы ЮАР на примере журнала *Drum* середины XX века раскрывает национальную языковую идентичность местных этносов. Процесс создания собственного языкового варианта английского языка также выражает неприятие чуждой идентичности и мировоззрения, особенно обострившееся во времена апартеида. Несмотря на то, что такие писатели, как Альфред Мбеба, Джордан Нгубане и Дайк Сентсо [Mbeba, 1989; Ngubane, 1989; Sentso, 1989] используют английский язык в качестве средства выражения национальных переживаний, их положение вынудило сыграть свою роль в формировании южноафриканского территориального варианта английского языка для сохранения африканских реалий и культуры. По мере принятия новых дискриминационных законов правительство ЮАР вызывало всё большее недовольство со стороны местного населения и прочих государств. Несмотря на то, что в других африканских странах происходили процессы деколонизации и утверждения прав национальных меньшинств, ЮАР двигалась в обратном направлении, что привело к изоляции на международной арене. Подобная дискриминация повлекла за собой изменения в англоязычном дискурсе на территории Южной Африки и в результате способствовала более активному развитию южноафриканского территориального варианта английского языка.

Результаты исследования могут быть использованы в сфере контактной лингвистики, этнолингвистики и социолингвистики

Список литературы / References

- Карасик В.И. 2004. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., ГНОЗИС, 389 с.
Karasik V.I. 2004. Jazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. М., Publ. GNOZIS, 389 p.
- Barnett U.A. 1983. A vision of order: A study of Black South African literature in English (1914–1980). Cape Town, Maskew Miller Longman, 336 p.
- Chapman M. 1989. More Than Telling a Story. *Drum* and its Significance in Black South African University Writing. In: The "Drum" Decade: Stories from the 1950s. Ed. M. Chapman. Pietermaritzburg, University of Kwazulu Natal Press: 183–238.
- De Kadt E. 2001. What's in a name? Labelling English in South Africa. Paper presented at the 8th International Association for World Englishes Conference, University of Potchefstroom, Republic of South Africa, 29 November – 1 December.
- Heugh K. 2007. Language and literacy issues in South Africa. In: Rassool N. Global issues in language, education and development: perspectives from postcolonial countries. (Linguistic diversity and language rights: 4). Clevedon: Multilingual Matters: 187–286.
- Mbeba A. Rhodesia Road 1989. In: The "Drum" Decade: Stories from the 1950s. Ed. M. Chapman. Pietermaritzburg, University of Kwazulu Natal Press: 1–9.
- Myhill J. 1995. Change and continuity in the function of American English modals. *Linguistics*, 33: 157–211. DOI: 10.1515/ling.1995.33.2.157
- Ngubane J. Man of Africa. 1989. In: The "Drum" Decade: Stories from the 1950s. Ed. M. Chapman. Pietermaritzburg, University of Kwazulu Natal Press: 126–131.
- Rafapa L.J. 2008. South African *Drum* Writers of Fiction: The English Language and African Identity. In: English Language and Literature: Cross Cultural Currents. Eds. M.M. Bagwasi, M. Alimi, P. Ebewo. Newcastle upon Tyne, Cambridge Scholars Publishing: 254–262.
- Sentso D.H. Under the Blue-gum Trees 1989. In: The "Drum" Decade: Stories from the 1950s. Ed. M. Chapman. Pietermaritzburg, University of Kwazulu Natal Press: 45–59.
- Shava P.V. 1989. A people's voice: Black South African writing in the twentieth century. London, Published by Zed Books, 179 p.
- Shepherd R. 1940. Lovedale, South Africa: the story of a century, 1841–1941. Lovedale, C.P., South Africa, Lovedale Press, 531 p.



Van Rooy B., Terblanche L. 2010. Complexity in word-formation processes in New Varieties of South African English. *Southern African Linguistics and Applied Language Studies*, 28(4): 357–374. DOI: 10.2989/16073614.2010.548022

Van Rooy B., Wasserman R. 2014. Do the Modals of Black and White South African English Converge? *Journal of English Linguistics*, 42(1): 51–67. DOI: 10.1177/0075424213511463

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 18.06.2022

Received June 6, 2022

Поступила после рецензирования 04.08.2022

Revised August 04, 2022

Принята к публикации 10.09.2022

Accepted September 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ковальцова Екатерина Владимировна, аспирант кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Ekaterina V. Kovaltsova, PhD student, Department of Romano-Germanic Philology and Intercultural Communication, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Майданский Максим Андреевич, аспирант кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Maxim A. Maydansky, PhD student, Department of Romano-Germanic Philology and Intercultural Communication, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 811.111

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-3-569-577

Метафорические модели концептуальной диады «свой – чужой» в разных типах дискурса (на материале английского языка)

Коренецкая И.Н.

Псковский государственный университет,
Россия, 180000, г. Псков, пл. Ленина, 2
E-mail: irinallo@mail.ru

Аннотация. Концептуальная диада «свой – чужой» представляет собой многомерное ментальное образование, транслирующее функции языка и коммуникации в целом, отражающее процесс познания себя через иное, чужое. Целью исследования является определение способов репрезентации и категоризации данной оппозиции в различных типах англоязычного дискурса. Контекстуальный и сравнительный анализ дискурса позволили установить, что категоризация окружающих объектов как «своих» или «чужих» представлена в метафорической и нарративной формах. Эмоциональность и оценочность – неотъемлемая черта языкового выражения диады «свой – чужой». Особенный интерес представляет метафорическая вербализация оппозиции «свой – чужой» в институциональных типах дискурса по причине их коммуникативного охвата и суггестивного потенциала. Институциональный дискурс содержит метафоры, которые отражают подвижность границы между «чужим» и «своим», возможность перехода «чужого» в разряд «своего». Метафоры показывают некую градацию чужого: «свой чужой», «незнакомый чужой» и «враждебный чужой».

Ключевые слова: метафора, концептуальная метафора, метафорическая модель, концептуализация, концепт, лингвокультура, институциональный дискурс, бинарная оппозиция

Для цитирования: Коренецкая И.Н. 2022. Метафорические модели концептуальной диады «свой – чужой» в разных типах дискурса (на материале английского языка). Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41(3): 569–577. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-3-569-577

Metaphorical Models of the Conceptual Opposition “Us – They” in Different Types of Discourse (By the Material of the English Language)

Irina N. Korenetskaya

Pskov State University,
2 Lenin Sq., Pskov 180000, Russia
E-mail: irinallo@mail.ru

Abstract. The conceptual dyad “us – they” is a multidimensional mental formation that translates the functions of language and communication in general, reflecting the process of knowing oneself through someone else. The aim of the study is to determine the ways of representation and categorization of this opposition in various types of English-language discourse. Contextual and comparative analysis of the discourse allowed us to conclude that the categorization of the surrounding objects as “ours” or “theirs” is presented in metaphorical and narrative forms. Emotionality and evaluativeness are an integral feature of the linguistic expression of the dyads “us – they/ friend – foe”. The metaphorical verbalization of the oppositions “us – they/ friend – foe” in the institutional types of discourse due to their communicative scope and suggestive potential is particularly relevant. Many metaphorical projections of the awareness of “us – they/ friend – foe” are associated with the hyperconcept “home”. The state, social group, stratum,



the totality of citizens are associated with the concept of home. In institutional discourses, there are a lot of terms, formed by means of metaphorical transfers on the basis of the model “inside the house – outside the house”. Metaphorization of the concept of “us” occurs on the basis of images of relatives and friends, as well as on the basis of symbolic color designations. Institutional discourse contains metaphors that reflect the mobility of the border between “foreign” and “own”, the possibility of the transition of alien into the category of ours. “Alien” does not always mean “enemy”; metaphors show a certain gradation of the alien: “known alien”– “unfamiliar alien”–“hostile alien”.

Keywords: metaphor, conceptual metaphor, metaphorical model, conceptualization, concept, linguoculture, institutional discourse, binary opposition

For citation: Korenetskaya I.N. 2022. Metaphorical Models of the Conceptual Opposition “Us – They” in Different Types of Discourse (By the Material of the English Language). Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41(3): 569–577 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-3-569-577

Введение

Оппозиция «свой – чужой» выражает универсальные архетипические смыслы, присущие любому человеческому обществу. Тем не менее ее онтологические характеристики являются культурно-специфичными и обладают особыми признаками [Кислякова, Соломина, 2011]. Культурологический подход в анализе данной оппозиции будет иметь особую роль, так как он позволяет изучать соотношение когнитивных и языковых структур в контексте определенной культуры [Болдырев, 2018].

Концептуальная диада «свой – чужой» обладает ярко выраженным социальным характером; по мнению Ю.С. Степанова, эта оппозиция «в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [Степанов, 2004, с. 126].

Концептуальная оппозиция «свой – чужой» представляет собой сложное, многомерное ментальное образование [Альперович, Куковская, 2016]. Данная оппозиция транслирует функции языка и коммуникации в целом, базирующейся на познании самого себя через иное, чужое. Исходя из постулата о посреднической функции языка в процессах концептуализации действительности, крайне актуальным представляется вопрос о том, с помощью каких языковых средств и в диапазоне каких языковых категорий язык отражает такую бинарность мировосприятия [Кислякова, Соломина, 2011].

Концептуальная диада «свой – чужой» – макрокоррелят действительности, который трансформируется в другие биполярные категории [Питолин, 2014]. Она может сужаться до осмысления географического пространства, социальной прослойки или до партийной принадлежности, либо расширяться до понятий «познанное – непознанное (непонятное)».

Социальные процессы довольно динамичны, поэтому состав и смысл структур, выражающих антиномию «свой – чужой», также подвижен. Категоризация окружающих объектов как «своих» или «чужих» представлена в метафорической и нарративной формах [Альперович, 2017, с. 52]. Вряд ли язык продемонстрирует нам четкую дуалистичность: данная оппозиция, как можно предположить, весьма вариативна и может проявляться на разных уровнях [Соломина, 2014].

Особенно интересно то, каким образом исследуемая нами оппозиция проявляется во фразовых единствах. Фразеологизмы, будучи феноменами вторичного семиозиса, являются знаками вторичной номинации и возникают, в основном, в точках взаимодействия человека с окружающим миром и зачастую строятся именно на образном мышлении. Образный компонент понятий, основанных на метафорах и разделяющих «свое» и «чужое», позволяет им не только рационально осмысливаться представителями языкового сообщества, но и чувственно переживаться [Питолин, 2014].

Актуальной проблемой современной науки, со свойственным ей доминированием антропоцентрического подхода к изучению человека и его деятельности, считается проблема, которая связана с выражением эмоциональной оценки окружающего мира. Различные способы выражения эмоциональных оценок входят в часть культуры любого народа и помогают отделить «своих» от «чужих» [Mazrui, 1975]. Более того, все это отражается в сознании человека в виде концептов и вербализируется в языке. Эмоциональность и оценочность – неотъемлемая черта языкового выражения диады «свой – чужой»; А.В. Мишин, к примеру, в данной связи указывает, что восприятие «своих» и отторжение «чужих» схоже с тем, как «мясоеды скептически относятся к вегетарианцам» [Мишин, 2018, с. 803].

Целью нашего исследования является анализ основных способов репрезентации и категоризации оппозиции «свой – чужой» в различных типах англоязычного дискурса.

Объект и методы исследования

Возможность проявления исследуемой оппозиции в институциональных типах дискурса обусловлена уже самой целью данных дискурсов (политика – борьба за власть «своих» против власти «чужих», дипломатия – регулирование отношений между «ними» и «нами», юриспруденция – наказание «чужих» и поощрение «своих»).

Особенный интерес представляет метафорическая вербализация оппозиции «свой – чужой» в институциональных типах дискурса по причине их коммуникативного охвата и суггестивного потенциала. Высокой частотностью данная бинарная оппозиция отличается в политическом, дипломатическом, юридическом, медийном дискурсах, а также в смешанных дискурсивных образованиях. Кроме того, каждый дискурс сегодня в той или иной степени является медийным. Будучи универсальной лингвокультурологической категорией, оппозиция «свой – чужой» отчетливо проявляется в медийном дискурсе, так как он представляет собой срез языкового и культурного состояния общества [Полякова, 2012].

Объектом данного исследования являются институциональные типы дискурса: именно они, являя собой сегменты выражения государственной власти и общественного мнения, строятся на том, что считать нормальным, а что – недопустимым, что свойственно «нам», а что – «им». А.М. Нехорошева, к примеру, указывает, что «политические объединения нередко представляются... с точки зрения нахождения «внутри – снаружи», что, в свою очередь, восходит к когнитивной паре «свой – чужой» [Нехорошева, 2012, с. 158]. Бинарная оппозиция «свой – чужой» имеет специфику реализации в рамках конкретного дискурса и его подтипов.

Исследуемая оппозиция является культурно-специфической, а культура, принадлежит к двум разным, но взаимообусловленным типам контекста: ситуационному и концептуально-когнитивному контексту, которые мы должны будем учитывать при анализе [Kövecses, 2017, с. 320].

Основным методом нашего исследования выступает описательный метод с применением концептуально-репрезентативного анализа для теоретического осмысления и систематизации данных о способах и принципах концептуализации и репрезентации морфологических категорий и форм, и установления причинно-следственного взаимодействия категорий в процессе функционирования языка [Беседина, 2008, с. 65].

Результаты и дискуссия

Представления о «своем» и «чужом» в языковом сознании можно описать через этимолого-семантический анализ словарных единиц и фразовых единств, через описание синонимических, антонимических, словообразовательных и прочих связей, с помощью которых данный дуальный лингвокультурный концепт «укореняется» в лексической системе английского языка.

Множество метафорических проекций осознания «своего» и «чужого» связано в перечисленных выше типах дискурса с гиперконцептом ДОМ [Чудинов, 2001]. Государство, социальная группа, прослойка, совокупность граждан – все это когнитивная категория человека ассоциативно привязывает к понятию пространства собственного жилища, а те, кто исключен из данного пространства, соответственно, именуется лексемами, содержащими отсылки к чужакам, посторонним, прохожим – тем, кто обитает за пределами освоенного человеком пространства. Подтверждением данного тезиса является лексема *domestic*.

Зафиксированная в английском языке еще в XV в., лексема *domestic* означала первоначально ‘приготовленное или изготовленное дома’, от старофранц. *domestique*, XIV в., и лат. *domesticus* (‘относящийся к домашнему хозяйству’), производное от *domus* ‘дом’ [Online Etymology... 2001-2022]. Позднее лексема в процессе естественной эволюции расширила свой семантический спектр и обрела метафорическое измерение – «домашний», таким образом, стал означать «внутригосударственный, внутригражданский» и т.п.

Организация медиатекста требует особого внимания, так как он находится за рамками вербального уровня традиционных текстов [Гордиенко, 2018]. В медийном политическом дискурсе употребляется термин *domestic audience* – досл. ‘своя, домашняя аудитория’; смысл которого – публика, состоящая из сограждан (к примеру, *preparation of a message for domestic audiences* ‘подготовка обращения политика к согражданам’ [Multitran dictionary]). «Свои» в данном случае – это те, кто находится в границах образного «дома» – государства. Терминологическое сочетание *domestic product*, циркулирующее в макроэкономическом, политическом, медийном дискурсах, – ‘продукция, произведенная «дома»’, т.е. на заводах, расположенных в пределах государственных границ и предназначенная для внутреннего потребления [Multitran dictionary]. Службы по гражданству и иммиграции США (U.S. Citizenship and Immigration Services) употребляют также термин *domestic customer* ‘клиент, являющийся гражданином США’ [Dictionary by Merriam-..., 2022].

В юридическом дискурсе можно найти множество примеров терминологии, сформированной посредством метафорических переносов и отражающей соотношение «своего» и «чужого» в контексте модели «внутри дома – вне дома» (*domestic jurisdiction* ‘национальная юрисдикция’, *domestic law* ‘национальное право’, *domestic patent* ‘внутренний патент’, *to exhaust domestic remedies* ‘исчерпать внутригосударственные средства защиты’ [Dictionary 2022] и многие другие).

Весьма показательны отражают метафоризацию оппозиции «свой – чужой» лексемы *a fence* и *to fence*. Логично, что для того, чтобы очертить воображаемую границу между «своим», понимаемым как пространство жилища, и «чужим», сознание человека продолжает метафорический путь расширения семантики понятия «дом», вводя еще одну метафору – «забор». *A fence* представляется как черта между тем, что считается своим и тем, что не освоено, либо принадлежит другому сообществу.

Понятие *fence* уже с точки зрения этимологии содержит оппозицию – «свой – чужой» (точнее даже – «друг – враг»). Существительное *fence*, зафиксированное в письменных источниках в XIV в., содержит семы ‘фортификация’, ‘выстраивание обороны’, ‘военное ограждение’. К началу XV в. в письменной речи начал употребляться и глагол *to fence* (‘защищаться посредством ограждения или забора’ [Online Etymology... 2001-2022]). Как можно предположить, лексема обладает обширным метафорическим потенциалом и, что, особенно важно, вербализирует ментальный смысл точки перехода из «своего» в «чужое», обозначая локацию, где заканчивается «свое» и начинается «чужое».

Данный тезис можно подтвердить примерами из разных типов дискурса. В частности, в поле экономических текстов и дискурсе юриспруденции (хозяйственное и патентное право) существует понятие *inside-the-fence* ‘на территории предприятия’, ‘своя продукция’, ‘собственное оборудование’ [Multitran dictionary] и т.п.

Политическая коммуникация также содержит отсылки на границу между «своим» и «чужим»: *to fence* – ‘предварительно «обрабатывать» избирателей своего округа перед вы-

борами'. Привлекая буквальное значение глагола, мы видим, что метафора также основана на образе выстраивания забора, формирующего «свою» группу благосклонного к политике или партии электората.

После выборов, как очевидно, политик вынужден стремиться к реализации обещанных электорату мер, иначе, образно говоря, выстроенное ограждение падет. «Укрепление» подобного забора как сохранения «своей» политической ниши выражено в термине *fence-mending* 'забота о согражданах своего избирательного округа' [Multitran dictionary] (медийный политический дискурс). И, наконец, завершая анализ метафоризации понятий «дом» и «забор» как средств отражения оппозиции «свой – чужой», отметим также *Secure Fence Act* 'Закон о безопасности границ', принятый в США в 2006 г. Таким образом, ассоциативная связь между домом и понятием «своего» в англоязычных сообществах очевидна; помимо включения в обиходные образы во фразе типа *My home is my castle*, подобная связь транслируется и посредством прочих лексем и фраз во многих институциональных типах дискурса на английском языке.

Вполне логичным представляется тот факт, что метафоризация «своего» происходит на основе образов родственников и друзей. В политических выступлениях, к примеру, частотны обращения *fellow countrymen*, *fellow citizens*, *compatriots* ('сограждане'). Метафоры, сформированные на основе семейных отношений, есть в сферах морского права и внешней экономики: *sister ship clause* (досл. 'пункт о кораблях-сестрах') – оговорка об ответственности страховщика за убытки от столкновения судов, принадлежащих одному владельцу (Multitran dictionary). «Свой» флот, таким образом, мысленно отделяется от чужого, и ущербом считается только повреждение, нанесенное кораблём не из «семьи».

Такие метафоры были характерны еще в римском праве, отголоски которого существуют в современной юридической практике и на сегодняшний день. К примеру, связь понятий «свой» и «друг» демонстрирует выражение *amicus curiae* (дословно 'друг суда'), обозначающее эксперта либо организацию, добровольно предоставляющих суду компетентное мнение о специфике тех или иных правоотношений [Dictionary by Merriam-..., 2022]. Юридическое выражение *fellow party* обозначает 'процессуальный партнер' [Dictionary by Merriam-..., 2022].

В оппозицию к понятию «свой» может вставить не только понятие «чужой», но и «посторонний» (*stranger* 'лицо, не участвующее в правоотношении', *stranger to the litigation* 'лицо, не участвующее в судебной тяжбе' (Multitran dictionary)). Таким образом, бинарность оппозиции подвергается сомнению – «своему» противопоставляется «чужой» – как истец и ответчик на суде, но есть еще более «чужой» – тот, кто в принципе не задействован в разбирательстве. Можно сделать вывод о своеобразной градуированности понятия «чужого»: «чужой» – «более чужой» – «совершенно/самый чужой».

Отметим также роль символических цветообозначений в выявлении «своего» и «чужого». Помимо классического обиходного *black sheep*, приведем фразу *yellow-dog contract* (досл. 'договор желтой собаки') – 'договор, обязывающий работника не вступать в профсоюз' (Multitran dictionary); можно также сказать, что само слово *black* в одном из массы значений интерпретируется как 'бойкотируемый обществом', 'изгой' [Merriam-Webster Dictionary], т.е. «принудительно чужой». Утрата статуса «своего» приравнивается к смерти в некоторых метафорических терминах: *civilly dead* (досл. 'мертв как гражданин') – 'лишенный гражданских прав' (Multitran dictionary).

Рассмотрим, каким образом язык воплощает в себе образные представления о «чужом». Спектр лексем, которые реализуют понятия, связанные с инаковостью, чужеродностью в английском языке колоссален – *barbarian*, *alien*, *interloper*, *foe*, *enemy*, *stranger*, *contrarian* и многие другие.

Интересно, что институциональный английский язык содержит метафоры, которые отражают подвижность границы между «чужим» и «своим», возможность перехода «чужого» в разряд «своего». Приведем в качестве примера выражение *strange bed fellows*

(‘удивительный союз’ (Multitran dictionary)), употребляемое в политической сфере в ситуациях, когда нужно обозначить «неожиданные» государственные или этнические альянсы, объединения социальных групп с целью противостояния общей угрозе. Таким образом «чужое» способно становится, пусть и временно «своим» при наличии еще более «чужого».

Степени чужеродности отражены во фразе официального документооборота *permanent alien resident*, обозначающей статус постоянно проживающего в стране иностранца, приближенный к статусу гражданина (например, в странах Прибалтийского региона (Multitran dictionary)). Подобный чужак, безусловно, будет в большей степени «своим», чем иммигрант или турист, максимально «чужой». Еще одна фраза, употребляемая в дипломатических кругах – *alien friend* (‘иностранец-подданный дружественного государства’ (Multitran dictionary)), вербализует сложную и, на первый взгляд, противоречивую концепцию «своего чужого» (для сравнения: *alien enemy* ‘подданный враждебного государства, проживающий в данной стране’ (Multitran dictionary)). Англоязычный дискурс дипломатического протокола содержит терминологическое выражение *distinguished strangers’ gallery* (‘места для почётных гостей’ [Dictionary by Merriam-..., 2022]). Следовательно, «чужой» не всегда отождествляется с врагом.

Более того, демократическая коммуникационная риторика приводит к возникновению таких понятий, как *aliens and nationals’ equality* – ‘устанавливаемое на основе межгосударственного договора правовое положение, согласно которому на иностранных юридических и физических лиц распространяются все права и преимущества, которыми пользуются граждане страны’ (Multitran dictionary).

Обратный переход из «своего» в «чужое» также возможен. Это отражает многозначный английский термин *alienation* ‘отрыв от общества и людей’; ‘операция, ведущая к изменению владельца ценной бумаги’; ‘отчуждение недвижимости’; ‘отчуждение как социально-экономическое явление’ (Multitran dictionary). Во фразах также раскрывается метафорический аспект этого слова: *parental alienation* (юр.) ‘отчуждение, родителей’; *parental alienation syndrome* (псих.) ‘синдром отчуждения родителя’, *parental alienation syndrome* (экон.) ‘стремление дочерней компании к самостоятельному управлению’. Данный перечень, безусловно, подтверждает существование вышеотмеченных метафорических моделей «свой – часть семьи», «чужой – не родственник», «чужой – изгнанный из семьи».

Институциональный дискурс также дает нам и представление о чужом как враге (*contrarian*): *contrarian strategy* ‘стратегия игры против толпы’, ‘продажа акций вопреки рыночным тенденциям’ [Dictionary by Merriam-..., 2022].

Оппозиция «свой – чужой» в языковом и смысловом выражении может развиваться от безоценочной структуры к пейоративно оценочной [Юдина, 2019].

Нелигитимное, возмутительное проникновение чужака в группу «своих» выражается посредством метафорической образности. Рассмотрим лексику *interloper*– ‘человек, ведущий незаконную торговлю’, ‘лицо, незаконно проникшее на чужую территорию’, ‘вторженец’ (Multitran dictionary). Метафоричность заложена уже на уровне этимологии слова: впервые оно было зафиксировано в 1590-х гг. и считается результатом сложения представки *inter* + *-loper* (‘авантюрист’), что в свою очередь, произошло от диалектной формы слова *leap* ‘прыжок’ [Online Etymology..., 2001–2022.]. Все вышесказанное возвращает нас к вышеотмеченным метафорам дома и забора, который, соответственно, и перепрыгивает *interloper*.

Заключение

Таким образом, в представленном исследовании выявлены взаимосвязи метафор «своих» и «чужих» в разных интерпретативных репертуарах их восприятия и метафориче-

ской вербализации. «Образ мира» влияет на метафоры «своих» и «чужих», которые являются его репрезентациями. Проведенное исследование иллюстрирует метафоры, используемые для обозначения «своих» и «чужих» в социальных практиках институционального общения, дополняя выводы о процессах категоризации, восприятия, конструирования образов «своего» и «чужого», «врага», «друга», «чужака» и «изгоя». Выявлено, что граница между «своим» и «чужим» проницаема, возможен переход из «своих» в «чужие» и обратно; кроме того, «чужой» не всегда значит «враг» – в ряде случаев метафоры показывают некую градацию чужого – «освоенный чужой» – «неосвоенный, непонятный чужой» и «враждебный чужой». Исходя из утверждения Дж. Лакоффа [Lakoff, Johnsen, 2003] о том, что метафорические концепты определяют поведение человека и его отношение к другим людям, а понимание опыта с помощью метафоры можно сравнить с одним из чувств, как зрение, слух или осязание, то обращение к метафорам становится единственным способом восприятия и осознания большей части действительности. Особое значение приобретает исследование категории противоположности в эпоху информационных войн. Рассматриваемая как лингвокультурная категория, она играет особую роль в познании мира. Исследуемые метафоры пронизывают институциональный дискурс, а также наше мышление и деятельность особенно в последнее время в связи с текущими политическими событиями.

Список источников

- Степанов Ю.С. 2004. Константы: Словарь русской культуры. М., Академический проект, 992 с.
Dictionary by Merriam-Webster. 2022. Merriam-webster. Available at: <https://www.merriam-webster.com/> (accessed: May 5, 2022).
Multitran dictionary. Multitran. Available at: <https://www.multitran.com/> (accessed: May 2, 2022).
Online Etymology Dictionary. 2001-2022. Etymonline. Available at: <https://www.etymonline.com/> (accessed: May 2, 2022).

Список литературы

- Альперович В.Д., Куковская М.А. 2016. Метафоры «своего» и «чужого» человека как предикторы «языка вражды». *Общество: социология, психология, педагогика*, 8: 40–45.
Альперович В.Д. 2017. Метафоры «своих» и «чужих» людей как репрезентации «образа мира» личности в российской психологии. *Психология и психотехника*, 1: 51–61. DOI: 10.7256/2454-0722.2017.1.22407
Беседина Н.А. 2008. Метод концептуально-репрезентативного анализа в когнитивных исследованиях языка. В кн.: Принципы и методы когнитивных исследований языка. Сборник научных трудов. Под ред. Н.Н. Болдырева. Тамбов, Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина: 61–72.
Болдырев Н.Н. 2018. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. Под ред. В.З. Демьянкова. М., Издательский Дом ЯСК, 480 с.
Гордиенко Е.В. 2018. Выражение категории оценки в британских газетных заголовках. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, 18(816): 74–85.
Кислякова Е.Ю., Соломина В.В. 2011. Концептуальная триада «свой – чужой – иной» в английском и русском языках: теоретико-методологический аспект. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 3(10): 72–76.
Мишин А.В. 2018. Языковые средства выражения оппозиции «свой-чужой» в материалах журнала “der Spiegel”. *Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология*, 28(5): 802–807.
Нехорошева А.М. 2012. Концептуальная метафора как механизм реализации когнитивной матрицы «Свой – чужой» в политическом дискурсе (на примере выступлений Ангелы Меркель). *Политическая лингвистика*, 4 (42): 157–162.
Питолин Д.В. 2014. Метафорическое моделирование концепта «Чужой» в рамках дихотомии «Свой-чужой» в сборнике рассказов Дж. Диаза «Drown». *Уральский филологический вестник. Серия: Психолингвистика в образовании*, 2: 73–78.



- Полякова Е.В. 2012. Свое и чужое этическое пространство в зеркале концептуальной метафоры идиоматических этических концептов. *Известия Южного федерального университета. Технические науки*, 10 (135): 28–34.
- Соломина В.В. 2014. Особенности реализации оппозиции «Свой чужой» в различных видах дискурсов. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*, 3(1): Филология: 176–182.
- Чудинов А.П. 2001. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т, 238 с.
- Юдина Н.В. 2019. РФ vs. США в XXI веке: проект лингво-политического портрета (на материале русскоязычной дискурсивной практики). В кн.: Магия ИННО: интегративные тенденции в лингвистике и лингводидактике. Сборник научных трудов. В 2 томах. Т.1. Под ред. Д.Н. Новикова. Москва, Издательство “МГИМО – Университет”: 229–236.
- Kövecses Z. 2017. Context in Cultural Linguistics: The Case of Metaphor. In: *Advances in Cultural Linguistics*. Ed. F. Sharifian. Australia, Monash University: 307–323. DOI: 10.1007/978-981-10-4056-6_14.
- Lakoff G., Johnsen M. 2003. *Metaphors we live by*. Chicago, The university of Chicago press, 256 p.
- Mazrui A. 1975. *The Political Sociology of the English Language: an African perspective*. Mouton, The Hague, 231 p.

References

- Al'perovich V.D., Kukovskaya M.A. 2016. Metaphors of personal "friend" and "foe" as predictors of "hate speech". *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, 8: 40–45.
- Al'perovich V.D. 2017. Metaforы «svoikh» i «chuzhikh» lyudey kak reprezentatsii «obraza mira» lichnosti v rossiyskoy psikhologii [Metaphors of “friends” and “strangers” as representations of the “image of the world” of a person in Russian psychology]. *Psikhologiya i psikhotekhnika*, 1: 51–61. DOI: 10.7256/2454-0722.2017.1.22407
- Besedina N.A. 2008. Metod kontseptual'no-representativnogo analiza v kognitivnykh issledovaniyakh yazyka [The Method of Conceptual-Representational Analysis in Cognitive Language Studies]. In: *Printsipy i metody kognitivnykh issledovaniy yazyka [Principles and Methods of Cognitive Studies of Language]*. Collection of scientific papers. Ed. N.N. Boldyrev. Tambov, Publ. Izd-vo TGU im. G.R. Derzhavina: 61–72.
- Boldyrev N.N. 2018. *Language and the System Knowledge. A Cognitive Theory of Language*. Ed. V.Z. Dem'yankov. M., Publ. Izdatel'skiy Dom YaSK, 480 p.
- Gordienko E.V. 2018. Expression of the category of evaluation in british newspaper headlines. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanitarian Sciences*, 18(816): 74–85 (in Russia).
- Kislyakova E.Yu., Solomina V.V. 2011. Conceptual triad "one's – somebody else's - other" in english and russian: theoretical-methodological aspect. *Philology. Theory & Practice*, 3(10): 72–76 (in Russia).
- Mishin A.V. 2018. Linguistic means of expressing the opposition "own-alien" in the "der spiegel" articles. *Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*, 28(5): 802–807 (in Russia).
- Nekhorosheva A.M. 2012. Conceptual metathor as mechanism realizing a "self-other" cognitive matrix in the political discourse (the case of Angela Merkel's speeches). *Political Linguistics*, 4(42): 157–162 (in Russia).
- Pitolin D.V. 2014. Metaphorical modeling of the concept "alien" within the dichotomy "one's own-alien" in the short story collection "drown" by j. Díaz. *Ural'skiy filologicheskii vestnik. Seriya: Psikholingvistika v obrazovanii*, 2: 73–78.
- Polyakova E.V. 2012. Native and alien ethical space in the light of conceptual metaphor of idiomatic ethical concepts. *Izvestiya SFedU. Engineering Sciences*, 10(135): 28–34 (in Russia).
- Solomina V.V. 2014. The Specificity of the Opposition "Own – Alien" within Various Discourses. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 3. Vol.1: Filologiya: 176–182.
- Chudinov A.P. 2001. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metaforы (1991–2000) [Russia in a Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991–2000)]. Екатеринбург, Publ. Ural. gos. pед. un-t, 238 p.
- Yudina N.V. 2019. Rf vs. Usa in the 21st century: layout of the linguo-political image (russian-language discursive practice reviewed). In: *The Magic of Innovation: Integrative Trends in Linguistics and*



- Foreign Language Teaching. Collection of scientific papers. In 2 volumes. Vol. 1. Ed. D.N. Novikov. Moskva, Publ. Izdatel'stvo "MGIMO–Universitet": 229–236 (in Russia).
- Kövecses Z. 2017. Context in Cultural Linguistics: The Case of Metaphor. In: *Advances in Cultural Linguistics*. Ed. F. Sharifian. Australia, Monash University: 307–323. DOI: 10.1007/978-981-10-4056-6_14.
- Lakoff G., Johnsen M. 2003. *Metaphors we live by*. Chicago, The university of Chicago press, 256 p.
- Mazrui A. 1975. *The Political Sociology of the English Language: an African perspective*. Mouton, The Hague, 231 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 10.05.2022

Received May 10, 2022

Поступила после рецензирования 13.06.2022

Revised June 13, 2022

Принята к публикации 10.09.2022

Accepted September 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Коренецкая Ирина Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков для нелингвистических направлений, Псковский государственный университет, г. Псков, Россия

Irina N. Korenetskaya, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages for Non-Linguistic Areas, Pskov State University, Pskov, Russia



УДК 81'373

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-3-578-589

Исконная и заимствованная лексика в наименованиях коммерческих объектов городского пространства

Позднякова Е.Ю.

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова,
Россия, 656038, г. Барнаул, пр. Ленина, 46
E-mail: helena_poz@mail.ru

Аннотация. Рассмотрен вопрос о происхождении и функционировании одной из групп собственных имен – коммерческих эргонимов – в современном городском дискурсе. Материалом для исследования послужили наименования коммерческих объектов, представленные в городском пространстве названиями предприятий гостиничного и ресторанного сервиса, туристической сферы, названиями магазинов, торговых центров и торгово-развлекательных комплексов и пр. Все эргонимы по происхождению были разделены на две основные группы: эргонимы, образованные на основе иноязычной лексики и на основе исконной лексики. Анализ языкового материала позволил выявить наиболее распространенные способы создания коммерческой эргонимии, среди которых самым продуктивным является лексическое заимствование. Большинство эргонимов, производных от иноязычной лексики, образовано на базе лексических единиц, заимствованных из английского языка, в числе других продуктивных языков-источников заимствования отмечены французский, итальянский, испанский, латинский, греческий языки. Существуют как названия, в которых задействован лишь один язык (русский или английский, а также некоторые другие языки), так и названия, представляющие собой комбинацию языковых единиц из нескольких (двух и более) языков. Среди них встречаются транслитерированные, нетранслитерированные лексические единицы, единицы, сочетающие исконное и заимствованное слово, а также единицы со смешанным графическим оформлением.

Ключевые слова: языковое пространство города, городской ономастикон, коммерческие эргонимы, заимствование, номинация

Для цитирования: Позднякова Е.Ю. 2022. Исконная и заимствованная лексика в наименованиях коммерческих объектов городского пространства. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41(3): 578–589. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-3-578-589

Native and Borrowed Vocabulary in the Proper Names of Commercial Objects of the City Space

Elena Yu. Pozdnyakova

Polzunov Altai State Technical University,
46 Lenina Ave., Barnaul, 656038, Russia,
E-mail: helena_poz@mail.ru

Abstract. The article deals with the problem of origin and functioning of one of the groups of proper names – commercial ergonyms – in the modern urban discourse. The proper names of commercial organizations are considered as a language material. They include different nominations, such as the names of hotel and restaurant services, names of travel companies, names of shops, shopping centers and shopping malls, etc. All ergonyms were divided by origin into two main groups: ergonyms created on the basis of foreign language vocabulary and ergonyms created on the basis of native vocabulary. The analysis of the language material allowed us to identify the most common ways of creating commercial

ergonyms, among which the lexical borrowing is the most productive. Most ergonyms derived from foreign language vocabulary are formed on the basis of lexical units borrowed from the English language, among other productive languages-sources of borrowing are French, Italian, Spanish, Latin, Greek. There are both names that involve only one language (Russian or English, as well as some other languages), and names that are a combination of language units from several (two or more) languages. Among them there are transliterated, non-transliterated lexical units, units combining the original and borrowed words, as well as units with mixed graphic design.

Keywords: city's language space; urban onomasticon; commercial ergonyms; borrowings, nomination

For citation: Pozdnyakova E.U. 2022. Native and Borrowed Vocabulary in the Proper Names of Commercial Objects of the City Space. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41(3): 578–589 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-3-578-589

Введение

Пространство современного города насыщено разнообразными наименованиями городских объектов. Официальные и неофициальные номинации не только активно используются горожанами в качестве ориентиров, но и формируют своеобразный языковой облик города. Языковое пространство города объединяет все языковые явления, функционирующие на его территории, и включает в себя сферу городских номинаций и сферу речевого общения горожан [Позднякова, 2013]. Значительное место в городском ономастиконе занимают наименования коммерческих предприятий. Современная эргонимия представлена в городском пространстве наименованиями различных коммерческих объектов – предприятий сферы торговли, кинотеатров, предприятий сферы обслуживания (салонов красоты, клининговых компаний, спа-центров, саун и др.), отдыха и досуга, гостиничного, туристического и ресторанного сервиса и пр. Целью данной статьи является изучение коммерческой эргонимии с точки зрения ее происхождения. Материалом исследования послужили наименования коммерческих предприятий г. Барнаула (всего около 1000 лексических единиц), в том числе наименования предприятий торговли, наименования предприятий ресторанной, гостиничной и туристической сферы. Выбор данной группы имен объясняется тем, что именно они наиболее употребительны в устной речи горожан, кроме того, они функционируют и в письменных текстах городской среды.

Как отмечает Т.В. Шмелёва, при описании ономастикона современного города возникает ситуация «терминологического дефицита» [Шмелёва, 2013, с. 103]. В ситуации «онимического взрыва» (термин Т. В. Шмелёвой) происходит параллельное усложнение ономастической терминологии, поскольку для полноты охвата «городских институций» требуются термины для обозначения отдельных разновидностей эргонимов. В зависимости от аспекта изучения предлагаются термины «ойкодомоним», «эргоурбоним», «фирмоним», «эмпороним», «прагматоним» («прагмоним»), «коммерческое имя», «рекламное имя», «трапезоним» и др. Зарубежные ученые употребляют термин «коммерческое имя» (commercial name), а для обозначения процесса именования в различных сферах используют термин «нейминг» (naming). Финский исследователь Паула Съёблом разграничивает понятия «коммерческое имя» и «эргоним», указывая на то, что термин «эргоним» имеет более широкое значение и выступает гиперонимом по отношению к понятию «коммерческое имя» [Sjöblom, 2014, с. 93]. Н.В. Шимкевич объединяет под термином коммерческий эргоним названия всех деловых объединений, направленных на получение прибыли и конкурирующих с другими аналогичными объединениями [Шимкевич, 2002, с. 4]. Р.И. Козлов, подчеркивая локализованность коммерческих объектов в городском пространстве, использует термин эргоурбоним [Козлов, 2000, с. 6]. Широкого понимания термина эргоним придерживается Е.А. Трифонова, описывая его как «собственное имя любого делового объекта независимо от его правового статуса и наличия/отсутствия места



постоянной дислокации» [Трифонова, 2006, с. 5]. Термин *эргоним*, по нашему мнению, является широким, обобщающим понятием, объединяющим все разряды наименований деловых объектов, функционирующих в городском пространстве.

Подходы к изучению эргонимов

Научные аспекты изучения эргонимов очень разнородны и представлены в многочисленных исследованиях, выполненных на языковом материале городов России. В работах ученых описывается языковое пространство города [Позднякова, 2020], региональный ономастикон [Беляева, 2010], изучаются отдельные подсистемы ономастического пространства: «слова на вывесках» [Капанадзе, Красильникова, 1982], ойкодомонимы [Астафьева, 1996], городская эргоурбонимия [Козлов, 2000; Вайрах, 2011], коммерческие эргонимы [Шимкевич, 2002], рекламные имена [Крюкова, 2004], названия деловых объектов [Трифонова, 2006], городская эргонимия [Емельянова, 2007; Носенко, 2007; Щербакова, 2009], эмпоронимы (названия магазинов и салонов одежды), эргонимы иноязычного происхождения [Бутакова, 2013] и др.

Подходы, используемые учеными, также довольно разнообразны. Так, Н.В. Шимкевич рассматривает коммерческую эргонимию г. Екатеринбурга в лингвокультурологическом и прагматическом аспектах; Е.А. Трифонова описывает названия деловых объектов в структурно-семантическом, прагматическом и художественно-поэтическом ключе; А.М. Емельянова изучает эргонимы г. Уфы в лексико-семантическом, структурно-грамматическом, риторическом плане; Н.В. Носенко исследует названия городских объектов г. Новосибирска с точки зрения структурно-семантического и коммуникативно-прагматического подхода; Ю.В. Вайрах предлагает структурно-семантический и лингвокультурологический анализ эргоурбонимов г. Иркутска; Е.С. Бутакова (Самсонова) при описании эргонимов иноязычного происхождения г. Томска затрагивает три основных момента: иноязычность, номинативность, лингвотворчество. В работах зарубежных авторов эргонимы представляются элементом коммерческого нейминга в экономической сфере, анализу подвергаются брендовые имена и наименования товаров [Sjoblom, 2013, 2014]. С нашей точки зрения, особого внимания заслуживает также вопрос о происхождении эргонимической лексики, который представляется недостаточно изученным и которому посвящено дальнейшее изложение.

Все эргонимы, функционирующие в городском пространстве, можно разделить на две основные группы:

1. Эргонимы, образованные на основе иноязычной лексики.
2. Эргонимы, образованные на основе исконной лексики.

Рассмотрим более подробно особенности функционирования эргонимов, базирующихся на иноязычной и исконной лексике.

Эргонимы, образованные на основе иноязычной лексики

Анализ лексического материала показал, что в эргонимической сфере используются различные способы номинации, среди которых были выделены следующие:

- 1) заимствование (40 %);
- 2) лексико-семантический способ (включая онимизацию апеллятивной лексики и трансонимизацию) (29,5 %);
- 3) лексико-синтаксический способ (10, 2 %);
- 4) словообразовательный способ (9,2 %);
- 5) использование прецедентных феноменов (4,2 %);
- 6) образная номинация (3,8 %);
- 7) субстантивация (2,4 %);
- 8) языковая игра (0,7 %) [см. подробно Позднякова, 2020].

Наиболее частотным способом образования коммерческих эргонимов на сегодняшний день является заимствование, которое рассматривается как процесс и результат перехода из одного языка в другой слов, грамматических конструкций, морфем. В нашем исследовании мы будем придерживаться широкого понимания термина «иноязычная лексика», при котором иноязычным считается слово, оборот или отдельный элемент, заимствованный из другого языка независимо от степени его ассимиляции и времени его вхождения в узус. В соответствии с данным определением, к подобным лексическим единицам относятся как транслитерированные иноязычные вкрапления, так и номинации, образованные с помощью заимствованных элементов – суффиксоидов, частей слов, предлогов, артиклей, амперсандов. Эргонимами иноязычного происхождения признаются также лексические единицы, прошедшие стадии ассимиляции в русском языке и зафиксированные в словарях иностранных слов. Такая широкая трактовка понятия иноязычная лексика существенно расширяет круг эргонимов, которые становится возможным причислить к группе эргонимов, образованных на базе иноязычной лексики.

Лексическое заимствование употребляется в анализируемом материале в следующих вариантах:

а) транслитерированные ЛЕ: *кафе «Арабика фуд»; винный бар «Брют»; кафе-магазин здорового питания «Грин»; кафе-пекарня «Даниш»; агентство путешествий «Дисконт трэвел»; пляжный клуб и бассейн «Пул сайд»; турагентство «ХотТур»; сеть кафе «Дэйли Дайнер»; кафе «Чифань» и др.;*

б) нетранслитерированные ЛЕ (с сохранением первоначального графического облика): *пиццерия «Carriscino»; кофейня «Coffee like»; кофейня «Cherry Merry»; кофейня «Cinnabon»; кафе «Garage Coffee»; турагентство «Fun&Sun»; центр отдыха и развлечения «Lucky Bowl»; кафе мексиканской кухни «Rancho-Poncho»; банкетный зал «S-Class»; кафе «Spicy No Spicy»; агентство выгодных туров «Sunmar»; турагентство «You Travel»; ресторан «Velvet» и др.;*

в) единицы, сочетающие исконное и заимствованное слово: *туристическая компания «Возрождение-Тревел»; свадебный салон «Белая Леди»; ресторан «Поляна Хаус» и др.;*

г) единицы со смешанным графическим оформлением: *турагентство «Сахар travel»; турагентство «Travel гид»; магазин детских товаров «Алиса kids»; агентство путешествий «Зефир Travel»; клуб-кафе «Петро Club»; супермаркет «City-Центр», трактир «Шашлык-City»; и др.;*

Заимствования из разных языков неравномерно представлены в наименованиях коммерческих предприятий, при этом преобладают среди них лексические единицы, заимствованные из английского языка: *ресторан «Гринвич»; салон обуви «Спринт»; кафе-магазин «Грин»; бар «Smoke Club», гриль-бар «Peoples», дисконт бар «Kill fish»; банкетный зал «Festival hall»; банкетный зал «Wild West»; супермаркет детских товаров «Rich family»; банкетный зал «Festival hall»; свадебный салон «Only You», магазин одежды «TopSecret», свадебный салон «Wedding room» и др.*

Зарубежные исследователи также отмечают обилие англоязычных наименований в эргонимической номинации. Так, Паула Съёблом полагает, что английский язык является глобальным языком, поэтому его использование в практике коммерческого именования необходимо для международного и многоязычного использования имени [Sjöblom, 2013, с. 5]. Али Фуад Селви также утверждает, что английский язык доминирует в данной сфере [Selvi, 2007].

Зачастую заимствования отражают специфику деятельности коммерческого предприятия, например, в наименованиях кафе и ресторанов может быть задействована иноязычная лексика для привлечения конкретных клиентов с помощью косвенного указания на особенности его кухни (русская, итальянская, мексиканская, японская, вьетнамская, тайская, кавказская, узбекская, уйгурская и пр.). Это свидетельствует, в том числе, и о существовании зависимости между заимствованием слова и типом значения, которое оно

призвано выражать. Н.В. Михайлюкова пишет, что «специализация ресторанов и кафе на национальной кухне, как правило, отражается в текстах названий, мотивированных топонимами» [Михайлюкова, 2014, с. 85], в качестве примеров ученый приводит наименования, образованные от различных топонимов: названий частей света, континентов, стран (рестораны «Евразия», «Золотой Восток»); наименований городов (рестораны китайской кухни «Харбин», «Далянь» и др.), названий гор (рестораны киргизской кухни «Алато», Тяньшань») и других природных объектов. Добавим, что специфика деятельности коммерческого предприятия может выражаться в наименовании как в эксплицитной, так и в имплицитной форме. В эргонимах, мотивированных топонимами (названиями стран, населенных пунктов, наименованиями географических объектов), присутствует эксплицитное указание на специализацию коммерческого объекта (кафе узбекской кухни «Араван», кафе «Ванадзор», вегетарианское кафе «Вриндаван», кафе «Вьетнам», кафе-бар «Кавказ», кафе «Пекин», кафе-ресторан «Самарканд», кафе «Ташкент»; кафе узбекской кухни «Фергана»; ресторан «Vienne Lion»); в наименованиях, созданных на базе иноязычной лексики, такая специфика выражается имплицитно, косвенно (кафе «Аригато», кафе «Баклажан», кафе «Банзай», кафе «Круассан», гриль-ресторан «Carte-Blanche», кафе «Чайхана № 1» и др.).

Названия предприятий ресторанной сферы (всего 379 ЛЕ, из них 31 % – заимствования) представлены в анализируемом материале лексическими единицами, пришедшими из английского (9 %), французского (5,4 %), испанского (3 %), латинского (около 2 %), греческого (1 %), итальянского (1 %), японского (1 %), арабского (1 %), персидского (1 %), кавказских (1 %), тюркских (1 %) языков, польского, немецкого и некоторых других языков (4 %):

– из английского языка: *мини-кофейня «Coffee bull»*; *кофейня «Coffee cup»*; *сеть кофеен «Coffee Monkey»*; *магазин «Drink king»*; *магазин «Funday»*; *бар-ресторан «Loft»*; *магазин «Paradise»*; *кофейня «Primetime»*; *кофейня «Sweetter»*; *кофейня «Traveler's coffee»*; *ресторан «Velvet»* и др.;

– из французского языка: *кафе-пекарня «Бон Батон»* (батон – от фр.) [Крысин, 2006, с. 120]; *кафе «Визави»* (фр.) [Словарь иностранных ..., 1990, с. 104]; *банкетный зал «Грильяж»* (фр.) [Словарь иностранных ..., 1990, с. 147]; *кафе «Каравелла»* (фр.) [Словарь иностранных ..., 1990, с. 220]; *кафе «Комильфо»* (фр.) [Словарь иностранных ..., 1990, с. 245]; *кофейня «Кузина»* (фр.) [Крысин, 2006, с. 414]; *кафе «Кураж»* (фр.) [Словарь иностранных ..., 1990, с. 273]; *бар «Элит»* (фр.) [Словарь иностранных ..., 1990, с. 596] и др.;

– из испанского языка: *кафе мексиканской кухни «Rancho-Poncho»* (исп.) [Словарь иностранных ..., 1990, с. 426]; *кафе «Болеро»* (исп.) [Словарь иностранных ..., 1990, с. 87]; *ресторан кастильской кухни «Асадор»* (пер. с исп. – ‘вертел, решетка’); *ресторан «Il patio»* (патио – от исп.) [Словарь иностранных ..., 1990, с. 376] и др.;

– из латинского языка: *бильярдный клуб «Магнат»* (ср.-лат.) [СИС, 1990, с. 294]; *бар-закусочная «Империя»* (лат.) [Словарь иностранных ..., 1990, с. 194]; *банкетный зал «Триумф»* (лат.) [Словарь иностранных ..., 1990, с. 520] и др.;

– из итальянского языка: *кафе «Carrusino»* (ит.) [Егорова, 2014, с. 305]; *семейное кафе «Macaroni»* (ит.) [Егорова, 2014, с. 394]; *кафе «Регата»* (ит.) [Словарь иностранных... 1990, с. 431] и др.;

– из греческого языка: *развлекательный центр «Пирамида»* (греч.) [Словарь иностранных... 1990, с. 387]; *кафе «Эпоха»* (греч.) [Словарь иностранных ..., 1990, с. 604];

– из японского языка: *кафе «Банзай»* (яп.) [Крысин, 2006, с. 114]; *караоке-бар «Караоке № 1»* (яп.) [Егорова, 2014, с. 306]; *банкетный зал «Сакура»* (яп.) [Крысин, 2006, с. 689] и др.;

– из кавказских языков: *кавказский ресторан «Аджика»* (груз.) [Крысин, 2006, с. 41]; *кафе грузинской кухни «Боржоми»* (от названия города в Грузии) [Крысин, 2006, с. 138]; *ресторан «Хмели Сунели»* (груз.);

– из арабского языка: *столовая «alBaraka»* (пер. с арабск. – ‘*благодать, небесный дар*’);

– из персидского языка: *кафе-ресторан «Баклажан»* (от перс.) [Этимологический словарь... 2014, с. 30]; *кафе узбекской кухни «Караван»* (перс.) [Словарь иностранных... 1990, с. 220]; *кафе-бар «Чинар»* (перс. – ‘*платан восточный*’) [Словарь иностранных... 1990, с. 572].

– из тюркских языков: *кафе узбекской кухни «Андижан»* (от названия города в Узбекистане), *кафе узбекской кухни «ВашиЛаваш»* (лаваш – тюркс.) [Егорова, 2014, с. 366]; *ресторан-кафе «Чайхана №1»* (тюркс. – ‘*чайная*’) [Егорова, 2014, с. 750]; *кафе «Юрта»* (тюркс.) [Этимологический словарь..., 2014, с. 509] и др.;

– из польского языка (0,3 %): *кафе-бар «Вензель»* (польск.) [Словарь иностранных... 1990, с. 101];

– из немецкого языка (0,3%): *кафе «Крендель»* (нем.) [Крысин, 2006, с. 406], *клуб-бар «Штольня»* (нем.) [Словарь иностранных... 1990, с. 581], *кафе домашней кухни «Butter&brot»* (бутерброт – от нем.) [Крысин, 2006, с. 148].

Наименования, основанные на лексике из других языков, немногочисленны, однако можно наблюдать интересную тенденцию в эргонимической номинации – увеличение количества наименований, связанных с культурой азиатских стран, в частности, Вьетнама и Таиланда (*например, кафе паназиатской кухни «Дзен»; кафе вьетнамской кухни «Фо»; кафе вьетнамской кухни «Net Net»; кафе паназиатской кухни «Pho Yum»; кафе паназиатской кухни «Тотумбар»*). Появление таких названий можно объяснить повышением доступности туризма в данные страны, и, как следствие, знакомством многих людей с традиционной азиатской кухней.

Другой особенностью является стилизация давно освоенной (и иногда даже исконной) лексики под заимствованные единицы (*например, кафе домашней кухни «Butter&brot», кафе-шашлычная «Napik-nik», кофейня «Zavarka coffee»*).

В данной группе наименований встречаются также онимы, созданные из лексических единиц, относящихся к разным языкам (около 4%), *например: кафе «Арабика фуд»; закусочная «Гриль-бар»; трактир «Шашлык-City»; сеть кафе быстрого питания «Manhattan-pizza»; бар-студия «Арена-TV»; стейк бар «Торро-стейк»; кафе «Петро club» и др.*

Наименования предприятий ресторанной сферы выступают в качестве элемента коммуникации между владельцем и потенциальным клиентом заведения и имеют ярко выраженную прагматическую направленность. По мнению Н.В. Шимкевича, «название предприятия несет в себе некую информацию, должную по замыслу номинатора каким-то образом привлечь адресата (то есть потенциального клиента) к названной фирме» [Шимкевич, 2002, с. 10]. Так, например, наименования, основанные на заимствованиях из тюркских, кавказских языков, персидского, арабского, испанского и итальянского и других языков, указывают на специализацию ресторана или кафе, причем специфика деятельности отражается также и в сопутствующем видовом наименовании: *кафе паназиатской кухни, кафе узбекской кухни, кафе грузинской кухни, кавказский ресторан, караоке-бар, итальянский сырный ресторан, ресторан кастильской кухни, кафе мексиканской кухни и др.* Интерьер подобных кафе и ресторанов обычно поддерживает информацию, передаваемую с помощью названия, и соответствует культуре той или иной страны.

Направленность на потребителя прослеживается и в других группах наименований коммерческих предприятий, например, в названиях магазинов, салонов одежды и супермаркетов (эмпоронимах): *салон свадебного и вечернего платья «Инфанта»* (исп.) [Словарь иностранных... 1990, с. 205].; *салон женской одежды «Болеро»* (исп.) [Словарь иностранных... 1990, с. 87]; *магазин одежды «Signora»* (исп.) [Словарь иностранных..., 1990, с. 460]; *магазин женской одежды «Bonita»* (от исп. – ‘*красивый*’); *магазин женской верхней одежды «Fiesta»* (исп. ‘*праздник*’) [Этимологический словарь... 2014, с. 429] и др. В приведенных примерах заимствования из испанского языка употребляются не толь-

ко для создания положительного имиджа, но и для косвенного указания на специфику деятельности организации, например, для именованя салонов женской одежды используются варианты обращений к женщине: «Segnora», «Инфанта»; с этой же целью могут быть задействованы заимствования из итальянского («*Moda Donna*», «*Club Donna*») и английского языков («*Ladies*», «*Lady*», «*Miss Sixty*», «*Миледи*», «*Леди*»). В отличие от названий предприятий ресторанного бизнеса, прямой зависимости между языком-источником заимствования и сферой деятельности компании не выявлено.

Среди проанализированных наименований магазинов одежды, свадебных салонов, супермаркетов, гипермаркетов и торгово-развлекательных центров (всего 478 ЛЕ) встречаются заимствования:

– из английского языка: *свадебный салон «Айвори»; салон свадебной и вечерней моды «Мэрри Ми»; супермаркет «Лэнд»; торгово-развлекательный центр «Сити-Центр»; магазин детской одежды «BabyRich»; магазин детской одежды «BabyTime»; магазин женской одежды «Beauty»; салон женской одежды «Butterfly»; магазин одежды для мужчин «Camel Active»; магазин женской одежды «Cherry»; магазин мужской одежды «CityStyle»; магазин одежды «Classic Sport»; магазин молодежной одежды «Extra»; магазин женской одежды «Fashion Line»; сеть салонов женской одежды «Glance»; свадебный салон «Love Story»; свадебный салон «Only You»; свадебный салон «Wedding Room» и др.;*

– из французского языка: *сеть обувных магазинов «Ажютаж»; свадебный салон «Ля Мур»; свадебный салон «Попурри»; магазин одежды «Allure»; магазин женской одежды «Belle»; магазин женской одежды «Bomond»; бутик женской одежды «Galaboutique»; сеть магазинов детской одежды «Mille Famille»; магазин женской одежды «Vintage»; магазин мужской одежды «Voyage» и др.;*

– из итальянского языка: *магазин детских товаров «Бамбино»; студия праздника и свадебной моды «СОЛО»; салон обуви «Diva»; магазин женской одежды «Felicità»; салон обуви «Perfetto»; обувной салон «Stivali» (от ит. 'сапоги') и др.;*

– из испанского языка: *салон женской одежды «Bolego»; магазин женской одежды «Danza» и др.;*

– из немецкого языка: *магазин женской одежды «Gross-Ledi»; салон женской одежды «Steilmann» и др.;*

– из латинского языка: *сеть обувных магазинов «Подиум»; бутик женской одежды «Apriori»; магазин мужской одежды «Ego» и др.;*

– из греческого языка: *свадебный салон «Афродита»; магазин детской одежды и обуви «Orchestra» и др.*

Численным преимуществом в проанализированном материале обладают заимствования из английского языка. Заимствованная лексика составляет около 44% от всех наименований, кроме того более 13% названий имеют параллельные варианты написания – кириллицей и латиницей. Около 11% от всех эргонимов – названия федеральных сетей и всемирно известных брендов: «*Baldinini*», «*Benetton*», «*Betty Barclay*», «*Carlo Pazolini*», «*Chester*», «*ECCO*», «*Gardeur*», «*Gloria Jeans*», «*Guess*», «*Hikosen Cara*», «*InCity*», «*Kira Plastinina*», «*Koton*» и др. Такие наименования можно условно назвать эргонимами-инклюзивами, поскольку они не меняют своего графического облика и могут функционировать в любом языке в той форме, которая свойственна языку-источнику заимствования. К подобным иноязычным вкраплениям можно также отнести названия сетей быстрого питания «*Макдональдс*», «*KFC*», «*Manhattan-pizza*»; туроператоров «*Anex Тур*», «*Coral Travel*», «*Пегас Туристик*», и др.

В наименованиях предприятий туристической сферы (150 ЛЕ) также прослеживается замеченная нами тенденция преобладания заимствований из английского языка, например: *турагентство «Глэм-Тур»; турфирма «Дрим Трэвел», агентство путешествий «Joy travels»; агентство путешествий «Fly Time» и др.* Для образования эргонимов используются заимствования из английского, французского, греческого, латинского языка и от-

дельные лексемы из тюркских языков (например, в названии «*Алтын-Тур*»). В отличие от других проанализированных групп наименований, названия сферы турбизнеса образуются из соединения двух и более лексем, относящихся к разным языкам, поэтому однозначно определить происхождение названия довольно сложно. В составе таких эргонимов могут соединяться исконные единицы и элементы, заимствованные из других языков.

Иноязычная лексика не всегда заимствуется из языка-донора целиком, довольно часто в составе эргонимов используются лишь отдельные иноязычные элементы: артикли, предлоги, уникальные части слов – суффиксоиды, корни, иноязычные аффиксы, например: бар «*Пивкоff*», пиццерия «*ПиццаБург*», магазин «*Табакoff*», бар «*ХмелеФФ*», ресторан «*Шашлыкоff*», гриль-бар «*Веарлога*», детский клуб «*The дети*» и др. Данные наименования представляют собой элемент языковой игры, контаминацию двух языков. В названиях «*Шашлыкоff*», «*Пивкоff*», «*ХмелеФФ*» используется прием, описанный Т. В. Шмелевой как «обозначение псевдосубъекта» – фамилия, которая на самом деле сообщает о товаре» [Шмелева, 2013, с. 119]. Наименование «*Веарлога*» построено при помощи замены русской морфемы на английское слово, кроме того, такое написание ассоциативно отсылает потенциального клиента к английскому слову «beer» (пиво), подобная модель реализуется и в названии магазина разливного пива «*Веарлога*». В названии детского клуба «*The дети*» задействован английский артикль *the*, подчеркивающий важность объекта именования.

Эргонимы, образованные на основе исконной лексики

Исконная лексика широко распространена в эргонимической номинации, причем сфера функционирования исконной лексики не ограничена – данные лексические единицы употребляются в наименованиях коммерческих предприятий различных видов, например:

– наименования предприятий торговли: супермаркеты «*Восточный*», «*Добрый день*», «*Облепиха*», «*Охапка*», «*Пчёлка*», «*Сад и огород*», «*Солнечный*», «*Точка*», «*Хорошее настроение*», «*Ярче*»; торговые центры «*Весна*», «*Малина*», «*Огни*»; магазин «*Город одежды*», магазин «*Дело в печке*», магазин «*Детский мир*», магазин фермерских продуктов «*Калина-Малина*», магазин «*Летопись*», магазин «*Мамин мир*», продуктовый магазин «*Ручеек*», магазин «*Сад огород*», магазин обуви «*Удача*» и др.;

– названия предприятий ресторанной сферы: бар «*Бочка*»; банкетный зал «*В сухом логу*»; кафе русской кухни «*Гжель*»; кафе «*Горница*»; кафе «*Дымок*»; семейное кафе «*Забава*»; детское кафе «*Изба*»; стейк-наб «*Крапива*»; семейное кафе «*Лукошко*»; кафе «*Лучезарное*»; кафе быстрого питания «*Матрешка*»; кафе-столовая «*Место встречи*»; банкет-холл «*Облака*»; ресторано-гостиничный комплекс «*Облепиха*»; кафе-бар «*Огонь и лед*»; кафе «*Перекресток*»; банкет-холл «*Подсолнух*»; гриль-бар «*Пожарка*»; столовая «*Пора покушать*»; кафе «*Присядем поедим*»; банкетный зал «*Росинка*»; лавка домашней еды «*СытоНакрыто*»; столовая «*Тарелка*»; кафе-бар «*Теремок*»; центр доставки узбекских блюд «*Три жены*»; кафе «*Угли*» и др.;

– наименования предприятий гостиничной сферы: комплекс отдыха «*Благодать*»; комплекс отдыха «*Гостиный двор*»; бутик-отель «*Золотая подкова*»; гостиницы «*Колос*», «*Терем*»; гостинично-развлекательный комплекс «*Лесная заимка*»; парк-отель «*Лесные дали*»; парк-отель «*Солнечный*»; апартаменты «*Южный*» и др.;

– названия предприятий туристической сферы: турагентства «*Азбука путешествий*»; «*Белые дороги*»; «*Вокруг света*», «*Время путешествий*»; «*Лунный свет*»; «*Мир камня*»; «*Мир отдыха*»; «*Моря и страны*»; «*Охота*»; «*Плот*»; «*Пятница*»; «*Седьмое небо*»; «*Созвездие*»; «*Столица мира*»; «*Хорошая погода*» и др.

Среди проанализированных эргонимов отмечены как лексические единицы, представляющие собой отдельное слово или словосочетание исконного происхождения, так и наименования, построенные на базе русского слова в соединении с иноязычным словом



(элементом), например, *детский мегамаркет «Беби-мир», ресторан «Восток-сити», турагентство «Лето-Тур»; бар «Пивная миля», банкет-холл «Поляна House»*. В названиях турагентств довольно давно освоенная русским языком лексема *-тур* (заимствованная из фр. яз.) сочетается с различными заимствованными лексемами: *«Авеню-Тур»; «АвиаТур»; «Автотур групп»; «АлтайТурМаркет»; «Алтын-Тур»; «Анекс Тур»; «Аэротранс Тур»; «Глэм-Тур»; «Дисконт Тур»; «Евротур»; «Манго-Тур»; «Омега-Тур»; «Сафари-Тур»; «Эконом Тур»* и др.

Паула Съёблом, описывая наименования финских компаний, также указывает на наличие элементов из различных языков в пределах одного названия и в соответствии с этим предлагает разделить все наименования на три группы: одноязычные, многоязычные и универсальные имена [Sjöblom, 2013, с. 7]. К универсальным (всеобщим) именам исследователь относит интернациональные наименования, состоящие из слов, функционирующих в нескольких языках (например, *пицца* или *кебаб*); наименования, содержащие слова, не встречающиеся в существующих языках (квазилингвистические); и наименования, состоящие из собственного имени, чаще всего имени владельца компании. В проанализированном нами материале частотны наименования, созданные на базе русского и английского языков, причем существуют как названия, в которых задействован лишь один язык (русский или английский, а также некоторые другие языки), так и названия, соединяющие в себе слова или элементы слов из двух языков. Зафиксированы также названия, представляющие собой комбинацию языковых единиц из нескольких языков, по большей части они используются в наименованиях предприятий туристической сферы (например, *туристическая компания «Алтайское туристическое бюро»; «АлтайАвтоТур»; турагентство «Банк горящих туров»*).

Заключение

Проведенный анализ языкового материала позволяет сделать следующие выводы:

1. Заимствованная лексика представляет собой обширный пласт эргонимической номинации, в зависимости от специфики деятельности коммерческого предприятия, наименования, производные от иноязычной лексики, могут составлять от 30 до 40% и более.
2. Заимствование ведется из различных языков, при этом выбор языка-донора зачастую зависит от специализации конкретного учреждения, наиболее явно данная закономерность отмечена в наименованиях предприятий ресторанного бизнеса.
3. Наиболее продуктивными языками-источниками заимствования, используемыми для образования эргонимов, являются английский, французский, итальянский, испанский, латинский, греческий.
4. В проанализированном материале встречаются эргонимы-инклюзивы – названия крупных торговых сетей, туроператоров, ресторанов, всемирно известных торговых марок. Данные наименования не меняют своего графического облика и могут функционировать в любом языке в той форме, которая свойственна языку-источнику заимствования.
5. Исконная лексика не ограничена по сфере употребления, используется для номинации разнообразных видов коммерческих предприятий.
6. В проанализированном нами материале частотны наименования, созданные на базе русского и английского языков, существуют как названия, в которых задействован лишь один язык (русский или английский, а также некоторые другие языки), так и названия, соединяющие в себе слова или элементы слов из двух и более языков.

Список источников

- Егорова Т.В. Словарь иностранных слов современного русского языка. 2014. М., Аделант, 800 с.
URL: <http://uchitel-slovesnosti.ru/slovvari/12.pdf> (дата обращения: 18 августа 2022).
- Крысин Л.П. 2006. Толковый словарь иноязычных слов. М., Изд-во Эксмо, 944 с.
- Словарь иностранных слов. 1990. Под ред. И.В. Лёхина и Ф.Н. Петрова. М., Русский язык, 624 с.

Этимологический словарь современного русского языка. 2014. Под ред. М.Н. Свиридовой. М., Аделант, 512 с. URL: <http://uchitel-slovesnosti.ru/slovari/9.pdf> (дата обращения: 18 августа 2022).

Список литературы

- Астафьева И.А. 1996. Способы номинации в речевой ситуации города: на материале ойкодомонимов г. Омска. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 19 с.
- Беляева М.Ю. 2010. Ономастикон западных районов Краснодарского края: полисистемный аспект. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Ставрополь, 38 с.
- Бутакова Е.С. 2013. Эргонимы иноязычного происхождения в коммуникативном пространстве города. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 26 с.
- Вайрах Ю.В. 2011. Эргоурбонимия г. Иркутска: структурно-семантический и лингвокультурологический аспекты. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 22 с.
- Емельянова А.М. 2007. Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтничного города (на примере названий деловых, коммерческих, культурных, спортивных объектов г. Уфы). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 24 с.
- Капаназе Л.А., Красильникова Е.В. 1982. Лексика города (к постановке проблемы). В кн.: Шмелев Д.Н., Журавлев А.Ф., Ермакова О.П. и др. Способы номинации в современном русском языке. Под ред. Д.Н. Шмелева. М., Наука: 282-294.
- Козлов Р.И. 2000. Эргоурбонимы как новый разряд городской ономастики. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 151 с.
- Крюкова И.В. 2004. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 40 с.
- Михайлюкова Н.В. 2014. Тексты городских вывесок как особый речевой жанр (на материале языка г. Владивостока). Владивосток, Дальневосточный федеральный университет, 190 с.
- Носенко Н.В. 2007. Названия городских объектов г. Новосибирска: структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 22 с.
- Позднякова Е.Ю. 2013. О понятии «языковое пространство города». Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология, 12 (9): 9–12.
- Позднякова Е.Ю. 2020. Принципы и способы номинации коммерческих объектов городского пространства. Коммуникативные исследования, 7(1): 77–98. DOI: 10.24177/2413-6182.2020.7(1)77-98
- Самсонова Е.С. 2012. Концепция системы эргонимов иноязычного происхождения в коммуникативном пространстве города. Вестник науки Сибири, 4(5): 247–251.
- Трифоновна Е.А. 2006. Названия деловых объектов: семантика, прагматика, поэтика (на материале русских и английских эргонимов). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 20 с.
- Шимкевич Н.В. 2002. Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 22 с.
- Шмелёва Т.В. 2013. Ономастика. Славянск-на-Кубани, Филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования "Кубанский государственный университет" в г. Славянске-на-Кубани, 161 с.
- Щербакова Т.В. 2009. Искусственная номинация коммерческих предприятий (на материале тюменских наименований). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 23 с.
- Selvi A.F. 2007. A multifactorial sociolinguistic analysis of business naming practices in Turkey. A thesis of the requirements for Master of Arts degree. Middle East Technical University, 169 p. Available at: <https://etd.lib.metu.edu.tr/upload/12608572/index.pdf> (accessed: August 14, 2019).
- Sjöblom P. 2014. Commercial names and unestablished terminology. In: Names in daily life. Proceedings of the XXIV International Congress of Onomastic Sciences. Eds. Joan Tort i Donada Montserrat Montagut i Montagut. Barcelona. Secció 1: 92-98. Available at: <http://www20.gencat.cat/docs/Llengcat/Documents/Publicacions/BTPL/arxius/11 Actes ICOS.pdf> (accessed: August 14, 2019). DOI: 10.2436/15.8040.01.12
- Sjöblom P. 2013. Lumia by Nokia, iPhone by Apple: Global or Local Features in Commercial Names? In: Names in the Economy: Cultural Prospects. Eds. Paula Sjöblom, Terhi Ainiala and Ulla Hakala. Cambridge Scholars Publishing, Newcastle upon Tyne, UK: 2–14.



References

- Astaf'eva I.A. 1996. Sposoby nominatsii v rechevoy situatsii goroda: na materiale oykodomonimov g. Omska [Methods of nomination in the speech situation of the city: on the material of oikodomonyms in Omsk]. Abstract. dis. ...cand. philol. Sciences. M., 19 p.
- Belyaeva M.Yu. 2010. Onomastikon zapadnykh rayonov Krasnodarskogo kraia: polisistemnyy aspect [Onomasticon of the western regions of the Krasnodar Territory: a polysystemic aspect]. Abstract. dis. ... doc. philol. Sciences. Stavropol', 38 p.
- Butakova E.S. 2013. Ergonimy inoyazychnogo proiskhozhdeniya v kommunikativnom prostranstve goroda [Ergonyms of foreign origin in the communicative space of the city]. Abstract. dis. ... cand. philol. Sciences. Tomsk, 26 p.
- Vayrakh Yu.V. 2011. Ergourbonimiya g. Irkutsk: strukturno-semanticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty [Ergourbonymy of the city of Irkutsk: structural-semantic and linguoculturological aspects]. Abstract. dis. ... cand. philol. Sciences. Ulan-Ude, 22 p.
- Emel'yanova A.M. 2007. Ergonimy v lingvisticheskom landshafte polietnicheskogo goroda (na primere nazvaniy delovykh, kommercheskikh, kul'turnykh, sportivnykh ob"ektov g. Ufy) [Ergonyms in the linguistic landscape of a multi-ethnic city (on the example of the names of business, commercial, cultural, sports facilities in Ufa)]. Abstract. dis. ... cand. philol. Sciences. Ufa, 24 p.
- Kapanadze L.A., Krasil'nikova E.V. 1982. Leksika goroda (k postanovke problemy) [Vocabulary of the city (to the formulation of the problem)]. In: Shmelev D. N., Zhuravlev A.F., Ermakova O.P. i dr. Sposoby nominatsii v sovremennom russkom yazyke [Methods of nomination in the modern Russian language]. Ed. D.N. Shmelev. M., Publ. Nauka: 282-294.
- Kozlov R.I. 2000. Ergourbonimy kak novyy razryad gorodskoy onomastiki [Ergourbonyms as a new category of urban onomastics]. Dis. ... cand. philol. Sciences. Ekaterinburg, 151 p.
- Kryukova I.V. 2004. Reklamnoe imya: ot izobreteniya do pretsedentnosti [Advertising name: from invention to precedent]. Abstract. dis. ... doc. philol. Sciences. Volgograd, 40 p.
- Mikhaylyukova N.V. 2014. Teksty gorodskikh vyvesok kak osobyie rechevoy zhanr (na materiale yazyka g. Vladivostoka) [Texts of city signs as a special speech genre (based on the language of Vladivostok)]. Vladivostok, Publ. Dal'nevostochnyy federal'nyy universitet, 190 p.
- Nosenko N.V. 2007. Nazvaniya gorodskikh ob"ektov g. Novosibirsk: strukturno-semanticheskii i kommunikativno-pragmaticheskii aspekty [Names of city objects in Novosibirsk: structural-semantic and communicative-pragmatic aspects]. Abstract. dis. ... cand. philol. Sciences. Novosibirsk, 22 p.
- Pozdnyakova E.Yu. 2013. About the term "Language space of the city". Vestnik NSU. Series: History and philology, 12 (9): 9–12 (in Russia).
- Pozdnyakova E.Yu. 2020. The principles and methods of commercial objects nomination in urban space. *Communication studies*, 7 (1): 77–98 (in Russia). DOI: 10.24177/2413-6182.2020.7(1)77-98
- Samsonova E.S. 2012. Konceptsiya sistemy jergonimov inoyazychnogo proishozhdeniya v kommunikativnom prostranstve goroda [The concept of a system of ergonyms of foreign origin in the communicative space of the city]. *Vestnik nauki Sibiri*, 4(5): 247–251.
- Trifonova E.A. 2006. Nazvaniya delovykh ob"ektov: semantika, pragmatika, poetika (na materiale russkikh i angliyskikh ergonimov) [Names of business objects: semantics, pragmatics, poetics (based on Russian and English ergonyms)]. Abstract. dis. ... cand. philol. Sciences. Volgograd, 20 p.
- Shimkevich N.V. 2002. Russkaya kommercheskaya ergonimiya: pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty [Russian commercial ergonymy: pragmatic and linguoculturological aspects]. Abstract. dis. ... cand. philol. Sciences. Ekaterinburg, 22 p.
- Shmeleva T.V. 2013. Onomastics. Slavyansk-na-Kubani, Publ. Filial federal'nogo gosudarstvennogo byudzhethnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego professional'nogo obrazovaniya "Kubanskiy gosudarstvennyy universitet" v g. Slavyanske-na-Kubani, 161 p. (in Russia)
- Shcherbakova T.V. 2009. Iskusstvennaya nominatsiya kommercheskikh predpriyatiy (na materiale tyumenskikh naimenovaniy) [Artificial nomination of commercial enterprises (on the basis of Tyumen names)]. Abstract. dis. ... cand. philol. Sciences. Tyumen', 23 p.
- Selvi A.F. 2007. A multifactorial sociolinguistic analysis of business naming practices in Turkey. A thesis of the requirements for Master of Arts degree. Middle East Technical University, 169 p. Available at: <https://etd.lib.metu.edu.tr/upload/12608572/index.pdf> (accessed: August 14, 2019).



- Sjöblom P. 2014. Commercial names and unestablished terminology. In: Names in daily life. Proceedings of the XXIV International Congress of Onomastic Sciences. Eds. Joan Tort i Donada Montserrat Montagut i Montagut. Barcelona. Secció 1: 92–98. Available at: http://www20.gencat.cat/docs/Llengcat/Documents/Publicacions/BTPL/arxiu/11_Actes_ICOS.pdf (accessed: August 14, 2019). DOI: 10.2436/15.8040.01.12
- Sjöblom P. 2013. Lumia by Nokia, iPhone by Apple: Global or Local Features in Commercial Names? In: Names in the Economy: Cultural Prospects. Eds. Paula Sjöblom, Terhi Ainiala and Ulla Hakala. Cambridge Scholars Publishing, Newcastle upon Tyne, UK: 2–14.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 21.07.2022

Поступила после рецензирования 15.08.2022

Принята к публикации 10.09.2022

Received July 21, 2022

Revised August 15, 2022

Accepted September 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Позднякова Елена Юрьевна, доцент кафедры философии и социологии гуманитарного института, Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, г. Барнаул, Россия

Elena Yu. Pozdnyakova, Associate Professor of the Department of Philosophy and Sociology of the Humanitarian Institute, I.I. Polzunova Altai State Technical University, Barnaul, Russia



УДК 811.161.1

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-3-590-607

Становление и формирование терминологии компьютерной лингвистики

Польщикова О.Н.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: polshchikova@bsu.edu.ru

Аннотация. Важную роль в исследовании терминологии играет изучение ее формирования в диахроническом аспекте. Несмотря на стремительное развитие сферы компьютерной лингвистики, практически отсутствуют работы по анализу процессов эволюции соответствующей терминологии. Целью данного исследования является изучение процессов становления и формирования терминологии компьютерной лингвистики, выявление основных периодов ее развития. Исследование проводилось на основе метода диахронического анализа. Для изучения процессов становления и развития исследуемой терминологии использовался фактический материал в виде текстов по тематике компьютерной лингвистики, размещенных в монографиях, справочниках, учебной литературе, научных периодических журналах и сборниках, сетевых электронных ресурсах. В результате исследования установлено, что терминология компьютерной лингвистики находится в состоянии непрерывной динамики, выявлено три основных периода её формирования. Полученные результаты вносят вклад в изучение проблем научно-технической терминологии, обоснование тенденций её развития.

Ключевые слова: компьютерная лингвистика, терминология, периоды развития, диахронический анализ, автоматическая обработка естественного языка

Для цитирования: Польщикова О.Н. 2022. Становление и формирование терминологии компьютерной лингвистики. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41(3): 590–607. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-3-590-607

Formation of Computational Linguistics Terminology

Olga N. Polshchikova

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia
E-mail: polshchikova@bsu.edu.ru

Abstract. An important role in the study of terminology is played by the study of its formation in the diachronic aspect. Despite the rapid development of the field of computational linguistics, there are practically no works on the analysis of the processes of evolution of the corresponding terminology. The purpose of this study is to study the processes of formation and formation of the terminology of computational linguistics, to identify the main periods of its development. The study was conducted on the basis of the method of diachronic analysis. To study the processes of formation and development of the terminology under study, factual material was used in the form of texts on the subject of computational linguistics, published in monographs, reference books, educational literature, scientific periodicals and collections, online electronic resources. As a result of the study, three main periods of the formation of the terminology of computational linguistics were identified. The first period is characterized by the formation of the terminology under study under the influence of linguistic terms. In the second period, the terminology of computational linguistics was formed under the influence of mathematical statistics terms. In the third period, the replenishment of the studied terminology is carried out by neural network terms. The results of the study showed that the terminology of computational

linguistics is in a state of continuous dynamics. The obtained results contribute to the study of the problems of scientific and technical terminology, substantiation of trends in its development.

Keywords: computational linguistics, terminology, periods of development, diachronic analysis, automatic natural language processing

For citation: Polshchykova O.N. 2022. Formation of Computational Linguistics Terminology. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41(3): 590–607 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-3-590-607

Введение

Важную роль в исследовании терминологии играет изучение ее развития в диахроническом аспекте. Процессы становления и формирования терминологии компьютерной лингвистики неразрывно связаны с развитием научно-прикладной сферы, ориентированной на создание и применение компьютерных моделей естественного языка для решения широкого круга задач. С середины прошлого столетия до наших дней эти процессы сопровождают появление и апробацию теоретических результатов, издание научных трудов, а также разработку и внедрение программно-аппаратных средств в области систем машинного перевода, автоматической обработки естественно-языковых данных, информационно-поисковых систем, лингвистического обеспечения компьютерных систем и баз данных, электронных словарей.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью проведения развернутого анализа истории формирования терминологии компьютерной лингвистики, выявления основных тенденций и периодизации её развития, а также недостаточным освещением данных вопросов в научной литературе.

Цель статьи – проанализировать процессы становления и формирования терминологии компьютерной лингвистики, обосновать, изучить и охарактеризовать основные периоды ее развития.

История становления и развития терминологии компьютерной лингвистики изложена на основе метода диахронического анализа. Для систематизации проработанных терминов в работе применен описательный метод исследования. В ходе проведения исследования использовались многочисленные источники фактического материала в виде текстов по тематике компьютерной лингвистики, размещенных в монографиях, справочниках, учебной литературе, научных периодических журналах и сборниках, сетевых электронных ресурсах.

Становление терминологии компьютерной лингвистики на этапе развития систем, основанных на правилах

Теоретические идеи создания универсального словаря на основе числового кодирования предложены еще в XVII веке Рене Декартом и Готфридом Лейбницем, а практические разработки для автоматизации перевода и обработки текстовой информации появились в тридцатых годах XX века до появления термина *компьютерная лингвистика* [Богданова, 2021]. Техническое устройство с амбициозным названием «Механический мозг», которое, в сущности, представляло собой машинный двуязычный словарь, в 1933 году запатентовал ученый из Франции Жорж Арцруни [История машинного ..., 2019; Раренко, 2021]. В этом же году советский ученый Петр Троянский получил патент на «Машину для подбора и печатания слов при переводе с одного языка на другой или на несколько других одновременно» [Митренина, 2017]. Вышеуказанные изобретения обладали весьма скромными функциональными возможностями и не имели широкого распространения на практике.

Становление компьютерной лингвистики и соответствующей терминологии невозможно без появления и совершенствования разработок в области компьютерной техники.

Первое техническое устройство, которое стало прообразом современных компьютеров, сконструировал в 1938 году инженер из Германии Конрад Цузе. Для обеспечения работы изобретения его создатель разработал первый в истории высокоуровневый язык программирования *Планкалкюль* (нем. *Plankalkül* — «запланированные вычисления») [Митренина, 2017]. Такая аппаратно-программная система впоследствии стала именоваться *электронно-вычислительной машиной (ЭВМ)*.

Совершенствование ЭВМ в части увеличения объемов машинной памяти, улучшения вычислительных и других характеристик позволило сформировать техническую базу для создания разработок в сфере компьютерной лингвистики. Исследователи из университета города Джорджтаун совместно с компанией IBM разработали первую в мире систему, позволяющую с помощью ЭВМ переводить несложные типовые тексты с русского языка на английский. В 1954 году в Нью-Йорке состоялась «публичная демонстрация перевода с помощью вычислительной техники», которая осталась в истории как «Джорджтаунский эксперимент» [Дроздова, 2015, с. 156]. Для перевода экспериментальная программа использовала всего лишь 250 слов. Программное обеспечение, реализующее автоматизацию переводческих функций, стало называться *системами машинного перевода*.

В течение многих десятилетий до настоящего времени системы машинного перевода постоянно совершенствуются. Уже через год после Джорджтаунского эксперимента разработчиками Института точной механики и вычислительной техники Академии наук СССР создана система машинного перевода, в словаре которой содержалось 2300 слов [Митренина, 2017]. Представленные выше примеры и другие подобные разработки относятся к первому поколению компьютерных переводчиков. Их функционирование основано на том, что «каждому слову или речевому обороту в исходном тексте подбирается эквивалент на выходном языке, найденный в словаре» [Дроздова, 2015, с. 156]. Такая технология стала именоваться термином *пословный перевод*.

В этом же периоде (в пятидесятые годы прошлого столетия) было положено начало исследованиям и разработкам в области, именуемой *машинным переводом на основе правил* (англ. *Rule-based Machine Translation, RBMT*). При этом «предполагалось, что машина при переводе должна использовать те же методы, что и человек, опираясь на грамматики и словари» [Митренина, 2017, с. 8].

Проблемам алгоритмической обработки текстов уделялось значительное внимание в отечественной теории и практике. Велись разработки в этой области учеными Всероссийского института научной и технической информации Академии наук СССР. Результаты исследований с использованием соответствующей терминологии публиковались в академическом сборнике «Проблемы кибернетики». В конце 1950-х годов Л.И. Гутенмахер подготовил монографию «Информационно-поисковые системы», в которой освещались проблемы зарождающегося в то время направления компьютерной лингвистики, именуемого термином *информационный поиск* [Блехман, 2012].

В следующем периоде, начиная с середины 1960-х годов, создаются системы машинного перевода второго поколения, которые вместо пословного перевода выполняют построение синтаксической структуры каждого предложения с использованием правил грамматики. После получения такой структуры «выполняется подстановка слов из словаря, т.е. синтез предложения на выходном языке» [Дроздова, 2015, с. 156]. Возможность создания подобных систем машинного перевода появилась благодаря появлению и развитию направления, именуемого термином *компьютерная морфология*. Применение компьютерной морфологии позволяет осуществлять анализ и синтез слов программными средствами. Выполнение морфологического анализа с помощью методов автоматической обработки естественно-языковых данных предполагает определение леммы, т.е. «постановку слова и словосочетания в каноническую форму» [Прикладная... 2016, с. 14]. Для обозначения этой процедуры стал использоваться термин *нормализация*. Создавались средства компьютерной морфологии и для решения обратной задачи, именуемой *порождением*

словоформы. Сущность этой задачи заключалась в том, чтобы поставить лемму в нужную грамматическую форму. Перед выполнением морфологического анализа компьютерными средствами текст разбивался на предложения, и в каждом выделялись отдельные единицы (слова, числа, формулы, знаки препинания и другие элементы), получившие название *токены*. Процесс такого разбиения стал именоваться термином *токенизация* [Прикладная... 2016].

При создании систем машинного перевода, информационного поиска и решении других задач, связанных с компьютерной обработкой текстовых данных возникла необходимость использования данных о структуре предложений, представленных на естественном языке. В целях получения этой информации начинает развиваться направление, называемое *автоматическим синтаксическим анализом*. В широком смысле автоматический анализ структуры любых текстовых данных, т.е. синтаксический анализ, стал именоваться термином *парсинг* (англ. *parsing* – «разбор»). В узком понимании этот термин «означает процедуру машинного анализа структуры текста на естественном языке, в том числе – структуры предложения» [Прикладная... 2016, с. 35].

Применение методов морфологического и синтаксического анализа позволило улучшить качество решения задач компьютерной лингвистики, «однако оставались трудности, связанные с семантикой» [Дроздова, 2015, с. 156]. По сути, на этапе становления компьютерной лингвистики многие исследователи пришли к выводу о необходимости создания некоторой искусственной системы, «мыслящей машины», «удовлетворительной модели мышления», т.е. такого интеллектуального устройства, что «человек, общающийся с ним заочно, не сумеет точно установить, с кем он имеет дело, – с другим человеком или автоматом» [Мельчук, 1999, с. 13]. Этот известный тезис получил наименование *теста Тьюринга*. Ещё в середине прошлого века Алан Тьюринг предсказывал возможность программирования работы машин так, что «шансы среднего человека установить присутствие машины через пять минут после того, как он начнет задавать вопросы, не поднимались бы выше 70%» [Тьюринг, 1960, с. 20].

Вдохновленный идеями создания единого формального математического языка, изложенными в 1930-х годах в трактате «Элементы математики» (автор Никола Бурбаки – коллективный псевдоним группы французских ученых), советский лингвист И.А. Мельчук в начале 1960-х годов начал трудиться над созданием концепции *семантического анализа* на основе формального описания смысла текста. Талантливому исследователю в сотрудничестве с коллегами А.К. Жолковским, Ю.Д. Апресяном, А.В. Гладким и Л.Н. Иорданской удалось разработать теорию, получившую название «*Смысл ↔ Текст*». В этой теории естественный язык рассматривается как «особого рода преобразователь, выполняющий переработку заданных смыслов в соответствующие им тексты и заданных текстов в соответствующие им смыслы» [Мельчук, 1999, с. 10]. Цель теории состояла в обеспечении перехода от «текста на рассматриваемом языке к формальному описанию смысла этого текста, т.е. к его семантическому представлению (смысловой записи); разные, но интуитивно равнозначные (синонимичные тексты) должны получать одинаковые или хотя бы эквивалентные семантические представления, а текст, имеющий более одного смысла (омонимичный текст), – несколько разных семантических представлений» [Мельчук, 1999, с. 5]. Однако, по мнению автора, в полной мере обозначенная цель оказалась недостижимой, потому что в теории «имеют место огромные лакуны», «остались неразработанными многие важнейшие понятия» [Мельчук, 1999, с. 5]. Согласно данной теории, преобразование смысла в текст осуществляется на основе многоуровневой модели, в которой значительную роль играет семантический компонент. Центральную часть семантического компонента составляет специальный словарь – изобретение И.А. Мельчука, именуемое термином *толково-комбинаторный словарь*. Кроме того, автор рассматриваемой теории ввел понятие, обозначенное термином *лексическая функция* – «функция, аргумен-

тами которой являются некоторые слова или словосочетания данного языка, а значениями – множества слов и словосочетаний этого же языка» [Батура, 2016, с. 74].

Подход «Смысл \Leftrightarrow Текст» стал развитием учения Ноама Хомского под названием *генеративная лингвистика* [Chomsky, 1964]. В этом учении введено понятие *порождающей грамматики*, «цель которой – задавать (перечислять) все грамматически правильные (или все осмысленные) фразы привлекаемых языков» [Мельчук, 1999, с. 21].

Похожие на предложенные И.А. Мельчуком идеи создания многоуровневой модели алгоритмического перехода от текста к его смысловой записи и обратно были положены в основу исследований, проводимых в 1960-х – 1970-х годах рядом научных коллективов из Франции, США, Чехословакии, Великобритании, ФРГ [Мельчук, 1999, с. 16]. Опираясь на положения теории «Смысл \Leftrightarrow Текст», отечественный исследовательский коллектив под руководством Ю.Д. Апресяна в 1980-х годах начал создавать «компьютерную систему, реализующую формальную лингвистическую модель и способную работать с естественным языком во всем его объеме» [Апресян, 1992, с. 3]. Для наименования этой разработки использовался термин *лингвистический процессор*. Функционально лингвистический процессор проектировался в виде многоуровневого преобразователя. Каждый уровень (морфологический, синтаксический и семантический) обслуживался «соответствующим компонентом модели – массивом правил и определенным словарем или словарями» [Апресян, 1992, с. 8]. Текстовое предложение на каждом уровне представлялось с помощью определенной структуры (формального образа). Наиболее сложным оказался формальный образ, именуемый *семантической структурой*, под которой понималось «дерево зависимостей, в узлах которого стоят либо предметные имена, либо слова универсального семантического языка (например, имена таблиц, в которых сосредоточены сведения о данной предметной области, атрибуты таблиц, операторные символы), а дуги соответствуют универсальным отношениям семантического подчинения, таким, как аргументное, атрибутивное, конъюнкция, дизъюнкция, равенство, неравенство, больше, меньше, принадлежит, не принадлежит и т.п.» [Апресян, 1992, с. 6].

Сфера применения лингвистического процессора предполагалась в нескольких прикладных системах. Одна из них именовалась термином *система общения с компьютером*. Её назначение виделось в том, чтобы «организовать максимально дружественный интерфейс пользователя с компьютером» [Апресян, 1992, с. 9]. Данная система фактически стала прообразом современных *чат-ботов* и *вопросно-ответных систем*. Другой прикладной областью применения лингвистического процессора явились *системы машинного перевода научно-технических текстов*, позволявшие выполнять деловую документацию с иностранных языков на русских и наоборот. Кроме того, предполагалось, что лингвистический процессор будет полезен для решения задач, связанных с автоматическим пополнением баз данных непосредственно по текстам, а также задач в области, получившей в 1980-х годах название *планирования текста* (англ. *text planning*) [Апресян, 1992, с. 9]. При выполнении планирования текста реализуются активные, т.е. «синтезирующие или текстопорождающие» возможности лингвистического процессора, который «сначала преобразует концептуальную структуру в семантическую структуру будущего текста на естественном языке, а затем через ряд промежуточных этапов, превращает её в последовательность предложений, образующих связный рассказ на заданную пользователем тему» [Апресян, 1992, с. 9 – 10]. В перспективе допускалось использование лингвистического процессора в партнерских системах овладения иностранным языком, получивших название *помощник учителя*, а также в разного рода разработках, именуемых *компьютерными словарями*.

Лингвистический процессор задумывался как «фундаментальная разработка в области моделирования понимания и производства текстов» на естественном языке. Результатом работ над его созданием стала система «двунаправленного» перевода *ЭТАП* [Апресян, 1992, с. 13]. Это название образовано из словосочетания «электротехнический автомати-

ческий перевод». Автором термина стала Татьяна Коровина, программист московского института «Информэлектро» [Митренина, 2017]. Известны различные версии этой системы. Наиболее усовершенствованная версия ЭТАП-3 – это «полифункциональная система обработки текста на естественном языке», которая является прикладной разработкой лаборатории компьютерной лингвистики Института проблем передачи информации имени А.А. Харкевича Российской академии наук [Богуславский и др., 2000; Многоцелевой лингвистический... 2022]. Её создатели стремились с помощью компьютерных средств реализовать на практике направление, именуемое *лингвистическим моделированием естественного языка*. Кроме системы машинного перевода на основе системы ЭТАП-3 построен *универсальный сетевой язык* (англ. *Universal Networking Language, UNL*) – семантический формализм, который предназначен для выражения содержащейся в текстах важнейшей информации [Богуславский и др., 2020], разработан синтаксически размеченный корпус русских текстов *СинТагРус* [Синтаксически размеченный... 2003–2022], а также выполнена разметка синтаксического корпуса проекта «Национальный корпус русского языка» [Национальный... 2003–2022]. Фактически, все эти результаты получены отечественными группами лингвистов, математиков и программистов на основе теории «Смысл \Leftrightarrow Текст» И.А. Мельчука и лингвистического обеспечения Ю.Д. Апресяна.

Следует признать, что масштабность и глубина исследований, выполненных в процессе разработки теории «Смысл \Leftrightarrow Текст», позволили создать на её базе ряд прикладных систем, но не принесли значительного прорыва в понимании компьютером семантики текстов. Анализируя функциональность своих моделей, И.А. Мельчук отмечал исключительную важность их соотнесения «с психической, физиологической, нейрологической реальностью говорения и понимания». В то же время «значительная сложность соответствующей проблематики при её относительно слабой теоретической разработанности» обусловили отказ «от моделирования «настоящих» процессов функционирования языка» [Мельчук, 1999, с. 15]. С использованием терминологии Н. Хомского, справедливо утверждалось, теория «Смысл \Leftrightarrow Текст» дает возможность моделировать «*linguistic competence* говорящих (их языковые познания), а не *linguistic performance*, т.е. не действительные процессы применения говорящими и слушающими своих познаний в актах речевого общения» [Мельчук, 1999, с. 15].

К началу 1990-х годов появились различные интерактивные системы машинного перевода, функционирование которых осуществляется с участием человека. Системы, предполагающие привлечение человека для редактирования переведенного компьютером текста, получили название *систем машинного перевода с постредактированием*. Программные средства, требующие участия человека в подготовке текста для последующего компьютерного перевода, стали именоваться *системами машинного перевода с предредактированием*. *Системами частично автоматизированного перевода* стали называться системы, в которых осуществляется взаимодействие человека и компьютера в процессе перевода. Наконец, системы, работа которых основана на сочетании различных режимов участия человека в процессе перевода, получили название *смешанных систем машинного перевода* [Дроздова, 2015].

В начале 2000-х годов использовались средства компьютерной лингвистики, функционирующие на основе правил. К тому времени различали два подтипа систем перевода, основанных на правилах. К первому подтипу относились средства, обозначенные термином *трансферные системы*, второй подтип составили средства, именуемые *интерлингвистическими системами*. Функционирование трансферной системы в наибольшей мере соответствует логической схеме работы человека-переводчика. Такая система «анализирует исходное предложение, переводит его слова, выясняет их роли, а затем с помощью грамматики собирает новое предложение на конечном языке» [Прикладная... 2016, с. 160]. Системы машинного перевода, получившие название *интерлингвистических систем*, основывались на использовании языка-посредника, который именовался *интерлингвой*. При



этом предполагалось, что в качестве языка-посредника следовало понимать «не язык в привычном для нас смысле, а некоторое формальное представление смысла человеческой речи и мыслей» [Прикладная... 2016, с. 160]. Сейчас такие системы практически не используются, т.к. «создать полноценный универсальный вспомогательный язык ученым пока не удалось» [Прикладная... 2016, с. 160].

Реализации идеи метаязыка, «на котором желательно представлять содержание любого текста», посвящены работы Н.Н. Леонтьевой, которая исследовала особую роль *семантического компонента* «как наиболее содержательного участка компьютерного понимания» [Леонтьева, 2006, с. 3]. В своих исследованиях она стремилась пойти «по пути создания языка, пригодного для решения наиболее сложных информационных задач, к которым относятся накопление и классификация информации, ее преобразование и сжатие, фактографический поиск, документальный поиск, автоматический перевод с одного языка на другой, в частности на тот же самый, но с заданными критериями потерь» [Леонтьева, 2006, с. 105]. Такой многофункциональный метаязык именовался *информационным языком-посредником*. В конце 1990-х годов Н.Н. Леонтьева руководила созданием экспериментальной системы *ПОЛИТЕКСТ*, которая проектировалась не только в целях автоматического анализа политических текстов, но и как «единая многоканальная система понимания текстов и автоматического извлечения информации из текстов» [Леонтьева, 2006, с. 14]. Особое внимание обращалось на то, что текст «может быть понят с разной степенью подробности, с разными оценками, с разными фокусами внимания, с точки зрения разных предметных областей» [Леонтьева, 2006, с. 14]. Такая идея о том, что «один и тот же текст допускает разные результаты понимания в зависимости от разных условий» получила название *мягкого понимания текста* [Леонтьева, 2006, с. 4].

На основе результатов проекта ПОЛИТЕКСТ в 2001 году была создана пробная версия системы *ДИАЛИНГ*, предназначавшейся для машинного перевода с русского языка на английский. В его проектировании принял участие А.В. Сокирко, который затем вместе с рядом других выпускников факультета лингвистики Российского государственного гуманитарного университета вошел в состав рабочей группы *АОТ*, занимавшейся разработкой программного обеспечения в области под названием *автоматическая обработка текста* [Автоматическая обработка... 2003]. В рамках реализации одноименного проекта были разработаны модули для проведения графематического, морфологического, синтаксического и семантического анализа, а также *синтаксический анализатор именных групп* [Сокирко, Толдова, 2005; Прикладная... 2016].

Формирование терминологии компьютерной лингвистики на этапе применения статистических методов

Одной из лучших систем машинного перевода в XX веке, по мнению экспертов, была американская разработка под названием *Systran* [Systran translate], англо-русская версия которой создана ещё в 1973 году. В начале 1990-х годов она приобрела популярность и активно использовалась в браузерах «Yahoo!» и «Google». Однако в 2004 году компания «Google» отказалась от этой системы и приступила к разработке собственного принципиально нового машинного переводчика. Было принято «решение разработать систему перевода на основе статистики без использования грамматики и словарей» [Митренина, 2017, с. 9]. Функционирование системы предполагало использование объемного текстового корпуса, содержащего наборы предложений на исходном языке и соответствующие им переведенные предложения. Для получения результата компьютер «анализирует, какие фрагменты предложения (например, биграммы и триграммы) часто встречаются вместе в оригинале и в переводе, а затем, получив новое предложение, строит для него (только на основе статистики, без использования лингвистических знаний) наиболее вероятное предложение-перевод» [Митренина, 2017, с. 9]. Эта технология получила название *статистического машинного перевода* (англ. *Statistical Machine Translation, SMT*).

Статистические средства начали применять и в системах, основанных на правилах. В целях улучшения качества машинного перевода RBMT-переводчики стали дополняться элементами, именуемые термином *базы памяти переводов*. В них заранее сохранялись текстовые фрагменты и их выполненные человеком переводы, которые могли «вставляться в текст автоматически или по указанию пользователя» [Прикладная и ..., 2016, с. 162]. Такая технология получила название *гибридного машинного перевода* (англ. *Hybrid Machine Translation, HMT*). В её основе лежали методы машинного перевода по правилам и статистические методы, при которых оказывались «задействованными двуязычные базы часто встречающихся предложений» [Паренко, 2021, с. 75]. Такая технология нашла применение, например, в разработках российской компании *PROMT* (аббревиатура «*PROject Machine Translation*») [История... 2019].

Потенциал статистических методов получил применение в компьютерной морфологии. В частности, при анализе слов выполнялась процедура, именуемая *автоматической частеречной разметкой* (англ. *part of speech tagging, POS-tagging*). В процессе данной разметки каждое слово в предложении получало соответствующую части речи метку, именуемую термином *тег* (англ. *tag* – «бирка»). При этом обращалось внимание на контекст, в котором употреблялось каждое слово, т.е. на вероятность следования определенного тега после той или иной части речи, например, учитывалась существующая статистическая закономерность, состоящая в том, что «в русском языке после предлога будет идти, скорее всего, существительное, а не глагол» [Прикладная и ..., 2016, с. 28].

В начале 2000-х годов статистические данные применялись и для выполнения синтаксического анализа. При этом рассматривались сначала наиболее вероятные варианты синтаксических конструкций. В таких методах, получивших название *синтаксического парсинга*, использовались размеченные текстовые коллекции для оценивания того, «как часто в реальных текстах реализуется то или иное синтаксическое правило» [Прикладная... 2016, с. 47].

Методы морфологического и синтаксического анализа, основанные на обработке статистических данных, нашли применение в компьютерных системах информационного поиска. В основе поиска начали использовать базу данных, содержащую «сведения о словах и их позициях в документах» (Интернет-страницах), которую стали именовать термином *индекс* [Батура, 2016, с. 46]. В целях повышения скорости поиска и уменьшения Интернет-трафика в процессе передачи информации по сети было предложено загрузку часто запрашиваемых документов осуществлять не с сервера-источника, а сохранять их на промежуточных серверах или компьютере пользователя. Эта процедура получила название *кэширование интернет-страниц*. Для удобства получения результатов необходимо, что наиболее подходящие запросу документы располагались как можно ближе к началу поисковой выдачи. Такой порядок отображения результатов поиска обеспечивался применением процедуры, именуемой термином *ранжирование*. Для обозначения соответствия найденного документа «смысловому содержанию информационного запроса» стал применяться термин *релевантность* [Батура, 2016, с. 48]. Использование статистических алгоритмов поиска и отбора, в частности, учет «частот лемм вместо частот слов» дало возможность получать «большой вес для релевантных документов» и помещать их в массив отобранных результатов [Батура, 2016, с. 50]. При этом применение морфологического и синтаксического анализа позволило увеличить показатели, именуемые терминами *полнота поиска* («доля найденных документов в числе всех релевантных документов в коллекции») и *точность поиска* («доля релевантных документов в числе всех найденных») [Прикладная... 2016, с. 198].

В качестве основных компонентов поисковых систем стали использоваться программные средства, именуемые *базовым поиском* и *метапоиском*. Базовый поиск представляет собой программу, служащую для обеспечения поиска по определенной части индекса. Под метапоиском стала пониматься программа, «обеспечивающая прием и разбор



(например, лингвистический) поисковых запросов; выбор базовых поисков и передачу им запросов; кэширование страниц с результатами поиска; агрегацию и ранжирование найденных документов» [Батура, 2016, с. 46-47]. Опыт разработки и применения поисковых систем со временем показал важность применения семантического анализа текстов. Действительно, пользователей интересует, прежде всего, «нахождение тех документов, в которых описываются конкретные свойства запрашиваемого предмета или явления, то есть так называемый *поиск по смыслу*», а не *поиск по ключевым словам* [Батура, 2016, с. 51].

Многообещающие возможности статистических методов способствовали переходу крупнейших компаний к разработке SMT-продуктов. Статистические модели нашли применение в 2007 году в системе *Google Translate*, и в 2011 году в программном обеспечении *Яндекс-переводчик* [Тихонов, 2017, с. 227]. Наиболее перспективные инструменты в те годы анализировали «статистические отношения между словами вместо того, чтобы использовать глубокую систему логических правил [Хобсон и др., 2020, с. 41]. К тому времени в средствах компьютерной лингвистики начали широко применяться так называемые *триграммные скрытые марковские модели*, позволяющие «предсказывать вероятность следующих элементов цепи, анализируя не всю цепочку, а только один или несколько последних ее элементов» [Прикладная и ..., 2016, с. 116]. Согласно этим моделям для обработки естественно-языковой информации излишне «использовать большой предшествующий контекст», поэтому «стали брать контекст из двух предыдущих слов» [Митренина, 2019, с. 403-404]. Так, статистические исследования выдающего русского математика А.А. Маркова, выполненные ещё в начале XX века, дали возможность, спустя почти сто лет, улучшить морфологическую разметку текстов, а также повысить качество систем, функционирующих в области, именуемой *автоматическим распознаванием речи*.

Решение задач компьютерной лингвистики тесно связано с направлением, именуемым термином *автоматическая обработка естественного языка* (англ. *Natural Language Processing, NLP*). Последовательность выполняемых этапов обработки естественного языка называют *конвейером* (англ. *pipeline*). Первоначальным этапом конвейера NLP является токенизация, для выполнения которой используются программные средства, именуемые *токенизаторами*. С помощью этих средств разбиваются «неструктурированные данные, текст на естественном языке, на фрагменты информации, которые можно считать отдельными элементами» [Хобсон и др., 2020, с. 71]. Набор всех допустимых токенов в текстовом корпусе именуется термином *словарь* [Хобсон и др., 2020, с. 71]. При составлении словаря могут приниматься во внимание как отдельные слова, так и наборы стоящих рядом слов, например, *биграммы* или *триграммы* [Большакова и др., 2017, с. 26]. С целью «уменьшения сложности вычислений при извлечении информации из текста» в конвейере NLP исключаются так называемые *стоп-слова*, т.е. «распространенные слова на любом языке, которые встречаются очень часто, но несут в себе гораздо меньше содержательной информации о смысле фразы» [Хобсон и др., 2020, с. 91]. Следующим этапом выступает выполнение процедуры, именуемой *стеммингом*. Она состоит в определении «основы слова путем отбрасывания окончаний из известного набора (возможно, псевдоосновы за счёт отбрасывания псевдоокончаний)» [Большакова и др., 2017, с. 44]. Для более тонкой нормализации слова «до его семантического корня – леммы» выполняется этап, обозначенный термином *лемматизация* [Хобсон и др., 2020, с. 100]. Компьютерная программа, именуемая *лемматизатором*, «использует базу знаний синонимов и окончаний слов, чтобы объединять в один токен только близкие по смыслу слова» [Хобсон и др., 2020, с. 100]. Исключение стоп-слов, выполнение стемминга и лемматизации позволяет уменьшить размерность языковой модели, которая в результате «становится более общей, но также и менее точной» [Хобсон и др., 2020, с. 100].

В целях числового определения смысла отдельных слов, текстовых фрагментов или целых документов конвейер NLP предусматривает выполнение важнейшего этапа, имену-

емого *векторизацией*. В процессе автоматической обработки естественного языка используется та или иная признаковая модель, на основе которой из текста извлекаются наборы числовых данных в виде структуры, именуемой терминами *вектор* или *эмбединг* (англ. *embedding* – «вложение»). Простейший метод получения эмбедингов использует бинарную модель векторов, соответствующую *унитарному кодированию* (англ. *one-hot encoding* – «горячее, однократное кодирование»). После подсчета токенов каждый документ «может быть представлен в виде вектора, последовательности целых чисел для каждого слова или токена в этом документе» [Хобсон и др., 2020, с. 54]. Упрощенным признаковым представлением текста является модель, именуемая термином *мешок слов* (англ. *bag of words*, *BOW*). Получаемая BOW-структура имеет вид «матрицы, каждая строка в которой соответствует отдельному документу или тексту, а каждый столбец – определенному слову», каждая ячейка которой «на пересечении строки и столбца содержит количество вхождений слова в соответствующий документ» [Хмельков, 2015].

Чтобы научить компьютер лучше понимать смысл текста, исследователи предпринимали различные попытки усложнить векторизацию вычислениями дополнительной информации, позволяющей глубже постигать семантику естественно-языковых данных. В качестве параметра оценки важности находящихся в тексте слов было предложено использовать величину, соответствующую частоте появления того или иного слова в документе, именуемую *частотностью*. Так в средствах NLP стали учитываться факты, показывающие, «насколько часто каждое слово языка (термин) встречается в корпусе и насколько важно его появление в конкретном тексте» [Крылов, 2019]. Для обозначения числовой структуры, отражающей «частоту вхождения слов, а не порядок их расположения» [Хобсон и др., 2020, с. 77], появился термин *вектор частотности слов*. Этот вектор, длина которого «равна длине словаря (числу отслеживаемых уникальных токенов)», начали использовать «для представления всего документа или предложения» [Хобсон и др., 2020, с. 77]. Распространенным показателем, отражающим степень важности слов, содержащихся в естественно-языковом документе, стала величина, обозначаемая аббревиатурой *TF-IDF* (англ. *Term Frequency Inverse Document Frequency* – «частотность термина умножить на обратную частотность документа») [Хобсон и др., 2020, с. 112].

Дальнейшие исследования в сфере NLP позволили разработать метод для определения смысла, содержащегося в словосочетаниях. Этот метод получил название *латентно-семантический анализ* (англ. *Latent Semantic Analysis*, *LSA*). Применение LSA дало возможность представлять «в виде векторов смысл не только слов, но и целых документов» [Хобсон и др., 2020, с. 141]. С помощью латентно-семантического анализа можно выполнять анализ таблицы векторов TF-IDF и группировать слова по темам. Использование векторов тем позволило «сравнивать значения слов, документов, высказываний и корпусов», кроме того, «находить документы, соответствующие запросу, а не просто хорошо подходящие к статистике слов» [Хобсон и др., 2020, с. 195], т.е. решать прикладные задачи, именуемые термином *семантический поиск*.

Период пополнения терминологии компьютерной лингвистики нейросетевыми терминами

Применение статистических методов для выполнения семантического анализа давало некоторые успехи в решении проблемы «неоднозначности естественного языка – того факта, что слова и фразы часто имеют несколько значений и интерпретаций» [Хобсон и др., 2020, с. 41]. Однако по мнению экспертов и простых пользователей качество статистического машинного перевода оставляло желать лучшего, ведь методы, основанные на статистике, «в первую очередь направлены на преодоление комбинаторных сложностей при обработке огромных массивов текстов и очень слабо учитывают внутренние структуры языка (по существу все происходит без учета лингвистики). Отсюда – существенные

затруднения в тех вопросах, где требуется понимание смысла текста» [Тихонов, 2017, с. 229]. Кроме того, при использовании вероятностной триграммной модели языка «машина использует всего один признак: частоту появления слова после двух других слов» [Митренина, 2019, с. 405]. В этих случаях не используются возможности «задавать машине другие признаки и решать другие задачи, используя математические методы» [Митренина, 2019, с. 405]. Мощнейшим аппаратом, позволяющим обрабатывать сложные данные, оказались искусственные нейронные сети, которые стали применяться «как попытка смоделировать на компьютере работу человеческого мозга. Именно они дают лучшие результаты в тех случаях, когда признаков так много, что непонятно, какие из них влияют на результат» [Митренина, 2019, с. 405]. Интерес к нейросетевым технологиям растет с каждым годом, они очень востребованы во многих предметных областях [Polshchikov et. al., 2017; Polshchikov et. al., 2019; Polshchikov et. al., 2020; Агузумцян и др., 2021; Alghazali et. al., 2021; Mahdi et. al., 2021; Velikanova, 2021], поэтому вполне оправдано их применение и в сфере компьютерной лингвистики.

Инновационный нейросетевой способ получения векторных представлений слов предложил чешский исследователь Томаш Миколов. Его идея состояла в предсказании слова на основе имеющейся информации о соседних словах с помощью довольно простой нейронной сети, обученной на большом корпусе немаркированных текстов. В 2013 году было разработано соответствующее программное обеспечение с «говорящим» названием *Word2vec*, реализующее преобразование слов в числовые векторы сравнительно небольшой размерности [Mikolov et. al., 2013]. Эксперименты показали, что ответы на вопросы средствами *Word2vec* давались многократно точнее, чем *LSA*. Специалисты в сфере NLP отмечали, что «Миколов и его соавторы добились точности ответов всего в 40 %. Но тогда, в 2013 году, это значительно превосходило любой другой подход к семантическим умозаключениям» [Хобсон и др., 2020, с. 239]. Вскоре после появления технология *Word2vec* была усовершенствована: в целях повышения скорости обучения нейросети и экономии компьютерных ресурсов разработан метод, основанный на «оптимизации *глобальных векторов* (англ. *global vectors*) совместной встречаемости слов» [Хобсон и др., 2020, с. 255]. Он получил соответствующее название *GloVe*.

Направление исследований и разработок, ориентированное на применение искусственных нейронных сетей для решения задач машинного перевода, получило название *нейросетевой* или *нейронный машинный перевод* (англ. *Neural Machine Translation, NMT*). В 2016 году компания Google предоставила пользователям первую нейросетевую систему машинного перевода, работа которой показала «значительное улучшение качества переведенных текстов, и это направление, как и другие способы компьютерной обработки языка с помощью нейронных сетей, сейчас развивается наиболее активно» [Хобсон и др., 2020, с. 9].

Чтобы лучше уловить смысл текста, необходимо в процессе анализа иметь возможность учитывать полученную ранее информацию. Функция запоминания прошлых слов в текстовой последовательности реализована в NLP-системах, которые основаны на применении аппарата, называемого *рекуррентными нейронными сетями* (англ. *Recurrent Neural Networks, RNN*). Рекуррентная нейросеть обладает обратными связями и принимает на вход последовательность естественно-языковых данных (слов), при этом имеет значение порядок подачи этих данных. Однако веса нейронов в рекуррентной нейросети затухают слишком быстро по мере просмотра предложения, поэтому при использовании RNN возникают сложности в обнаружении взаимосвязей между достаточно далеко отстоящими друг от друга словами. Для «запоминания прошлого в масштабах всего предложения» [Хобсон и др., 2020, с. 330] разработаны *нейронные сети с долгой краткосрочной памятью* (англ. *Long Short-Term Memory, LSTM*). Нейросети LSTM, которые появились как разновидность RNN, демонстрировали настолько хорошие результаты, что «заменили рекуррентные нейронные сети практически во всех приложениях NLP» [Хобсон и др., 2020,

с. 330]. Применение LSTM-моделей позволило «выявлять очевидные для человека (и обрабатываемые на подсознательном уровне) языковые закономерности, которые позволяют не только точнее классифицировать примеры данных, но и генерировать на их основе совершенно новый текст» [Хобсон и др., 2020, с. 331].

Стремление создавать краткие изложения объемных статей, находить наиболее релевантную информацию в больших документах привело к появлению в сфере NLP очередного изобретения, именуемого *механизмом внимания* (англ. *attention mechanism*) [Vaswani et. al., 2017]. С его использованием в 2017 году создана архитектура нейронных сетей, получившая название *трансформер*. В нейросети-трансформере механизм внимания реализован в виде дополнительного слоя нейронов, который «делает возможной прямую связь между выходным и входным сигналами за счет выбора релевантных фрагментов входного сигнала» [Хобсон и др., 2020, с. 395]. В 2018 году появилась усовершенствованная версия трансформера, именуемая англоязычной аббревиатурой *BERT (Bidirectional Encoder Representations from Transformers)* [Devlin et. al., 2018]. Технология BERT для автоматической обработки естественно-языковых данных предполагает использование трансформеров, предварительно обученных на огромных текстовых массивах. Такие системы стали называться *предобученными нейронными сетями* (англ. *pre-trained neural networks*). Для решения конкретной NLP-задачи следует завершить настройку нейросети с помощью соответствующих специфических текстовых наборов. Развитие современных систем компьютерной лингвистики привело к разработке в 2020 году крупнейшей модели обработки естественно-языковых данных, именуемой *GPT-3 (Generative Pre-trained Transformer 3)* [Brown et. al., 2020]. Конструктивно сложнейший NLP-трансформер третьего поколения многократно превосходит предыдущие версии по числу используемых для векторизации параметров. Обучение GPT-3 производилось на специально спроектированном суперкомпьютере с использованием десятков терабайт сжатых текстовых данных. Благодаря этому новый трансформер приобрел уникальный функционал, например, если ввести начало текста, то программа сгенерирует его наиболее вероятное продолжение. Алгоритмы GPT-3, работающие по принципу, именуемому термином *автодополнение*, способны создавать не только тексты различных историй, пресс-релизов, технической документации, но и писать песни, а также генерировать программный код [Нейросеть GPT-3..., 2020].

Современные нейросетевые средства компьютерной лингвистики находят применение для решения широкого спектра прикладных задач. Хотя нейронные сети изначально проектировались, «чтобы научить машину оценивать количественно входные данные», но «их поле деятельности выросло с тех пор от классификации и регрессии (анализа тем, тональностей) до возможности настоящей генерации нового текста на основе входных данных, ранее незнакомых моделей: перевода новых фраз на другой язык, генерации ответов на новые вопросы (чат-боты) и даже генерации нового текста в стиле конкретного автора» [Хобсон и др., 2020, с. 270]. К задачам, решаемым средствами NLP относятся, например, распознавание и извлечение данных о каких-либо людях, организациях, географических локациях, называемых термином *именованные сущности*. При этом важное значение имеет корректное отнесение к именованным сущностям определенных именных групп или местоимений. Эта функция называется *автоматическим разрешением анафоры и кореферентности*. Стремительно развивается прикладное направление компьютерной лингвистики, которое ориентировано на обеспечение живого естественно-языкового диалога человека с виртуальным ассистентом, именуемым *диалоговой системой* или *чат-ботом*. С этим направлением тесно связано решение задачи, именуемой *пониманием естественного языка* (англ. *Natural Language Understanding, NLU*). Повышение уровня «интеллектуальности» диалоговых систем обеспечивается на основе их интеграции со средствами, именуемыми *вопросно-ответными системами*, цель которых – «не убедить пользователя в



своей «человечности», а предоставить максимально точный ответ на вопрос, заданный на естественном языке» [Прикладная... 2016, с. 244]. Чтобы NLP-система была максимально полезной человеку в предоставлении нужной информации, она наделяется способностью к выполнению функции краткого изложения содержания текста, называемой *автоматическим реферированием*. Довольно востребованными сегодня являются системы компьютерной лингвистики, дающие возможность оценить эмоциональное восприятие людьми той или иной информации, т.е. выполняющие функцию, называемую термином *анализ тональности*, или *сентимент-анализ*.

Несмотря на достигнутые значительные успехи в сфере автоматической обработки естественного языка, «компьютеры пока неспособны решать большинство практических задач NLP, таких как разговор и понимание прочитанной информации, так же точно и качественно, как это делают люди» [Хобсон и др., 2020, с. 41]. Многие специалисты считают, что «нейросеть умело бросает пыль в глаза, выдавая текст, похожий на человеческий, но даже таким примерам не хватает глубины проработки: это больше похоже на копирование и вставку готовой информации, нежели на осмысленный подход» [Нейросеть... 2020]. Однако средства NLP продолжают непрерывно совершенствоваться, а вместе с ними развивается и терминология компьютерной лингвистики.

Заключение

Выполненный диахронический анализ позволил описать процесс становления и формирования терминологии компьютерной лингвистики, выявить периоды ее развития, обосновать эволюцию системы понятий изучаемой предметной сферы. Проведенное исследование дало возможность выделить три основных периода формирования терминологии компьютерной лингвистики.

Первый период (1950–1990 гг.) соответствует этапу развития средств компьютерной лингвистики, основанных на правилах. Он характеризуется формированием исследуемой терминологии под влиянием лингвистических терминов. В этом периоде появляются термины *компьютерная морфология*, *интерлингвистический перевод*, *автоматический синтаксический анализ*, *порождающая грамматика*, *лингвистический процессор* и др.

Второй период (с 2000-х годов до начала 2010-х годов) соответствует этапу развития средств компьютерной лингвистики, основанных на статистических методах. Исследуемая терминология формировалась под влиянием терминов математической статистики. Во втором периоде вошли в употребление термины *статистический машинный перевод*, *вектор частотности слов*, *точность* и *полнота поиска*, *обратная частотность документа* и др.

В третьем периоде (с начала 2010-х годов до настоящего времени) в связи с доминированием средств компьютерной лингвистики, основанных на искусственных нейронных сетях, пополнение исследуемой терминологии осуществляется нейросетевыми терминами. Примерами терминов, сформированных в этом периоде, являются *нейросетевой машинный перевод*, *LSTM-модель*, *предобученный NLP-трансформер*, *BERT* и др.

Результаты исследования показали, что терминология компьютерной лингвистики находится в состоянии непрерывной динамики вследствие стремительного развития соответствующих научных методов и прикладных технологий, появления новых понятий, обусловленного процессами усовершенствования аппаратных и программных средств в сфере обработки естественно-языковых данных.

Полученные результаты вносят вклад в изучение проблем научно-технической терминологии, обоснование тенденций её развития.

Список источников

- Автоматическая обработка текста. 2003. URL: <http://www.aot.ru/history.html> (дата обращения: 10.02.2022).
- Богданова О. 2021. От Декарта до Google Translate. Удивительная история машинного перевода. Teletype, 18 апреля 2021 года. URL: <https://teletype.in/@iambocca/machine-translation> (дата обращения: 10.02.2022).
- История машинного перевода: от гипотез Лейбница и Декарта – до мобильных приложений и облачных сервисов. ПРОМТ, 21 марта 2019 года. URL: <https://www.promt.ru/press/blog/istoriya-mashinnogo-perevoda-ot-gipotez-leybnitsa-i-dekarta-do-mobilnykh-prilozheniy-i-oblachnykh-se/> (дата обращения: 10.02.2022).
- Крылов В. 2019. Что такое эмбединги и как они помогают искусственному интеллекту понять мир людей. Наука и жизнь, 17 апреля 2019 года. URL: <https://www.nkj.ru/open/36052/> (дата обращения: 10.02.2022).
- Многоцелевой лингвистический процессор ЭТАП-3. 2022. Российская Академия наук. Институт проблем передачи информации им. А.А. Харкевича. URL: <http://iitp.ru/ru/science/works/452.htm> (дата обращения: 10.02.2022).
- Национальный корпус русского языка. 2003-2022. URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (дата обращения: 10.02.2022).
- Нейросеть GPT-3 от OpenAI пишет стихи, музыку и код. Почему она пока далека от настоящего ИИ, но способна поменять мир. Компьютерная лингвистика, анализ текстов, корпусная лингвистика, 8 августа 2020 года. URL: https://ai-news.ru/2020/08/nejroset_gpt_3_ot_openai_pishet_stihi_muzyku_i_kod_pochemu_ona_poka_dalek.html (дата обращения: 10.02.2022).
- Синтаксически размеченный корпус русского языка: информация для пользователей. 2003-2022. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/instruction-syntax.html> (дата обращения: 10.02.2022).
- Хмельков И. 2015. Мешок слов и sentiment-анализ на R. Хабр, 7 апреля 2015 года. URL: <https://habr.com/ru/post/255143/> (дата обращения: 10.02.2022).
- Systran translate. URL: <https://www.systran.net/en/translate/> (accessed: February 10, 2022).

Список литературы

- Агузумян Р.В., Великанова (Герасимова) А.С., Польщиков К.А., Игитян Е.В., Лихошерстов Р.В. 2021. О применении интеллектуальных технологий обработки естественного языка и средств виртуальной реальности для поддержки принятия решений при подборе исполнителей проектов. *Экономика. Информатика*, 48(2): 392–404. DOI: 10.52575/2687-0932-2021-48-2-392-404
- Апресян Ю.Д., Богуславский И.М., Иомдин Л.Л. 1992. Лингвистический процессор для сложных информационных систем. Под ред. Л.П. Крысина. М., Наука, 256 с.
- Батура Т.В. 2016. Математическая лингвистика и автоматическая обработка текстов на естественном языке. Новосибирск, РИЦ Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 166 с.
- Богуславский И.М., Иомдин Л.Л., Крейдлин Л.Г., Фрид Н.Е., Сагалова И.Л., Сизов В.Г. 2000. Модуль универсального сетевого языка в составе системы ЭТАП-3[1]. В кн.: Сборник 2000. URL: https://www.dialog-21.ru/digest/2000/articles/boguslavsk_i_m/ (дата обращения: 10.02.2022).
- Блехман М.С. 2012. Краткая историческая справка о зарождении и успешном развитии компьютерной лингвистики в СССР. *Петербургская библиотечная школа*, 2(39): 4–6. URL: http://www.rasl.ru/e_editions/pbsh_2012-2-39.pdf (дата обращения: 10.02.2022).
- Большакова Е.И., Воронцов К.В., Ефремова Н.Э., Клышинский Э.С., Лукашевич Н.В., Сапин А.С. 2017. Автоматическая обработка текстов на естественном языке и анализ данных. М., Изд-во НИУ ВШЭ, 269 с.
- Дроздова К.А. 2015. Машинный перевод: история, классификация, методы. В кн.: Филологические науки в России и за рубежом. Материалы III международной научной конференции, Санкт-Петербург, 20–23 июля 2015 г. СПб., Свое издательство: 139–141. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/138/8497/> (дата обращения: 08.04.2022).



- Мельчук И.А. 1999. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл \Leftrightarrow Текст». М., Школа «Языки русской культуры», 346 с.
- Митренина О.В. 2017. Назад, в 47-й: к 70-летию машинного перевода как научного направления. Вестник Новосибирского государственного университета. *Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 15 (3): 5–12. DOI: 10.25205/1818-7935-2017-15-3-5-12
- Митренина О.В. 2019. Нейронные сети и компьютерная обработка языка. *Journal of Applied Linguistics and Lexicography*, 1 (2): 399–408.
- Леонтьева Н.Н. 2006. Автоматическое понимание текстов: системы, модели, ресурсы. М., Академия, 304 с.
- Прикладная и компьютерная лингвистика. 2016. Под ред. И.С. Николаева, О.В. Митрениной, Т.М. Ландо. М., Ленанд, 320 с.
- Раренко М.Б. 2021. Машинный перевод: от перевода «по правилам» к нейронному переводу. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия: Языкознание. Реферативный журнал*, 3: 70–79. DOI: 10.31249/ling/2021.03.05
- Сокирко А.В., Толдова С.Ю. 2005. Сравнение эффективности двух методик снятия лексической и морфологической неоднозначности для русского языка (скрытая модель Маркова и синтаксический анализатор именных групп). В кн.: Интернет-математика 2005: автоматическая обработка веб-данных. М.: 80–94. URL: <http://hdl.handle.net/10995/1391> (дата обращения: 10.02.2022).
- Тихонов А.С. 2017. Компьютерная лингвистика и межпредметные связи в преподавании математических и лингвистических дисциплин. В кн.: Математика, информатика, компьютерные науки, моделирование, образование. Сборник научных трудов научно-практической конференции МИКМО-2017 и Таврической научной конференции студентов и молодых специалистов по математике и информатике, Симферополь, 10–14 апреля 2017 г. Под ред. В.А. Лукьяненко. Симферополь, ИП Корниенко: 222–231.
- Тьюринг А.М. 1960. Может ли машина мыслить? (С приложением статьи Дж. фон Неймана Общая и логическая теория автоматов.) Пер. с англ. Ю.В. Данилова. Под ред. С.А. Яновской. М., Государственное издательство физико-математической литературы, 67 с. URL: http://www.etheroneph.com/files/can_the_machine_think.pdf (дата обращения: 10.02.2022). (Turing A.M. 1950. *Computing Machinery and Intelligence* ((Neumann J. 1951. *The General and Logical Theory of Automata*. In: *Cerebral Mechanisms In Behavior. The Hixon Symposium*. Ed. L.A. Jeffress. New York—London: 2070–2098.) *Mind*, New Series, Vol. 59, No. 236: 433–460)
- Хобсон Л., Ханнес Х., Коул Х. 2020. Обработка естественного языка в действии. Пер. с нем. И. Пальти, Сергей Черникова. СПб., Питер, 576 с. (Hobson L., Hannes M. H., Cole H. 2019. *Natural Language Processing in Action Understanding, analyzing, and generating text with Python*. Manning Publications, 544 p.)
- Alghazali S.M.M., Polshchikov K., Hailan A.M., Svoynkina L. 2021. Development of Intelligent Tools for Detecting Resource-intensive Database Queries. *International Journal of Advanced Computer Science and Applications*, 12 (7): 32–36.
- Brown T.B., Mann B., Ryder N., Subbiah M., Kaplan J., Dhariwal P., Neelakantan A., Shyam P., Sastry G., Askell A., Agarwal S., Voss A.H., Krueger G., Henighan T., Child R., Ramesh A., Ziegler D.M., Wu J., Winter C., Hesse C., Chen M., Sigler E., Litwin M., Gray S., Chess B., Clark J., Berner C., McCandlish S., Radford A., Sutskever I., Amodei D. 2020. Language Models are Few-Shot Learners. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2005.14165>
- Chomsky N. 1964. The logical basis of linguistic theory. In: Chomsky N., Lunt H. *Proceedings of the Ninth International Congress of Linguistics, Cambridge, Mass., August 27-31, 1962*. The Hague, Publ. Mouton and Co: 914–1008.
- Devlin J. Chang M.-W., Lee K., Toutanova K. 2018. BERT: Pre-training of Deep Bidirectional Transformers for Language Understanding. Available at: [arXiv:1810.04805 \[cs.CL\]](https://arxiv.org/abs/1810.04805) (accessed: February 10, 2022). DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.1810.04805>
- Mahdi T.N., Jameel J.Q., Polshchikov K.A., Lazarev S.A., Polshchikov I.K., Kiselev V. 2021. Clusters partition algorithm for a self-organizing map for detecting resource-intensive database inquiries in a geo-ecological monitoring system. *Periodicals of Engineering and Natural Sciences*, 9 (4): 1138–1145. DOI: <http://dx.doi.org/10.21533/pen.v10i1.2584>

- Mikolov T., Corrado G., Chen K., Dean J. 2013. Efficient Estimation of Word Representations in Vector Space. Available at: [arXiv:1301.3781v3](https://arxiv.org/abs/1301.3781v3) [cs.CL] (accessed: February 10, 2022). DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.1301.3781>
- Polshchikov K.A., Lazarev S.A., Konstantinov I.S., Polshchikova O.N., Svoikina L.F., Igityan E.V., Balakshin M.S. 2020. Assessing the Efficiency of Robot Communication. *Russian Engineering Research*, 40 (11): 936–938. DOI: 10.3103/S1068798X20110155
- Polshchikov K., Lazarev S., Polshchikova O., Igityan E. 2019. The Algorithm for Decision-Making Supporting on the Selection of Processing Means for Big Arrays of Natural Language Data. *Lobachevskii Journal of Mathematics*, 40 (11): 1831–1836. DOI: 10.1134/S1995080219110222
- Polshchikov K.O., Lazarev S.A., Zdorovtsov A.D. 2017. Neuro-Fuzzy Control of Data Sending in a Mobile Ad Hoc Network. *Journal of Fundamental and Applied Sciences*, 9 (2S): 1494–1501. DOI: 10.4314/jfas.v9i2s.856
- Vaswani A., Shazeer N., Parmar N., Uszkoreit J., Jones L., Gomez A.N., Kaiser L., Polosukhin I. 2017. Attention Is All You Need. Available at: <https://arxiv.org/pdf/1706.03762.pdf> (accessed: February 10, 2022). DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.1706.03762>
- Velikanova A.S., Polshchikov K.A., Likhosherstov R.V., Polshchikova A.K. 2021. The use of virtual reality and fuzzy neural network tools to identify the focus on achieving project results. In: Artificial Intelligence and Digital Technologies in Technical Systems II-2021. *Journal of Physics: Conference Series*, 2060 (1): 012017. DOI: 10.1088/1742-6596/2060/1/012017

References

- Aguzumtsyan R.V., Velikanova (Gerasimova) A.S., Pol'shchikov K.A., Igityan E.V., Likhosherstov R.V. 2021. Application of intellectual technologies of natural language processing and virtual reality means to support decision-making when selecting project executors. *Economics. Information Technologies*, 48(2): 392–404. DOI: 10.52575/2687-0932-2021-48-2-392-404
- Apresyan Yu.D., Boguslavskiy I.M., Iomdin L.L. 1992. Lingvisticheskiy protsessor dlya slozhnykh informatsionnykh system [A Linguistic processor for complex information systems]. Ed. L.P. Krysin. M., Publ. Nauka, 256 p.
- Batura T.V. 2016. Matematicheskaya lingvistika i avtomaticheskaya obrabotka tekstov na estestvennom jazyke [Mathematical Linguistics and Automatic Processing of Natural Language Texts]. Novosibirsk, Publ. RIC Novosibirskij nacional'nyj issledovatel'skij gosudarstvennyj universitet, 166 p.
- Boguslavskij I.M., Iomdin L.L., Krejdlin L.G., Frid N.E., Sagalova I.L., Sizov V.G. 2000. Modul' universal'nogo setevogo jazyka v sostave sistemy JeTAP-3[1] [Module of the universal network language as part of the ETAP-3 system[1]]. In: Sbornik 2000. Available at: https://www.dialog-21.ru/digest/2000/articles/boguslavsk_i_m/ (accessed: February 10, 2022).
- Blehman M.S. 2012. Kratkaja istoricheskaja spravka o zarozhdenii i uspeshnom razvitii komp'yuternoj lingvistiki v SSSR [Brief historical background on the origin and successful development of computational linguistics in the USSR]. *Peterburgskaja bibliotekhnaja shkola*, 2 (39): 4–6.
- Bol'shakova E.I., Voroncov K.V., Efremova N.Je., Klyshinskij Je.S., Lukashevich N.V., Sapin A.S. 2017. Avtomaticheskaja obrabotka tekstov na estestvennom jazyke i analiz dannyh [Automatic natural language processing and data analysis]. M., Publ. Izd-vo NIU VShJe, 269 p.
- Drozdova K.A. 2015. Mashinnyy perevod: istoriya, klassifikatsiya, metody [Machine translation: history, classification, methods]. In: Filologicheskie nauki v Rossii i za rubezhom [Philological sciences in Russia and abroad]. Proceedings of the III International Scientific Conference, St. Petersburg, July 20–23, 2015. SPb., Publ. Svoe izdatel'stvo: 139–141. Available at: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/138/8497/> (accessed: April 8, 2022).
- Mel'chuk I.A. 1999. Opyt teorii lingvisticheskikh modeley «Smysl ⇔ Tekst» [Experience of the theory of linguistic models "Meaning ⇔ Text"]. M., Publ. Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 346 p.
- Mitrenina O.V. 2017. Back to 1947: on the seventieth anniversary of machine translation as a scientific project. *Vestnik Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 15(3): 5–12 (in Russian). DOI: 10.25205/1818-7935-2017-15-3-5-12
- Mitrenina O.V. 2019. Artificial neural networks and natural language processing. *Journal of Applied Linguistics and Lexicography*, 1 (2): 399–408. (in Russian).



- Leont'eva N.N. 2006. Avtomaticheskoe ponimanie tekstov: sistemy, modeli, resursy [Automatic text comprehension: systems, models, resources]. M., Publ. Akademija, 304 p.
- Prikladnaya i komp'yuternaya lingvistika [Applied and Computational Linguistics]. 2016. Eds. I.S. Nikolaev, O.V. Mitrenina, T.M. Lando. M., Publ. Lenand, 320 p.
- Rarenko M.B. 2021. Mashinnyy perevod: ot perevoda «po pravilam» k neyronnomu perevodu [Machine translation: from translation “by the rules” to neural translation]. Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6: Linguistics, 3: 70–79. DOI: 10.31249/ling/2021.03.05
- Sokirko A.V., Toldova S.Yu. 2005. Comparing a stochastic tagger based on Hidden Markov Model with a rule-based tagger for Russian. In: Internet-matematika 2005: avtomaticheskaya obrabotka veb-dannykh [Internet Mathematics 2005: Automatic Web Data Processing]. M.: 80-94. Available at: <http://hdl.handle.net/10995/1391> (accessed: February 10, 2022).
- Tikhonov A.S. 2017. Computational linguistics and interdisciplinary relationships in mathematics and linguistics education. In: Mathematics Informatics Computer Science Modeling Education. Collection of scientific papers of the scientific-practical conference MIKMO-2017 and the Taurian scientific conference of students and young specialists in mathematics and computer science, Simferopol, April 10–14, 2017. Ed. V.A. Luk'yanenko. Simferopol', Publ. IP Kornienko: 222–231 (in Russian).
- T'yuring A.M. 1960. Mozhet li mashina myslit' [Can a machine think]? (S prilozheniem stat'i Dzh. fon Neimana. Obshchaya i logicheskaya teoriya avtomatov [General and logical theory of automata].) Per. from English. Yu.V. Danilov. Ed. S.A. Yanovskaya. M., Publ. Gosudarstvennoe izdatel'stvo fiziko-matematicheskoi literatury, 67 p. Available at: http://www.etheroneph.com/files/can_the_machine_think.pdf (accessed: February 10, 2022). (Turing A.M. 1950. Computing Machinery and Intelligence ((Neumann J. 1951. The General and Logical Theory of Automata. In: Cerebral Mechanisms In Behavior. The Hixon Symposium. Ed. L.A. Jeffress. New York—London: 2070–2098.) Mind, New Series, Vol. 59, No. 236: 433-460)
- Khobson L., Khannes Kh., Koul Kh. 2020. Obrabotka estestvennogo yazyka v deystvii [Natural language processing in action]. Per. s nem. I. Pal'ti, Sergey Chernikov. SPb., Publ. Piter, 576 p. (Hobson L., Hannes M. H., Cole H. 2019. Natural Language Processing in Action Under-standing, analyzing, and generating text with Python. Manning Publications, 544 p.)
- Alghazali S.M.M., Polshchikov K., Hailan A.M., Svoikina L. 2021. Development of Intelligent Tools for Detecting Resource-intensive Database Queries. International Journal of Advanced Computer Science and Applications, 12 (7): 32–36.
- Brown T.B., Mann B., Ryder N., Subbiah M., Kaplan J., Dhariwal P., Neelakantan A., Shyam P., Sastry G., Askell A., Agarwal S., Voss A.H., Krueger G., Henighan T., Child R., Ramesh A., Ziegler D.M., Wu J., Winter C., Hesse C., Chen M., Sigler E., Litwin M., Gray S., Chess B., Clark J., Berner C., McCandlish S., Radford A., Sutskever I., Amodei D. 2020. Language Models are Few-Shot Learners. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2005.14165>
- Chomsky N. 1964. The logical basis of linguistic theory. In: Chomsky N., Lunt H. Proceedings of the Ninth International Congress of Linguistics, Cambridge, Mass., August 27-31, 1962. The Hague, Publ. Mouton and Co: 914–1008.
- Devlin J. Chang M.-W., Lee K., Toutanova K. 2018. BERT: Pre-training of Deep Bidirectional Transformers for Language Understanding. Available at: [arXiv:1810.04805 \[cs.CL\]](https://arxiv.org/abs/1810.04805) (accessed: February 10, 2022). DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.1810.04805>
- Mahdi T.N., Jameel J.Q., Polshchikov K.A., Lazarev S.A., Polshchikov I.K., Kiselev V. 2021. Clusters partition algorithm for a self-organizing map for detecting resource-intensive database inquiries in a geo-ecological monitoring system. *Periodicals of Engineering and Natural Sciences*, 9 (4): 1138–1145. DOI: <http://dx.doi.org/10.21533/pen.v10i1.2584>
- Mikolov T., Corrado G., Chen K., Dean J. 2013. Efficient Estimation of Word Representations in Vector Space. Available at: [arXiv:1301.3781v3 \[cs.CL\]](https://arxiv.org/abs/1301.3781) (accessed: February 10, 2022). DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.1301.3781>
- Polshchikov K.A., Lazarev S.A., Konstantinov I.S., Polshchikova O.N., Svoikina L.F., Igityan E.V., Balakshin M.S. 2020. Assessing the Efficiency of Robot Communication. *Russian Engineering Research*, 40 (11): 936–938. DOI: 10.3103/S1068798X20110155
- Polshchikov K., Lazarev S., Polshchikova O., Igityan E. 2019. The Algorithm for Decision-Making Supporting on the Selection of Processing Means for Big Arrays of Natural Language Data. *Lobachevskii Journal of Mathematics*, 40(11): 1831–1836. DOI: 10.1134/S1995080219110222



- Polshchikov K.O., Lazarev S.A., Zdorovtsov A.D. 2017. Neuro-Fuzzy Control of Data Sending in a Mobile Ad Hoc Network. *Journal of Fundamental and Applied Sciences*, 9(2S): 1494–1501. DOI: 10.4314/jfas.v9i2s.856
- Vaswani A., Shazeer N., Parmar N., Uszkoreit J., Jones L., Gomez A.N., Kaiser L., Polosukhin I. 2017. Attention Is All You Need. Available at: <https://arxiv.org/pdf/1706.03762.pdf> (accessed: February 10, 2022). DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.1706.03762>
- Velikanova A.S., Polshchikov K.A., Likhoshesterov R.V., Polshchikova A.K. 2021. The use of virtual reality and fuzzy neural network tools to identify the focus on achieving project results. In: *Artificial Intelligence and Digital Technologies in Technical Systems II-2021. Journal of Physics: Conference Series*, 2060(1): 012017. DOI: 10.1088/1742-6596/2060/1/012017

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 13.04.2022.

Поступила после рецензирования 14.07.2022

Принята к публикации 10.09.2022

Received April 13, 2022.

Revised July 14, 2022

Accepted September 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Польщикова Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, профессионально-речевой и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga N. Polshchikova, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language, Professional Speech and Intercultural Communication, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia



УДК 81'373.45

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-3-608-616

Дифференциальные характеристики и семантические признаки англоязычных заимствованных терминов из области косметологии в русском и македонском языках

Ромашина О.Ю., Трендевска С.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
E-mail: romashina@bsu.edu.ru; trendevska@mail.ru

Аннотация. Авторы рассматривают процесс проникновения заимствованных косметологических терминов в русский и английский языки, способы трансляции их в названные языки и анализируют эти термины с точки зрения взаимодействия языковой картины мира. В фокусе внимания находится изучение синтаксического функционирования таких терминов, совпадения и отклонения от языковых правил русского и македонского языков. Показано, что косметические термины постоянно появляются в языках, так как эта отрасль является высоко востребованной, и не только путем заимствования, но также и путем рассмотрения семантической структуры исконных слов. Существуют различные способы передачи значения заимствованных слов, среди них наиболее частотными средствами передачи является транскрипция, транслитерация и калькирование. Но есть случаи, когда необходимо использовать описательные методы передачи значения терминов, исходя из особенностей семантико-синтаксической организации русского и македонского языков.

Ключевые слова: косметологические термины, лексикология, заимствования, русский язык, македонский язык

Для цитирования: Ромашина О.Ю., Трендевска С. 2022. Дифференциальные характеристики и семантические признаки англоязычных заимствованных терминов из области косметологии в русском и македонском языках. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41(3): 608–616. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-3-608-616

Differential Characteristics and Semantic Features of English Borrowed Terms from the Field of Cosmetology in Russian and Macedonian Languages

Olga Y. Romashina, Sandra Trendevska

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia
E-mail: romashina@bsu.edu.ru; trendevska@mail.ru

Abstract. Bearing in mind that the vocabulary of cosmetology is insufficiently researched, this additionally leads to and increasing interesting in the study of borrowed lexemes of this industry. This research work examines the process of penetration of borrowed cosmetology terms, which is also analyzed from the point of view of the interaction with the linguistic picture of the world. The syntactic functioning of such terms, the coincidence, and deviation from the linguistic rules of the Russian and Macedonian languages are on the focus of attention of the authors. The authors states that cosmetology forms are constantly appearing, as this industry is in great demand. But new forms appear not only through borrowing but also with the help widening of semantic structures of native words. It is stated that

there are different methods of transmitting semantics of alien lexemes and among them the most frequently used are transcription, transliteration and tracing. But there are many cases when it is necessary to use descriptive method of transmitting terms in Russian and Macedonian.

Keywords: cosmetology terms, lexicology, borrowings, Russian language, Macedonian language

For citation: Romashina O.Y. Trendevska S. 2022. Differential Characteristics and Semantic Features of English Borrowed Terms from the Field of Cosmetology in Russian and Macedonian Languages. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 41(3): 608–616 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-3-608-616

Введение

Развитие любой научной отрасли невозможно без участия адекватного лексикографического представления и соответствующий анализа семантики его заимствованных единиц, которые являются необходимыми для целостного изучения достижений специализированной области знаний и сопровождающей ее терминологии. Проникновение заимствованных слов, образование косметологических терминологических систем дало толчок в актуализации данного вопроса и выявлению англоязычных терминов в русском и македонском языках, используемых для наименования новых объектов действительности.

Терминология косметики в русском и македонском языках постоянно пополняется не только новыми англоязычными лексемами, но и исконными словами, которые продолжают развиваться под влиянием потребностей в номинации вновь возникших функций у уже имевшихся терминов, исконных и заимствованных [Конески, 1967; Карапејовски, 2011]. Это все влияет на семантическую вариативность и нередко порождает сложность в переводе и номенклатуре англоязычных устойчивых конструкций. Многие исследователи связывают это с тем, что термины косметики долгое время принадлежали области дерматологии, и, приобретая новые значения, они получили право существовать самостоятельно, тем самым и формировать новую научную терминологическую область [Крысин, 2004; 2007]. По этому поводу, вполне оправдано отметить, что «чаще всего наблюдается преобразование терминологии в терминосистему, когда формулируется определенная теория, лежащая в основу описания соответствующих областей знания или деятельности» [Лейчик, 2000, с. 23]. В связи с последним при поиске наиболее верного способа передачи значения заимствованного термина филолог должен выбрать самый подходящий сценарий: воспользоваться профессионализмом, передать англоязычный термин в графическом виде как в исходном языке, либо применить способ эквивалентного или безэквивалентного перевода. К этому следует добавить, что «во второй половине двадцатого столетия языкознание значительно расширило область своих интересов. Оно обратилось от исключительного внимания к развитию и структуре языковых систем к широкому кругу проблем, определяющих возможность использования языка как орудия мысли и средства речевой коммуникации. В центре внимания лингвистов оказалась смысловая сторона языковых единиц и речевых произведений, связь языка и мышления, реальной действительностью, с обществом и его культурой, с другими знаковыми системами. Только такая лингвистика и могла заняться теоретическим осмыслением современной переводческой деятельности, столь необходимой в связи с ее новыми небывалыми масштабами, возросшими требованиями к качеству переводов и задачами массовой подготовки профессиональных переводчиков» [Комиссаров, 1999].

Терминология косметологии продолжает развиваться, и рассмотрение семантических признаков зачастую становится полем трудностей и прагматических причин для появления неоднородных по структуре англоязычных терминов. При операции заимствования очень важно, чтобы общий смысл высказывания был понят и передан переводчиком [Комиссаров, 1999], а главной задачей данной деятельности является понимание смысла и передачи всех лексических тонкостей. Тем не менее, важно добавить, что «чтение на ис-



ходном языке почти автоматически вызывает сообщение на языке перевода; ему остается проконтролировать еще раз исходный текст, чтобы убедиться, что ни один из элементов исходного языка не забыт, после чего процесс перевода закончен» [Комиссаров, 2001, с. 132]. Важно отметить, что «перевод научной и технической литературы является особой дисциплиной, возникшей на стыке лингвистики, с одной стороны, и науки, и техники – с другой. Поэтому перевод научной и технической литературы надо рассматривать как с языковедческих, так и научных и технических позиций, с приматом первых при исследовании общезыковых вопросов и вторых – при рассмотрении узкой терминологии» [Пумпянский, 1965, с. 9]. Современное языкознание предъявляет все более высокие требования к выявлению дифференциальных характеристик семантики и к анализу ее признаков, в которых отражены прагматические свойства данной деятельности [Weinreich, Martinet, 1953].

Объект и методы исследования

Анализ англоязычных косметологических терминов охватывает одновременное и параллельное формирование речевых и исследовательских навыков, которые совмещают усваивание, толкование данных заимствований и их перевод. В связи с последним, к англоязычным косметологическим терминам в ходе семантического анализа следует относиться как к процессу взаимодействия терминологической структуры и переводящей личности, т.е. определенной деятельности.

При тщательном рассмотрении данных признаков, отличающих заимствование специальной лексики можно отметить, что весьма распространенным явлением стало наличие эквивалентов английским косметологическим терминам, для которых в русском и македонском активном словаре существуют синонимичные слова:

Англоязычный термин:		Эквивалент в русском языке:
cosmetic fillers	–	косметологические наполнители
anti-aging cream	–	противовозрастной крем
glitter	–	блестки
remover	–	очищение, отстранение
stein	–	стойкая помада
shimmer	–	сияние, светоотражение
patch	–	увлажняющая маска (для век)
buffs	–	пилки (для полировки ногтей)
fixative (make-up)	–	закрепитель (макияжа)
stippling	–	смешивание
concealer	–	маскировщик
Англоязычный термин:		Эквивалент в македонском языке:
make-up	–	шминка
lipstick	–	кармин
regenerator cream	–	крема за обновување
make-up accessory	–	шминкерски додаток
cosmetic bags set	–	козметички прибор
depilator	–	отстранувач на влакна
lotion	–	средство за нега
wrapping	–	обвиткување
contouring	–	обликување
baking technique	–	техника на сушење (на шминката)

Следует отметить, что вышеупомянутые примеры лишь свидетельствуют о том, что под эквивалентностью в теории заимствования понимается сохранение относительного равенства в передаче содержания и смысла заимствованных терминов, а также стилистических, грамматических и лексических черт данных слов. Такой вид семантических признаков включает равенство между исходным и конечным текстом, что является основной

характеристикой эквивалентности. Другой признак такой деятельности представляет адекватность. Н.М. Разинкина, исследуя переводческую адекватность научной прозы, отмечает, что «адекватное описание сущности языковых особенностей научной прозы требует изучения их эмоциональных качеств; человеческое мышление есть единство логического и чувственного познания действительности» [Разинкина, 1972, с. 24].

Однако семантическая адекватность терминологического заимствования относится к соотношению выявления дифференциальных характеристик с коммуникативной средой, в которой употребляется данный заимствованный термин из области косметики. В таких условиях основные семантические признаки лексики англоязычной косметологической терминологии характеризуются, с одной стороны, многозначностью, а с другой, преобладанием существительных над остальными частями речи. Интернационализация терминов порождает относительную однородность, однако основным отличием является высокая употребительность заимствованных единиц прежде всего в разговорной речи, что не типично для такого вида лексики [Гринева, 1993; Гринева-Гринева, 2008]. Исходя из этого, можно добавить, что интертекстуальное пространство является важным звеном в определении сущности семантики, а заимствованный термин отличается макроцентризмом, помимо уже присущего ему контекстоцентризма. В ходе изучения заимствования косметологических терминов внимание уделяется и их функционированию не только в речи, но и в текстах. Тем не менее, важно отметить, что заимствование, как языковая деятельность не представляет собой только передачу значения такого термина, а включает полное погружение в изучение иностранного языка, в нашем случае – английского, поиск синонимов и антонимов, соответствующих эквивалентов, адаптация стиля перевода [Жлуктено, 1974]. Основываясь на данные теории языка, на исследовательскую практику Р.К. Миньяр-Белоручева, который подчеркивал, что «образование таких связей между иностранным словом или выражением и его эквивалентом в родном языке, при которых вербальная реакция на воздействие иностранного слова состоит в непосредственном возникновении его эквивалента на родном языке, проявляется автоматизировано, без видимых усилий» [Миньяр-Белоручев, 1959, с. 43], можно сделать вывод не только о сложности характера заимствованной практики, но и о процессе адаптации таких терминов.

В ходе исследования были использованы следующие лингвистические методы: принцип сплошной выборки, гипотетико-дедуктивный, индуктивный, описательный, метод классификации, контекстуальный метод, а также фактического материала.

Материалом исследования послужили лексемы, заимствованные из английского языка и адаптированные семантико-синтаксическими системами македонского и русского языков из области косметологии.

Результаты и их обсуждение

Учитывая факт, что некоторые из заимствованных терминов характеризуются многозначностью, представляется необходимым дифференцировать их значения, выявить их омонимичные формы, термины-кальки, многокомпонентные термины и условные конструкции, которые исключительно важны [Даниленко, 1977; Кристал, 2001; Дианова, 2010]. При изучении англоязычных слов из области косметики особенно важно уделить внимание их графическому восприятию в русском и македонском языках, изучить термины с одним и более корней, а также проследить аналогичные мотивированные цепочки заимствованного происхождения [Ефремов, 1974]. Как показывает фактический материал, наиболее употребляемые виды передачи значения – это дословный и буквальный перевод, которые нередко приводят к стилистическим нарушениям русского и македонского языков, именно потому, что материалом являются идиоматические структуры неисконного происхождения, имеющие черты, отсутствующие в русском и македонском языках. В изучении терминосистемы косметологии английского происхождения важное место занимают факторы, оказывающие влияние не только на сам процесс, но и на его результат. Среди них можно отметить следующие:

– терминосистемы, описывающие предметную область косметологии в русском и македонском языках, различаются. Среди основных семантических различий отметим наиболее часто используемый описательный способ англоязычных слов в македонском языке, в отличие от наиболее употребляемого буквального вида перевода таких единиц в русском языке. Например: русское *спонж*, *спонжик* и македонское *козметичко сунѓерче*;

– в состав терминосистемы косметологии входят слова-синонимы и термины-омонимы, которые вызывают сложности. Кстати, омонимичное явление, когда речь идет об англоязычных косметологических заимствованиях, характерно для русского языка, но оно прослеживается и на межязыковом уровне русского и македонского языков. Например: *лайнер* в значении «косметического карандаша» и *лайнер* в значении «рейсовый маршрут»; *керлер* в значении «инструмента для завивки ресниц» и *керлер* в значении «игрока в спортивной игре керлинга», и т.д. [Крысин, 2007]. Для решения вопроса о расхождении омонимов необходимо проследить процесс развития англоязычной косметологической терминологии, существующей в рамках языковой картины мира и ее восприятие со стороны говорящего, а также важно рассматривать данную терминологию через призму когнитивных механизмов структурных вариантов и их дифференциальных особенностей у заимствованных терминов [Кронгауз, 2007].

Процесс заимствования, как один из многочисленных способов трансляции феноменов иноязычной культуры подразумевает несколько основных видов передачи семантики чужеродных слов таких, как: транскрипция, транслитерация, калькирование [Пумпянский, 1965; Комиссаров, 2001]. Распространенным явлением для русского и македонского языков является то, что когда заимствованное слово не имеет подходящего ассоциативного значения в исконной лексике, то приходится применять транскрипции, реже транслитерации как метод трансляции на другой язык. Тем не менее, поскольку англоязычные термины не имеют соответствующего эквивалента, такое явление ведет к обращению описательного метода перевода заимствованных единиц, что не может не затрагивать стилистический статус слова. Данное явление характерно не только для русского, но и для македонского языков, что свидетельствует о транскриптивной передаче значения терминов, которая соотносится с описательным оборотом. Например: *бронзер* – (рус.) средство для придания загорелого вида – (мак.) средство за придавање затемнетост; *глиттер* – (рус.) сухие рассыпчатые блестки – (мак.) сипкави средства; (рус.) *люминайзер* / (мак.) *луминајзер* – (рус.) средство для придания сияния коже – (мак.) средство за придавање на сјај на кожата, и т.п. Приведенные примеры свидетельствуют, что передать семантические черты заимствованных терминов можно и описательным способом.

Одним из способов заимствования является использование лексемы с дословным переводом, т.е. перевода «слово в слово», который стал применяется при смысловой передаче значения англоязычных косметологических терминов [Булич, 1886; Гейбель, 2002]. Данная техника характерна как для русского, так и для македонского языков:

Английский язык:	Русский язык:
beauty market	– бьюти рынок
beauty guide	– бьюти гид
micellar water	– мицеллярная вода
nourishing mask	– питательная маска
to apply cosmetics	– накладывать косметику
nail art	– нейл-арт
smoky eyes	– смоки айс
mineral makeup	– минеральная косметика
shimmer	– шиммер
filler	– филлер
primer	– праймер

Исходя из анализа вышеперечисленных примеров, можно отметить, что дословный перевод косметических терминов является характерным для сочетаний, так и для отдельных терминов. Этот же способ трансляции косметических терминов наблюдается и в македонском языке, что выражается в процессе внедрения большинства англоязычных заимствований данной терминологии путем перевода слова в слово, о чем свидетельствуют нижеуказанные примеры:

Английский язык:		Македонский язык:
protective balm	–	заштитен балсам
waterproof mascara	–	водоотпорна маскара
liquid powder	–	течна пудра
anti-cellulite gel	–	антицелулитен гел
makeup tutorial	–	мејкап туторијал
makeup stylist	–	мејкап стилист
spa center	–	спа центар
decorative cosmetics	–	декоративна козметика
antiperspirant	–	антиперспирант
bag for cosmetics	–	чанта за козметика

В таких случаях дословный перевод является единственным адекватным решением вопроса передачи семантики лексем в особенности, если это касается использования терминов в разных языках, составляющих глобальную лингвокультурную картину обществ, в которых отражены факты совместного существования, дающие сведения о металингвистических понятиях, бессознательного и сознательного заимствования, конвергенции мыслей и языковых структур. Тем не менее, дословный перевод является успешным лишь в тех случаях, когда грамматические и лексические нормы русского и македонского языков не нарушаются. Составной частью общих характеристик заимствования является буквализм, который не отличается трансформацией, однако нарушает нормы русского и македонского языков и больше всего оказывает влияние на сочетаемость заимствованных терминов. Тем не менее, бывают случаи, когда лексикологу просто необходимо передать корневое значение англоязычного косметологического термина путем буквального перевода, но лишь в таких случаях, когда это является единственным адекватным способом передачи смысла содержания.

Англоязычные термины в русском и македонском языках из области косметики представляют собой информацию, определяющую данное поле речевого сообщения, которое лексикологи передают способом наиболее точной трансляции для сохранения смысла и понятности заимствованной лексической единицы. Однако не все случаи однородны и каждый требует отдельного, специфического решения с помощью подходящего варианта передачи. Рассмотрение трудностей заимствования англоязычных косметологических терминов охватывает и изучение наиболее распространенных ошибок при передаче значения одного языка на другой, с учетом морфологических и семантических расхождений между ними.

Заключение

Рассматривая специфику семантики, дифференциальные особенности и процесс заимствования в лингвистическом и металингвистическом плане, следует сказать, что высокая актуальность разнообразных способов заимствования определяется необходимостью в понимании семантики моно- и полилексемных англоязычных терминов. При заимствовании англоязычной косметической терминологии в русский и македонский языки исполь-

зуются разные способы её передачи, что детерминировано структурно-семантическими особенностями каждого из языков, в силу того, что русский язык имеет развитую падежную систему, а македонский язык утратил косвенные падежные формы и характеризуется аналитическим способом выражения падежных окончаний, а именно: с помощью предлогов. Последняя характерная черта македонского языка объясняет широкое использование описательных оборотов для трансляции англоязычных терминов, в организации которых используются предлоги. Соответственно в русском языке для передачи терминов используются словосочетания.

Термины и терминосистемы постоянно развиваются, исключение не составляют и косметические термины, они постоянно появляются. Многие термины из области терминологии заимствуются из английского языка и транслируются в языки по-разному: транслитерация, описательный метод и т.д. Способы перевода лексем детерминированы особенностями семантической и синтаксической систем каждого конкретного языка, а также правилами трансляции для достижения адекватной передачи в соответствии со структурой и системой отдельно взятого языка.

Список источников

- Кронгауз М. 2007. Русский язык на грани нервного срыва. М., Знак, Языки славянских культур, 229 с.
Крысин Л.П. 2007. Толковый словарь иноязычных слов. М., ЭКСМО, 944 с.

Список литературы

- Булич С.К. 1886. Заимствованные слова и их значение для развития языка. *Русский филологический вестник*, 15(2): 344–361.
Гейбель Н.А. 2002. Англоязычная лексика в современном русском языке. В кн.: Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Межвузовский тематический сборник. Вып. 4. Под ред. И.И. Гузика. Омск, Изд-во ОмГПУ: 17–22.
Гринев С.В. 1993. Введение в терминоведение. М., Моск. Лицей, 309 с.
Гринев-Гриневич С.В. 2008. Терминоведение. М., Академия, 303 с.
Даниленко В.П. 1977. Русская терминология: Опыт лингвистического анализа. М., Наука, 246 с.
Дианова Г.А. 2010. Термин и понятие: проблемы эволюции (к основам исторического терминоведения). М., Р. Валент, 160 с.
Ефремов Л.П. 1974. Основы теории лексического калькирования. Алма-Ата, КазГУ, 191 с.
Жлуктенко Ю. А. 1974. Лингвистические аспекты двуязычия. Киев, Вища школа, 176 с.
Кристал Д. 2001. Английский язык как глобальный. Пер. с англ. Н.В. Кузнецовой. М., Весь Мир, 240 с. (Cristal D. 1997. English as a Global Language. Cambridge, Cambridge University Press, 229 p.)
Крысин Л.П. 2004. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М., Языки славянской культуры, 883 с.
Лейчик В.М. 2000. Проблемы отечественного терминоведения в конце XX в. *Вопросы филологии*, 2(5): 20–30.
Комиссаров В.Н. 2001. Теория перевода (лингвистические аспекты). М., Высшая школа, 253 с.
Миняй-Белоручев Р.К. 1959. Методика обучения переводу на слух. М., Издательство института международных отношений, 190 с.
Пумпянский А.Л. 1965. Введение в практику перевода научной и технической литературы на английский язык. М., Наука, 304 с.
Разинкина Н.М. 1972. Стилистика английской научной речи. Элементы эмоционально-субъективной оценки. Под ред. А.А. Леонтьева. М., Наука, 166 с.
Карапејовски Б. 2011. За некои аспекти на глобализацијата и нејзиното влијание врз македонскиот јазичен систем. *Филологически заметки*, 2: 239–248.
Конески Б. 1967. Граматика на македонскиот литературен јазик. Скопје, Култура, 552 с.
Weinreich U., Martinet A. 1953. Languages in contact, findings and problems. New York, Publ. Linguistic Circle of New York, 148 p.

References

- Bulich S.K. 1886. Zaimstvovannye slova i ikh znachenie dlya razvitiya yazyka [Borrowed words and their significance for the development of language]. *Russkiy filologicheskiy vestnik*, 15 (2). Varshava, Publ. tip. M. Zemkevicha: 344-361.
- Geybel' N.A. 2002. Angloyazychnaya leksika v sovremennom russkom yazyke [English vocabulary in modern Russian]. In: *Voprosy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Issues of Philology and Methods of Teaching Foreign Languages]. Interuniversity thematic collection. Iss. 4. Ed. I.I. Guzik. Omsk, Publ. Izd-vo OmGPU: 17-22.
- Grinev S.V. 1993. *Vvedenie v terminovedenie* [Introduction to terminology]. M., Publ. Mosk. Litsey, 309 p.
- Grinev-Grinevich S.V. 2008. *Terminovedenie* [Terminology]. M., Publ. Akademiya, 303 p.
- Danilenko V.P. 1977. *Russkaya terminologiya: Opyt lingvisticheskogo analiza* [Russian terminology: Experience of linguistic analysis]. M., Publ. Nauka, 246 p.
- Dianova G.A. 2010. *Termin i ponyatie: problemy evolyutsii (k osnovam istoricheskogo terminovedeniya)* [Term and concept: problems of evolution (to the foundations of historical terminology)]. M., Publ. R. Valent, 160 p.
- Efremov L.P. 1974. *Osnovy teorii leksicheskogo kal'kirovaniya*. Alma-Ata, Publ. KazGU, 191 p.
- Zhluktenko Yu. A. 1974. *Lingvisticheskie aspekty dvuyazychiya* [Linguistic aspects of bilingualism]. Kiev, Publ. Vishcha shkola, 176 p.
- Kristal D. 2001. *Angliyskiy yazyk kak global'nyy* [English as a global language]. Per. rom English. N.V. Kuznetsova. M., Publ. Ves' Mir, 240 p. (Cristal D. 1997. *English as a Global Language*. Cambridge, Cambridge University Press, 229 p.)
- Krysin L.P. 2004. *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike* [Russian word, one's own and someone else's: studies in modern Russian language and sociolinguistics]. M., Publ. Yazyki slavyanskoy kul'tury, 883 p.
- Leychik V.M. 2000. *Problemy otechestvennogo terminovedeniya v kontse XX v.* [Problems of domestic terminology at the end of the 20th century]. *Voprosy filologii*, 2 (5): 20–30.
- Komissarov V.N. 2001. *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Translation Theory (Linguistic Aspects)]. M., Publ. Vysshaya shkola, 253 p.
- Minyar-Beloruhev R.K. 1959. *Metodika obucheniya perevodu na slukh* [Methods of teaching translation by ear]. M., Publ. Izdatel'stvo instituta mezhdunarodnykh otnosheniy, 190 p.
- Pumpyanskiy A.L. 1965. *Vvedenie v praktiku perevoda nauchnoy i tekhnicheskoy literatury na angliyskiy yazyk* [Introduction to the practice of translating scientific and technical literature into English]. M., Publ. Nauka, 304 p.
- Razinkina N.M. 1972. *Stilistika angliyskoy nauchnoy rechi. Elementy emotsional'no-sub"ektivnoy otsenki* [Stylistics of English scientific speech. Elements of emotional-subjective evaluation]. Ed. A.A. Leont'ev. M., Publ. Nauka, 166 p.
- Karapejovski B. 2011. *Za neкои aspekti na globalizatsijata i nejinoto vlijanie vrz makedonskiot jazichen system* [For some aspects of the globalization and foreign influence of the Macedonian foreign systems]. *Filologicheskie zametki*, 2: 239–248.
- Koneski B. 1967. *Gramatika na makedonskiot literaturnen jazik* [Grammar of the Macedonian literary language]. Skopje, Publ. Kultura, 552 p. (in Macedonian)
- Weinreich U., Martinet A. 1953. *Languages in contact, findings and problems*. New York, Publ. Linguistic Circle of New York, 148 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 17.03.2022

Received March 17, 2022

Поступила после рецензирования 30.06.2022

Revised June 30, 2022

Принята к публикации 10.09.2022

Accepted September 10, 2022



ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ромашина Ольга Юрьевна, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Трендевска Сандра, аспирант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga Y. Romashina, Associate professor of the Department of English Philology and Cross-Cultural Communication, Belgorod Research University, Belgorod, Russia

Sandra Trendevska, Postgraduate, Belgorod Research University, Belgorod, Russia